

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ
ИНСТИТУТ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК

ШАГИ

/STEPS

Т.9. №1 2023

Журнал Школы актуальных гуманитарных исследований

Основан в мае 2015 г.

Издается четыре раза в год

Москва
2023

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION
INSTITUTE FOR SOCIAL SCIENCES

SHAGI

/STEPS

Vol. 9. No. 1 2023

The Journal of the School of Advanced Studies in the Humanities

Established in May 2015

Issued quarterly

PRESIDENTIAL
ACADEMY

Moscow
2023

ШАГИ
ШКОЛА АКТУАЛЬНЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Главный редактор

С. Ю. Неклюдов (д-р филол. наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; куратор направления «Теоретическая фольклористика»)

Редакция

М. В. Ахметова (канд. филол. наук, зам. главного редактора), *М. И. Байдууж* (зав. редакцией), *М. В. Гаврилова* (канд. филол. наук, секретарь редакции), *Н. П. Гринцер* (д-р филол. наук, куратор направления «Античная культура»), *И. В. Ершова* (д-р филол. наук, куратор направления «Историко-литературные исследования»), *И. А. Женин* (канд. ист. наук, куратор направления «История»), *М. С. Неклюдова* (PhD, куратор направления «Культурология»), *Д. С. Николаев* (канд. филол. наук, координатор редакции), *Д. А. Худяков* (канд. филол. наук, куратор направления «Востоковедение. Сравнительно-историческое языкознание») (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Х. Баран (PhD, Университет Олбани, США), *Н. Б. Вахтин* (д-р филол. наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия), *Л. М. Ермакова* (д-р филол. наук, Университет иностранных языков города Кобе, Япония), *А. Л. Зорин* (д-р филол. наук, Оксфордский университет, Великобритания; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. Э. Зуев* (канд. искусствоведения, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *С. А. Иванов* (д-р ист. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *К. Келли* (PhD, Оксфордский университет, Великобритания), *А. А. Кибрик* (д-р филол. наук, Институт языкознания РАН, Россия), *М. А. Кронгауз* (д-р филол. наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), *С. Ловелл* (PhD, Лондонский университет, Кингс Колледж, Великобритания), *В. А. Мау* (д-р эконом. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Ю. Л. Слэзкин* (PhD, Калифорнийский университет в Беркли, США), *В. Ф. Спиридонов* (д-р психол. наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия), *Т. В. Черниговская* (д-р филол. наук, д-р биол. наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия), *А. Шёнле* (PhD, Бристольский университет, Великобритания)

Куратор номера: *М. С. Неклюдова*

Научный редактор: *М. В. Ахметова*

Редактор английского текста: *Х. Баран*

Веб-сайт: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Адрес редакции: Россия, 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, корп. 2, ауд. 129

Тел.: +7 (499) 956-96-47

Корректор: *Н. В. Сайкина*

Верстка, дизайн: *В. Ф. Лурье*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

Журнал включен в следующие базы данных и электронные библиотечные системы: Scopus, Научная электронная библиотека (Elibrary.ru), РИНЦ, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, ЭБС «Лань».

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

© Авторы

ISSN 2412–9410 (print)
ISSN 2782–1765 (online)

Shagi/Steps. Vol. 9. No. 1. 2022

Editor-in-Chief

Sergei Yu. Nekliudov (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Theoretical Folklore Studies Section; Russian State University for the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Team

Maria V. Akhmetova (Cand. Sci. (Philology), Deputy Editor-in-Chief), *Marina I. Baiduzh* (Editorial Staff Manager), *Irina V. Ershova* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Historical-Literary Section), *Maria V. Gavrilova* (Cand. Sci. (Philology), Secretary), *Nikolai P. Grintser* (Dr. Sci. (Philology), Responsible for Classical Studies Section), *Dmitry A. Khudiakov* (Cand. Sci. (Philology), Responsible for Oriental Studies and Comparative Linguistic Section), *Maria S. Neklyudova* (PhD, Responsible for Cultural Studies Section), *Dmitry S. Nikolaev* (Cand. Sci. (Philology), Editorial Coordinator), *Ilya A. Zhenin* (Cand. Sci. (History), Responsible for Historical Section) (The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia)

Editorial Board

Henryk Baran (PhD, University at Albany, State University of New York, USA), *Tatiana V. Chernigovskaya* (Dr. Sci. (Philology, Biology), Saint Petersburg State University, Russia), *Liudmila M. Ermakova* (Dr. Sci. (Philology), Kobe City University of Foreign Studies, Japan), *Sergei A. Ivanov* (Dr. Sci. (History), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Catriona Kelly* (PhD, University of Oxford, Great Britain), *Andrei A. Kibrik* (Dr. Sci. (Philology), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Russia), *Maxim A. Krongauz* (Dr. Sci. (Philology), National Research University Higher School of Economy, Russia), *Stephen Lovell* (PhD, University of London, King's College, Great Britain), *Vladimir A. Mau* (Dr. Sci. (Economy), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Andreas Schönle* (PhD, University of Bristol, Great Britain), *Yuri Slezkine* (PhD, The University of California, Berkeley, USA), *Vladimir F. Spiridonov* (Dr. Sci. (Psychology), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Nikolai B. Vakhtin* (Dr. Sci. (Philology), European University at St. Petersburg, Russia), *Andrei L. Zorin* (Dr. Sci. (Philology), University of Oxford, Great Britain; The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia), *Sergei E. Zuev* (Cand. Sci. (Art History), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia)

Responsible for the issue: *Maria S. Neklyudova*

Academic Editor: *Maria V. Akhmetova*

English Language Editor: *Henryk Baran*

Website: <http://shagi.ranepa.ru/steps>

Postal address: Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82, корпус 2, room 129

Tel.: +7 (499) 956-96-47

Copy Editor: *Natalia V. Saikina*

Layout Editor, Designer: *Vadim F. Lurie*

E-mail: shagisteps-ion@ranepa.ru

The journal is indexed in Scopus, Russian Science Citation Index, Elibrary.ru, Ulrich's Periodicals Directory, Cyberleninka, E.lanbook.com.

All articles published in the journal have been peer-reviewed.

© The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration

© Authors

СОДЕРЖАНИЕ

От РЕДАКЦИИ..... 7

СТАТЬИ

Общее место: риторика, политика, культурная память

- «Общие места» inferнальной риторики
О. И. ТОГОЕВА. Дьявол или вервольф? Мотив оборотничества во французской
демонологии XV–XVI вв. 10
- А. И. ПОПОВИЧ. «Аще идолом не кланяемся, а греху всяко поклоняемся»:
топика языческого жертвоприношения в проповеди конца XVII в. 29
- Е. Ю. НАГАЕВА. Тысячелетнее царство: историческая политика
в российских сериалах о вампирах 47

Эстетика «общих мест»

- А. В. СТОГОВА. Незавершенный Лувр: общее место как способ присвоения 65
- К. О. ГУСАРОВА. Эстетика эволюции: Дарвин против Венеры Медичи 93

«Общие места» и воображаемые сообщества

- С. М. ВОЛОШИНА. Сообщества большие и малые: о риторике
III отделения при Николае I 118
- Г. С. ЗЕЛЕНИНА. «Опыт борьбы с удушьем»: одна соматическая метафора
в позднесоветских нарративах диссидентства и эмиграции 141
- И. В. ПРУС. От «ступого быдла» в интернете до нового героя протестов:
дисфемизм *иколота* и репрезентации подросткового участия
в публичной сфере 163

Литература путешествий: Новое и Новейшее время

- А. Ю. СЕРЕГИНА. Путешествие в Рим Томаса Норта (1555):
от итинерария к мемуарам путешественника 185
- И. А. ЛАДЬНИН. Путешествие В. С. Голенищева в Египет
осенью и зимой 1890–1891 гг. (новый архивный материал) 206
- Е. Л. РУМАНОВСКАЯ. Кругосветное путешествие
петроградских детей (1918–1920) 230
- А. В. ГОЛУБЦОВА. Взаимодействие «русского» и «советского»
мифа в итальянских травелогах о Советском Союзе
второй половины 1950-х годов 266

Гуманитарная мысль XX в. сквозь призму литературы

- Е. Б. КРЮКОВА, О. А. КОВАЛЬ. От логики к бессмысленности: философия языка
Людвига Витгенштейна в повести Томаса Бернхарда «Хождение» 291
- В. В. КИРИЧЕНКО. Концепция «инфраординарности» в произведениях
Жоржа Перека 305

РЕЦЕНЗИИ

- Д. И. АНТОНОВ, Д. Ю. ДОРОНИН. Советские иконы и деревенские святыни 320

CONTENTS

EDITORIAL NOTE	7
----------------------	---

ARTICLES

Common place: rhetoric, politics, cultural memory

“Common places” of infernal rhetoric	
O. I. TOGOEVA. Devil or werewolf? The motif of lycanthropy in French demonology of the 15 th –16 th centuries.....	10
A. I. POPOVICH. ‘If we do not worship idols, then we worship sin in every possible way’: The topoi of pagan sacrifice in a late 17 th century sermon	29
E. YU. NAGAeva. The Thousand-Year Kingdom: Historical Russia in Russian vampire TV series.....	47

Esthetics of “common places”

A. V. STOGOVA. The unfinished Louvre: Common place as a mode of appropriation	65
K. O. GUSAROVA. The aesthetics of evolution: Darwin versus <i>Venus de’ Medici</i>	93

“Common places” and imagined communities

S. M. VOLOSHINA. Societies large and small: on the rhetoric of the Third Section under Nicholas I	118
G. S. ZELENINA. “The experience of fighting suffocation”: A somatic metaphor in late Soviet narratives of dissidence and emigration.....	141
I. V. PRUS. From Lemmings in the Internet to New Valiant Protesters: Dysphemism <i>shkolota</i> and the representation of adolescent participation in the public sphere	163

Travel literature: modern and contemporary periods

A. YU. SEREGINA. Thomas North’s travel to Rome (1555): From itinerary to traveler’s memoir	185
I. A. LADYNIN. Vladimir Golenishchev’s travel to Egypt in autumn and winter 1890–1891 (new archival evidence).....	206
E. L. RUMANOVSKAYA. The round-the-world trip of Petrograd children (1918–1920).....	230
A. V. GOLUBTSOVA. Interaction of the “Russian” and the “Soviet” myths in Italian travelogues about the Soviet Union of the 1950s.....	266

Humanities of the 20th century through the prism of fiction

E. B. KRIUKOVA, & O. A. KOVAL. From logic to nonsense: Ludwig Wittgenstein’s philosophy of language in <i>Walking</i> of Thomas Bernhard	291
V. V. KIRICHENKO. The concept of “the infra-ordinary” in Georges Perec’s works	305

BOOK REVIEWS

D. I. ANTONOV, & D. YU. DORONIN. Soviet icons and village shrines	320
---	-----

ОТ РЕДАКЦИИ

Наблюдающееся в последние десятилетия возрождение интереса к классической риторике и к риторическим фигурам во многом обусловлено изменением статуса текста (размыванием границ между устным и письменным, которое происходит благодаря современным технологиям, между индивидуальным и коллективным, оригинальным и вторичным, и т. д.), сопровождающееся повышенной «текстуализацией» повседневно общения. Новая коммуникативная ситуация выводит на первый план речевые, образные и ситуативные клише, порой закрепляющиеся в виде мемов. В связи с этим гуманитарные дисциплины начинают возвращаться к ранее маргинализированным техникам работы с текстами, где в фокусе исследования находятся повторяющиеся речевые и мыслительные структуры, а также методы их воспроизведения. Заметную роль в этом возвращении сыграла исследовательская традиция, связанная с работами А. Варбурга и его последователей, а также классический труд Э. Р. Курциуса «Европейская литература и латинское Средневековье» (1948), который продемонстрировал устойчивость античных и средневековых топосов в европейской культуре в целом. Однако для современной научной практики такая работа с текстами невозможна без отчетливого понимания социальных и материальных условий их производства и циркуляции. Отсюда смещение исследовательского внимания с написания текста к его распространению, будь то путем переписывания, публикации, перевода, адаптации, репостов и т. д.

В первой рубрике номера, посвященной «общим местам», речь идет именно о таком широком понимании этого явления, совмещающего в себе черты античной ораторской традиции (ассоциации речевых блоков и «мест»), средневековых и ренессансных практик чтения (выписок из текстов с последующей организацией их во флорилегии или *commonplace books*), и современной концептуализации «мест памяти». Мыслительные, дискурсивные и визуальные шаблоны оказываются точкой пересечения разных культурных идеологем, накладывающих свой отпечаток на их дальнейшее использование. Проходя через столетия, параллельно существуя в разных языках, «общие места» сохраняют в себе следы культурной памяти определенной эпохи и, что не менее важно, ее дальнейшего забвения, постепенно меняющего их изначальный смысл. Так, несмотря на дистанцию, которая отделяет античные концепции *loci communes* от современного восприятия «общих мест», последние удивительным образом не утрачивают связь с судебной аргументацией, предполагающей публичное столкновение двух непримиримых позиций, будь то споры о теории Дарвина (см. статью **К. О. Гусаровой** «Эстетика эволюции: Дарвин против Венеры Медичи») или интернет-полемики о современной молодежи (см. статью **И. В. Прус** «От “тупого быдла” в интернете до нового героя протестов: дисфемизм *школота* и репрезентации подросткового участия в публичной сфере»). При этом, как в последнем случае, местом конфликта оказывается само наименование, что может становиться толчком к переосмыслению

этого конфликта. Так, **О. И. Тогоева** показывает, что геральдический волк Людовика Орлеанского истолковывался бургиньонами сперва как символ тирании, а затем как вервольф, и это в конечном счете меняет и представление об оборотнях.

Очевидным образом, выработка формулы для обозначения определенного события или явления представляет собой не только риторический, но и политический жест, нередко превращаясь в условную кодировку общественной позиции. К примеру, «язычество», о котором говорят русские проповедники конца XVII столетия, на самом деле отсылает к церковному расколу и новым отношениям между Церковью и государством (см. статью **А. И. Поповича**). **А. С. М. Волошина** прослеживает, как в эпоху царствования Николая I страх перед тайными обществами постепенно приводит к тому, что в бумагах III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии само слово *общество* приобретает негативный оттенок и начинает употребляться чиновниками с большой осторожностью. Между тем как уже в XX столетии метафора «удушься» — одновременно и отсутствия «воздуха свободы», и удушения со стороны властей — становится ключевым элементом диссидентского курса (об этом см. статью **Г. С. Зелениной**).

Наряду с выработкой и намеренным переосмыслением расхожих формул особый интерес представляет их длительное существование во времени. Так, на примере французского выражения «завершить Лувр» **А. В. Стогова** показывает связь между различными проектами этого дворцового комплекса и эволюцией идеи монархии, национальной истории и ее репрезентации. «Лувр» тут превращается в своеобразную линзу, позволяющую увидеть точку схождения идеологических, экономических и эстетических перспектив. К проблеме репрезентации обращается и **Е. Ю. Нагаева**, анализируя, в частности, как идеологема «гибели СССР» превращается в фантастическое повествование о пионерах-вампирах, т. е. как формульный сюжет позволяет метафорически реализовать идею мертвой, но стремящейся казаться живой утопии.

Авторы статей, составивших вторую рубрику номера, обращаются к разнообразной по своим типам литературе путешествий — от итинерариев и путевых дневников до экспедиционных отчетов и литературно-публицистических тревелогов. **А. Ю. Серегина** анализирует путевые заметки Томаса Норта (XVI в.), в составе английского посольства в Рим посетившего несколько европейских стран. Заметки Норта, в которых тот передает свои впечатления от архитектуры и технических достижений, фауны и ландшафта, описывает политические и религиозные аспекты местной жизни, уникальны тем, что сочетают элементы средневекового итинерария, дневника и мемуаров. **И. А. Ладынин** публикует отчет русского египтолога В. С. Голенищева о путешествии в Египет осенью 1890 — зимой 1891 г. Данному документу, возможно планировавшемуся к публикации, также свойственна определенная жанровая неоднородность: кроме сведений, представляющих интерес для академического сообщества, он содержит ряд деталей, характерных скорее для путевых заметок. **Е. Л. Румановская** обращается к известному историческому эпизоду, когда несколько сотен детей и подростков, в 1918 г. отправившиеся в «питательные колонии» на Урал и в Сибирь, в силу событий Гражданской войны были вынуждены возвращаться домой через Дальний Восток, Японию, США

и Финляндию. В статье публикуются два документа из личного архива автора, созданных колонистами в скитаниях: рукописная газета и личный дневник, охватывающий события этого вынужденного кругосветного путешествия с июля по сентябрь 1920 г. Наконец, **А. В. Голубцова** рассматривает травелоги итальянских писателей, посетивших СССР во второй половине 1950-х — начале 1960-х годов. В этих текстах выявляются комплексное взаимодействие и эволюция «русского» и «советского» мифа (СССР как аграрная страна, ассоциирующаяся с детством, населенная носителями «загадочной русской души», vs. СССР как символ индустриализации и прогресса).

Третья рубрика посвящена преломлению в художественной литературе XX в. гуманитарных идей, определяющих как проблематику, так и способ письма авторов литературных текстов. **Е. Б. Крюкова** и **О. А. Коваль** обращаются к повести Томаса Бернхарда «Хождение» (1970), на которую оказала влияние философия языка Людвиг Витгенштейна. Бернхард не только напрямую упоминает в «Хождении» автора «Логико-философского трактата», имплицитно цитирует его и имитирует его стиль письма; он полемизирует с ним, ставя своей повестью вопросы об отношениях между миром и языком, о различении истинного и ложного и т. д. В свою очередь, из проблематики повседневности, важной для французской гуманитарной мысли середины XX в., выросла концепция «инфраординарности» в творчестве Жоржа Перека, которая рассматривается в статье **В. В. Кириченко**.

О. И. Тогоева

ORCID: 0000-0001-7854-3222

✉ togoeva@yandex.ru

*Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

ДЬЯВОЛ ИЛИ ВЕРВОЛЬФ? МОТИВ ОБОРОТНИЧЕСТВА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕМОНОЛОГИИ XV–XVI вв.

Аннотация. В статье анализируются особенности трактата «Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти (1408 г.), где обосновывалось право Жана Бесстрашного на убийство его двоюродного брата Людовика Орлеанского. Автор статьи обращает особое внимание на обвинение в занятиях колдовством, которое, по мнению Жана Пти, превратило герцога Орлеанского в тирана и дьявола и основывалось, по всей видимости, на тексте «Поликратика» Иоанна Солсберийского (1159 г.). Анализ содержания и иконографической программы «Оправдания» также позволяет автору высказать предположение, что этот трактат положил начало совершенно новому восприятию волка-оборотня во французской, если не во всей европейской, демонологической литературе XV–XVI вв. — как опасного вервольфа, т. е. как человека, которого склонность к занятиям колдовством не просто привели в лапы дьявола, но превратили в зверя, представляющего угрозу для всей общины истинных христиан. Таким образом, политико-правовой трактат Жана Пти, как его всегда рассматривали в историографии, вместе с тем приобретает черты демонологического сочинения.

Ключевые слова: Франция, позднее Средневековье, ликантропия, демонология, дьявол, Людовик Орлеанский, Жан Бесстрашный, «Оправдание герцога Бургундского» Жана Пти, «Поликратик» Иоанна Солсберийского

Для цитирования: Тогоева О. И. Дьявол или вервольф? Мотив оборотничества во французской демонологии XV–XVI вв. // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 10–28. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-10-28>.

*Статья поступила в редакцию 16 мая 2022 г.
Принято к печати 22 июня 2022 г.*

O. I. Togoëva

ORCID: 0000-0001-7854-3222

✉ togoëva@yandex.ru

*Institute of World History, Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

DEVIL OR WEREWOLF? THE MOTIF OF LYCANTHROPY IN FRENCH DEMONOLOGY OF THE 15TH–16TH CENTURIES

Abstract. The article analyzes the features of the treatise “Justification of John the Fearless, Duke of Burgundy” by Jean Petit (1408), which argued for the right of John the Fearless to murder his cousin Louis of Orleans. The author of the article pays special attention to the accusation of practicing witchcraft, which, according to Petit, turned the Duke of Orleans into a tyrant and a devil and was based, apparently, on the text of the “Policraticus” of John of Salisbury (1159). Analysis of the content and the iconographic program of the “Justification” also allows the author to hypothesize that this treatise marked the beginning of a completely new perception of the lycanthrope in French, and perhaps in all European demonological literature of the 15th–16th centuries: as a dangerous werewolf, that is, as a person whose penchant for practicing witchcraft did not simply lead him into the clutches of the devil, but turned him into a beast that posed a threat to the entire community of true Christians. Thus, the political and legal treatise of Jean Petit, as it has always been considered in historiography, acquired at the same time the features of a demonological text.

Keywords: France, the Late Middle Ages, lycanthropy, demonology, the devil, Louis of Orleans, John the Fearless, “Justification of the Duke of Burgundy” by Jean Petit, “Policraticus” by John of Salisbury

To cite this article: Togoëva, O. I. (2023). Devil or werewolf? The motif of lycanthropy in French demonology of the 15th–16th centuries. *Shagi / Steps*, 9(1), 10–28. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-10-28>.

Received May 16, 2022

Accepted June 22, 2022

Двадцать третьего ноября 1407 г. в Париже произошло ужасное событие: группа неизвестных лиц поздно вечером атаковала кортеж Людовика Орлеанского, родного брата французского короля Карла VI. Герцог погиб на месте: ему проломили голову, отрубили левую кисть и сломали правую руку¹. Столь жестокое преступление, к тому же совершенное в отношении принца крови, не могло остаться незамеченным, уголовное расследование по нему началось в тот же день, и уже 25 ноября прево столицы Гийом де Тиньонвиль был вызван на заседание королевского совета. Однако еще до того, как чиновник приступил к докладу, Жан Бесстрашный, герцог Бургундский, отозвал в сторону своих дядьев Людовика Анжуйского и Жана Беррийского и признался им в том, что именно он «по наущению дьявола» приказал убить Людовика Орлеанского². На следующий день, не дожидаясь нового заседания королевского совета, Жан покинул Париж и укрылся в своих владениях во Фландрии³.

Новость о том, что герцог Бургундский оказался заказчиком убийства своего двоюродного брата, мгновенно облетела Париж⁴. Она показалась горожанам абсолютно невероятной, поскольку многие из них знали, что долгое время враждовавшие друг с другом принцы буквально накануне торжественно помирились, поклявшись в «искренней любви и братской дружбе» (*bon amour et fraternité*), и скрепили договор совместным обедом у Жана Беррийского в Нельском замке [Coville 1974: 384–387].

Однако в словах самого герцога Бургундского никто, по всей видимости, не сомневался, а потому именно против него был подан судебный иск, с которым вдова Людовика Орлеанского Валентина Висконти обратилась к Карлу VI, добываясь от него обещания примерно наказать убийцу мужа [Guenée 1992: 185, 203–208]. Тем не менее данное обещание осталось невыполненным: 8 марта 1408 г. в присутствии наследника престола, членов королевской семьи и придворных Жан Пти, доктор теологии, профессор Парижского университета и советник Жана Бесстрашного⁵, огласил составленное им «Оправдание герцога Бургундского», в котором обвинил Людовика Орлеанского в тирании и намерении завладеть французским престолом⁶.

¹ «...navré [de] plusieurs plaies, c'est assavoir de deux plaies en la teste, l'une prenant de l'oeil] senestre et alant jusques audessus de l'oreille destre et l'autre prenant de l'oreille senestre et alant jusques près de l'autre oreille. Lesquelles plaies estoient telles et si énormes que le test estoit tout fendu et que toute la cervelle en sailloit. Item que son poing senestre estoit couppé tout hors du bras entre le pousse et la première jointe du bras. Item que son bras destre estoit rompu tant que le maistre os sailloit dehors au droit du coude, ouquel bras avoit avecques ce une grant plaie» [Enquête de prévôt de Paris 1865: 217].

² «Et adonc, le duc Jehan de Bourgogne (...) eut doubtaunce et crainte, et pour ce, tira il à part le roy Loys et le duc de Berry, son oncle, et en brief leur confessa et dist que par l'introduction du dyable il avoit fait faire cet homicide par Raoulet d'Actonville et ses complices» [Monstrelet 1890: 162].

³ Подробнее об обстоятельствах убийства Людовика Орлеанского см.: [Schnerb 1988: 15–97; Guenée 1992: 202–210; Тогоева 2022].

⁴ «Ce jour, a esté dit et publié de plusieurs que le duc de Bourgoigne... disoit et maintenoit qu'il avoit fait occire le duc d'Orleans, son cousin germain, par Rolet d'Auquetonville et autres, et sur ce s'est au jour d'ui parti de Paris» [Journal de Nicolas de Baye 1885: 208].

⁵ Так Жан Пти описал себя в заключительных строках «Оправдания»: «...la Justification du duc de Bourgogne, conte de flandres, d'arthetais et de bourgogne sur le fait de la mort du duc d'orleans proposee publiquement par la bouche de maistre jehan [le petit] docteur en theologie et conseiller du dit duc de bourgogne en l'ostel de saint paul» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 78).

⁶ О подготовке этого заседания см. подробнее: [Coville 1911: 61–63].

В действительности, как известно, существовало три различных документа, извиняющих действия Жана Бесстрашного. Первый из них был составлен Симоном де Со, канцлером герцога, уже в декабре 1407 г. и тогда же зачитан им в Генте, где собрались члены семьи и приближенные герцога. До нас этот текст, к сожалению, не дошел, однако, возможно, он послужил основой для второго варианта «Оправдания».

Еще один текст, также не дошедший до наших дней, писался уже группой авторов, в которую, помимо Симона де Со, входили Жан Пти, Андре Котен, Николая де Савиньи, Пьер де Мариньи и Гийом Эври — советники Жана Бесстрашного. В первой половине января 1408 г. их совместное заявление было заслушано в Амьене на встрече герцога с его дядями Людовиком Анжуйским и Жаном Беррийским, согласившимися стать посредниками между ним и королевской семьей. По мнению Альфреда Ковиля, главным автором этого сочинения являлся Жан Пти, а потому именно ему Жан Бесстрашный поручил создание последнего, третьего «Оправдания», которое и было зачитано во дворце Сен-Поль в Париже⁷.

Трактат Жана Пти получил огромную известность: до нас дошло 15 его рукописей⁸, две из которых являлись парадными и были, по всей видимости, заказаны герцогом Бургундским для себя лично и для членов его семьи [Coville 1911: 72–77]⁹. И хотя полный текст «Оправдания» до сих пор остается неизданным, историки обращаются к нему регулярно, исследуя предложенные в нем политико-правовые обоснования убийства герцога Орлеанского, среди которых прежде всего выделяют его склонность к тираническому управлению страной, т. е. попытку полного отстранения Карла VI от власти¹⁰.

Истоки этих идей специалисты предлагают искать в самых различных сочинениях более раннего периода. Так, Люси Жоливе обратила внимание на трактат Колуччо Салютати «О тиране», написанный в 1400 г. и получивший известность не только у итальянских, но и у французских гуманистов [Jollivet 2018: 92]. Алан Маршандис высказывал предположение о сильном влиянии на Жана Пти «Хроники» Жана Фруассара [Marchandisse 2008: 88]. Наконец, Бернар Гене, наиболее подробно изучивший вопрос заимствований, настаивал, что в определении тирании — безусловно, главной темы всего трактата — легко различимы следы влияния Аристотеля, Григория Великого и Бартоло да Сассоферрато [Guenée 1992: 192–194].

⁷ Альфред Ковиль высказывал предположение, что третье «Оправдание» могло и не являться оригинальным произведением, но было идентично амьенскому варианту. Однако установить связь между этими двумя текстами не удастся в связи с утратой одного из них [Coville 1911: 58–61].

⁸ Полный список рукописей «Оправдания герцога Бургундского» см. на сайте Les Archives de littérature du Moyen Age (URL: https://www.arlima.net/il/jean_petit.html#jus).

⁹ Одна из рукописей хранится ныне в Национальной библиотеке Франции (BNF. Ms. fr. 5733), вторая — в Австрийской национальной библиотеке (Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657). Обе датируются 1408 годом.

¹⁰ «...et ainsy fu tirant et desloyal a son prince et souverain seigneur et a la chose publique du dit royaume» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 70v). Подробнее о политическом содержании «Оправдания» Жана Пти см.: [Coville 1911: 84–89; Guenée 1992: 190–199; Gorzolla 2019: 129–135, 375–381; Тогоева 2022].

Интересно, что вне внимания исследователей до сих пор оставался один из важнейших для Жана Пти авторитетов — Иоанн Солсберийский, который был не только назван в «Оправдании» по имени: здесь приводилась обширная цитата из «Поликратика» (1159 г.), касавшаяся убийства тирана и законности подобного насильственного акта¹¹. И хотя, как справедливо отмечала Фредерика Лашо, в трудах авторов эпохи позднего Средневековья, уже знакомых с «Политикой» Аристотеля, достаточно сложно вычленишь идеи их европейских предшественников, рассуждавших о тирании [Lachaud 2014: 408–410], многие положения Жана Пти позволяют, на мой взгляд, с уверенностью утверждать, что именно «Поликратик» оказал на советника герцога Бургундского самое серьезное влияние.

Тесная связь между двумя трактатами заметна прежде всего по тому, какое внимание в «Оправдании» уделялось проблеме распущенности и разврата, царящих обычно при дворе правителя. Именно похоть Жан Пти объявлял первой причиной любого зла¹², именно она, с его точки зрения, подталкивала человека к отказу от истинной католической веры и заставляла предаваться запретным магическим практикам¹³. Вместе же похоть и склонность к занятиям колдовством вели к узурпации власти¹⁴. К идентичному выводу приходил в свое время и Иоанн Солсберийский: в «Поликратике» похоть также увязывалась с колдовством¹⁵, а кроме того — с завистью, которая в конце концов превращала человека в тирана¹⁶.

¹¹ «La seconde auctorite est salesberiensis sacre theologie eximii doctoris in suo polycratice (...) sic dicentis. Amico adulari non licet sed aures tyranni mulcere licitum est. Si namque scilicet tyranno licet adulari quem licet occidere. C'est a dire en francois. Il n'est licite a nul de flater so ami mais est licite de adoucir les oreilles du tyran et endormir par belles paroles. Car puis qu'il est licite de occire le dit tyran il est licite de lui blandir par paroles et par signes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 35). Здесь и далее разрядка моя.

О теории тираноубийства у Иоанна Солсберийского см. прежде всего: [Гладков 2008], а также литературу, приведенную в этой статье.

¹² Здесь в подтверждение своих слов Жан Пти вставлял в «Оправдание» рифмованные строки: «Dame convoitise est de tous maux la racyne / Plus qu'on est en ses las et on tient la doctrine / Apostas elle a fait aucuns tant l'ont amee / Les aultres desloiaux bien est chose dampnee» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 10).

¹³ «C'est assavoir que dame convoitise a fait plusieurs estre apostas renoyer la foy catholique, ydolatrer et aouer les ydoles» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 14v).

¹⁴ «Tout subiect et vassal qui par convoitise, barat, sortileges et malengin machine contre le salut corporel de son roy (...) pour lui tollir et soubstraire sa tresnoble et treshaulte seigneurie peche (...) commet si horrible crime de lese maieste» (BNF. Ms. fr. 5733: 31); «...il y doit avoir gregneur punicion ordonnee pour obvier aux perilz qui en peuvent advenir pour les refraindre de la temptacion de l'enemy d'enfer et de convoitise» (Ibid. Fol. 33v).

¹⁵ «Non enim in sola immunditia vel gula consistunt opera carnis (...) ut sunt fornicatio, immunditia, avaritia, impudicitia, luxuria, idolorum servitus, veneficia, inimicitiae, contentiones, emulationes, irae, rixae, dissensiones, hereses, sectae, invidiae, homicidia, ebrietates, commensationes, et similia, quae qui committunt, regnum Dei non possidebunt» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 210].

¹⁶ «Ad parricidii facinus in fratrem patriarchas excitavit invidia, ut nec impune revelare licuerit gratiam quam Spiritus innocenti monstrabat in sompnis» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 213]. В данном случае Иоанн отсылал к истории Иосифа и его братьев, позавидовавших его снам о будущей власти и пожелавших ее отобрать (Быт 37:5–8).

По мнению Жана Пти, Людовик Орлеанский испытывал непреодолимую тягу к темным искусствам. Он обучался им у знатоков магии, которые заполонили его двор, и у собственной жены¹⁷, пытаясь с их помощью извести Карла VI и его наследников и используя для этой цели «заговоры, зелья, кольца, мечи, кинжалы, посвященные дьяволу»¹⁸ и даже «отравленные яблоки»¹⁹. Как в «Поликратике», так и в «Оправдании» подробно, с многочисленными примерами из библейской и древней истории рассматривалась связь между засильем куртизанок при дворе правителя и его склонностью к колдовству, что неминуемо вело жителей любой страны к гибели²⁰. Жан Пти сообщал в частности, что некий монах-колдун изготовил для герцога Орлеанского заговоренный жезл, коснувшись которым любой женщины, можно было вызвать ее любовь²¹. Вооружившись этим магическим атрибутом, Людовик якобы все ночи напролет проводил с блудницами²².

Что же касается познаний самого герцога в различных видах колдовства, то о них сообщал не только текст «Оправдания». Та же идея подчеркивалась в дошедших до нас парадных копиях трактата при помощи миниатюры, расположенной в начале обеих рукописей. На ней в аллегорической форме была изображена последняя схватка Жана Бесстрашного и Людовика Орлеанского: на волка, пытающегося стащить корону с французской лилии, напал лев, наносящий ему смертельный удар лапой (ил. 1, 2)²³. Сцена сопровождалась соответствующим четверостишием (BNF. Ms. fr. 5733: 2v):

¹⁷ Связь обвинений, выдвинутых Жаном Пти в адрес герцога Орлеанского, со слухами, которые в 1390-е годы распространялись по Парижу о Валентине Висконти, была рассмотрена мною в [Тогоева 2022].

¹⁸ «...pour le faire mourir (...) par convoitise d'avoir la couronne et seigneurie fait consacrer ou (...) exsecrer espees, dagues, badelaires ou couteaux, verges d'or ou agneaux dedyer ou nom des dyables par nygromanciens faisans invocacions, caracteres, sorceries, charoys, supersticions et malefices» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 49v–50).

¹⁹ «...qui par convoitise de venir a la couronne et segneurie dun Royaulme machine a faire empoysonner par pommes empoysonnees et venimeuses ou aultrement le Roy dudit Royaulme et ses enfans» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 55).

²⁰ См., к примеру, историю некоего «герцога Замбии», полюбившего язычницу-моавитку и заставившего своих подданных поклоняться ее идолам: «...le quel fu si espris de convoitise de delectacion charnelle de l'amour d'une dame payenne (...) elle ne se vouloit acorder a faire sa volente si ne adouroit ses ydoles. Il adoura lesdictes ydoles et les fist adourer a plusieurs de ses subiects» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 19v). О связи между сексуальной распущенностью и занятиями колдовством при дворе владетельного сеньора, на которой настаивал Иоанн Солсберийский, см. подробнее: [Тогоева 2020].

²¹ «Item ledit crimineux duc d'orleans fist faire ung aultre sortilege par le dit moyne d'une verge du boys (...) le quel sortilege parfait ladicta verge devoit avoir telle vertu par ars et paccion dyabolique que celui qui la porteroit sur soy feroit la volente de toutes les femmes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 61–61v).

²² «Car il est vray que presque toutes les nuis il se envroit iouait aux dez et gesoit avec les femmes dissolutes» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 64v).

²³ Бернар Гене полагал, что миниатюра — как и копии «Оправдания», в которых она присутствует, — была заказана самим Жаном Бесстрашным [Guenée 1992: 197]. Рисунок пером, в общих чертах, хотя и в зеркальном отображении повторявший данную миниатюру, присутствует еще в одном кодексе, содержащем сочинение Жана Пти. Эта рукопись также датируется 1408 годом, но выполнена она была на бумаге, а не на пергамене (Chantilly, Musée Condé. Ms. 878. Fol. 2).

Par force le leu rompt et tyre
A ses dens et gris la couronne
Et le lyon par tresgrant ire
De sa pate grant coup luy donne.

Волк с силой тянет и срывает
Своими зубами и когтями корону,
А разъяренный лев
Наносит ему лапой страшный удар²⁴.

Ил. 1. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne*. BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 2v

Fig. 1. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy*. BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 2v

Миниатюра — как и политико-правовое содержание трактата Жана Пти — не раз становилась предметом анализа специалистов, которые, впрочем, прочитывали ее всегда слишком «буквально», обращая внимание лишь на тот факт, что лев и волк являлись гербовыми фигурами двух принцев крови [Vallet de Viriville 1860; Coville 1911: 78; Guenée 1992: 197; Jollivet 2018: 96–97]. Тем не менее данное изображение имело, на мой взгляд, самое непосредственное

²⁴ Тот же текст с единственным разночтением (*le leu rompt et tyre*) воспроизводился в двух других рукописях (Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v; Chantilly, Musée Condé. Ms. 878. Fol. 1v).

отношение и ко второй важной теме, затронутой в «Оправдании», — к теме колдовства, которым якобы увлекался Людовик Орлеанский.

Ил. 2. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v

Fig. 2. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657. Fol. 1v

Правитель, превратившийся в тирана, уподоблялся самому Люциферу, как полагали Иоанн Солсберийский, а вслед за ним и Жан Пти²⁵. Что же касается Нечистого, часто принимающего облик волка, то этот образ был знаком европейцам уже в эпоху раннего Средневековья. В частности, он присутствует в трактате «О вселенной» Рабана Мавра (780–856), который, ссылаясь на Священное Писание, подчеркивал, что у волка «редко встречаются положительные черты»

²⁵ «Le tiers exemple est de st. michiel l'archange qui sans mandement ou commandement quelconques de dieu ne d'autres mais tant seulement meü d'amour naturele occist lucifer le tyrant et desloyal a dieu son Roy et souverain seigneur pour ce que le dit lucifer machinoit et usurper une partie de l'onneur et seigneurie de dieu» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 44–44v). Ср.: «Imago quaedam divinitatis est princeps et tyrannus est adversariae fortitudinis et Luciferianae pravitatis imago (...) Imago deitatis, princeps amandus venerandus est et colendus; tyrannus, pravitatis imago, plerumque etiam occidendus» [Ioannis Saresberiensis 1909 (2): 345].

и что обычно его именем называют самого Сатану²⁶. В XII–XIII вв. ни один бестиарий не обходился без уточнений подобного рода: «Волк символизирует дьявола, который с начала времен испытывает неистребимую ненависть к роду человеческому и подстерегает верных [христиан], дабы опустошить и погубить их души» [Le Bestiaire 1988: 78]²⁷. В тот же период средневековые авторы разработали концепцию так называемого бестиария дьявола, к которому, по их мнению, принадлежали как домашние (собаки, свиньи), так и дикие животные (лисы, змеи, жабы, гиены, обезьяны и, конечно, волки) [Sansy 2000; Махов 2006: 169–173].

Однако, что более интересно, Людовик Орлеанский на миниатюре из двух парадных рукописей «Оправдания» оказывался, по всей видимости, представлен в образе не просто волка, но вервольфа, т. е. оборотня. На такую трактовку миниатюры намекал и текст Жана Пти: «И носил на себе завернутые или зашитые в материю кости и шерсть волка, [животного] неблагогородного»²⁸. Данное уточнение, вне всякого сомнения, отсылало к представлениям людей раннего и развитого Средневековья о том, что оборотнем человек может стать, используя некие амулеты или зелья: именно такой образ рисовала художественная литература этого периода.

Проблема, однако, заключалась в том, что подобные выдуманные злодеи в действительности являлись вполне положительными персонажами либо, на худой конец, оказывались жертвами обмана, предательства или наложенного на них проклятия. Таких вервольфов мы встречаем, к примеру, в лэ Марии Французской «Бисклаврет» (1160–1170 гг.), в анонимном лэ «Мелион» (1190–1204 гг.), в «Императорских досугах» Гервасия Тильберийского (1209–1214 гг.), в поэме «Гийом де Палерн» (ок. 1195 г.) [Harf-Lancner 1985; Scconduto 2008: 39–126; Sergent 2014: 102–111]. Герои этих произведений обычно становились оборотнями не по своему собственному желанию [Scconduto 2008: 3–4], в отличие от главного отрицательного персонажа «Оправдания».

Образ Людовика Орлеанского, представленный в трактате, оказывался близок скорее к многочисленным описаниям вервольфов, собранным в демонологических сочинениях и материалах судебных процессов эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени: здесь подобные существа всегда характеризовались как абсолютно реальные и исключительно опасные для окружающих [Scconduto 2008: 127–179]. Однако и эти тексты не могли служить источником вдохновения для Жана Пти, поскольку возникли они значительно позже «Оправдания» и отчасти продолжали традицию, заложенную художественной литературой XII–XIII вв.

Наиболее ранние упоминания оборотней в связи с ведовскими процессами относились к 30-м годам XV в. и происходили из альпийского региона, т. е. с

²⁶ «Lupus ergo raro invenitur bonam significationem habere, sed saepius contrariam. Nam aut diabolus significat, ut est illud in Evangelio: *Lupus rapit et dispergit oves* (Joan. X)» [Beati Rabani Mauri 1852: 223].

²⁷ Подробнее о дьяволе в облике волка см.: [Voisenet 1994].

²⁸ «Et avec ce porter sur soy en ung drapel liez ou cousus des ossemens des peulz du lieu deshonneste» (BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 49v).

территории современной Швейцарии²⁹. Уже в 1428 г. в деле Пьера Шедаля из Ланса говорилось, что на шабаш он и его подельники добирались верхом на демонах, обернувшись волками³⁰. В 1429 г. против Агнес Ломбард из Веве было выдвинуто обвинение в том, что она помогала другим ведьмам овладеть искусством ликантропии, готовя для них специальную мазь³¹. Ту же Агнес свидетели часто видели в компании волков, однако в материалах дела не уточнялось, являлась ли она сама вервольфом³². О способности превращаться в волков в своей «Хронике» (ок. 1430 г.) писал лишь Ганс Фрюнд, который, как полагают издатели, основывался на материалах только что прошедших в Вале ведовских процессов. Информация, которую он собрал, оказывалась, правда, весьма противоречивой: автор сообщал, что сам дьявол (*bo^ese geist*, «злой дух») научил своих приспешников оборотничеству, однако они, будучи призваны к ответу, не в состоянии сказать, как происходит их превращение в волков, и полагают, что Нечистый лично этому способствует³³. Возможно, именно из-за туманности приведенных у Фрюнда сведений в последующие годы в документах, происходивших из альпийского региона, упоминалась только способность ведьм и колдунов превратить в животное другого человека [Maier 1996: 89–101; Modestin 1999: 260–262]³⁴.

Возникшие чуть позже бургундская и французская демонологические традиции в полной мере ощутили на себе влияние альпийских идей [Тогоева 2017]. Так, анонимный автор «Короткой [истории] лионских вальденсов», датирующейся 1430–1450 годами и созданной по результатам массовых гонений на членов ведовских сект в Лионе и Арпассе [Mercier 2010; 2018], сообщал, что

²⁹ Современные исследователи полагают, что именно в альпийском регионе началось систематическое преследование ведовских сект и возникли первые демонологические сочинения. Подробнее см.: [Тогоева 2017].

³⁰ «...videlicet super eo quod dicti Petrus Regis et Anthonius dixerunt quod dictus Petrus equitabat qemdam lupum ut asserebat vel alia nomine sortilegii idem Petrus Chedal» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87, note 92].

³¹ «Item, dicit et confitetur quod quodam alio semel ipse tres, ipsa <Franza Roso>, Agnessina <Lombarda> et Minola <uxor Johannis de Furno>, erant versus Borniam seu aquam Bornie ubi ipsa inquisita et Minola, uxor Johannis de Furno, erant ad modum lupi et dicta Agnessina ad modum persone et ipsa Agnessina equitabat Minolam et faciebat bridas de ejus trettior et quod dicta Agnessina ungebat se et dictam Minolam et ipsam de quodam unguento por los soffrens sic quod quando erant ad modum animalis, velociter currebant» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87–88, note 93].

³² «...vidit dictam Agnessinam inquisitam desubtus prope Borniam, loco dicto ex Rives, et pro tunc ipsa deponens inspexit et vidit quod ipsa inquisita sedebat inter tres lupos qui se crupibant circumcirca ipsam inquisitam et quod vox et fama est contra ipsam de talibus maleficiis» [L'imaginaire du sabbat 1999: 87, note 91].

³³ «Ouch waren iro vil under inen, die der bo^ese geist leret, dz sy ze wolffen wurden, des sÿ selber du^rchhte und nit anders wusten, wann dz sy wolff werint, und wer sy ouch dennzemâl sach, der wuste ouch nit anders, wonnt das einer oder eine ein wolff were uff die stund; und erluffen ouch schaff, leMBER und geiß, und assen die also ro^uw in eines wolffes figur, und wenne sy wolten, so wurden sy widerumb ze moⁿschen als ee» [L'imaginaire du sabbat 1999: 36].

³⁴ Из демонологических трактатов, созданных в первой половине XV в. в альпийском регионе, следует также упомянуть «Муравейник» Иоганна Нидера, писавшийся в 1431–1449 гг. В этом тексте не говорилось прямо о существовании оборотней, но присутствовало сравнение ведьм, пожирающих на шабаше собственных детей, с волками — единственными дикими зверями, имеющими такое же обыкновение: «...ymmo adversus condiciones specierum omnium bestiarum, lupina excepta tantummodo, proprie speciei infantes vorant et comedere solent» [L'imaginaire du sabbat 1999: 152].

дьявол является на встречу со своими адептами в облике самых разнообразных животных, в том числе волка³⁵. А Пьер Мамори, доктор теологии из университета Пуатье, уточнял в «Биче демонов» (1460–1462 гг.): не только сами демоны могут принимать вид животных, они научили этому искусству ведьм и колдунов, которые обращают своих жертв в диких зверей³⁶.

Только в 1580 г. в «Демонии колдунов» Жана Бодена впервые, насколько можно судить, появились первые подробные рассказы о ведьмах и колдунах, которые не просто владели искусством ликантропии, но и сами умели превращаться в волков. Знаменитый французский юрист посвятил этому вопросу отдельную главу своего труда [Bodin 1580: 94v–104], в которой описал сразу несколько процессов над вервольфами — прежде всего над Пьером Бурго и Мишелом Верденом из Безансона в 1521 г.³⁷, а также над Жилем Гарнье из Лиона, дело которого рассматривалось парламентом Доля в 1573 г.³⁸ В XVI–XVII столетиях подобных процессов во Франции состоялось немало, и большинство из них были посвящены преступлениям именно мужчин-оборотней [Le Roy Ladurie 1983: 55–68; Oats 1988; 1989]. Тем не менее эта новая тенденция в европейской демонологии также никак не объясняла, откуда в 1408 г. Жан Пти мог позаимствовать тот же самый образ колдуна-вервольфа.

Поиски ответа на этот вопрос осложняются дополнительно тем обстоятельством, что само явление оборотничества было известно европейцам еще с античности, однако у средневековых христианских писателей отношение к нему долгое время оставалось крайне скептическим [Harf-Lancner 1985: 211–215; Oates 1989: 317–318; Voisenet 1994: 66–98, 188, 194–195, 286]³⁹. Уже Тертулиан (ок. 150–220) и Амвросий Медиоланский (339–397) прямо заявляли, что душа человека не может приспособиться к телу животного, не соответствует его природе, а потому не может в него переселиться [Sconduto 2008: 15–17]. Еще более подробно тот же вопрос рассматривал Блаженный Августин: в трактате «О граде Божьем» (413–423 гг.) он пересказывал много-

³⁵ «Quandoque vero dyabolus apparet in forma et similitudine bestie alicuius, sed semper immunde, turpis et vilissime, utpote hyrci, vulpis, grosse, canis, vervecis, lupe, cati, taxi, tauri et huiusmodi» [Vauderye de Lyonois en brief 1901: 189].

³⁶ «Eo que compertum est quosdam maleficos homines multos in infirmitatibus detinere ex arte sua per pulueres circulos vel per ea simulacra (que vota appellant) vel per solam incantationem homines in bestias converti» [Mamori 1489: s. p.].

³⁷ «Les accusez estoient Pierre Burgot, et Michel Verdun, qui confesserent avoir renoncé a Dieu, et juré de servir au Diable (...). Puis apres s'estans oincts furent tourne en loups courant d'une légèreté incroyable, puis qu'ils estoient changez en hommes, et souvent rechangez en loups et couplez aux louves avec tel plaisir qu'ils avoyent accoustumé avec les femmes. Ils confesserent aussi, à sçavoir Burgot, avoir tué un jeune garçon de sept ans avec ses pattes, et dents de loup, et qu'il le vouloit manger, n'eust esté que les païsans luy donnerent la chasse» [Bodin 1580. Fol. 96v].

³⁸ «C'est à sçavoir que ledict Garnier le jour saint Michel, estant en forme de Loup garou print une jeune fille de l'aage de dix ou douze ans près le bois de la Serre, en une vigne, au vignoble de Chastenoy pres Dole un quart de lieuë, et illec l'avoit tuee, et occise, tant avec ses mains semblans pattes qu'avec ses dents, et mangé la chair des cuissees, et bras d'icelle, et en avoit porté à sa femme» [Bodin 1580. Fol. 96].

³⁹ Впрочем, античные авторы (например, Плиний Старший) также далеко не всегда верили в существование вервольфов: «...homines in lupos verti rursusque restitui sibi falsum esse confidenter existimare debemus aut credere omnia quae fabulosa tot saeculis conperimus; unde tamen ista volgo infixata sit fama in tantimi ut in maledictis versipelles habeat indicabitur» [Pliny 1947: 58].

численные античные истории, связанные с ликантропией и заимствованные у Гомера, Плиния и Апулея, но прямо заявлял, что они представляют собой чистый вымысел. Что же касается рассказов об оборотнях, которые якобы обрели эту способность благодаря колдовству, то и им знаменитый теолог призывал не верить, поскольку осуществить подобные метаморфозы под силу одному Господу, демоны же способны породить лишь иллюзии, не имеющие ничего общего с реальностью, а потому не представляющие никакой опасности для окружающих [Sconduto 2008: 17–20].

Концепция Августина оказала решающее влияние на средневековых авторов, затрагивавших в своих трудах проблему ликантропии, и прежде всего на их выкладки, касающиеся связи этого явления с занятиями колдовством. Буквально слово в слово она была повторена в каноне «*Episcopi*» (IX в.) — первом официальном церковном документе, посвященном различным магическим практикам и вере в них: как и полеты на шабаш, превращения человека в диких зверей объявлялись здесь зловердными иллюзиями⁴⁰. Текст канона практически без изменений воспроизводился затем в «*Декрете*» Бурхарда Вормского (1008–1012 гг.), где впервые особое внимание было уделено «тем, кого глупая народная молва называет вервольфами»: вера в существование подобных существ объявлялась грехом и требовала покаяния⁴¹. Наконец, в XIII в. чуть более гибкая концепция была предложена Фомой Аквинским: он полагал, что необходимо понимать разницу телесными метаморфозами, происходящими по естественным причинам («*transmutationes corporalium rerum quae possunt fieri per aliquas virtutes naturales*»), и превращениями, чуждыми природе («*transmutationes corporalium rerum quae non possunt virtute naturae fieri*»). Тем не менее, как и все его предшественники, автор «Суммы теологии» заявлял, что все подобные трансформации осуществляются лишь по Божьему замыслу, тогда как дьявол и его демоны сбивают человека с пути истинного посредством видений и иллюзий (*Summa Theologiae* III. 114, 4).

Несмотря на столь ясно выраженный скептицизм в отношении реального превращения человека в зверя, их аллегорическое уподобление друг другу постоянно встречалось в трудах христианских авторов, начиная с самого раннего Средневековья. Как отмечала Валентина Тонеатто, сравнение с волком, заимствованное из Библии, уже в IV–V вв. широко применялось при описании членов еретических сект и лжепророков [Toneatto 2017]. Упомянувшийся выше Рабан Мавр также прибегал к подобной аналогии⁴², но особенно

⁴⁰ «*Quisquis ergo aliquid credit posse fieri, aut aliquam creaturam in melius aut in deterius immutari aut transformari in aliam speciem vel similitudinem, nisi ab ipso creatore, qui omnia fecit et per quem omnia facta sunt, procul dubio infidelis est*» [Canon Episcopi 1901: 39].

⁴¹ «*Credidisti quod quidam credere solent, ut illae quae a vulgo parcae vocantur, ipsae, vel sint, vel possint hoc facere quod creduntur; id est, dum aliquis homo nascitur, et tunc valeant illum designare ad hoc quod velint ut quandocunque ille homo voluerit, in lupum transformari possit, quod vulgaris stultitia weruvolff vocat, aut in aliam aliquam figuram? Si credidisti, quod unquam fieret aut esse possit, ut divina imago in aliam formam aut in speciem transmutari possit ab aliquo, nisi ab omnipotentem Deo, decem dies in pane et aqua debes poenitere*» [Burchardus Wortatiensis 1853: 971].

⁴² «*...aut haeticos vel dolosos homines, de quibus Dominus ait: Attendite a falsis prophetis, qui veniunt ad vos in vestimentis ovium, intrinsecus autem sunt lupi rapaces (Matth. VII). Et iterum: Videt lupum venientem, et dimittit oves, et fugit (Joan. X)*» [Beati Rabani Mauri 1852: 223].

активно использовал ее Бернард Клервоский (1190–1153) — как в письмах, направленных против Петра Абеляра и Генриха Лозаннского, так и в проповедях, порицающих катаров⁴³. Уподобление еретиков волкам в овечьих шкурах было воспринято и более поздними авторами [Vain 2017]; утвердилось оно и в средневековой иконографии [Trivellone 2009].

Как представляется, именно эта аналогия могла быть задействована Жаном Пти при создании образа Людовика Орлеанского — колдуна и адепта дьявола. Однако не менее важным, на мой взгляд, оказывалось в данном случае влияние идей Иоанна Солсберийского, труд которого советник герцога Бургундского, очевидно, внимательно изучил. Первая книга «Поликратика» начиналась с рассуждений о том, какие именно опасности таит в себе придворная жизнь и что более всего мешает управлению страной. Главной угрозой Солсбериец полагал лживую лесть, которая, подобно яду, застит взор правителя, не давая ему видеть истинное положение вещей⁴⁴. Это помутнение рассудка приводит к тому, что владетельный сеньор начинает испытывать страсть к не достойным его персоны занятиям — музыке, представлениям шутов и мимов, но прежде всего — к охоте, которую Иоанн определял как *alienum*, т. е. как явление, чуждое самой природе человека, и предупреждал своих читателей о том, что подобное времяпрепровождение ведет к превращению правителя в зверя⁴⁵.

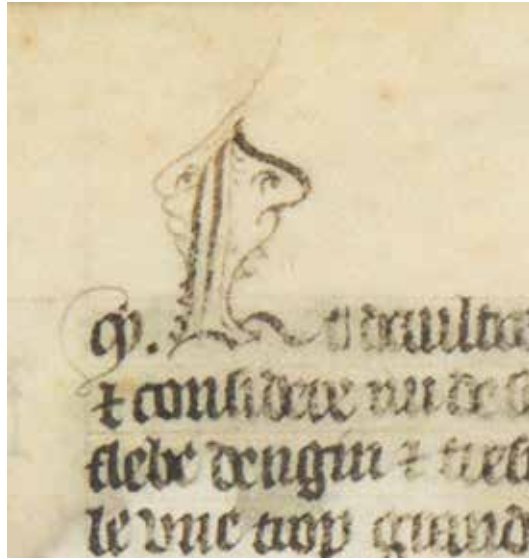
Возможно, именно этот аллегорический образ взял на вооружение Жан Пти, усилив его и превратив из абстракции в реальность. В сочетании с предшествующей литературной и теологической традицией, по-разному обыгрывавших образ волка, идея тирана — колдуна и оборотня в одном лице — обрела в «Оправдании» совершенно новое звучание. Любопытно, что и читатели трактата, насколько можно судить, прекрасно поняли замысел его автора: в парадной рукописи, хранящейся ныне в Национальной библиотеке Франции, один из них оставил на полях свои рисунки-маргиналии (ил. 3, 4, 5), представляющие собой не что иное, как изображения вервольфа — по всей видимости, одни из самых ранних в европейской истории (BNF. Ms. fr. 5733: 7v, 66, 76v)⁴⁶.

⁴³ «...lupi (...) devorabant plebem vestram sicut escam panis, sicut oves occisionis» [Sancti Bernardi 1977, № 242.1]. См. также: [Ibid., № 242.3]. Подробнее об особенностях bestiарной метафоры Бернарда Клервоского см.: [Вунум 2001; Sullivan 2011: 30–52].

⁴⁴ «Inter omnia quae viris solent obesse principibus, nichil pemiciosius esse arbitror, quam quod eis fortunae blandientis illecebra aspectum subtrahit veritatis» [Ioannis Saresberiensis 1909 (1): 18].

⁴⁵ «...ut animus multiplici lenociniorum fraude captus, quadam alienatione sui ab interiore bono deficiens per exteriora mendacia variis concupiscentiis evagetur (...) Quo specie sui clarescit amplius, eo stupentibus oculis densiorem infundit caliginem. Invalescentibus ergo tenebris veritas evanescit, et virtutum radice succisa seges germinat vitiorum, lumen rationis extinguitur, et totus homo casu miserabili fertur in praecipit. Sic rationalis creatura brutescit, sic imago creatoris quadam morum similitudine deformatur in bestiam» [Ioannis Saresberiensis 1909 (1): 18–19].

⁴⁶ Маргиналии можно датировать второй половиной XV в., и по ним становится совершенно очевидно, что их автор принадлежал к партии арманьяков, т. е. сторонников герцога Орлеанского: на fol. 78v, после заключительных строк «Оправдания», легко читается помета «Да здравствует Орлеан» (*Vive Orléans*). Не удивительно, что на двух рисунках оборотня (fol. 66, 76v) мы узнаем в нем не Людовика Орлеанского, а Жана Бесстрашного, которого выдают традиционный для него головной убор и характерный нос. Третье изображение (fol. 7v) не обладает, на мой взгляд, никаким портретным сходством.

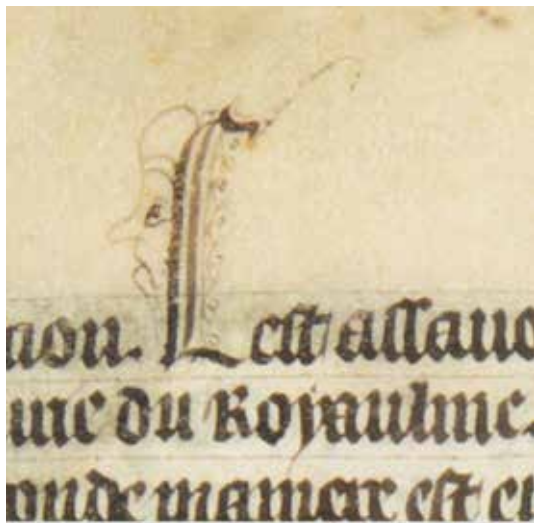
Ил. 3. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 7v

Fig. 3. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 7v

Ил. 4. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 66

Fig. 4. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 66

Ил. 5. Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 76v

Fig. 5. Jean Petit. *Speech for the justification of John the Fearless, Duke of Burgundy.* BNF. Ms. fr. 5733. Fol. 76v

Таким образом, анализ содержания и иконографической программы «Оправдания» Жана Пти позволяет высказать предположение, что этот трактат положил начало совершенно новому восприятию волка-оборотня во французской, если не во всей европейской демонологической литературе. Здесь оказался представлен образ опасного вервольфа — человека, которого склонность к занятиям колдовством не просто привела в лапы дьявола, но превратила в зверя, представляющего угрозу для всей общины истинных христиан. Именно этому образу была суждена долгая жизнь в Европе Нового времени.

Источники

Архивные

BNF. Ms. fr. 5733 — Jean Petit. *Discours pour la justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne, sur le fait de la mort du duc d'Orléans.*

Chantilly, Musée Condé. Ms. 878 — Jean Petit. *Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.*

Wien, Österreichische Nationalbibliothek. Ms. 2657 — Jean Petit. *Justification de Jean sans Peur, duc de Bourgogne.*

Опубликованные

Beati Rabani Mauri 1852 — Beati Rabani Mauri *De Universo libri viginti duo* // *Patrologia latina*. Т. 111. Paris: J.-P. Migne Editorum, 1852. Col. 9–614.

- Bodin 1580 — *Bodin J. De la démonomanie des sorciers*. Paris: Chez Jacques du Puys, 1580.
- Burchardus Wortatiensis 1853 — *Burchardus Wortatiensis Decretorum libri viginti // Patrologia latina*. T. 140. Paris: J.-P. Migne Editorum, 1853. Col. 537–1058.
- Canon Episcopi 1901 — *Canon Episcopi // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter / Hrsg. von J. Hansen*. Bonn: C. Georgi, 1901. S. 38–39.
- Enquête de prévôt de Paris 1865 — *Enquête de prévôt de Paris sur l'assassinat de Louis, duc d'Orléans / Ed. par P. Raymond // Bibliothèque de l'École des chartes*. T. 26. 1865. P. 215–249.
- Ioannis Saresberiensis 1909 — *Ioannis Saresberiensis episcopi Carnotensis Policratici / Recognovit C. C. I. Webb*. T. 1–2. London: Oxonni, e typographeo Clarendoniano, 1909.
- Journal de Nicolas de Baye 1885 — *Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris, 1400–1417 / Publ. par A. Tuetey*. Paris: Loones, 1885.
- L'imaginaire du sabbat 1999 — *L'imaginaire du sabbat / Ed. critique des textes les plus anciens (1430 c.–1440 c.) réunis par M. Ostorero, A. Paravicini Bagliani, K. Utz Tremp, en coll. avec C. Chêne*. Lausanne: Univ. de Lausanne, 1999.
- Le Bestiaire 1988 — *Le Bestiaire / Texte integral traduit en français moderne par M.-F. Dupuis et S. Louis. Reproduction en facsimilé du Bestiaire Ashmole 1511 de la Bodleian Library d'Oxford. Présentation et commentaires de X. Muratova et D. Poirion*. Paris: P. Lebaud, 1988.
- Mamori 1489 — *Mamoris P. Flagellum maleficorum*. Lyon: Nicolaus Philippi, [1489].
- Monstrelet 1890 — *Monstrelet E. de. La chronique D'Enguerran de Monstrelet en deux livres avec pièces justificatives, 1400–1440 / Ed. par L. Douët-d'Arcq*. T. 1. Paris: Mme Ve J. Renouard, 1890.
- Pliny 1947 — *Pliny. Natural history / With an English trans. by H. Rackham*. Vol. 3. London: [n. e.], 1947.
- Sancti Bernardi 1977 — *Sancti Bernardi Opera / A cura di J. Leclercq, Ch. H. Talbot, H. Rochais*. T. 8. Roma: Editiones Cistercienses, 1977.
- Summa Theologiae Sancti Thomae de Aquino 1888 — *Sancti Thomae de Aquino Summa Theologiae*. Roma: Leonina, 1888.
- Vauderye de Lyonois en brief 1901 — *Vauderye de Lyonois en brief // Quellen und Untersuchungen zur Geschichte des Hexenwahns und der Hexenverfolgung im Mittelalter / Hrsg. von J. Hansen*. Bonn: C. Georgi, 1901. S. 188–195.

Литература

- Гладков 2008 — *Гладков А. К. «Убийство тирана не грех, но благодеяние»: представление о несправедливой власти в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Средние века*. Вып. 69 (3). 2008. С. 81–96.
- Махов 2006 — *Махов А. Е. Hostis antiquus: Категории и образы средневековой христианской демонологии: Опыт словаря*. М.: Intrada, 2006.
- Тогоева 2017 — *Тогоева О. И. Шабаш ведьм: ранние образы и их возможные прототипы // In Umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 6 / Отв. ред. Д. И. Антонов, О. Б. Христофорова. М.: Индрик, 2017. С. 9–42.
- Тогоева 2020 — *Тогоева О. И. Придворные соблазны: Колдовство куртизанок в «Поликратике» Иоанна Солсберийского // Адам и Ева: Альманах гендерной истории*. Вып. 28. 2020. С. 49–76.
- Тогоева 2022 — *Тогоева О. И. «Черная легенда» о Валентине Висконти в политической культуре Франции на рубеже XIV–XV вв. // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2022. № 4. С. 11–31.
- Bain 2017 — *Bain E. Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle // Aux marges de l'hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Age / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé*. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 53–83.

- Bynum 2001 — *Bynum C. W.* Monsters, medians, and marvelous mixtures: Hybrids in the spirituality of Bernard of Clairvaux // *Bynum C. W. Metamorphosis and identity.* New York: Zone, 2001. P. 113–162.
- Coville 1911 — *Coville A.* Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408) // *Bibliothèque de l'École des chartes.* T. 72. 1911. P. 57–91.
- Coville 1974 — *Coville A.* Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle. Genève: Slatkine, 1974.
- Gorzolla 2019 — *Gorzolla P.* Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI. Münster: LIT-Verlag, 2019.
- Guenée 1992 — *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans, 23 novembre 1407. Paris: Gallimard, 1992.
- Harf-Lancner 1985 — *Harf-Lancner L.* La métamorphose illusoire: des théories chrétiennes de la métamorphose aux images médiévales du loup-garou // *Annales. Economies, sociétés, civilisations.* T. 40. № 1. 1985. P. 208–226.
- Jollivet 2018 — *Jollivet L.* La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435 // *Questes.* T. 39. 2018. P. 91–112.
- Lachaud 2014 — *Lachaud F.* Filiation and context: The Medieval afterlife of the *Policraticus* // *A companion to John of Salisbury* / Ed. by Ch. Grellard, F. Lachaud. Leiden; Boston: Brill, 2014. P. 375–438.
- Le Roy Ladurie 1983 — *Le Roy Ladurie E.* La Sorcière de Jasmin. Paris: Seuil, 1983.
- Maier 1996 — *Maier E.* Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484). Lausanne: Université de Lausanne, 1996.
- Marchandisse 2008 — *Marchandisse A.* Milan, les Visconti, l'union de Valentine et de Louis d'Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains // *Autour de XVe siècle. Journées d'étude en l'honneur d'Alberto Varvaro* / Ed. par P. Moreno et G. Palumbo. Genève: Droz, 2008. P. 82–103.
- Mercier 2010 — *Mercier F.* La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation (vers 1430–1440?) // *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles)* / Ed. par M. Ostorero, G. Modestin, K. Utz Tresp. Florence: Edizioni del Galluzzo, 2010. P. 27–44.
- Mercier 2018 — *Mercier F.* D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460) // *La sorcellerie et la ville* / Ed. par A. Follain, M. Simon. Strasbourg: Presses universitaires de Strasbourg, 2018. P. 31–50.
- Modestin 1999 — *Modestin G.* Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460). Lausanne: Université de Lausanne, 1999.
- Oates 1988 — *Oates C.* The trial of a teenage werewolf, Bordeaux, 1603 // *Criminal Justice History.* Vol. 9. 1988. P. 1–29.
- Oates 1989 — *Oates C.* Metamorphosis and lycanthropy in Franche-Comté, 1521–1643 // *Fragments for a history of the human body* / Ed. by M. Feher. Pt. 1. New York: Zone, 1989. P. 305–363.
- Sansy 2000 — *Sansy D.* Bestiaire des juifs, bestiaire du diable // *Micrologus. Natura, scienze e società medievali.* T. 8. 2000. P. 561–579.
- Schnerb 1988 — *Schnerb B.* Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre. Paris: Perrin, 1988.
- Sconduto 2008 — *Sconduto L. A.* Metamorphoses of the werewolf: A literary study from Antiquity through the Renaissance. London: McFarland, 2008.
- Sergent 2014 — *Sergent B.* L'origine celtique des Lais de Marie de France. Genève: Droz, 2014.
- Sullivan 2011 — *Sullivan K.* The inner lives of medieval inquisitors. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2011.

- Toneatto 2017 — *Toneatto V.* Aux marges de la foi, aux confins de l’humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l’Antiquité au début du Moyen Age // *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age / Sous la dir. de F. Mercier et I. Rosé.* Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2017. P. 19–52.
- Trivellone 2009 — *Trivellone A.* L’hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l’Occident médiéval, de l’époque carolingienne à l’Inquisition. Turnhout: Brepols, 2009.
- Vallet de Viriville 1860 — *Vallet de Viriville A.* Dessin allégorique exécuté en 1408, et relatif au meurtre de Louis duc d’Orléans // *Le Magasin pittoresque.* T. 28. № 4. 1860. P. 135–136.
- Voisenet 1994 — *Voisenet J.* Bestiaire chrétien. L’imagerie animale des auteurs du Haut Moyen Age (V^e–XIe siècles). Toulouse: Presses universitaires du Midi, 1994.

References

- Bain, E. (2017). Aux sources du discours antihérétique? Exégèse et hérésie au XIIe siècle. In F. Mercier, & I. Rosé (Eds.). *Aux marges de l’hérésie. Invention, formes et usages polémiques de l’accusation d’hérésie au Moyen Age* (pp. 53–83). Presses universitaires de Rennes. (In French).
- Bynum, C. W. (2001). Monsters, medians, and marvelous mixtures: Hybrids in the spirituality of Bernard of Clairvaux. In C. W. Bynum. *Metamorphosis and identity* (pp. 113–162). Zone.
- Coville, A. (1911). Le véritable texte de la justification du duc de Bourgogne par Jean Petit (8 mars 1408). *Bibliothèque de l’École des chartes*, 72, 57–91. (In French).
- Coville, A. (1974). *Jean Petit. La question du tyrannicide au commencement du XVe siècle.* Slatkine. (In French).
- Gladkov, A. K. (2008). “Ubiistvo tirana ne grekh, no blagodeianie”: predstavlenie o nepravednoi vlasti v “Polikratike” Ioanna Solsberiskogo [“The murder of a tyrant is not a sin, but a boon”: The idea of unrighteous power in John of Salisbury’s *Policraticus*]. *Srednie veka*, 69(3), 81–96. (In Russian).
- Gozzolla, P. (2019). *Magie, Politik und Religion. Theologische Magiekritik als politisches Handeln im Frankreich Karls VI.* LIT-Verlag. (In German).
- Guenée, B. (1992). *Un meurtre, une société. L’assassinat du duc d’Orléans, 23 novembre 1407.* Gallimard. (In French).
- Harf-Lancner, L. (1985). La métamorphose illusoire: des théories chrétiennes de la métamorphose aux images médiévales du loup-garou. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, 40(1), 208–226. (In French).
- Jollivet, L. (2018). La résistance du milieu humaniste français à la Justification de Jean Petit et à sa diffusion, 1408–1435. *Questes*, 39, 91–112. (In French).
- Lachaud, F. (2014). Filiation and context: The Medieval afterlife of the *Policraticus*. In Ch. Grellard, & F. Lachaud (Eds.). *A companion to John of Salisbury* (pp. 375–438). Brill.
- Le Roy Ladurie, E. (1983). *La Sorcière de Jasmin.* Seuil. (In French).
- Maier, E. (1996). *Trente ans avec le diable. Une nouvelle chasse aux sorciers sur la Riviera lémanique (1477–1484).* Université de Lausanne. (In French).
- Makhov, A. E. (2006). *Hostis antiquus: Kategorii i obrazy srednevekovoi khristianskoi demonologii: Opyt slovaria* [Hostis antiquus: Categories and images of medieval Christian demonology. An attempt at a dictionary]. Intrada. (In Russian).
- Marchandisse, A. (2008). Milan, les Visconti, l’union de Valentine et de Louis d’Orléans, vus par Froissart et par les auteurs contemporains. In P. Moreno, & G. Palumbo (Eds.). *Autour de 15th siècle. Journées d’étude en l’honneur d’Alberto Varvaro* (pp. 82–103). Droz. (In French).
- Mercier, F. (2010). La Vauderie de Lyon a-t-elle eu lieu? Un essai de recontextualisation (vers 1430–1440?). In M. Ostorero, G. Modestin, & K. Utz Tremp (Eds.). *Chasses aux sorcières et démonologie. Entre discours et pratiques (XIVe–XVIIe siècles)* (pp. 27–44). Edizioni del Galluzzo. (In French).

- Mercier, F. (2018). D'une Vauderie à l'autre: les clés de la réussite ou de l'échec d'une persécution contre la sorcellerie en territoire urbain à Lyon (v. 1440) et Arras (v. 1460). In A. Follain, & M. Simon (Eds.). *La sorcellerie et la ville* (pp. 31–50). Presses universitaires de Strasbourg. (In French).
- Modestin, G. (1999). *Le diable chez l'évêque. Chasse aux sorciers dans le diocèse de Lausanne (vers 1460)*. Université de Lausanne. (In French).
- Oates, C. (1988). The trial of a teenage werewolf, Bordeaux, 1603. *Criminal Justice History*, 9, 1–29.
- Oates, C. (1989). Metamorphosis and Lycanthropy in Franche-Comté, 1521–1643. In M. Feher (Ed.). *Fragments for a history of the human body* (Pt. 1, pp. 305–363). Zone.
- Sansy, D. (2000). Bestiaire des juifs, bestiaire du diable. *Micrologus. Natura, scienze e società medievali*, 8, 561–579. (In French).
- Schneer, B. (1988). *Les Armagnacs et les Bourguignons. La maudite guerre*. Perrin. (In French).
- Sconduto, L. A. (2008). *Metamorphoses of the werewolf: A literary study from Antiquity through the Renaissance*. McFarland.
- Sergent, B. (2014). *L'origine celtique des Lais de Marie de France*. Droz. (In French).
- Sullivan, K. (2011). *The inner lives of medieval inquisitors*. Univ. of Chicago Press.
- Togoeva, O. I. (2017). Shabash ved'm: rannie obrazy i ikh vozmozhnye prototipy [The Witches' Sabbath. Early images and their possible prototypes]. In D. I. Antonov, & O. B. Khristoforova (Eds.). *In Umbra: Demonologiya kak semioticheskaya sistema* (Vol. 6, pp. 9–42). Indrik. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2020). Pridvornnye soblazny: Koldovstvo kurtizanok v "Polikratike" Ioanna Solsberijskogo [Court temptations. The witchcraft of courtesans in the 'Policraticus' of John of Salisbury]. *Adam i Eva: Al'manakh gendernoi istorii*, 28, 49–76. (In Russian).
- Togoeva, O. I. (2022). "Chernaia legenda" o Valentine Viskonti v politicheskoi kul'ture Frantsii na rubezhe XIV–XV vv. [The "Black Legend" about Valentina Visconti in French political culture at the turn of the 14th–15th centuries]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiya*, 2002(4), 11–31. (In Russian).
- Toneatto, V. (2017). Aux marges de la foi, aux confins de l'humanité. Bestialité, hérésie et judaïsme de l'Antiquité au début du Moyen Age. In F. Mercier, & I. Rosé (Eds.). *Aux marges de l'hérésie. Inventions, formes et usages polémiques de l'accusation d'hérésie au Moyen Age* (pp. 19–52). Presses universitaires de Rennes. (In French).
- Trivellone, A. (2009). *L'hérétique imaginé. Hétérodoxie et iconographie dans l'Occident médiéval, de l'époque carolingienne à l'Inquisition*. Brepols. (In French).
- Vallet de Viriville, A. (1860). Dessin allégorique exécuté en 1408, et relatif au meurtre de Louis duc d'Orléans. *Le Magasin pittoresque*, 28(4), 135–136. (In French).
- Voisenet, J. (1994). *Bestiaire chrétien. L'imagerie animale des auteurs du Haut Moyen Age (I^e–XIe siècles)*. Presses universitaires du Midi. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ольга Игоревна Тогоева

доктор исторических наук
главный научный сотрудник, Институт
всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 954-42-96
✉ togoeva@yandex.ru

Olga I. Togoeva

Dr. Sci. (History)
Chief Research Fellow, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32a
Tel.: +7 (495) 954-42-96
✉ togoeva@yandex.ru

А. И. Попович

ORCID: 0000-0002-0658-8795

✉ alexeyorowich@mail.ru

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Россия, Екатеринбург)

«АЩЕ ИДОЛОМ НЕ КЛАНЯЕМСЯ, А ГРЕХУ ВСЯКО ПОКЛОНЯЕМСЯ»: ТОПИКА ЯЗЫЧЕСКОГО ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ В ПРОПОВЕДИ КОНЦА XVII В.

Аннотация. В статье анализируются особенности обращения проповедников конца XVII в. к топике жертвоприношения бесу/идолу/дьяволу, восходящей корнями к библейским и святоотеческим обличениям язычества. Основное внимание уделено проповедям из малоисследованного сборника «Статир», созданного неизвестным автором в Прикамье, а также поучениям из сборника «Обед душевный» Симеона Полоцкого. Для восстановления многомерного контекста обличения привлекаются также сочинения Димитрия Ростовского. Указанных авторов объединяет повышенное внимание к современности, стремление через учительную литературу предложить слушателю/читателю идеал спасения (в том числе «повседневное мученичество»), которому противопоставляется «идоложертвие». Определены конкретные источники выбранных авторами топосов: библейские книги, беседы Иоанна Златоуста, проповеди из «Евангелия учительного» (1619) Кирилла Транквиллиона-Ставровецкого. Показано, что обстоятельствами, побудившими проповедников обратиться к исследуемым «общим местам», стали церковный раскол и усиление противостояния Церкви и государства суевериям и другим «богомерзким делам». В атмосфере эпохи перемен книжники стремились бороться с грехами через духовное просвещение паствы, обращение к внутреннему миру человека, избегая излишней формализации своего труда, адаптируя топосы к актуальным обстоятельствам.

Ключевые слова: проповедь, поучение, топос, жертва, обличение «язычества», «кромешный мир», рукописный сборник «Статир», Симеон Полоцкий, Димитрий Ростовский, церковный раскол, конец XVII в.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-01617 «Противостояние “кромешному миру” в творчестве проповедников конца XVII — начала XVIII века: авторская аксиология, механизмы воздействия».

Для цитирования: Попович А. И. «Аще идолом не кланяемся, а греху всяко поклоняемся»: топика языческого жертвоприношения в проповеди конца XVII в. // Шаги / Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 29–46. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-29-46>.

Статья поступила в редакцию 4 мая 2022 г.
Принято к печати 18 июля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 1. 2023
Articles

A. I. Popovich

ORCID: 0000-0002-0658-8795

✉ alexeypopovich@mail.ru

Ural Federal University Named after
the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Russia, Yekaterinburg)

‘IF WE DO NOT WORSHIP IDOLS, THEN WE WORSHIP SIN IN EVERY POSSIBLE WAY’: THE TOPOI OF PAGAN SACRIFICE IN A LATE 17TH CENTURY SERMON

Abstract. This article examines the specificity of late 17th century preachers’ employment of the topoi of sacrifice to a demon/idol/devil, which have their roots in biblical and Church Fathers’ denunciations of paganism. The article mostly focuses on sermons from the little-studied handwritten collection *Statir*, created by an unknown author in the Kama Region, and on sermons from the collection *Spiritual Dinner* (Rus. *Obed Dushevnyi*) by Simeon Polotsky. The works of Dimitry Rostovsky are also used to reconstruct the multi-dimensional context of polemics. These authors are united by their increased focus on contemporaneity, and by their desire to offer the listener/reader by means of homilies an ideal of salvation (including ‘everyday martyrdom’), contrasting it with ‘sacrifice to idols’. The study identified sources of the topoi chosen by the authors: biblical books, the works of John Chrysostom, and sermons from the *Didactic Gospel* (1619) by Cyril Tranquillion-Stavrovetsky. The article shows that the circumstances which prompted the preachers to turn to these common places were the church schism and the increasing opposition of the church and state to superstition and other ‘pagan matters’. In the atmosphere of an age of change, scholars sought to combat sin through spiritual enlightenment of the flock, appealing to the inner world of man while avoiding unnecessary formalisation of their work by adapting topoi to current circumstances.

Keywords: sermon, homily, topos, victim, sacrifice, denunciation of 'paganism', 'world beyond', handwritten collection *Statir*, Simeon Polotsky, Dimitry Rostovsky, schism of the Russian Church, late of 17th century

Acknowledgements. This work is supported by the Russian Science Foundation, project number 22-28-01617 "Confronting the 'World Beyond' in Late 17th — Early 18th Century Sermons: Authorial Axiology and the Mechanisms of Influence".

To cite this article: Popovich, A. I. (2023). 'If we do not worship idols, then we worship sin in every possible way': The topos of pagan sacrifice in a late 17th century sermon. *Shagi / Steps*, 9(1), 29–46. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-29-46>.

Received May 4, 2022

Accepted July 18, 2022

Многоликий XVII век в России был периодом нескончаемых споров и обличений. Полемический запал сочинений древнерусских книжников в немалой степени был направлен против «богомерзких дел». Под это определение попадали как отдельные формы народного православия, так и повседневные грехи, переплетавшиеся в единую, как правило негативную картину современной церковным авторам частной и общественной жизни.

С первых веков христианства на Руси осуждению и преследованию со стороны Церкви в разной степени подвергались разнообразные формы и явления народной культуры. Со временем этот ряд только расширялся, и к XVII в. под законодательно закрепленным государственным запретом находились колдовство, суеверия, братчины, сквернословие, заговоры, богохульство, кулачные бои, скоморошество, пляски, азартные игры, многие повседневные и праздничные ритуалы и т. д. (см., например: [Кивельсон 2020: 111–122; Сукина 2011: 348–357]). Усиление внимания со стороны государства к этим явлениям народной жизни в середине XVII в. принято связывать в том числе с деятельностью «ревнителей благочестия» («боголюбцев»), в число которых входили будущие патриарх Никон и противник церковной реформы протопоп Аввакум. «Ревнители благочестия» задались целью разностороннего обновления и исправления религиозной жизни в России, повлияв своей деятельностью и привлеченным к ней вниманием общественности на многие ключевые процессы переходного времени, включившись в кампанию против народных обрядов (см. об этом: [Лавров, Морохин 2021: 118–135]).

Обличительная позиция Церкви по отношению к «языческим» народным практикам была сформирована задолго до XVII в. и опиралась на канонические постановления Вселенской Церкви, собранные в Кормчей книге, и учительные святоотеческие сочинения. Для словесного обличения и исправления нравов прихожан древнерусская литература, опираясь на общехристианскую традицию, выработала некоторый набор жанров и художественно-риторических приемов. Наибольший успех воздействия имела проповедь как жанр, рассчитанный на широкую аудиторию прихожан.

До XVII в. в Московской православной церкви (в украинско-белорусской традиции — до XVI в.) устная проповедь не была массовым явлением, ее «заменяли уставные чтения — так называемые четьи сборники, состоящие из нравоучительных и агиографических сочинений, фрагментов святоотеческих толкований Священного Писания, которые использовались не только в культовых целях, но и для домашнего чтения» [Корзо 1999: 4]. Среди многочисленных обличений язычества, сохранившихся в ряде рукописных сборников XIII–XV вв., есть как адаптированные поучения Святых Отцов, так и оригинальные памятники (см., например: [Савельева 2010]).

Оценивая масштаб непривязанных к русской действительности заимствований в антиязыческих текстах, исследователи часто отмечают, например, что «чем дальше шло время, тем меньше речи в нашей литературе о язычестве. Обличения, конечно, продолжают; но обличается не язычество, а грех, нарушение христианской заповеди. Если мы и услышим в позднейшие века о язычестве, то это говорится по старой привычке, как риторический прием» [Гальковский 1916: 114]. Более выверенную оценку дает, например, исследователь «Паисиевского сборника» первой четверти XV в.: «Фактическая сторона дела книжника интересовала меньше всего, и он увязывал перечисленные явления с распутным поведением, пьянством, несоблюдением поста и моральными качествами современников вообще, приводя авторитетные для него тексты» [Лушников 2018: 129].

Народные обряды, таким образом, были уже в ранний период истории Древней Руси наиболее зримым примером неблагочестивого поведения людей. Цитирование авторитетных текстов, использование «общих мест» делало учительные сочинения более убедительными для адресата четьих сборников, однако массовым каналом для просвещения «темной» паствы они не могли быть по ряду причин. Форма устной проповеди была доступна гораздо более широкому кругу прихожан и непосредственно в пространстве богослужения содержала практические наставления по исправлению грехов¹.

Задача обличения «отголосков язычества», укоренившаяся в предметно-тематическом арсенале ранней учительной литературы, не только сохранилась в XVII в., но и, по-видимому, получила дополнительное обоснование и назначение, выйдя за рамки привычных коммуникативных ситуаций, с одной стороны, за счет усиления государственного контроля за повседневной жизнью, а с другой — за счет осознания проповедниками своей особой роли в духовном просвещении паствы. Это было время возрождения русской авторской проповеди: уровень образования в совокупности с усилением роли пастыря в церковной жизни позволял проповеднику создавать и тиражировать авторские сборники проповедей, высказываться напрямую от своего имени, адаптировать жанр к индивидуальному решению самых разнообразных учительных задач.

Законы построения проповеди этому только способствовали: «...технически проповеднический дискурс отправлялся именно от ситуации, в соответ-

¹ Другой формой взаимодействия священника и прихожан была исповедь, располагавшая богатыми увещательными ресурсами, однако часто ограничивавшаяся чтением переведенных, отчасти механически перенесенных на русскую почву исповедных вопросников, в том числе включавших вопросы о сношениях с «крошечным миром» [Корогодина 2006: 203–250, 267–288].

ствии с ее требованиями манипулируя авторитетными топосами» [Кагарлицкий 1999: 10]. Проповеди, обличающие народные практики, таким образом, можно рассматривать, с одной стороны, как тексты, в значительной степени оторванные от действительности и сконструированные из обычных для такого рода обличений топосов, а с другой — как авторские высказывания, пытающиеся за счет самой своей топосной природы (ресурсы проповедника были довольно ограниченными) обновить язык описания меняющегося мира, чтобы не только обличить его, но и способствовать его исправлению. Каким образом проповедник работал с «антиязыческими» топосами, и какое значение они имели для сверхзадачи его работы?

Одними из ключевых топосов, объединяющими в себе разные виды взаимодействия человека с «кромешным миром», являются *жертва (жертвоприношение, приношение жертв) бесу/идолу/дьяволу / бесоугодная жертва / идоложертвие* и некоторые другие словесные вариации². В библейских книгах эта топика использовалась для обличения многобожников-язычников, приносивших жертвы идолам, за которыми стоят бесы, и для обличения греха вообще (Пс 105:34–39, 1Кор 10:14–22, 1Макк 1:41–64, Прем 14:22–31, Втор 32:4–18 и др.). Языческое, таким образом, приравнялось к бесовскому.

«Раскольнические дѣла»: жертвы сатане

Использование на рубеже XVII–XVIII вв. «идоложертвенной» топика не объясняется одной лишь «старой привычкой» или схоластической выучкой того или иного автора — оно было продиктовано определенными задачами воздействия на паству и исправления ее грехов «в режиме реального времени». Книжник, будучи волен самостоятельно выстраивать обличение из множества доступных ему топосов, тем, сюжетов и т. д., традиционно адаптирует топика «богомерзкого» жертвоприношения к актуальной полемической ситуации. В число тех, кто «приносит жертвы» представителям дьявольского мира, прежде всего попадали критикуемые в то или иное время ереси и даже целые конфессии: «жидовствующие», «латиняне», иудеи, мусульмане и др.

Под тем же риторическим «прицелом» во второй половине XVII в. оказались старообрядцы. Полемикой с ними занимались едва ли не все талантливые книжники того времени, выразители позиции официальной Церкви. Среди них немало проповедников. Первый крупный антистарообрядческий трактат — «Жезл правления» (1667) — был создан Симеоном Полоцким, при этом проповедей, посвященных непосредственно раскольникам, в его авторских сборниках «Обед душевный» (1681) и «Вечеря душевная» (1683) не найти, хотя в отдельных текстах задача их обличения все-таки стоит. Специальные антираскольнические послания создавались митрополитом Сибирским и Тобольским Игнатием (Римским-Корсаковым), несколько поучений против раскольников содержит уникальный памятник проповеднического искусства —

² При этом есть все основания описывать топика ветхозаветного жертвоприношения (заклания жертвенных животных, жертвы всежжения, жертвы за грехи и т. д.) отдельно — как топосы угодных Господу жертв, хотя и вытесненных жертвой духовной, «духом сокрушенным» (Пс 50:19) (наиболее подробно об этом сказано в Евр 9:1–10:18).

анонимный рукописный сборник «Статир»³, созданный в Прикамье в последней четверти XVII в., возможно, готовившийся к тиражированию (ОР РГБ. Собр. Румянцева. № 411).

Обвинения старообрядцев в связях с бесовским миром обусловлены не только накопленным опытом полемики с еретиками. На сравнение раскольников с язычниками в немалой степени повлияли старообрядческие самосожжения. Автор «Статир» посвящает обличению раскола несколько проповедей, упоминая раскольников («капитонов») прямо в заглавиях проповедей. Вторая часть поучения в неделю 1-ю Великого поста сопровождается следующим надписанием: «О бѣдствовании матери нашей церкви, о еретических неистовствах, и о мужескомъ подвижѣ святыхъ отецъ по благочестии. И о капитонѣх, новоявленныхъ еретичех, и о хулѣ ихъ» [Статир. Л. 436–441 об.]⁴. Первое воскресенье Великого поста в православной традиции прославляется как день победы над еретиками, на церковной службе совершается чин Торжества православия, включающий анафематствования отступников от веры.

Обличая новых еретиков, проповедник использует для описания самоубийств раскольников глагол *закалатъ*, часто фигурирующий в топике жертвоприношений вообще и в данном случае направленный на самих грешников:

А идѣже Богъ созидаетъ, таковое здание вѣвѣки пребываетъ непоколебимо; понеже церковь Христова, иматъ крѣпкия и непроборимыя стѣны, во вратѣхъ стражие страшныя всему ополчению бѣсовскому, и всѣмъ еретикомъ и ихъ споспѣшникомъ (здесь и далее разрядка наша. — *А. П.*), ибо ищутъ како ея плѣнити, и питомиковъ ея вѣслѣдъ своея погибели свести. И тѣмъ бы имъ отцу своему сатанѣ угодную жертву принести. Но сами себе закалаютъ, и от Бога удаляють, возлюбиша тьму нежели свѣтъ [Статир. Л. 437].

Самоубийственная смерть (сожжение, утопление, повешение и др.) трактовались большинством старообрядцев как возможность спасения через обретение мученического венца⁵. Автор обличает эти намерения, не вступая в богословские споры⁶ и уподобляя такие самоубийства жертвам «отцу своему сатанѣ» (в противопоставление истинному Богу Отцу). Проповедник помещает раскольников в состав бесовского ополчения, приравнивая их к еретикам

³ Общую характеристику сборника проповедей, контекста его создания и круга занимающих автора проблем см. в работах Л. С. Соболевой [2012; 2022].

⁴ Первая часть поучения озаглавлена так: «О преславнѣй побѣде матери нашей Церкви, над еретики и дьяволь, и о подвижѣхъ апостольскихъ, о терпѣнии мучениковъ, о лютомъ ратовании дьяволи на Церковь» [Статир. Л. 431 об.–436].

⁵ Polemika со старообрядцами о так называемом самовольном мученичестве разгорится в первой четверти XVIII в.: при участии Феофана Прокоповича будет создано и растиражировано увещание, в котором мученичество старообрядцев обличалось как суеверие и соблазнение народа мнимой славой [Попович 2021].

⁶ Как справедливо заметила исследовательница другой посвященной раскольникам проповеди в «Статире», «... автор не пытается доказать ложность их позиции через рассмотрение разночтений богословского характера — принципиальное значение обретает образ жизни еретичествующих, факт их отпадения от единого церковного организма и нарушения апостольской преемственности» [Нестерова 2020: 49].

прошлых времен, но согласуясь с самими обстоятельствами произнесения проповеди, конкретным историческим временем.

Характеризуя стремительное распространение раскола, автор привычным для жанра проповеди образом раздвигает обличительные рамки и говорит о распространении поклонения греху вообще, идолослужения, к которому приобщены бесчисленное множество христиан, которые «житиемъ всѣхъ поганыхъ худше». Более того, о язычниках («поганыхъ») автор неожиданно говорит как о тех, кто «лучше насъ правду хранить», по-видимому, имея в виду не только раннеисторических язычников, «еллинов», традиционно выступавших «эталонами для описания всякой неправославной веры» [Живов, Успенский 2002: 472], но и живущие территориально в Пермской земле и за ее границами некрещенные народы. Аудитория обличения антиеретической проповеди, таким образом, становится гораздо шире сочувствующих староверам:

Ибо коликая злоба умножилася нынѣ в родѣ христианскомъ, то чю нарицается христианѣ, а житиемъ всѣхъ поганыхъ худше, они бо лучше насъ правду хранить и ниже обиды дѣють.

А у насъ коликая грабленія, клятвopеступленія суды неправедныя, объяденія, пьянство, блудонеинствоваство [sic!], лихоимство, насилие, и хищение, кощуны, смѣхотворныя глаголы, и прочая злобы ихже нѣсть во языцехъ студныхъ дѣяний, аще идоломъ не кланяемся, а грѣху всяко поклоняемся [Статир. Л. 439 об.–440].

Эту проповедь отличает явленное во многих деталях присутствие современности — из множества еретиков всех времен автор выбирает современных ему раскольников⁷. Рассуждая о подвигах и благочестии редких праведников, автор «Статира» снимает дистанцию между временем Святых Отцов, которых он часто цитирует, и 1680-ми годами (предполагаемым временем написания проповедей) («коликая злоба умножилася нынѣ в родѣ христианскомъ»). Проповедник использует личные местоимения 1-го л. (*насъ, нашихъ*) и соответствующие формы глаголов не только в привычном пространстве отвлеченной проповеди обобщенном смысле, но и применительно к той аудитории, которой непосредственно адресовано авторское высказывание. На актуализацию избранной темы работает и наречие *нынѣ* в другом слове, не приуроченном к какому-либо празднику, названном «Поучение обще мученикомъ, похвала о страдании ихъ и яко и нынѣ есть мучение и всегда предстоить» [Статир. Л. 219 об.–226 второго счета].

Уже в новом контексте рассуждений о мученичестве в его время автор повторит, вероятно, выведенную из евангельской фразы «яко всякъ творяй грѣхъ рабъ есть грѣха» (Ин 8:34) формулу:

⁷ Другой крупный проповедник XVII в. — Кирилл Транквиллион-Ставровецкий, автор «Евангелия учительного» (1619), на которое ориентировался автор «Статира», в проповеди на этот же праздник упоминает распространившихся в его время кальвинистов [Кирилл Транквиллион 1619. Л. 41].

А нынѣ в нашихъ странахъ благодатию Христовою, и благочестивыхъ нашихъ царей державою, далеко оная страшная мучения, еще бо никого не ведут за вѣру Христову на судъ, но сами зѣло маловѣрны, и законы христьянския и вѣру святую зѣло туне вмняемъ, аще идоломъ не поклоняемся, но всяку грѣху кланяемся, и служим аки Богу, работаемъ несъестя своего чрева веселию повседневному, непотребной суетѣ [Статир. Л. 221 об. второго счета].

Упоминание текущего дня и раннехристианских гонений за веру возвращало автора и его внимательных слушателей к полемике с раскольниками — на этот раз о времени прихода антихриста и возможности новых мучений. Проповедник вновь избегает богословских споров, говоря только, что «еще бо никого не ведут за вѣру Христову на судъ». Об этом же позднее писал и Димитрий Ростовский в антистарообрядческом сочинении «Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ» (1709), отрицая наличие в Российском государстве каких-либо признаков гонений за веру⁸:

Нынѣ же благодатию Христовою еще церкви его святыя въ Российскомъ государствѣ не суть пусты, ни претворенны въ простыя храмины; еще въ нихъ службы дѣются, и жертва безкровная⁹ приносится, и вся таинства Христьянская неизмѣнно совершаются; ниже кто истребляетъ имя Христово отъ странъ Российскихъ, ниже кто гонить и мучить Россианъ за Христа, ни службамъ церковнымъ быти кто възбраняетъ, ни таинствамъ Христьянскимъ действоватися кто не попускаетъ... [Димитрий Ростовский 1855: 257–258].

Если проповедь, будучи менее свободным жанром, как правило, сосредоточивает свое внимание не на будоражащих воображение слушателей картинах, а на учительной задаче, то более пространные тексты повествовательного характера содержат описания злодеяний раскольников, включая кровавую детскую жертву, приносимую при помощи колдовства. Подобную историю, по-видимому встраивая в свои тексты какие-то стандартные устные легенды о «чужой» религии [Панченко 2002: 153–170], приводит Игнатий (Римский-Корсаков) в обширном антистарообрядческом послании (1690-е годы), описывающем ранний этап раскола [Послания 1855: 117–119]. Этот рассказ наряду со многими другими был включен Димитрием Ростовским в «Розыскъ». Автор

⁸ Эта же идея будет и в дальнейшем определять отношение Церкви к самосакрализации староверов. Если для правящей Церкви несомненным было то, что «никого не ведут за вѣру Христову на судъ», то у обличаемой стороны — старообрядцев — были основания воспринимать настоящее время как время «гонительное». Симметрично отвечая на обвинения, староверы фактически задействовали ту же топикку в противоположных по адресату целях (см.: [Попович 2021]).

⁹ Безкровная жертва (таинство Евхаристии) часто находилась в центре внимания древнерусских авторов, особенно в связи с полемикой о времени пресуществления (преложения) Святых Даров в конце XVII в. (см.: [Панич 2004]). Использование «идоложертвенной» топикки в обличительных целях здесь также имело место, однако к нравственной оценке человека это имеет меньшее отношение.

завершил целый перечень такого рода историй следующим пассажем, убеждающим читателя в подлинности преступных «раскольнических дел»:

Отъ таковыхъ извѣстий откровенныхъ мощно всякому увѣрится о раскольническихъ дѣлахъ, коль суть Богу неугодны, и не спасение, но муку имъ заслугующия.

Да слышать же сия вси, иже оставляюще Церковь Христову, и истинныхъ тоя пастырей и учителей, въ слѣдъ раскольническихъ лжеучителей шествуютъ: и да внемлютъ и видятъ, кого слушаютъ, кому вѣру емлютъ, кому возслѣдствуютъ: челоуѣкоубийцамъ, душегубцамъ, волхвомъ, чародѣемъ, еретикамъ, лицемѣрникамъ, блудникамъ, беззаконникамъ, отступникамъ святыхъ вѣры, хулителемъ превысочайшихъ святыхъ Божиихъ... [Димитрий Ростовский 1855: 635–636].

Предложенный автором ряд грехов отражает официальную церковную точку зрения на старообрядчество; неудивительно, что для их обличения необычайно активно, хотя и достаточно традиционно, использовались топосы, связанные с колдовством и иными способами взаимодействия с бесовским миром. При этом исследователь судебных процессов начала XVIII в. отмечает, что «сами старообрядцы практически не фигурируют в колдовских делах» [Лавров 2000: 131], — предъявляемые раскольникам обвинения в основном оставались топосами, имевшими мало отношения к внешней стороне, действительности как таковой. Подчеркнуто риторическая природа большинства образов «кромешного мира» в сочинениях проповедников рубежа XVII–XVIII вв. становится еще очевидней, если обратить внимание на сопутствующее обличению декларирование конструктивной модели поведения — благочестия.

«Идоложертвие» vs. мученичество

Многие проповедники наряду с поучениями на случай или конкретный праздник создавали отдельные так называемые общие проповеди, для которых в меньшей степени характерны масштабные заимствования. Так, Симеон Полоцкий, крупнейший проповедник своего времени, в проповеди «Поучение общее въ день недѣльный», завершающей собой сборник «Обед душевный» [Симеон Полоцкий 1681. Л. 680 об.–687 об.], рассуждает об отвергнутых Богом жертвах — словах и делах, которыми оскверняется «самый воздухъ» «въ нашей странѣ», а не «во послѣднихъ варварѣхъ»:

...желаемъ съ Авелевыми приятнѣй быти, а не съ Каиновыми жертвами отверженнѣй жертвѣ нашей: зане всякое скверное и порочное, нѣсть въ жертву приятно Богу. Порочить же ся день сей, не токмо дѣлы скверными и нечистыми, или скаредными и безмѣстными словесы, имиже ни во послѣднихъ варварѣхъ тако, яко въ нашей странѣ и въ родѣ правовѣрнемъ освященномъ честная ушеса аки копиями прободаются, и самый воздухъ ихъ мерзостію оскверняется... [Симеон Полоцкий 1681. Л. 685].

Проповедь направлена на обличение несправедного поведения в день недельный: от первого лица, с позиции очевидца Симеон Полоцкий приводит примеры совершаемых в воскресенье чревоугодий, «богомерзких жертв», наблюдаемых им лично в «родѣ православномъ»:

Вѣмъ азъ и въ нашемъ родѣ православномъ, многожды, наипаче же во дни праздненныя бывати соборищемъ, и въ нихъ содѣватися жертвамъ, но чреву а не Богу: имиже жертвами, мнози многожды вся безчестно истребляютъ имѣния своя, инииже, еже многопотнымъ чрезъ шесть дней приобрящутъ трудомъ, то все единою чрево жертвою пожираетъ, еюже, не спасение и прощение получивше, но обезумившеся во умѣхъ своихъ множицею, вторыя кровавыя жертвы, ови закаляютъ, ови убиваютъ по путемъ, стогнамъ, и халугамъ. О треклятии жрецы, ихже кончина или мзда будетъ погибель, и слава ихъ во студѣ. (Филип. 3) (здесь и далее ссылки на Священное Писание приведены самим автором. — *А. П.*) Погубить Богъ жрецы сичевыя, и съ богомерзскими ихъ жертвами чревными. Яко тойже глаголетъ апостоль: «Брашна чреву, и чрево брашномъ, Богъ же сие, и сия да упразднить». (1Кор. 6).

Не чреву о православный народе работайте, но Богу: не темная дѣла творите, не приобщайтесь ко дѣломъ неподобнымъ и темнымъ глаголетъ апостоль: но свѣтлая: «Ходите яко чада свѣта» (Ефес. 5) [Симеон Полоцкий 1681. Л. 686].

Послания апостола Павла новымъ христианамъ — основа обличений «язычников» в проповедяхъ переходной эпохи, неслучайно Полоцкий берет именно отсюда материал для личного обращения к грешникам.

В другой проповеди о дне недельномъ, читаемой в неделю 27-ю по сошествии Святого Духа, — «О дни недельномъ, яко чрезъ ветхозаконныя субботы разумѣется, и прочии праздники от Церкви уставленныя знаменуются: и како мы долженствуемъ празднества наша святити, и богоугодно совершати» [Симеон Полоцкий 1681. Л. 439–445 об.] — автор цитирует слова Христа из Евангелия от Иоанна (Ин 8:34, 44): «Ибо всякъ творяй грѣхъ, рабъ есть грѣху, послѣдователно демону, иже есть отецъ грѣха, отецъ лжи» [Там же. Л. 439 об.] — и рассуждает о приятныхъ Богу жертвахъ, внешнихъ и внутреннихъ:

Вси вѣрнии должны есмы упражнятися, во первыхъ жертвами, ово внутренними, каковы суть: благочестие, молитва, благодарение, сокрушение сердца, и дѣла вѣры, надежды, любве. Ово внѣшними, каковы суть жертвы устъ, хваление Бога, слушание божественныя литургии, приношения въ церковь, ея, свѣщъ, кадила, вина, просфоръ, и инѣхъ потребныхъ [Там же. Л. 444 об.].

В числе другихъ четырехъ «упражнений»¹⁰ проповедникъ призываетъ паству «упражнятися веселиемъ духовнымъ»; «праздновати во плоти и страстей ея

¹⁰ Классификация — типичный для Симеона Полоцкого прием систематизации текста [Киселева 2011: 146–147].

умерщвлении»; «слова Божия слушати, чести Евангелие, писати, проповѣдати, учиться тому и учити»; не забывать «благотворения же и общения» [Симеон Полоцкий 1681. Л. 444 об.–445]. Социальный пафос проповеди, предельно негативизирующий повседневную жизнь паствы, традиционно для проповеди оборачивается положительной повесткой — утверждением путей к спасению души. Сам идеал при этом, учитывая церковно-законодательную активность противостояния «кромешному миру», выстраивается не только в плоскости социально-религиозного дисциплинирования, но и в нравственной плоскости.

Особенно ярко это выражено в проповедях из сборника «Статир», автор которого был хорошо знаком с проповедями Симеона Полоцкого и довольно часто их цитировал наряду с «Евангелием учительным» Кирилла Транквилилина-Ставровецкого (см. об этом: [Елеонская 1990: 172–185]). Во второй части проповеди в неделю 7-ю по сошествию Святого Духа «О слѣпотѣ христіян, и яко поганства обычай, творять на пирѣхъ своихъ. И яко великое беззаконіе содѣвается отъ пьянства» [Статир. Л. 159–164] проповедник, как и Полоцкий, называет чревоугодие «бѣсоугодной» жертвой, попутно осуждая жадность пьяниц, не подающих нищим:

Но день и ночь чреву работаете не имѣюще покоя. Оле слепоты коль тщаливы въ бѣсоугодную жертву изнуряти, и коль жестоцы нищимъ подати, въ пьянство весь свой прибытокъ истощаютъ, и Богу единого пѣня за дати, за великую бѣду, и тщету вменяють [Статир. Л. 160].

Другой порок, для обличения которого наряду с пьянством и блудом проповедник прибегает к «идоложертвенной» топике, — лихоимство. Любопытно, что автор обращается к нему в общемученическом («обще мученикомъ») поучении. Прославляя мученический подвиг, проповедник сосредоточивается на этом конкретном примере, по-видимому, как на наиболее ярко иллюстрирующем его мысль:

Идолъ велитъ заколи ми агне, а сладостость мирская понуждаетъ заклати душу свою. Мученицы Христа ради души своя положиша. А у насъ мнози своя души полагають, ради блуда, ради пьянства, въ похищении чюжих имѣний, сель ради, и виноградовъ. Мнози отъ безумныхъ чловѣкъ и за бесловесный [sic!] скотъ умирають.

О злыя кончины! О всепагубныя смерти! Погубляеть бо душу и въ вѣчную муку сводитъ, древле мучители мучили христіянь: не поклоняйся Христу, служи идоломъ. <...> Горши еси ты мучителей: они бо идоломъ поклонницы суще, и Бога не вѣдаху. А ты христіянь сый, и толикихъ навькль еси: имже никтоже возможесть навькнути, аще не свыше благодать Божия открыеть, а сущаго христіянина обидиши и озлобляеши, насилуя, и поемля имѣнія въ нищету сводиши, а свою душу геенѣ предаеши [Статир. Л. 221 об.–222 об. второго счета].

Описывая гибель души грешника, автор использует образность заклания агнца идолу — душа приносится в жертву «сладостности мирской». Для исследуемой топике общеупотребительными являются предлоги *ради* и *за*: жертва не «за веру» или «ради Христа», а «ради блуда, ради пьянства». Проповедник обращается к слушателю как к человеку «горши мучителей», которые заставляли раннехристианских святых приносить жертвы идолам.

Обличение лихоимца, поклоняющегося мамоне и закалывающего ей в жертву людей, заимствовано автором «Статира» из 18-й беседы Иоанна Златоуста на Послание к Ефессянам¹¹ и содержится во второй части слова в неделю 32-ю по сошествии Святого Духа «Яко лихоимецъ сквернавѣе идолопоклонника, и о художествѣ милостыни, яко многу славу имать у Бога, царица есть» [Статир. Л. 387–392]:

Сице и о мамонѣ, яко творящии волю ея тии поклоняются ей. Аще бо овцы и не закалаеши, но человекѣ и души словесныя: иже есть, иныя бо гладомъ помирають, а ты питаешися аки вошь въ день заколения.

И что же можетъ сея жертвы бѣснователнѣе быти; кто видѣ души закалаемыя когда; проклять есть лихоимания кумирь. К сему идолскому аще приидеши капишу, узриши козиими и воловыми кровми смердяща. К лихоиманному же олтарю аще приидеши: кровми человекѣскими узриши дышуща. Аще предстанеши здѣ не узриши пера птичьа жжегаемаго, ниже сквара и дыма восходяща. Но тѣла человекѣская погибаемая. Инии бо истоплению въдашася злата ради, инии же удавлению коснушася. Друзии же и мечем ся пронзоша съквозѣ гортань.

Видѣлъ ли еси жертвы суровыя, и бесчеловѣчныя; увы сея пагубы, и злыя кончины, тѣло убиваетъ, а душу вѣчною смертию уморяетъ [Статир. Л. 388].

Из указанной беседы автор «Статира» выбрал наиболее яркие златоустовские образы «идоложертвия», выразив тем самым собственное отношение к лихоимству среди паствы, которой адресована проповедь. Во многих других поучениях проповедник стремится воссоздать, в том числе по святоотеческим сочинениям, отталкивающие картины вневременного, словно продолжающего свое существование языческого мира. Этому антиидеалу автор от своего имени, присоединяясь к Святым Отцам, противопоставляет повседневную жертву, готовность «взять крест» Христа¹² (первая часть поучения в неделю 3-ю Великого поста «О скорбѣм и о бѣдствовании духовнаго учителя, и како

¹¹ Толкование относится к следующему месту Послания: «Сие бо да вѣсте, яко всякъ блудникъ, или нечистъ, или лихоимецъ, иже есть идолослужитель, не имать достояния въ Царствии Христа и Бога. Никтоже васъ да льститъ суетными словесы, сихъ бо ради грядеть гнѣвъ Божий на сыны непокоривыя» (Еф 5:5–6).

¹² Автор цитирует беседу 55-ю Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея («Тогда Иисусъ рече ученикомъ Своимъ: аще кто хоцетъ по Мнѣ ити, да отвержется себе и возьметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ» — Мф 16:2) и проповедь на тот же праздник из «Евангелия учительного» Кирилла Транквиллиона [1619. Л. 50 об.] (в качестве темы Транквиллионом выбраны те же слова Христа из Мк 8:34).

послѣдовати Христу, яко нѣсть тяжко повелѣние Христово» [Статир. Л. 451 об.–456 об.]):

Да никтоже ми речеть: трудно послѣдовати Христу не могу толика азъ терпѣти, яко ж мученицы претерпѣша. Но послушай брате учителей церковныхъ, с ними же и азъ недостойный совѣтую ти полезная: отрекися всего себе, си естъ злой воли своей, ащи [sic!] ли еси вчера былъ блудникъ и прелюбодѣй, днесъ буди целомудръ и возлюби чистоту. Аще ли еси вчера былъ еретикъ, или волхвъ, и отметникъ, отрецися сего сатанинскаго смысла, прибѣгни ко Христу, повинися Церкви [Статир. Л. 454 об.].

Проповедник делает акцент на мученичестве, которое противопоставляет неправедным жертвоприношениям. В первой части проповеди в неделю 1-ю Великого поста автор «Статира» сетует на то, что «чаше мучения» человек предпочитает «лютаго демона», рассчитывая, что сможет «туне вылежати животь вѣчный»:

И тако мученицы радующися сладчае меда чашу мучения испили, мы же не тако творимъ, но сопрутивная симъ и смѣху достойная, и не точию жену оставити и чада и имѣния, но и грѣха единого не хоцемъ оставити, и того ради не приходит ко Христу¹³, иную хоцемъ получить милость, ибо паче Христа, грѣхъ любимъ лютаго демона, иже душу нашу убиваетъ, вѣчною смертию и геенѣ предаеть.

Ибо святыхъ подвиги и труды поминаемъ, скорби, и гонения, и муки, пощения слезы [sic!], бдѣния, бодрость, молитвы, низулегания, и колѣнопоклонение, они бо сия с любовию претѣрпеша Христа ради, и Царства Небеснаго, и кровию своею и трудами небо купили.

А мы хоцемъ туне вылежати животь вѣчный и Царство Небесное, не Христу работаемъ, но лѣности раби бываемъ, объядению и пьянству [Статир. Л. 434 об.–435].

Несмотря на то что проповедник конца XVII в. далек от общественно-политических рассуждений, его духовно-просветительская активность направлена на обоснование конструктивного общественного идеала среди паствы, которая все меньше готова к трудностям и лишениям; в обосновании этого идеала авторы рассмотренных сочинений видят будущее общества или, во всяком случае, основание для его духовного «реформирования» (задача, осознанная еще «ревнителями благочестия» и пролонгированная во времени в

¹³ На полях рукописи автор дает «глухую» ссылку на Кирилла Транквиллиона, восстанавливаемую при обращении к проповеди на тот же праздник в «Евангелии учительном». В данном случае автор не цитирует, а лишь отсылает к первой части поучения в неделю 1-ю Великого поста — «О приходѣ Нафанаилевъ...» [Кирилл Транквиллион 1619. Л. 36 об.–38].

творчестве некоторых авторов). Таким идеалом становится мученичество, которому переходная эпоха уделяет особое внимание, в отдельных текстах приближая его к гражданскому служению.

В 1700 г. Димитрий Ростовский предпринял попытку создания доступного широкому кругу читателей за счет небольшого объема «Мартиролога или мученикословия». Особенностью этого памятника является расширительное понимание мученичества: в свод кратких сведений о святых¹⁴ попали не только мученики. Автор так поясняет это обстоятельство:

Аще бо и не вси бяху мучениками, кровь за Христа пролиавшими, тыи, иже zde воспомянушася и написашася, яко мнози и без пролиания крове Богови угодившии, но понеже и тѣх добродѣтели к богоугождению бяху не без самоизвольнаго, паче же повседневнаго мученичества, по реченному: «Добрая дѣла трудом снискаются и болѣзнию исправляюся», убо всѣх ради тѣх святых, мученически своя уды на земли умертвивших, и с святыми мучениками, яко само изволнии мученики, в церквѣ почитаемых, в единой сей книжицѣ собранних, да наречехся в правду книжица сия «Мученикословием» [Федотова 2017: 85].

Как и автор «Статира», Димитрий делает акцент на категории повседневного мученичества, заключающегося в духовных трудах и самоограничениях. Раннехристианские мученики, отказавшиеся приносить жертвы языческим идолам и избравшие смерть за веру, остаются для этого времени скорее недосяжимым идеалом. Мученик, праведник изображаются в учительной литературе как подлинные герои, но в центре внимания книжников еще чаще, чем обычно, оказывается развращенный человек в греховном мире. Постоянно подчеркивая, что жертвоприношения идолам — главный маркер язычества — совершаются и по сей день, оба автора рассчитывали, с одной стороны, вызвать у слушателей соответствующую реакцию (обличаемый мир должен был отталкивать нарочитой современностью и телесностью образов, что, в свою очередь, делало проповедь более убедительной¹⁵), а с другой — если не повлиять на действительность, то во всяком случае противопоставить ей тех, кто несмотря ни на что готов к «повседневному мученичеству».

* * *

Почти обязательной для проповедников XVII в., обращающихся к «идоложертвенной» топике, становится конкретизация хронотопа, уточнение исто-

¹⁴ Сочинение осталось незавершенным и включает в себя краткие жития только сентябрьских святых. По мнению М. А. Федотовой, работа автора была прервана из-за переезда из Спасо-Преображенского Новгород-Северского монастыря в Москву [Федотова 2017: 80].

¹⁵ Как отмечает М. С. Киселева, «...барочная проповедь задается, таким образом, равнонеобходимым обращением к телесному и душевному началам в составе человека. Более того создается впечатление, что проповеднику невозможно построить убедительное рассуждение без обращения не только к рассуждающему, но к чувствующему живому человеку. Точнее сказать, слово проповедника должно быть осязательно, оно как бы “пронизывает”, “внедряется” в саму плоть человека, становится частью разных составов тела, души, ума и пр. Внимание к телу становится в текстах проповедей XVII в. ничуть не меньшим, чем к душе и чувствам человека» [Киселева 2011: 238].

рических и национально-конфессиональных координат. Достаточно часто проповедники воссоздавали яркие картины общения грешников с бесами, волхвования, жертвоприношений идолам и т. д., заимствованные из библейских текстов или полусторических сообщений о язычниках (в том числе о других народах). Такие примеры обычно сопровождаются сравнениями с сегодняшним днем, усиливающими их обличительный пафос. Исторические примеры в проповедях меркнут перед тем «язычеством», с которым их авторы сталкиваются в действительности, при том что парадигма национального язычества в них практически никак не представлена.

Подчеркивая присутствие в нынешнее время «пережитков язычества», книжник, конечно, не подразумевал реального участия своей паствы в жертвоприношениях бесам или сатане. В учительных текстах идолопоклонничество символизирует грех вообще. Говоря о внешних несправедных жертвах и даже описывая несомненно имевшее место несправедное поведение (пиры, блуд, лихоимство и т. д.), проповедник обращается к внутреннему миру человека. И такие вызовы, как раскол, хотя и объясняются через зримое вмешательство «кромешного мира» (неслучайно староверы изображаются новыми язычниками), на деле выступают противоположностью конструктивного общественного и внутрлического идеала — «повседневного мученичества». Откликаясь на перемены, проповедники берут на себя функцию «духовного просветителя», пытаясь остановить шествие греха по Русской земле.

Используя отгалкивающую и мало приспособленную к трансформациям топикку «идоложертвий», проповедники стремились дать слушателям нравственное руководство к искоренению «богомерзких» грехов, источник которых они искали в душе самого человека. Антропологически ориентированная установка на нравственное совершенствование паствы сохранялась на фоне укреплявшихся в это время тенденций формальной дисциплинаризации религиозной жизни, вылившейся в том числе в малоэффективную борьбу с суевериями.

Источники

Архивные

Статир — ОР РГБ. Собр. Румянцева. № 411. Сборник проповедей «Статир».

Опубликованные

Димитрий Ростовский 1855 — *Димитрий Ростовский*. Розыск о раскольнической брынской вере. 5-е изд. М.: Синод. тип., 1855.

Кирилл Транквиллион 1619 — *Кирилл Транквиллион-Ставровецкий*. Евангелие учительное. Рохманово: Тип. Кирилла Транквиллиона, 1619.

Послания 1855 — Послания блаженного Игнатия, митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в Православном собеседнике. Казань: Тип. Губерн. правления, 1855.

Симеон Полоцкий 1681 — *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М.: Верхняя тип., 1681.

Сокращения

ОР РГБ — Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва).

Литература

- Гальковский 1916 — *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. 1. Харьков: Епарх. тип., 1916.
- Елеонская 1990 — *Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М.: Наука, 1990.
- Живов, Успенский 2002 — *Живов В. М., Успенский Б. А.* Метаморфозы античного язычества в истории русской культуры XVII–XVIII вв. // Живов В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 461–531.
- Кагарлицкий 1999 — *Кагарлицкий Ю. В.* Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг.: Дис. ... канд. филол. наук / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. М., 1999.
- Кивельсон 2020 — *Кивельсон В.* Магия отчаяния: Моральная экономика колдовства в России XVII века / [Пер. с англ. В. А. Петрова]. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; BiblioРоссика, 2020.
- Киселева 2011 — *Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII — начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М.: Прогресс — Традиция, 2011.
- Корзо 1999 — *Корзо М. А.* Образ человека в проповедях XVII века. М.: Ин-т философии РАН, 1999.
- Корогодина 2006 — *Корогодина М. В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках: Исследование и тексты. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
- Лавров 2000 — *Лавров А. С.* Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг. М.: Древলেখранилище, 2000.
- Лавров, Морохин 2021 — *Лавров А. С., Морохин А. В.* Ревнители благочестия: Очерки церковной и литературной деятельности. СПб.: Наука, 2021.
- Лушников 2018 — *Лушников А. А.* Антиязыческие тексты в составе Паисиевского сборника: замыслы древнерусских книжников // Российская история. 2018. № 6. С. 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086956870002290-0>.
- Нестерова 2020 — *Нестерова А.* Бытийная и антропологическая семантика слова в поучениях конца XVII века // Quaestio Rossica. Т. 8. № 1. 2020. С. 36–55. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.446>.
- Панич 2004 — *Панич Т. В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск: Сиб. хронограф, 2004.
- Панченко 2002 — *Панченко А. А.* Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002.
- Попович 2021 — *Попович А.* «Жажда мучения» vs страдание «правды ради»: полемика о старообрядческой жертвенности на переломе эпох // Quaestio Rossica. Т. 9. № 4. 2021. С. 1259–1277. <http://doi.org/10.15826/qr.2021.4.638>.
- Савельева 2010 — *Савельева Н. В.* «Слово о всей твари и дни, рекомом неделя» в Софийском сборнике // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 61 / Отв. ред. Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2010. С. 429–451.
- Соболева 2012 — *Соболева Л. С.* Литературные памятники строгановского региона (XVII–XVIII вв.). «Статир» // История литературы Урала. Конец XIV — XVIII в. / Под ред. В. В. Блажеса, Е. К. Созиной. М.: Языки славян. культуры, 2012. С. 158–172.
- Соболева 2022 — *Соболева Л. С.* Сборник проповедей XVII века «Статир»: сакральные образы и автор. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2022. (В печати).
- Сукина 2011 — *Сукина Л. Б.* Человек верующий в русской культуре XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2011.

Федотова 2017 — Федотова М. А. «Мартиролог или мученикословие, жития святых по мѣсяцех и числах въкратцѣ собранныя, в себѣ содержащее»: об одном неизданном сочинении Димитрия Ростовского // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 3: Филология. Вып. 52. 2017. С. 76–111.

References

- Eleonskaia, A. S. (1990). *Russkaia oratorskaia proza v literaturnom protsesse XVII veka* [Russian oratorical prose in the literary process of the 17th century]. Nauka. (In Russian).
- Fedotova, M. A. (2017). “Martirolog ili muchenikoslovie, zhitia sviatykh po mesiatsekh i chislakh v”krattse sobrannyya, v sebe sodержashchloe”: ob odnom neizdannom sochinenii Dimitriia Rostovskogo [On one unpublished work by Saint Dimitry of Rostov]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 3, Filologiya, 52*, 76–111. (In Russian).
- Gal’kovskii, N. M. (1916). *Bor’ba khristianstva s ostatkami iazychestva v drevnei Rusi* [The struggle of Christianity against the remnants of paganism in Ancient Russia] (Vol. 1). Eparkhial’nia tipografiia. (In Russian).
- Kagarlitskii, Iu. V. (1999). *Ritoricheskie strategii v russkoi propovedi perekhodnogo perioda, 1700–1775 gg.* [Rhetorical strategies in Russian preaching of the transitional period, 1700–1775] (Cand. Sci. (Philology) Thesis, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences). (In Russian).
- Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual’nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII — nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [Russia’s intellectual choice of late 17th — early 18th centuries: From old Russian book writing to European scholarship]. Progress — Traditsiia. (In Russian).
- Kivelson, V. (2013). *Desperate magic: The moral economy of witchcraft in seventeenth-century Russia*. Cornell Univ. Press.
- Korogodina, M. V. (2006). *Ispoved’ v Rossii v XIV–XIX vekakh: Issledovanie i teksty* [Confession in Russia in the 14th–19th centuries: Research and texts]. Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovediakh XVII veka* [The image of man in sermons of the 17th century]. Institut filosofii RAN. (In Russian).
- Lavrov, A. S. (2000). *Koldovstvo i religii v Rossii. 1700–1740 gg.* [Witchcraft and religion in Russia. 1700–1740]. Drevlekhranilishche. (In Russian).
- Lavrov, A. S., & Morokhin, A. V. (2021). *Revniteli blagochestiia: Ocherki tserkovnoi i literaturnoi deiatel’nosti* [Zealots of piety: Essays on church and literary activity]. Nauka. (In Russian).
- Lushnikov, A. A. (2018). Antiiazycheskie teksty v sostave Paisievskogo sbornika: zamysly drevnerusskikh knizhnikov [Antipagan texts in Paisii’s collection : Plans of ancient scribes]. *Rossiiskaia istoriia, 2018*(6), 121–135. <https://doi.org/10.31857/S086956870002290-0>. (In Russian).
- Nesterova, A. (2020). Bytiinaia i antropologicheskaia semantika slova v poucheniakh kontsa XVII veka [The existential and anthropological semantics of the word in late 17th-century sermons]. *Quaestio Rossica, 8*(1), 36–55. <https://doi.org/10.15826/qr.2020.1.446>. (In Russian).
- Panchenko, A. A. (2002). *Khristovshchina i skopchestvo: fol’klor i traditsionnaia kul’tura russkikh misticheskikh sekt* [Khristovshchina and Skopchestvo: Folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. OGI. (In Russian).
- Panich, T. V. (2004). *Kniga “Shchit very” v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka* [The *Shield of Faith* in the historical and literary context of the late 17th century]. Sibirskii khronograf. (In Russian).
- Popovich, A. (2021). “Zhazhda mucheniia” vs stradanie “pravdy radi”: polemika o staroobriadcheskoi zhertvennosti na perelome epoch [‘Thirst for torment’ vs suffering ‘for righteous-

- ness': The polemics of Old Believer sacrifice at the turn of the era]. *Quaestio Rossica*, 9(4), 1259–1277. (In Russian). <http://doi.org/10.15826/qr.2021.4.638>.
- Savel'eva, N. V. (2010). "Slovo o vsei tvari i dni, rekomom nedelia" v Sofiiskom sbornike ["A sermon about all the creatures and the day called Sunday" in the Sofiiskii sbornik]. In N. V. Ponyrko (Ed.). *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* (Vol. 61, pp. 429–451). Nauka. (In Russian).
- Soboleva, L. S. (2012). Literaturnye pamiatniki stroganovskogo regiona (XVII–XVIII vv.). "Statir" [Literary monuments of the Stroganov region (17th–18th centuries). "Statir"]. In V. V. Blazhes, & E. K. Sozina (Eds.). *Istoriia literatury Urala. Konets XIV — XVIII v.* (pp. 158–172). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).
- Soboleva, L. S. (2022). *Sbornik propovedei XVII veka "Statir": sakral'nye obrazy i avtor* [Collection of sermons of the 17th century "Statir": Sacral images and the author]. Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. (In print). (In Russian).
- Sukina, L. B. (2011). *Chelovek veruiushchii v russkoi kul'ture XVI–XVII vekov* [A believer in Russian culture of the 16th–17th centuries]. RGGU. (In Russian).
- Zhivov, V. M., & Uspenskij, B. A. (2002). Metamorfozy antichnogo iazychestva v istorii russkoi kul'tury XVII–XVIII vv. [Metamorphoses of ancient paganism in the history of Russian culture of the 17th–18th centuries]. In V. M. Zhivov. *Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury* (pp. 461–531). Iazyki slavianskoi kul'tury. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Алексей Игоревич Попович

*младший научный сотрудник,
лаборатория эдиционной археографии,
ассистент, кафедра русской
и зарубежной литературы, Уральский
федеральный университет им. первого
Президента России Б. Н. Ельцина
Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира,
д. 19
Тел.: +7 (343) 350-75-92
✉ alexeypopowich@mail.ru*

Alexey I. Popovich

*Junior Researcher
Laboratory for the Study of Primary Sources
Assistant, Department of Russian and
Foreign Literature, Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
Russia, 620002, Yekaterinburg, Mira Str., 19
Tel.: +7 (343) 350-75-92
✉ alexeypopowich@mail.ru*

Е. Ю. Нагаева^{ab}

ORCID: 0000-0001-7139-6194

✉ shepes_anh@mail.ru

^a *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^b *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЕ ЦАРСТВО: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКИХ СЕРИАЛАХ О ВАМПИРАХ

Аннотация. В статье в контексте культурной политики рассматривается феномен вампирской «новой волны» 2021 — начала 2022 г. На материале сериалов «Пищевлок», «Вампиры средней полосы» и «Карамора» ставится вопрос об особенностях репрезентации истории в отечественных квазиисторических сериалах. По мнению автора, новым «общим местом» в обращении с историей становятся нарративы, непротиворечиво совмещающие эстетику режимов имперской, советской и современной России. Благодаря этим нарративам конструируется новая генеалогия актуального социально-политического порядка, помещающая этот порядок в непрерывный «объединяющий» исторический процесс. Делается предположение о том, что конструкция исторического опыта, которая становится возможна в сериалах благодаря внедрению фантастического элемента в лице вампира, изоморфна популярной государственной мифологеме исторической России.

Ключевые слова: российские сериалы, историческое время, культурная политика, утопия, вампиры, историческая Россия

Для цитирования: Нагаева Е. Ю. Тысячелетнее царство: историческая политика в российских сериалах о вампирах // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 47–64. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-47-64>.

*Статья поступила в редакцию 6 сентября 2022 г.
Принято к печати 29 ноября 2022 г.*

E. Yu. Nagaeva^{ab}

ORCID: 0000-0001-7139-6194

✉ shepes_anh@mail.ru

^a *The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

^b *Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

THE THOUSAND-YEAR KINGDOM: HISTORICAL RUSSIA IN RUSSIAN VAMPIRE TV SERIES

Abstract. The paper examines the phenomenon of the vampire “new wave” of 2021 – early 2022 in the context of cultural policy in Russia. The author focuses on the fact that compared to foreign TV series, the image of a vampire in Russian series is strongly instrumentalized, and a reference to history becomes extremely important in them. In an analysis based on three popular series (Svyatoslav Podgayevsky’s *Pischeblok*, Anton Maslov’s *Central Russia’s Vampires*, and Danila Kozlovsky’s *Karamora*) the author problematizes the representation of history in the newest Russian quasi-historical series. It is argued that a new “commonplace” in the politics of history in Russia is the tendency to create narratives that inconsistently combine the aesthetics of the political regimes of Imperial, Soviet, and contemporary Russia. Thus, a new genealogy of the current sociopolitical order is being constructed, inextricably linking this order with the previous unified tradition. The fantastic figure of the vampire is the keystone of this new narrative. The author suggests that the construction of historical experience is isomorphic to the popular state mythologem of ‘historical Russia’. At the same time, the vampire metaphor vividly embodies not only the idea of the ‘organic’ nature of Russian political power, but also the notion of its necessary transgressiveness.

Keywords: Russian TV series, historical time, cultural policy, utopia, vampires, historical Russia

To cite this article: Nagaeva, E. Yu. (2023). The Thousand-Year Kingdom: Historical Russia in Russian vampire TV series. *Shagi / Steps*, 9(1), 47–64. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-47-64>.

Received September 6, 2022

Accepted November 29, 2022

Вампиры — одни из самых востребованных и воспроизводимых персонажей массовой культуры. Однако до недавнего времени они не так часто становились героями российских фильмов и сериалов. Тем больше внимания привлекает недавний всплеск их популярности: меньше чем за год, с апреля 2021 по март 2022 г., на российских стриминговых платформах вышли сразу три крупных сериала о вампирах. Одноименная экранизация романа «Пищевлок» Алексея Иванова (реж. Святослав Подгаевский, 2021) сразу стала одним из самых громких проектов «Кинопоиска». «Вампиры средней полосы» (реж. Антон Маслов, 2021) и «Карамора» (реж. Данила Козловский, 2022) также быстро завоевали любовь зрителей и стали визитной карточкой платформы «Start». Такое валовое производство вампирских историй и их востребованность можно объяснить тоской отечественного зрителя по «собственным» кровожадным монстрам: в советскую эпоху вампиров в фильмах не могло быть из-за цензурных ограничений¹, а небольшая «вампирская» волна начала 1990-х была связана с «чернушным» кино, крайне самобытным, но технически не зрелищным. Отчасти это так. Но обращает на себя внимание специфический характер российских сериалов об упырях. От аналогичного опыта зарубежных коллег² их отличает гораздо меньшая тематическая и сюжетная вариативность, с одной стороны. С другой стороны, само использование нарративного потенциала историй о вампирах становится здесь более инструментальным. И в «Пищевлоке», и в «Караморе», и в «Вампирах средней полосы» крайне значимо обращение к истории России — точнее, как мы стараемся продемонстрировать, по-новому понимаемой истории России. Особенности и специфике модели исторического опыта, обнаруживаемой в этих сериалах, и будет посвящен текст.

Первое уточнение, которое необходимо сделать, касается типологических особенностей уже устоявшегося «общего места» в репрезентации русской истории, которому на смену или в пандан приходит предполагаемая нами модель. Илья Будрайтскис [2019], Марк Липовецкий и Татьяна Михайлова [2021] обращают внимание на то, что характерной особенностью репрезентации советского в отечественной экранной культуре последнего десятилетия становится стирание границы между прошлым и настоящим: прошлое буквально колонизируется современностью, теряя свою специфику и становясь «универсальным лицом настоящего» [Будрайтскис 2019]. Массовое обращение к недавней, преимущественно позднесоветской истории «служит не столько бегству в прошлое, сколько исторической легитимации настоящего, замаскированного под эскапизм» [Липовецкий, Михайлова 2021: 129]. Прошлое перестает восприниматься как целостное и завершенное время, отличное от текущей действительности, и «работает» на консервативную повестку. Нам кажется, что рассматриваемые сериалы о вампирах в своем использовании исторической перспективы прямо наследуют описанным выше способам обращения к советскому. И в фантастическом жанре легитимация государ-

¹ Единственное исключение до перестройки — фильм «Вий» (1967).

² Можно вспомнить такие разноплановые сериалы, как «Дневники вампира» (2009–2017), «Настоящая кровь» (2008–2014), «Быть человеком» (2011–2014), «Дракула» (2013–2014), «Дракула» (2020), «Штамм» (2014–2017), «Перерождение» (2019), «Чем мы заняты в тени» (2019–), «Чепелуэйт (2021); список может быть продолжен.

ственности через апелляцию к русской истории обретает новые возможности и едва ли не логическое завершение.

Для подтверждения тезиса о такой преемственности новых сериалов о вампирах предыдущей традиции мы в первую очередь обратимся к уже упомянутой статье Марка Липовецкого и Татьяны Михайловой. В ней прослеживается, как в сериалах постепенно настраивается «система установок, определяющих отношения между изображаемым прошлым и предполагаемым (разрядка здесь и далее моя. — Е. Н.) настоящим» [Липовецкий, Михайлова 2021: 143], и делается вывод о том, что с помощью этих установок формируется новая, не вполне консистентная, но отчетливая генеалогия современного политического порядка.

Второе важное уточнение связано с самим способом постановки проблемы. Рассуждения о прагматике функционирования образов прошлого с помощью фантастических, а не квазиисторических сериалов на первый взгляд может показаться малоубедительным, поскольку фантастическое как жанр снимает вопрос о достоверности исторической репрезентации. Однако в таком типе повествования, лишенном ограничений реалистичных жанров, проекции настоящего на будущее и прошлое могут находить более свободное и потому более полное воплощение. Имея возможности задействовать гораздо более сложные темпоральные структуры, фантастическое «остраивает и реструктурирует опыт нашего собственного настоящего» [Джеймисон 2006: 39]. Благодаря этому свойству в сериалах о вампирах неожиданным образом могут найти наиболее полное развитие тенденции в обращении с историей, которые уже существуют в отечественной сериальной культуре. И формирование этого нового «общего места» в кинорепрезентации русской истории практически недоступно нефантастическим художественным нарративам.

Полагаем, что во всех исследуемых сериалах можно найти одну и ту же модель исторического опыта, легитимирующую нынешний социально-политический порядок. Далее мы покажем, какие образы прошлого формируют эту модель и как, в свою очередь, конструируются сами эти образы.

«Душа моя, как много мы с тобой потеряли»

Ярким сюжетным признаком ретросериалов 2010-х годов становится наличие альтернативных социальных порядков, а центральными героями являются персонажи, трансгрессивные по самому своему роду деятельности: фарцовщики, криминальные авторитеты, цеховики, актеры. Но критика советской системы, связанная с репрезентацией таких альтернативных порядков, оказывается совмещена с консервативной повесткой, поскольку неформальные или полуполициальные организации находятся в имплицитной симбиотической связи с официальной системой. Именно это утверждает преемственность между прошлой эпохой и новой государственностью. Реакционная направленность усиливается созданием утопических моделей прошлого, дублирующихся на визуальном уровне: основой зрительского восприятия становится принцип эстетической утопии, завязанной на безупречные образы советской повседневности [Липовецкий, Михайлова 2021: 131].

Развитие этих признаков мы найдем уже в первом крупном отечественном сериале о вампирах — «Пищеблоке» Святослава Подгаевского. Сериал об олимпийской смене (1980 г.) в пионерском лагере, где по ночам пьют кровь и обращают в вампиров, позиционировался своими создателями «и как развлекательный экшн про вампиров, и ретродрама для ностальгирующего зрителя, и, конечно, философская притча о тоталитарном обществе» [Альперина 2020]. Последнее в полной мере раскрывается, когда главный герой сериала, Валера Логунов, узнает об особенностях вампирского сообщества — системе, выстроенной верховным вампиром (Стратилатом) в лагере «Буревестник». Те, кого Стратилат обращает в вампиров, из вольнодумцев и разгильдяев превращаются в примерных представителей пионерлагеря, безукоризненно выполняющих все уставные предписания и даже в жару не забывающих носить пионерский галстук. Те, у кого вампиры, в свою очередь, пьют кровь, «кормушки», сами не становятся вампирами, но полностью подчиняются воле своих образцовых хозяев. Хозяева, надо сказать, по прошествии года умирают: их «выпивает» сам Стратилат.

Перед нами альтернативный социальный порядок, с помощью которого на первый взгляд критически осмысляется устройство советского общества, выстроенного на принуждении и следовании выхолощенным ритуалам. Здесь же присутствует яркая метафора буквальных жертв, которыми оборачивалось существование советского государства. Сразу отметим, что одна из сторон такого иносказания связана с эпохой позднего социализма³, другая отсылает к более неопределенному континууму ленинско-сталинского времени. Показательно, что при напрашивающихся аналогиях отсутствуют указания на период правления Сталина. Но в романе и в сериале активно «присутствует» ленинская эпоха: для сюжета принципиально, что на месте лагеря в Гражданскую войну велись бои, о чем зритель узнаёт в первой серии из уст сразу нескольких персонажей. И, как станет ясно в конце, именно эти события положили начало «системе» Стратилата: его обращает в верховного вампира белый офицер (что является символической передачей власти).

Но перед нами скорее не критика системы, а конструкция общественного договора, в которой, как в любых утопических моделях общества, в обмен на благо вводятся какие-то ограничения. Благо, которое предлагает включение в вампирское сообщество, на протяжении всего сериала подчеркивается его членами (и вампирами, и «кормушками», и Стратилатом), но не признается главными героями, Игорем и Валерой. Последние объявляют вампирам войну, но в ходе борьбы методы героев становятся все более далеки от справедливости, за которую они сражаются. Игорь цинично использует симпатизирующую ему главную вожатую, Валера все больше ожесточается, избивает неповинного «кормушку» и не останавливается перед тем, чтобы нанести массовые увечья пионерам-вампирам (что крайне драматично обыгрывается в четвертой серии). Именно действия Валеры и Игоря, а не сложившаяся в «Буревестнике» экологическая цепь питания, в итоге приводят к реальным трагическим последствиям. Сначала Игорь случайно застреливает насмерть

³ Эта линия, связанная с осмыслением выхолощенных советских ритуалов и заменой их на «практики вневходимости», особенно ярко представлена в романе Алексея Иванова «Пищеблок» (и является в нем центральной), но в сериале также присутствует.

сторожа лагеря. Затем из-за осуществления плана Валеры по уничтожению Стратилата запертые на пароходе вампиры, разъединенные со своим хозяином, стихийно разрывают на части доктора, что внутри сериала означает не только напрасную гибель еще одного человека, но и необратимую утрату безгрешности детьми-вампирами, которые до этого никого не убивали и не собирались. Довершает моральное поражение Валеры и Игоря невольное обращение Валеры в того, с кем он боролся, в нового Стратилата. «Мы же спасли хоть кого-то, правда ведь? Мы многих спасли?» — неуверенно и скорее сам себя спрашивает Логунов, когда все заканчивается.

Так, перед нами не просто альтернативный социальный порядок, сериал-фантазия на тему «глубинного государства». Новой, оформляющейся частью нарратива становится идея разрушительности борьбы с этим социальным порядком, что при всех видимых недостатках легитимирует его. В хрестоматийной гоббсовской конструкции общественного договора право на чрезвычайные полномочия могут быть только у одной стороны, поэтому мы найдем мотив превращения в монстра в процессе борьбы с ним в каждом из наших сериалов. Привнесение фантастического элемента в лице вампира отлично работает на такую конструкцию: с одной стороны, монструозные свойства вампиров оттеняются тем, что творят сами люди (чем косвенно удостоверяется необходимость системы). С другой стороны, натурализуется аргумент, связанный с насилием, лежащим в основании такой системы: пить кровь и подчинять своей воле — в природе вампира. Об этом напоминает Валере Серп Иванович, когда тот становится новым Стратилатом: «Думаешь, можно свою природу на привязи держать? От судьбы не уйдешь».

Окончательно понятия добра и зла (которые должны быть критериями для борьбы против системы) размываются, когда во флэшбеках раскрывается, что Стратилат (и это ключевое расхождение сериала с книгой) в юности был таким же честным и принципиальным, как Валера. Он даже долгое время отказывался пить кровь. Перед смертью, заходя в костер, он говорит: «Я ни о чем не жалею, смотри, какую страну мы построили». Злодей оказывается ангелом-хранителем советской системы, которого главному герою лишь предстоит понять и чей путь, судя по всему, придется повторить. Развязка сериала указывает на циклическую структуру, утверждающую надежную преемственность между эпохой позднего социализма и современностью.

Здесь проступает сразу несколько важных мотивов, выделенных Липовецким и Михайловой по отношению к ретросериалам, важнейший из которых — мотив предательства, в том числе собственных идеалов, как необходимый ритуал инициации при вступлении в ряды сегодняшнего «глубинного государства»⁴.

Тема борьбы с системой в «Пищевлоке» не просто совмещается с реакционной риторикой. Сразу на нескольких уровнях задается утопическая перспектива, которая и делает возможным отношение ностальгии по такому

⁴ «По-видимому, момент предательства и/или самопредательства прежнего (по большей части воображаемого) идеализма и обозначает мифологическую точку происхождения современного культурного, политического и символического режимов власти. Именно эту мифологию формируют если не все, то наиболее значительные ретросериалы 2010-х» [Липовецкий, Михайлова 2021: 143].

прошлому. В связи с этим победа героев над Стратилатом не выглядит победой, а отъезд из злополучного лагеря, который теперь закроют, оказывается скорее изгнанием из рая. Мотив утраты окончательно утверждается современной музыкальной композицией, под которую заканчивается сцена отъезда и начинаются финальные титры: «*Душа моя, как много мы с тобой потеряли. / Прости, что мы искали не то и не остались собой. / Мы сами все поменяли местами, знаю*»⁵. Что возвращает, казалось бы, отнятую формулу утопии советского пионерского лагеря, но в новом качестве. По классическому определению Мангейма принципиальными свойствами утопии является подрыв существующего порядка и направленность в будущее (застывшая или осуществляющаяся утопия становится идеологией). Перед нами же то, что Фредерик Джеймисон называет «утопией после конца утопизма» [Джеймисон 2019]: лишившиеся (с компрометацией больших нарративов) направленности в будущее утопии становятся локальными и пространственными. Причем можно увидеть, что эта пространственная утопия лагеря «Буревестник» вмещает в себя разные слои русской истории, каждый из которых становится значим и «работает» на нарратив. Эпоха раннего СССР представлена темой Гражданской войны и ее последствий; 1980-е годы — непосредственное время событий; значимость дореволюционного наследия задается ролью внутри повествования разрушенной старинной церкви близ лагеря (на символическую значимость церкви указывает то, что ее наличие постоянно подчеркивается на уровне панорамных планов). Современность вводится как минимум на уровне циклической структуры и способа репрезентации (о последнем см. ниже). Запомним это напластование времен.

Второй отличительный признак этой утопии — она «дублируется» на уровне изображения. Общая черта российских квазиисторических сериалов — создание на экране лакированных версий повседневности. Но в «Пищевом блоке» принцип эстетической утопии вводит логику разрыва со временем, которое становится объектом репрезентации. Очевидная ориентация на западные каноны, яркая до неестественности цветовая палитра, обилие компьютерных спецэффектов — все это отсылает к эстетике молодежных сериалов в духе «*Stranger things*» и обнажает демонстративный взгляд из современности. Такую «гламуризацию» советской повседневности, конечно, можно понять в категориях ностальгического любования артефактами прошлого. Но скрупулезно отобранные создателями сериала приметы эпохи (детали быта, одежды, интерьеры, удачно подобранные советские типажи), воспроизведенные таким образом, вместо эффекта аутентичности создают ощущение дистанции по отношению ко времени, о котором идет речь. Интересно, что похожий прием можно встретить в авторском ностальгическом кино, Наталья Самутина называет его ироническим смещением: «резкий контраст между разными культурными языками» [Самутина 2007: 42]. Но если изначально в авторском кино этот прием вводится для проблематизации исторического времени, благодаря ему «фильм, не теряя своих ностальгических ноток, превращается порой в жесткое размышление о парадоксах восприятия прошлого, или сам становится

⁵ Эта версия песни создана специально для сериала, оригинальный трек группы NAT гораздо менее ностальгичен и начинается так: «*Душа моя, смотри на меня теми глазами, / Что мы листали ленты новостей, и оставаясь собой*».

симптомом этих парадоксов» [Самутина 2007: 7], здесь происходит обратный эффект. Ироническое смещение в «Пищевлке» выводит изображение потенциально опасного прошлого (вспомним кровавые метафоры) из сферы исторической рефлексии, закрепляя за происходящим лубочный, развлекательный характер. Оно также вводит принцип аисторичности, благодаря которому становится возможна описанная выше пространственная утопия, включающая в себя несколько временных пластов.

Таким образом, объектом колонизации и способом говорить о современности становится не только недавнее прошлое, к которому формально относится повествование. Значимая часть нарратива — совмещение этого времени с более ранними периодами советской и, шире, русской истории. Что, сразу стоит отметить, достигается нивелированием идеологических противоречий между этими эпохами.

«У нас все по договору»

Сериал «Карамора», вышедший с января по начало марта 2022 г. на платформе «Start», стал одним из самых громких и спорных проектов последнего времени, в первую очередь из-за необычной жанровой принадлежности. Он с самого начала позиционировался авторами как альтернативная история, вольная фантазия на тему Серебряного века и революции, в которой «люди, которые знают историю, будут находить для себя массу отсылок, пасхалок, приветов» [Садков 2022]. И действительно, в этой альтернативной реальности (события формально разворачиваются около 1910 г.) Распутин оказывается вампиром Александром I, встречаются Столыпин и Сталин, «правильные» вампиры борются с русским Джеком Потрошителем, Льву Толстому можно сказать: «На словах вы Лев Толстой, а на деле...», а главный герой отпускает в Карпатах на свободу паренька со словами «Смотри, не наделай глупостей». Паренька зовут Гаврила Принцип. Речь героев пестрит отсылками как к рандомным историческим эпохам, так и к легко опознаваемым российским реалиям (от «Кадры решают все» и «Кавказ — страна возможностей» до «Не надо раскачивать лодку» и «ужин с доставкой на дом»). На уровне изображения постмодернистская игра также подчеркивается: шикарные интерьеры и предметы дворянского быта создают атмосферу декаданса, но бесчисленное количество визуальных цитат из жанровых фильмов, прежде всего боевиков и хорроров, вписывает сериал в широкий контекст западной киноиндустрии. Перед нами типичный пример того, что Саймон Рейнольдс назвал ретроманией, — ироничного подхода, при котором новое создается путем пересборки эклектично набранных фрагментов прошлого для порождения забавного «бриколажа культурной безделицы» [Рейнольдс 2015: 39].

В таком нарративе, казалось бы, жонглирование образами прошлого делается ради самой игры, ради эстетического и интеллектуального наслаждения, снимая вопросы о любых тотальных нарративах и идеологических конструкциях. Поэтому и споры о «Караморе» велись именно вокруг вопроса об уместности такого свободного обращения с российской историей. Однако визуальный аттракцион оказывается совместим с конкретными идеологическими коннотациями и вполне инструментальным использованием образов прошлого, с

одной стороны; с другой стороны, здесь можно увидеть подобный «Пищевлоку» способ напластования времен.

Обращает на себя внимание сам характер осовременивания прошлого. Различные события и целые сюжетные линии показываются в сериале не как связанные с определенной исторической эпохой и поэтому обладающие инаковостью (что устанавливало бы дистанцию между настоящим и прошлым); наоборот, объясняемые через современные отсылки, они теряют специфичность. Крайне показателен момент во второй серии, когда знаменитая поэтическая дуэль между Северянином и Маяковским изображается как рэп-баттл, ведущий вечера даже начинается его фразой «Пошумим, господа»⁶. Ироническое смещение (мы условились, что это резкий контраст между разными культурными языками) здесь уже не задает дистанцию между объектом и его презентацией, как в «Пищевлоке», а, наоборот, устанавливает знак равенства между практиками прошлого и настоящего: и культурными, и коммуникационными, и политическими (последнее принципиально, так как основная тема сериала — борьба за власть и политические интриги). Это «прописывание» настоящего в прошлом делается не назидательно, не дидактично, а как бы понарошку. Что парадоксальным образом обеспечивает большую свободу в освоении прошлого настоящим.

Главный герой «Караморы» — революционер-анархист Пётр Каразин по кличке Карамора, мечтающий о том, как вместе с царским режимом уйдут произвол власть имущих и бесправие простых людей. Вскоре после выполнения задания, на котором при таинственных обстоятельствах погибает вся боевая группа Караморы, он узнает, что во главе всех правящих в Европе династий, включая российскую, стоят вампиры. Из вампиров же состоит тайная организация, которая надежно охраняет эту власть. Поняв, в чем настоящий секрет живучести политического строя в России, Карамора клянётся уничтожить вампиров и восстановить социальную справедливость. Таким образом, перед нами на первый взгляд опять альтернативный социальный порядок, метафорически воспроизводящий критику системы. Причем не только дореволюционной власти, поскольку пороки царского режима принципиально осовременены и обрастают множеством ассоциаций с современной политической ситуацией (вплоть до шуток про несменяемость власти в России). А монструозный характер такой власти лишь подтверждается тем, что она принадлежит вампирам.

Но очень быстро под сомнение ставится не только легитимность власти, но и легитимность борьбы с ней. Во-первых, уже во второй серии оказывается, что вампиры не узурпаторы, они используют свою сверхчеловеческую силу, руководствуясь идеей блага: для защиты государства и народа, в том числе от разных преступников (к которым, конечно, принадлежат и революционеры). Когда вампир Руневский объясняет новообращенной Алине устройство этого альтернативного социального порядка, он прямо ссылается на Гоббса:

У нас все по договору. Общественный договор, Гоббс. Слышали?
Власть защищает людей, а люди платят налог. Только вместо монет

⁶ Отсылка к разошедшейся на мемы фразе Александра «Ресторатора» Тимарцева, которой он как ведущий объявляет начало рэп-поединка в шоу «Versus Battle».

кровь. (...) У каждого своя роль. Придут другие после нас, и будет то же самое, —

утверждается циклическая структура. В сложившейся системе есть «плохие» звенья: пекущиеся только о себе субъекты (Юсупов) или продажные исполнители (Дашков), но во главе ее стоят носители гражданских добродетелей, которые подчиняют свои интересы служению родине (Столыпин, Свешников, Руневский, отчасти Распутин, несмотря на откровенно пародийный образ последнего). Моральный облик этих «хороших» вампиров выгодно отличается их от «человеческих» персонажей сериала, по большей части властолюбивых, продажных и/или жестоких.

Во-вторых, еще отчетливее, чем в «Пищевом блоке», дискредитируется идея борьбы со сложившейся системой: из-за действий Караморы постоянно гибнут невинные, а сам герой становится все более жесток и безумен в своих методах. В итоге он чуть не «топит город в крови» (такую характеристику его действиям дают стоящие по разные стороны баррикад вампир-монархист Руневский и революционер Ткачѳв). Мысль о том, что нет монстров хуже самих людей, высказывается на протяжении сериала самыми разными персонажами — и людьми, и вампирами. Именно действия людей, а не вампиров, в первую очередь самого Караморы, раз за разом приводят к трагическим последствиям. Люди же, а вовсе не вампиры (которые показаны как прекрасно овладевшие искусством укрощать свою природу) дают волю своим темным инстинктам, от воли к власти до стремления мучить других ради собственного удовольствия. Еще нагляднее, чем в «Пищевом блоке», образ вампира как монстра меркнет перед монструозностью самого человека. Что имплицитно указывает на необходимость укрощения человеческой природы договором. К этому стоит добавить, что недостатки государственного устройства, с которым борется Карамора, по большей части з в у ч а т (но не демонстрируются) в рассказах-предысториях революционеров и лишены той зрелищности, которую приобретают разрушительные последствия борьбы с режимом. А невероятно запутанная сюжетная линия с двойными и тройными агентами окончательно подрывает идею обоснованной и успешной борьбы за справедливость. Так внутри постмодернистской фантазии на тему несвершившейся революции отчетливо проступает консервативная повестка: несмотря на то что система несовершенна, альтернатива ей гораздо страшнее. И доказательной базой оказывается существующая уже в открытом виде по сравнению с «Пищевым блоком» конструкция общественного договора, легитимирующая необходимое насилие.

Как мифологические персонажи вампиры не просто нарушают культурные табу и юридические нормы. Своим существованием они отменяют самую неотменяемую границу — между жизнью и смертью — и посягают на эту границу у других. Поэтому если в ретросериалах через обращение к альтернативным социальным порядкам утверждается трансгрессивный характер истинной власти, то здесь, равно как и в других рассматриваемых нами сериалах, вампиры — яркое воплощение идеи о том, что источником власти является преодоление запретной черты. Необходимая и «натурализованная» трансгрессивность вампиров-силовикиков противопоставляется противоестественной — сопротивлению сложившемуся социально-политическому порядку. Насилие,

проявляемое не государственниками, внутри такой модели неприемлемо (в четвертой серии «Караморы» даже получает признание концепция сопротивления злу насилием Льва Толстого).

В связи с этим противостояние между революционерами и монархистами становится способом высказаться о политических протестах 2010-х: в аргументах обеих сторон звучат опознаваемые оппозиционные и провластные тезисы, так называемая риторика Болотной площади и Поклонной горы. Особенно показательна сцена в седьмой серии, где Руневский приходит к Караморе в тюрьму и расспрашивает бунтаря о целях и мотивах его сопротивления. С первых минут сериала в глаза бросались гротескность, излишняя пафосность в речах и образе Караморы, заставлявшие заподозрить пародийный характер персонажа (намеренно или нет, Данила Козловский блестяще отыгрывает эту искусственность своего героя). И в сцене, когда антагонисты прямо сталкиваются, это подтверждается: перед нами две идеи блага, но дискурс морального превосходства вложен в уста монархиста. Выслушав по-своему логичные, но абстрактные рассуждения о справедливости, вампир резюмирует: «Такие, как я, пьют кровь литрами, а такие, как ты, проливают ее тоннами»⁷. Что, собственно, чуть не происходит, а не свершившаяся революция Караморы приравнивается к спасению Санкт-Петербурга и мира в России.

Интересно, что в сериале не просто присутствует консервативная повестка, а происходит прямое отождествление органов насилия с моралью и идеализмом, как в советском жанровом кино. Марк Липовецкий и Татьяна Михайлова отмечают, что в ретросериалах 2010-х очевидны тенденции к возвращению к такой модели морального императива (можно проследить эволюцию образов силовиков от злодеев к ангелам-хранителям), но «в современной культуре, несмотря на неискоренимую и все возрастающую любовь к силовикам, такого рода отождествление все же трудноосуществимо» [Липовецкий, Михайлова 2021: 135]. Уже в «Пищеблоке» злодеи-силовики оказываются скорее ангелами-хранителями⁸ существующего порядка. В «Караморе» же благодаря ироническому смещению, помещающему все изображаемое в кавычки, становится возможным безопасно возродить советскую дискурсивную модель. Забегая немного вперед, можно сказать, что в «Вампирах средней полосы» вампир-милиционер Анна также является моральным камертоном и рупором гражданской добродетели.

Утопическое измерение снова складывается из нескольких компонентов. С одной стороны, сильное перцептивное воздействие оказывают стильные образы и качественная режиссура, совмещенные для зрителя с наслаждением слож-

⁷ Особые интертекстуальные связи в этой сцене закладываются тем, что роль главного рупора морального императива сериала, Руневского, играет Филипп Янковский — режиссер «Статского советника» (2005). Важнейшим в «Статском советнике» становится сюжет с организацией террористической деятельности чиновниками высшего уровня (что повторяется в «Караморе»). А в конце фильма Эраст Фандорин принимает сложное для себя, но патриотичное решение оставаться на государственной службе даже при недостойных руководителях.

⁸ Мы опустили сюжетную линию в сериале «Пищеблок» с погибшим вампиром — братом Валеры, — который является архетипическим волшебным помощником, но она полностью вписывается в эту концепцию. И характерно, что в книге ее нет, так же как нет намек на положительный образ Стратилата.

ным сюжетом и разгадыванием различных отсылок, в том числе визуальных. Утверждать, что утопический элемент присутствует в репрезентации самой системы, здесь, в отличие от «Пищеблока», нельзя (несмотря на консервативную направленность сериала). Но утопия в сериале все-таки есть, что подтверждается в последней серии, когда революция окончательно отменяется. Смена режима не происходит не просто потому, что Карамора, разуверившийся в своих действиях, взрывает лидеров движения во главе с Лениным и Сталиным, а потому, что революционеры не успевают обратить большевиков в вампиров, что гарантировало бы им успех (именно такие планы обсуждаются на собрании, на которое Карамора приходит с бомбой). То есть на символическом уровне они не успевают получить potestas, право на исключительное использование силы, которым по своей природе обладает вампир. Это использование неограниченной силы, как нам кажется, и есть утопия, за которую борются представители всех политических группировок в сериале, и воплощена она в теле вампира. Когда Фредерик Джеймисон пишет о специфическом характере утопий «после утопизма», он обращает внимание на то, что опространствливание утопии «проецируется на понимание места и ландшафта, включая человеческое тело» [Джеймисон 2019: 349]. В другом месте он пишет, что мутация пространства (базовая характеристика постмодерна, так называемое постмодернистское гиперпространство, с которым он, в частности, связывает утрату чувства истории в современную эпоху) влечет за собой переосмысление всех пространственных координат и «требует в каком-то смысле отрастить новые органы, расширить наш сенсориум и тело до новых, пока еще не мыслимых, а может в конечном счете и невозможных измерений» [Там же: 146]. Можно поставить вопрос о коллективном фантазме, проекцией которого становится тело вампира, в данном случае — всевластное тело.

Так, с одной стороны, перед нами снова опространствленная утопия, локализованная в данном случае в физической оболочке вампира. С другой стороны, кажется не случайной продемонстрированная в «Караморе» историческая перспектива, в которой современность неотличима от прошлого, представляющего собой неопределенный временной континуум, без существенных противоречий вмещающий и дореволюционное, и советское (преимущественно раннесоветское) наследие. Не свершившаяся революция в контексте принципиального осовременивания всех практик в сериале указывает на преемственность между царской Россией и новейшей государственностью. И это гораздо более плотный, нежели в «Пищеблоке», вариант освоения прошлого современностью, абсорбирующий не только и не столько советскую историю, сколько дореволюционную, и все эпохи максимально уравнивает.

«Здравствуйте, призраки завтра»

Если для сериалов «Карамора» и «Пищеблок» центральной становится тема борьбы с системой и вампирами, которые ее поддерживают, то структура третьего нашумевшего вампирского сериала — «Вампиры средней полосы», казалось бы, принципиально отлична. В центре сюжета детективная история с убийством неизвестным вампиром человека, что является грубейшим

нарушением древнего договора, за которое преступник должен быть лишен своей вечной жизни. Хранители договора (люди) готовы осудить членов клана деда Славы, и теперь клан должен найти настоящего убийцу или понести наказание. Благодаря внутренней фокализации (история излагается с точки зрения вампиров) быстро становится понятно, что обвиняемые здесь совершенно ни при чем, напротив, они являются образцовыми членами общества⁹ и носителями выдающихся моральных качеств, буквально лучшей версией самих людей. На это указывает уже название сериала, отсылающее к рассказу Пелевина «Проблема верволька в средней полосе» (1991)¹⁰. Монструозность вампиров опять оказывается мнимой сравнительно с тем, на что способен обычный человек: хранительница шантажирует деда Славу исполнением договора. Впоследствии она казнит невиновного вампира и готова приговорить остальных, потому что ей пообещал вечную жизнь настоящий убийца. Вампиры же, наоборот, готовы сами казнить одного из членов своей семьи, если он действительно нарушил договор. Интересно, что следование закону не просто становится мерилом добродетели и показателем нравственности: в сериале задается тема его правильного и неправильного исполнения. Вампиры следуют древнему соглашению, руководствуясь представлениями о том, что является лучшим для людей, а хранители следуют закону буквально. Нетрудно предположить, что именно такой бюрократизм и делает возможным злоупотребление хранительницы Ирины Бредихиной своими полномочиями¹¹, что раз за разом приводит к трагическим последствиям.

Так, договор (и заодно альтернативный социальный порядок) в этом сериале оказывается под угрозой, но не потому, что с его существованием связано наличие нравственного компромисса, как в «Пищеблоке» или «Караморе», а из-за слабости человеческой натуры. В отличие от предыдущих сериалов, связанных с размыванием границ добра и зла и вводящих тему неоднозначности моральных категорий, «Вампиры средней полосы» завязаны на легко опознаваемые бинарные оппозиции: «хорошо — плохо», «правильно — неправильно», «свое — чужое». Этой системе подчинена и конструкция исторического времени. Один из основных источников сюжета и характеров здесь — идея о том, что вампиры как долгожители являются носителями ценностей и культурных норм других эпох. Впервые эта мысль крайне оригинально была обыграна в фильме «What We Do in the Shadows» Д. Клемента и Т. Вайтита (2014), где базовая принадлежность сверхъестественных существ к другому времени, другим социальным и коммуникативным порядкам являлась источником комического. Отсталость вампиров подчеркивала их неспособность вписаться в современное общество, с ее помощью высмеивались, что немало важно, патриархальные, расистские, сексистские виды дискриминации, свойственные прошлому [Limpar 2018]. Показательно, что в «Вампирах средней

⁹ Вампир Анна даже шутит, что клан представляет собой полный социальный набор: капитан полиции, врач, педагог, пенсионер, подросток.

¹⁰ В рассказе описывается инициация молодого оборотня. В частности, после инициации (боя) вожак стаи вервольков вскользь объясняет новообращенному, как устроен этот мир, и новообращенный узнаёт, что только оборотни — «реальные люди».

¹¹ Ее сын будет поступать так же, по крайней мере в первом сезоне. Второй сезон на момент публикации данной статьи еще не вышел на экраны.

полосы», напротив, укорененность вампиров-долгожителей в других временах, в традиции становится истинной причиной их высоких нравственных качеств. Отчетливо артикулируется воспитательная функция исторического прошлого, и тем острее встает вопрос об особенностях его репрезентации.

Дед Слава — полуфольклорный персонаж: он говорит пословицами и поговорками, через которые подчеркивается его близость к народной культуре. Но прежде всего, и это яркая особенность сериала, главный герой неразрывно связан с советской образностью. Неистовый поборник этого периода, дед Слава окружает себя исключительно предметами советского быта, транслирует советские паттерны поведения, в свободное время перечитывает старые номера газеты «Правда» и слушает молодого Валерия Леонтьева. С одной стороны, и это лежит на поверхности, сериал активно эксплуатирует тему ностальгии по советскому. Зрительское удовольствие здесь в первую очередь связано с узнаванием и любованием эстетизированной советской повседневностью, эффектно преобладающей не только в квартире семьи деда Славы (где происходит значительная часть действия), но и на уровне репрезентации общественных пространств Смоленска. Можно было бы сказать, что «Вампиры средней полосы» — это образцовый пример реставрирующей ностальгии с ее стремлением повернуть время вспять и возратить прошлое, хотя бы посредством полной реконструкции, поскольку, как пишет Светлана Бойм, в этом случае (в отличие от рефлексивной ностальгии) «временной разрыв компенсируется опытом близости и доступности объекта вожелания» [Бойм 2019: 110]. Но есть два момента, на которые стоит обратить внимание. Во-первых, в сериале заметна нормализация самых неоднозначных сторон советского опыта: в речах деда Славы иной раз всплывает фигура Сталина: «Что нам с Иосифом Виссарионовичем наши органы расскажут»; «Есть у нас со Сталиным одна кровавая тайна»; «Сталина на вас нету! Или Грозного». Полицейский, влюбленный в вампира Анну, буднично рассказывает, что его «отец работал на Лубянке». Во-вторых, важную роль в формировании образа значимого и «правильного» прошлого играет не только советская, но и дореволюционная эпоха. На уровне ролевых моделей этот пласт истории вводится в связи с вампирами маркизом Жаном и графиней Ольгой, привносящими в сериал дух дворянства и одновременно эстетику его упадка (театральный педагог Ольга даже ставит со студентами «Дворянское гнездо» Тургенева), на уровне ярких примет времени — архитектурой значимых для повествования зданий. Так, хотя изнутри квартира вампиров напоминает музей советской эпохи, снаружи это типичная дореволюционная постройка, что в каждой серии подчеркивается съемкой дома длинными планами. Время имперской России также постоянно «материализуется» в кадре благодаря церквям и дворянским усадьбам, одной из которых, переоборудованной, является больница Жана.

Такая тенденция к объединению исторических эпох для репрезентации настоящего постоянно встречается в сериале на уровне операторской работы — панорамных планов, в которых из раза в раз весьма изобретательно совмещаются разнородные исторические и современные сооружения. Смешению времен способствует и аудиальное оформление: его важной частью, несмотря на все вышеперечисленное, становятся именно ультрасовременные российские и осовремененные позднесоветские музыкальные треки. Показа-

тельна музыкальная сцена в «новогодней» серии («Новая кровь»), когда семейство деда Славы украшает елку вразнобой дореволюционными и советскими игрушками под звучащую за кадром песню «Все как у людей» Егора Летова.

Образы дореволюционной и советской России, транслируемые через «хороших» вампиров, объединяются до внутренне консистентной структуры «правильного» времени, противопоставленного времени «вывихнутому» — периодам внегосударственности. Это особенно заметно по внешнему облику отрицательных персонажей: «плохой» вампир Клим напоминает язычника, а дружина хранительницы Ирины Бредихиной, престаупающей закон, выглядит как бригада из «лихих 90-х».

Таким образом, помимо эстетической утопии (визуально безупречный видеоряд), утопическое в сериале связано с утверждением единой культурной традиции, и вампиры, как живая руина, самой своей физической оболочкой содержащие память о других временах (время буквально объективировано в их бессмертных телах), становятся ее живым воплощением¹². Создание непротиворечивого образа прошлого происходит благодаря стиранию существенных различий между разными периодами российской истории до идеи единого значимого для настоящего исторического процесса. Вместе с тем это еще один, третий (после «Пищблока» и «Караморы») способ нейтрализации потенциально опасных аспектов российской и советской истории. И в сериале, действие которого происходит в настоящее время, в чистом виде создается утопическая модель прошлого. Польский социолог Зигмунт Бауман [2019] называет утопии, идея прогресса в которых связана не с будущим, а с прошлым, ретроутопиями. В «Вампирах средней полосы» само тело вампира дает возможность воплотить такую структуру исторического опыта, и интересно, что Бауман, как и Джеймисон, связывает развитие утопического воображения с телесностью. Он пишет о том, что если ретроутопия — это диагноз культуре, потерявшей веру в улучшение общества, то сама идея улучшения трансформируется в озабоченность телом и «хорошим самочувствием» [Бауман 2019: 126]. В этом смысле довольно симптоматично, что кризис общественных договоров с разной степенью интенсивности во всех трех рассмотренных нами сериалах воплощен с помощью модифицированных тел — тел вампиров. И здесь мы подходим к нашему заключительному предположению о прагматике и значении эволюции в репрезентации истории, которая происходит в новейших фантастических сериалах по сравнению с квазиисторическими сериалами 2010-х годов.

Тысячелетнее царство

Если в российских сериалах 2010-х годов для легитимации государственности активно используется эпоха позднего социализма, то к началу следующего десятилетия подобная «работа» с прошлым распространяется на всё более ранние слои времени. Характерной особенностью инструментализации истории,

¹² Но, в отличие от ситуации, когда руина как конструкция исторического опыта дает увидеть и удержать в объекте сложную темпоральную структуру (см., например: [Гавришина 2015]), здесь она, напротив, приводит разные временные режимы к состоянию однородности.

доступной именно фантастическим нарративам, становится единовременное обращение к разным историческим периодам с устранением социально-культурных противоречий и идеологических различий между ними. Новыми средствами конструируется представление о непрерывном историческом процессе, частью которого является актуальный социально-политический порядок.

Создание такого «общего места» крайне созвучно одному из наиболее востребованных политических понятий последнего времени — концепции исторической России. Использование этого понятия можно найти «практически во всех больших “исторических” статьях президента Владимира Путина, в выступлениях бывшего министра культуры, а ныне помощника президента Владимира Мединского, не говоря уже об обширной провластной или патриотической публицистике» [Олейников 2021]. В этих контекстах историческая Россия подразумевает единую и исторически обусловленную линию развития российской государственности, в которой Советский Союз явился «органическим» преемником дореволюционной России, точно так же как Российская Федерация в нынешнем ее виде является наследницей «исторически сложившегося государственного единства» (поправки к Конституции Российской Федерации от 2020 г. [Конституция 2020. Ст. 67.1]). То есть, с одной стороны, эта мифологема «указывает на принципиальную тождественность дореволюционной России и Советского Союза», с другой — ее наличие становится важнейшим аргументом для оправдания внешней политики России, поэтому с 2014 г. понятие исторической России активно берется на вооружение официальными властями [Олейников 2021].

Конструкция исторического опыта, которую можно увидеть в отечественных сериалах о вампирах, по сути, изоморфна такому пониманию исторической России. Несмотря на несходство сюжетов и разные стратегии осовременивания прошлого, все три сериала (полагаем, примеров может быть гораздо больше) заметно тяготеют к производству пространственной утопии, которая бы максимально согласованно включала в себя и гомогенизировала дореволюционную, советскую и современную эстетику. С помощью задаваемой таким образом единой перспективы исторического развития устанавливается прямая преемственность между «Тысячелетним царством»¹³ и сегодняшней российской государственностью. Вместе с тем в вампирской метафоре находит яркое воплощение не только идея «органической» сущности российской власти, но и представление о ее необходимой трансгрессивности.

Источники

Альперина 2020 — *Альперина С.* Вышел трейлер сериала «Пищеблок» по роману Алексея Иванова // Российская газета. 2020. 16 окт. URL: <https://rg.ru/2020/10/16/vyshel-trejler-seriala-pishcheblok-po-romanu-alekseia-ivanova.html>.

Конституция 2020 — Конституция Российской Федерации [с изменениями от 2020 г.] // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/95c44edbe33a9a2c1d5b4030c70b6e046060b0e8.

¹³ В своих статьях и выступлениях президент Владимир Путин часто ссылается на тысячелетнюю историю Российского государства. См., например: [Путин 2012]; речь В. В. Путина на параде Победы 9 мая 2019 г. [Парад 2019].

- Парад 2019 — Парад Победы на Красной площади // Kremlin.ru. 2019. 9 мая.
URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60490>.
- Путин 2012 — *Путин В.* Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв. URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html.
- Садков 2022 — *Садков П.* Данила Козловский про сериал «Карамора»: «Мы играем с историей и ни на кого не намекаем» // Комсомольская правда. 2022. 22 янв.
URL: <https://www.kp.ru/daily/27354.5/4535286>.

Литература

- Бауман 2019 — *Бауман З.* Ретротопия / Пер. с англ. В. Л. Силаевой; Под науч. ред. О. А. Оберемко. М.: ВЦИОМ, 2019.
- Бойм 2019 — *Бойм С.* Будущее ностальгии / Пер. с англ., предисл. А. Стругача. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Будрайтскис 2019 — *Будрайтскис И.* Брежнев как современник? Ностальгия, ретромания и колонизация советского // Неприкосновенный запас. 2019. № 2 (124). С. 230–237. [Цит. по электрон. версии]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2019/2/brezhnev-kak-sovremennik-nostalgiya-retromaniya-i-kolonizatsiya-sovetskogo.html>.
- Гавришина 2015 — *Гавришина О. В.* Фотография как руина // Шаги/Steps. Т. 4. № 3–4. 2018. С. 59–67.
- Джеймисон 2019 — *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. 2-е изд., испр. / Пер. с англ. Д. Кралечкина; Под науч. ред. А. Олейникова. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2019.
- Джеймисон 2006 — *Джеймисон Ф.* Прогресс versus утопия, или Можем ли мы вообразить будущее? / Пер. А. Горных // Фантастическое кино. Эпизод первый: Сб. ст. / Сост. и науч. ред. Н. Самутина. М.: Нов. лит. обозрение, 2006. С. 32–49.
- Липовецкий, Михайлова 2021 — *Липовецкий М., Михайлова Т.* Больше чем ностальгия (Поздний социализм в телесериалах 2010-х годов) // Новое литературное обозрение. 2021. № 3 (169). С. 127–147.
- Олейников 2021 — *Олейников А.* Откуда есть пошла «историческая Россия» // Фонд Либеральная Миссия. 2021. 11 окт. URL: <https://liberal.ru/authors-projects/otkuda-est-poshla-istoricheskaya-rossiya>.
- Самутина 2007 — *Самутина Н. В.* Идеология прошлого в современном европейском кино. Препринт WP6/2007/01. М.: ГУ ВШЭ, 2007.
- Рейнольдс 2015 — *Рейнольдс С.* Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого / Пер. В. Усенко. М.: Белое Яблоко, 2015.
- Шёнле 2018 — *Шёнле А.* Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени / Авториз. пер. с англ. А. Степанова. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.
- Limpar 2018 — *Limpar I.* Masculinity, visibility, and the vampire literary tradition in *What We Do in the Shadows* // Journal of the Fantastic in the Arts. Vol. 29. No. 2 (102). 2018. P. 266–288.

References

- Bauman, Z. (2017). *Retrotopia*. Polity Press.
- Boym, S. (2002). *The future of nostalgia*. Basic Books.
- Budraitskis, I. (2019). Brezhnev kak sovremennik? Nostal'giia, retromaniia i kolonizatsiia sovetskogo [Brezhnev as a contemporary? Nostalgia, retromania, and the colonization of the Soviet]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2019(2, no. 124), 230–237. (In Russian).
- Gavrishina, O. V. (2018). Fotografiiia kak ruina [The photograph as ruin]. *Shagi/Steps*, 4(3–4), 59–67. (In Russian).

- Jameson, F. (1982). Progress versus utopia; or, Can we imagine the future? *Science Fiction Studies*, 9(2), 147–158.
- Jameson, F. (1990). *Postmodernism, or The cultural logic of late capitalism*. Duke Univ. Press.
- Limpar, I (2018). Masculinity, visibility, and the vampire literary tradition in *What We Do in the Shadows*. *Journal of the Fantastic in the Arts*, 29(2, no. 102), 266–288.
- Lipovetskii, M., & Mikhailova, T. (2021). Bol'she chem nostal'giia (Pozdnii sotsializm v tele-serialakh 2010-kh godov) [More than nostalgia: Late Socialism in TV series of the 2010s]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 2021(3, no. 169), 127–147. (In Russian).
- Oleinikov, A. (2021, October 11). Otkuda est' poshla "Istoricheskaiia Rossiia" [Where did "Historical Russia" come from?]. *Fond Liberal'naia Missiia*. <https://liberal.ru/authors-projects/otkuda-est-poshla-istoricheskaya-rossiya>. (In Russian).
- Samutina, N. V. (2007). *Ideologiia proshlogo v sovremennom evropeiskom kino* [Ideology of nostalgia: Problem of the past in contemporary European cinema] (Preprint WP6/2007/01). GU VShE. (In Russian).
- Schönlé, A. (2011). *Architecture of oblivion: Ruins and historical consciousness in modern Russia*. Northern Illinois Univ. Press
- Reynolds, S. (2011). *Retromania: Pop culture's addiction to its own past*. Faber and Faber.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Елена Юрьевна Нагаева

старший преподаватель, кафедра культурологии и социальной коммуникации, историко-филологический факультет, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (495) 956-96-47
преподаватель, кафедра истории и теории культуры, факультет культурологии, Российский государственный гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-27
✉ shepes_anh@mail.ru

Elena Yu. Nagaeva

Senior Lecturer, Department of Cultural Studies and Social Communications, Faculty of History and Philology, Institute for Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (495) 956-96-47
Lecturer, Department of History and Theory of Culture, Faculty of Culturology, Russian State University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-68-27
✉ shepes_anh@mail.ru

А. В. Стогова

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

*Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

НЕЗАВЕРШЕННЫЙ ЛУВР: ОБЩЕЕ МЕСТО КАК СПОСОБ ПРИСВОЕНИЯ

Аннотация. В современной публичной культуре существует стереотипная интерпретация истории Луврского дворца как многочисленных последовательных попыток реализации «Великого проекта» (*Grand dessein*), зародившегося еще в XVI столетии. Однако такое видение истории Лувра складывается только в XIX в., хотя нарратив о его незавершенности существовал гораздо дольше. В статье анализируется происхождение и трансформация этого нарратива на протяжении XVII и XVIII столетий. Несмотря на языковую преемственность, связанную с устойчивостью самого выражения «завершить Лувр» (*achever le Louvre*), значение, которое вкладывалось в идею завершения, претерпевало существенные изменения. Зародившийся в контексте утверждения и прославления сильной королевской власти Людовика XIV, нарратив впоследствии был заимствован критиками правления его правнука Людовика XV и сыграл значимую роль в превращении королевского дворца в национальное достояние. К 1760-м годам в публичных дискуссиях о Лувре его завершение превращается в аллегорию процесса цивилизации, осуществляемого во имя национальных интересов. Произошедшие изменения во многом способствовали становлению последующей интерпретации истории Лувра и воплощению масштабного проекта его объединения с дворцом Тюильри.

Ключевые слова: Лувр, Версаль, Тюильри, Людовик XIV, Ла Фон де Сент-Йенн, нация, власть, общее место, публичное достояние

Для цитирования: Стогова А. В. Незавершенный Лувр: общее место как способ присвоения // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 65–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-65-92>.

*Статья поступила в редакцию 3 июня 2022 г.
Принято к печати 11 августа 2022 г.*

A. V. Stogova

ORCID: 0000-0003-0322-1397

✉ anna100gova@yandex.ru

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

THE UNFINISHED LOUVRE: COMMON PLACE AS A MODE OF APPROPRIATION

Abstract. In contemporary public culture, there is a stereotypical interpretation of the history of the Louvre Palace as multiple successive attempts to achieve a ‘Grand design’ that dates back to the 16th century. However, this vision of the history of the Louvre does not emerge until the 19th century, although the narrative of its unfinishedness has existed for much longer. This article analyses the origins and transformation of this narrative throughout the 17th and 18th centuries. Despite the linguistic continuity associated with the stability of the very expression *achever le Louvre* (to finish the Louvre), the meaning that was invested in the idea of completion underwent significant changes. Originating in the context of the establishment and glorification of Louis XIV’s strong royal rule, the narrative was subsequently borrowed by critics of his great-grandson Louis XV’s reign and played a significant role in establishing the royal palace as a national treasure. By the 1760-s, in public discussions about the Louvre its completion becomes an allegory of a process of civilisation carried out in the name of the national interest. The changes that took place contributed greatly to the subsequent interpretation of the history of the Louvre and facilitated an ambitious project to merge it with the Tuileries Palace.

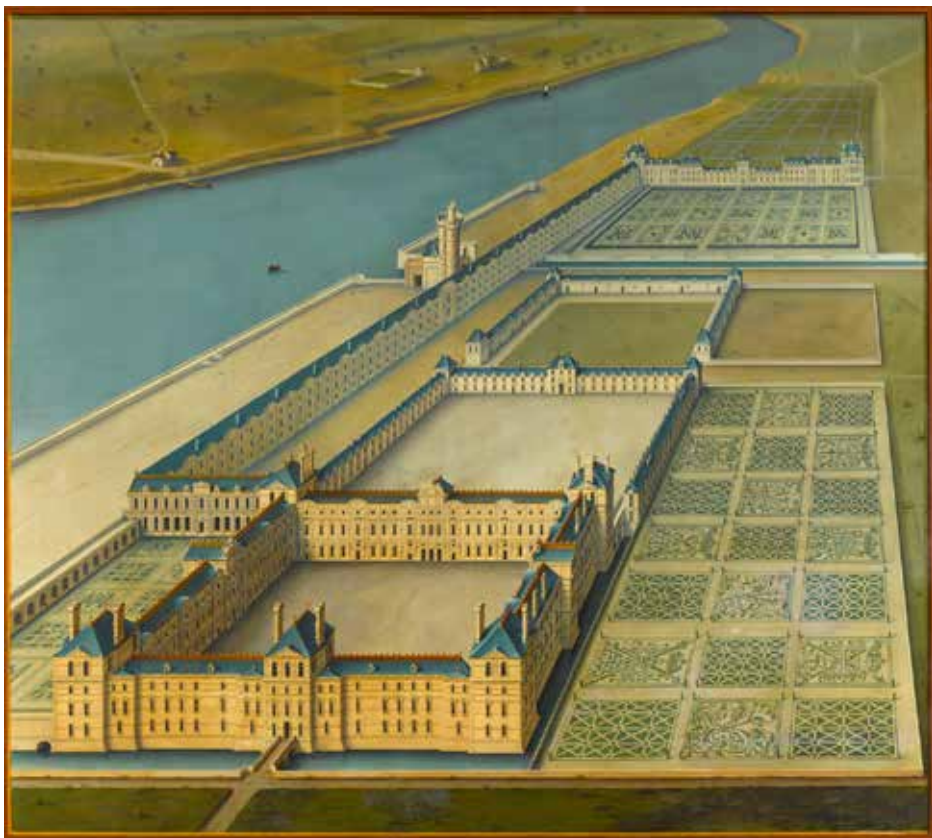
Keywords: Louvre, Versailles, Tuileries, Louis XIV, La Font de Saint-Yenne, nation, power, common place, public domain

To cite this article: Stogova, A. V. (2023). The unfinished Louvre: Common place as a mode of appropriation. *Shagi / Steps*, 9(1), 65–92. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-65-92>.

Received June 3, 2022

Accepted August 11, 2022

Лувр — один из тех интересных исторических памятников, который имеет богатую историю не только в силу множества происходивших в нем событий. Публичная значимость Луврского дворца как символа государственной власти и величия Франции способствовала тому, что здание достраивалось и перестраивалось на протяжении всей его истории с целью сделать дворец соответствующим той роли, которая выпала на его долю. Даже в XX в. при всех идеях об охране исторического наследия Лувр дважды подвергался существенным изменениям. В 1963 г. вместо сада вдоль восточного фасада, известного как колоннада Перро, были сделаны рвы, которые визуально отделяли дворец от города, позволяли рассматривать все детали здания и подчеркивали его значимость. Еще более известны «большие работы» 1980–1990-х годов, которые сделали Лувр таким, каким мы знаем его сейчас, — Великим Лувром (Le Grand Louvre) со знаменитой стеклянной пирамидой.

Илл. 1. Луи Пуассон. Вид Луврского замка (фрагмент настенной росписи)
Галерея оленей Фонтенбло. Ок. 1608 г.

Fig. 1. Louis Poisson. View of the Louvre Château (fragment of a wall painting)
Stag Gallery, Château de Fontainebleau. Ca. 1608

На протяжении долгого времени необходимость вносить какие-то изменения в структуру дворца связывалась с незавершенностью его строительства. Устойчивый нарратив о недостроенности и, соответственно, недоовожденности в современных научных исследованиях, но в особенности в текстах, обращенных к массовой аудитории, связан с идеей так называемого Великого проекта — стремления превратить Лувр в величественнейший дворец, достойный представлять французских монархов и французскую нацию. Эта закрепившаяся модель описания встраивает в единую логику все работы по изменению Лувра, начиная с решения Франциска I перестроить крепость на окраине тогдашнего Парижа в ренессансный дворец. Уже в правление Генриха IV появляются основания говорить об осмысленном и колоссальном проекте. По его повелению была сооружена большая галерея, которая соединила Лувр с тогда еще загородным дворцом Тюильри, возведенным для Екатерины Медичи. За этими на первый взгляд странными изменениями можно было увидеть грандиозный замысел. На стенах Галереи оленей в Фонтенбло сохранилось изображение Лувра (ил. 1), каким он по всей видимости должен был стать, — симметричного квадратного дворца, занимающего примерно в четыре раза большую площадь, чем одноименная средневековая крепость, с пристройками, создающими еще один двор, и галереей, объединяющей Лувр и Тюильри.

Подобные разнообразные планы появлялись и позднее с завидной регулярностью. Все они подразумевали строительство более внушительного здания; большая их часть (хотя далеко не все) предполагала появление второй галереи, объединяющей дворцы и симметричной по отношению к уже построенной. Если посмотреть квинтэссенцию публичных нарративов по истории Луврского дворца в Википедии [Palais du Louvre 2022], мы можем увидеть, что начиная с Франциска I она сводится к реализации идеи «Великого проекта» (*Grand dessein*), которая в свою очередь состоит из множества этапов, поскольку каждый раз что-то препятствовало завершению начатых работ. В таком предствлении истории Лувра сходятся воедино идеи расширения дворца и его объединения с Тюильри, которые и воплощаются в «Великий проект». В конце XIX в. историк Альбер Бабо, специалист по Старому порядку, в небольшом исследовании, посвященном истокам этой идеи, писал:

К какой эпохе восходит этот великий проект и какому архитектору можно его приписать? Он состоит из двух частей, которые могли быть задуманы в разное время: завершение [строительства] двора старого Лувра и объединение Лувра и Тюильри [Babeau 1894: 163].

Он пришел к выводу о том, что обе идеи относятся к правлению Генриха IV, хотя они были известны немногим современникам и лишь в самых общих чертах.

Соответственно, кульминацией развития проекта становятся работы, проведенные в 1852 г. и описывавшиеся одновременно и как «завершение строительства Лувра», и как «воссоединение (*réunion*) Лувра и Тюильри» — обе формулировки подразумевали отсылку к прошлому, окончание большого дела, которое при этом имеет национальное значение. В декрете принца Луи Наполеона, будущего императора Наполеона III, о начале этих работ говорилось:

Луи Наполеон, президент Французской республики, считает, что объединение Луврского дворца с дворцом Тюильри, начатое в правление Людовика XIV и продолженное императором Наполеоном, является делом национального значения, которое необходимо завершить [Recueil des décrets 1853: 203].

Однако этот публичный нарратив, увязывающий незавершенность Лувра с нереализованностью планов объединения с Тюильри и, соответственно, интерпретирующий завершенность именно с этих позиций, возникает только во второй трети XIX в. Это время, когда начинают активно обсуждаться идеи объединения двух бывших королевских резиденций, пришлось на период бурного развития историописания и его невероятного публичного авторитета. Достаточно вспомнить двух влиятельнейших историков-политиков этого времени — Франсуа Гизо и Адольфа Тьера. В эти годы история превращается в осмысление политических и социальных процессов, которым вольно или невольно подчинены те или иные действия и решения власть имущих. Современное исследование Жана-Клода Доффрена, изучавшего воображаемый Лувр, каким он предстал в проектах архитекторов, прекрасно показывает, что многочисленные планы переустройства дворца, предлагавшиеся на протяжении его истории, очень разнообразны и индивидуальны. Они свидетельствуют не о единой истории «Великого проекта» и последовательных попыток его воплощения, но о множественности разных идей и образов: «Поразительно, что все эти проекты, где неожиданное соседствует с реалистичным, воплощают в себе право на частный авантюризм, на индивидуальные инициативы, на шансы каждого человека, порой доходят до пределов воображаемого и искусственного, из которых иногда рождается произведение искусства» [Daufresne 1987: 434].

Тем не менее стремление увидеть обсуждавшиеся в XIX в. проекты (ставшие в конце концов частью глобальных работ по созданию нового облика французской столицы при Наполеоне III) как последний, кульминационный этап воплощения некоего грандиозного замысла, вовсе не появилось на пустом месте. Оно было обусловлено существовавшим уже почти два столетия публичным дискурсом «завершения Лувра», в силу чего именно он, а не Тюильри, который начиная с Великой французской революции был местом, где пребывала верховная власть, стал главным героем этого «воссоединения»¹. Этот нарратив имеет несколько особенностей. С одной стороны, к середине XIX в. идея недостроенности дворца сама по себе уже превратилась в общее место, поскольку речь об этом шла с 1660-х годов. Действительно, строительные работы, которые велись и в XVI, и в XVII столетии, ни разу не были доведены до конца. С другой стороны, история Лувра до попыток выстроить ее как поэтапную реализацию «Великого проекта» отнюдь не виделась однолинейной, разговоры о недостроенности и необходимости его завершения перемежались выражением удовольствия и восхищения от того, что завершение наконец состоялось. Эта история была прерывистой, каждый раз тесно

¹ В 1871 г. дворец Тюильри именно как символ власти был сожжен во время Парижской коммуны, после чего он навсегда остался в публичных нарративах своеобразным придатком Лувра.

связанной с актуальными политическими вопросами. В середине XVIII в. Жак-Франсуа Блондель, автор известного многотомного труда «Французская архитектура», в котором были опубликованы многочисленные нереализованные проекты дворца, меланхолично замечал, что «со времени постройки его первого здания утекло уже много времени, несколько правлений небрежения и заброшенности прерывали его историю» [Blondel 1756: 1].

Ил. 2. Франсуа-Фредерик Лемо. Минерва, музы и Виктория коронуют Людовика XIV. Фронтоны восточного фасада Лувра
Ок. 1808/1815 г.

Fig. 2. François-Frédéric Lemot. Minerva, Muses and Victory crowning Louis XIV. Fronton of the east facade of the Louvre
Ca. 1808/1815

Весьма показательна история барельефа фронтона восточного фасада, сделанного во время инициированных Наполеоном Бонапартом работ по расширению Лувра. Сам император тоже оценивал их как «завершение». В письме к министру внутренних дел от 6 февраля 1805 г. непосредственно перед

началом работ он писал: «Необходимо завершить Лувр, чтобы поместить туда Императорскую библиотеку» [Napoléon Ier 1862: 138]. В соответствии с этой идеей Франсуа-Фредерик Лемо в 1808 г. создал барельеф с изображением императора «Музы по приглашению Минервы пришли воздать честь суверену, завершившему строительство Лувра». В период Реставрации барельеф был изменен в угоду новой политической ситуации: бюст Наполеона поменяли на изображение Людовика XIV (ил. 2) с подписью «Людовик Великий», но кроме того убрали и идею завершенности. Теперь композиция именовалась «Минерва, музы и Виктория коронуют Людовика XIV». Единственным напоминанием об императоре остался щит с золотыми геральдическими пчелами и орлом, который держит одна из муз, вероятно, потому, что издалика этих пчел едва ли можно отличить от королевских лилий.

Проекты XIX в. были связаны с тем, что в ходе революции Лувр, в отличие от подвергнувшегося разорению Версаля и ставшего новым центром власти Тюильри, остался почти нетронутым. Он был объявлен национальным достоянием и в 1793 г. получил статус национального публичного музея. Публичная значимость идеи «Великого проекта» во второй трети XIX в. была напрямую связана с осознанием особого статуса дворца. Когда в 1840-е годы в палате депутатов обсуждались предложения по объединению Тюильри и Лувра, сделанные бывшим придворным архитектором Александра I Антуаном-Франсуа Модюи, не раз подчеркивалось, что это дело национального значения. Один из парламентариев, граф Жобер, весьма красноречиво заявил: «Я требую завершения [строительства] Лувра! Я требую этого от имени искусства и национальной чести!» [Mauduit 1846: 36].

Предметом данной работы будет рассмотрение в публичных нарративах о Луврском дворце истории становления его «недостроенности» как общего места — клишированного высказывания, которое не принадлежит никому конкретно, но является общеупотребимым, и связи этой истории с превращением самого королевского дворца в общее достояние нации.

* * *

В одной из последних работ по истории архитектуры Лувра Кристофер Теджел писал о том, что до Людовика XIV не приходится говорить не только о воплощении идеи «Великого проекта», но и об идее завершения строительства, поскольку все работы, которые были инициированы его дедом и отцом, были обусловлены желанием перестроить дворец, чтобы сделать его менее тесным и более удобным и соответствующим новым вкусам, т. е. «построить более великолепное жилье» [Tadgell 2020: 33], а не завершить то, что было начато ранее. Но все-таки первые следы публичной идеи недозавершенности мы можем увидеть до начала масштабных работ «короля-солнца», сразу после окончания Фронды. Израэль Сильвестр, впоследствии — придворный гравёр, вернувшись из Италии, опубликовал в первой половине 1650-х годов серию гравюр с видами Парижа, представленного по образу Рима. «Новый Рим» — одна из самых распространенных метафор при описании французской столицы в первые годы правления Людовика XIV [Dethan 1990: 24]. Орест Ранум полагал, что это было связано с амбициями и симпатиями кардинала Мазарини, стремившегося «воссоздать культурную атмосферу этого города» [Ranum

2002: 332]. В этих гравюрах старинные, нередко полуразрушенные строения соседствуют с прекрасными образцами современной культуры, величественные дворцы и соборы выделяются на фоне природы. Среди них есть и ряд изображений Лувра, вписывающихся в этот общий образ, например, гравюра «Вид и перспектива внутреннего фасада Лувра, построенного в правление Людовика XIII» (ил. 3). На ней изображена та часть западного крыла Квадратного двора, которая была возведена в правление этого монарха, и начатое при нем же северное крыло, изображенное не только недостроенным (каковым оно и оставалось к тому моменту), но уже имеющим признаки руины — потрескавшуюся кладку и выросшие на стенах траву и кусты. Этот образ носит существенный политический окрас, поскольку работы по благоустройству дворца, которые велись при Людовике XIII, были прерваны его смертью и начавшейся Фрондой — прекрасное здание, создаваемое заботами французских королей, грозило превратиться в руину вследствие бунта подданных.

Ил. 3. Израэль Сильвестр. Вид и перспектива внутреннего фасада Лувра, построенного в правление Людовика XIII. 1650
Национальная библиотека Франции (IFN-53210938)

Fig. 3. Israël Silvestre. View and perspective of the inner facade of the Louvre, built during the reign of Louis XIII. 1650
The National Library of France (Bibliothèque nationale de France) (IFN-53210938).

Текстовые высказывания о Лувре, подобные тому, что передает в своей гравюре И. Сильвестр, встречаются в нескольких источниках 1650 — начала 1660 г. Речь в них шла не о недоовожденности грандиозного замысла, а о недостроенности в самом прямом смысле — о работах по благоустройству дворца, которые были прерваны. После окончания Фронды ее символическое значение только

усиливалось, поскольку с течением времени становилось все более очевидным, что молодой король пренебрегает дворцом, с которым у него были связаны довольно унижительные воспоминания, и вообще наказывает Париж за недавние волнения. Сразу несколько аспектов символичности разрухи хорошо видны в эссе, посвященном красоте Парижа и имеющимся в нем неудобствам, которое литератор-скептик Самюэль Сорбьер опубликовал в 1660 г. в сборнике своих сочинений, надеясь заслужить благосклонность короля и кардинала Мазарини. Сорбьер намеренно провокационно называет Париж самым прекрасным из варварских городов [Sorbière 1660: 574]. С одной стороны, науки и искусства процветают в нем больше, чем в остальных культурных центрах Европы, таких как Рим, Лейден, Болонья, Амстердам и т. д. вместе взятых. С другой стороны, в отличие от тех же Рима или Амстердама, парижане и вообще французы не только не поддерживают прекрасные начинания властей, но, подобно варварам, препятствуют им. Богатые жители не хотят давать денег на строительство дорог и мостов, а если и дают, то самый минимум, не заботясь о том, чтобы постройка оказалась красивой и долговечной, а простые горожане и крестьяне и вовсе выкапывают или срубают для своих нужд деревья, которые Генрих IV велел посадить вдоль дорог, или гадят возле публичных построек [Ibid.: 582–583]. Весь Париж, и Лувр в частности, предстают у него как пространство напряжения между королевской властью и подданными. Он говорит не о политическом неповиновении (хотя понятно, что в 1660 г. противопоставление города и короля прочитывалось в контексте Фронды), но о том, что французы вообще и парижане в частности преследуют свои собственные, как правило, низменные интересы, а не то, что он называет общей пользой (*l'utilité commune*) [Ibid.: 583]. Сорбьер был большим поклонником и переводчиком Гоббса и представлял себе процветание нации и государства как результат взаимодействия разных уровней власти, претворяющей в жизнь всевозможные проекты и реформы, и подданных, которые не просто подчиняются этим решениям, а активно им содействуют ради общего блага государства.

В его описании Парижа Лувр играет существенную роль:

Я хотел бы знать, сударь, испытываете ли вы все то же негодование, которое вы некогда выказывали, проходя мимо Лувра и Дворца кардинала², с досадой разглядывая галерею, украшенную покойным кардиналом Ришельё столь прекрасными надписями, которую, с тех пор как она лишилась окон и дверей, испоганили и замусорили пажы и лакеи. Меня так же сильно волнует вид Лувра, который мог бы быть самым прекрасным и величественным зданием в мире, если бы мы набрались храбрости его завершить, и который наши короли мог-

² Кардинал Ришельё построил свою парижскую резиденцию — Отель Ришельё — в 1628 г. к северу от Лувра. Впоследствии, приобретя близлежащие земли, он расширил ее, превратив в дворец — Пале-Кардиналь. В 1636 г. он передал дворец во владение Людовику XIII и его потомкам, но продолжал жить там до своей смерти. Во время Фронды регентша Анна Австрийская со своими сыновьями — малолетним Людовиком XIV и Филиппом Орлеанским — переселилась в этот дворец в октябре 1642 г. Считается, что с этого времени он стал официально называться королевским дворцом. Под этим названием — Пале-Рояль — он известен и сейчас. Тем не менее Сорбьер по-прежнему именует его Дворцом кардинала (Пале-Кардиналь).

ли бы превратить в сильную крепость³, где размещались бы двадцать тысяч человек и все офицеры короны. Однако они вынуждены не только оставить столь великий проект незавершенным, но и сталкиваются с трудностями в использовании того, что уже возведено и чему не хватает только крыши и мебели. Двор теснится в грязи и неудобстве, не имея возможности расположиться более просторно, но при этом раздает строительные материалы еще более богатым людям, которые строят из них собственные дворцы. Одним словом, король не может привести в порядок собственное жилище, тогда как простые дольщики, возвысившиеся вовсе не благодаря своим обязанностям и службе на благо государства «...» на один только свой дворец тратят по несколько миллионов [Sorbière 1660: 587].

В этих нескольких фразах Сорбьер собрал целую россыпь примеров противодействия власти. Печальное состояние Дворца кардинала, находившегося в собственности короля, свидетельствует о его запустении, поскольку у монарха с ним было связано много событий и обстоятельств Фронды — периода неповиновения королевской власти. Невозможность расширить Лувр, что Сорбьер и называет великим проектом, была обусловлена тем, что земли вокруг Лувра и между Лувром и Тюильри (на тот момент еще загородной резиденцией) не принадлежали короне, и те проекты объединения дворцов, которые возникали в XVII и XVIII вв., не могли быть реализованы из-за нежелания продавать королю эти земли⁴. И, наконец, в образе дольщика (а так называли откупщиков налогов, потративших миллионы ливров на свой дворец) сложно не узнать суперинтенданта финансов Николя Фуке, который будет арестован в следующем, 1661 году за растрату государственных средств.

Рассуждения Сорбьера прекрасно демонстрируют, что публичный нарратив о недостроенности Лувра возникает как проявление напряженности отношений между королем и парижанами после окончания Фронды. Сам Сорбьер, стремившийся завоевать расположение монарха и первого министра, ставит состояние дворца в упрек парижанам, делая его свидетельством того ущерба, который наносит славе государства и цивилизаторской деятельности властей неповиновение подданных. С другой стороны, сама возможность продолжения строительства и расширения Лувра воспринималась как попытка символического подчинения Парижа⁵. Жорж Детан, специалист по истории Парижа,

³ Части средневековой крепости еще сохранились; вполне вероятно, обыватели полагали, что будут возведены новые стены для защиты недавно построенного дворца, хотя новая военная политика предполагала охрану границ государства, а не отдельных населенных пунктов. Это и позволяло строить дворцы на месте крепостей и сносить городские стены ради расширения и благоустройства городов.

⁴ Впрочем, это не означает, что власти постоянно стремились к объединению дворцов. Когда во второй половине XVIII в. нашлись деньги для того, чтобы расчистить от построек прилегающие к Лувру территории, «предложение тогдашнего директора королевского строительства д'Анжевилле воспользоваться этим обстоятельством и построить галерею, которая связала бы Лувр с дворцом Тюильри, поддержки не нашло» [Карп, Плавинская 2019: 184].

⁵ Лувр, безусловно, был не единственным проектом тех лет, имевшим такое значение. Не менее символическим была установка в 1654 г. во дворе парижской Ратуши статуи Жюли Герена «Людовик XIV, подавляющий Фронду», на которой молодой король был запечатлен в образе Цезаря, с королевской мантией и скипетром в руках, попирающим ногой человеческую фигуру, которая символизировала бунт.

отмечал, что, несмотря на публичное восхваление монарха недавними бунтарями, через несколько месяцев после объявления самостоятельного правления короля и возвращения королевской семьи в столицу в Париже разнесся слух о том, что король собирается расширить Лувр и снести для этого готическую церковь Сен-Жермен-л'Осеруа [Dethan 1990: 19]. Этот слух был связан с возобновлением строительных работ во дворце весной 1660 г., значение которых было очевидно для всех заинтересованных сторон. Как справедливо заметил Детан, для того чтобы Париж превратился в новый Рим (который, в отличие от Мазарини, Людовик и его приближенные видели скорее как Рим Августа, нежели как Рим Папы), необходимо было поместить в нем источник власти — монарха [Ibid.: 27], а неудобство и теснота Лувра не позволяли сделать его основной королевской резиденцией. С другой стороны, сам факт, что королевская резиденция расширялась за счет территорий, принадлежащих не короне, а городу и горожанам, также утверждал власть монарха. Эта символическая значимость работ и способствовала появлению слухов, которые отразил в своих письмах к лионскому другу и коллеге Андре Фальконе парижский медик и известный скептик Ги Патен:

В Лувре ведутся серьезные работы, поговаривают даже, что ради воплощения великого проекта снесут прекрасную церковь Сен-Жермен-л'Осеруа и переместят туда, где сегодня располагается монетный двор⁶. Мне в это верится с трудом, хотя бы из-за веры, у которой найдутся свои защитники. Наш король куда мудрее того человека у Горация, который *diruit, aedificat, mutat quadrata rotundus*⁷ [Patin 2018a].

Как отмечал Александр Коянно, до 1659 г. Мазарини даже не задумывался о соединении Лувра и Тюильри, все проекты касались лишь расширения первого; только в постановлении от 12 октября появляется новость, что король хочет завершить строительство Лувра с тем, чтобы он был соединен с дворцом Тюильри [Cojannot 2003: 149]. Однако основной проблемой в понимании современников оставалось именно существенное расширение дворца и его выход за пределы земель, непосредственно принадлежащих короне (это обстоятельство и препятствовало окончанию строительства). По всей видимости, по этой причине публично обсуждали преимущественно «завершение», а не объединение⁸. Когда работы еще только начались, Патен уже отметил:

⁶ Монетный двор располагался на Монетной улице (rue de la Monnaie), чуть дальше к востоку от дворца, чем здание церкви Сен-Жермен-л'Осеруа. Жан-Клод Дофрен, ссылаясь на Ла Фона де Сент-Иенна, говорит о том, что действительно существовал план разобрать церковь и возвести ее заново на другом месте, однако связывает его с одним из проектов Бернини, которые были разработаны чуть позже [Daufresne 1987: 57]. Вероятнее всего, эти слухи были спровоцированы готовящимся сносом театра Пти-Бурбон, который был осуществлен 11 октября 1660 г., в тот самый день, когда Патен отправил это письмо. На следующий день вышло постановление «завершить Лувр».

⁷ Horatius. *Epistulae* I.1.100: «Рушит иль строит; то вдруг заменяет квадратное круглым» (пер. Н. С. Гинцбурга [Гораций 1936: 288]).

⁸ Объединение дворцов, безусловно, виделось логичным решением для расширения Луврского дворца. Это прекрасно демонстрирует описание визита посла Сиам в Лувр в газете «Французский Меркурий» за 1686 г.: «Пройдя половину галереи он высунул голову в окно со стороны Сен-Тома-дю-Лувр и, разглядывая старый Лувр и Тюильри, осознал

Тут ходит слух, что король может жениться приблизительно 16 мая и что вскоре после этого он отправится в обратный путь в Фонтенбло. Лувр отстраивают, но говорят, что будущей зимой он еще не сможет там жить, *propter imperfectum aedificum*⁹, но будет в Венсенне, который существенно расширили, и что он проведет там всю зиму [Patin 2018b].

Скорее всего, постановление в большей степени преследовало цель заявить о намерениях монарха утвердить свою власть над городом, поскольку было очевидно, что реализовать такие идеи довольно сложно.

Рамки этого противостояния и определяли то, как понимался «Великий проект», и причины незавершенности/несовершенства Лувра. Оно же стало стимулом для начала новых масштабных работ после смерти кардинала Мазарини, в результате которых был построен Квадратный двор и появилась знаменитая колоннада Перро. 28 сентября 1665 г. министр Жан-Батист Кольбер писал Людовику XIV, который к тому моменту потерял интерес к Парижу и активно занимался проектом превращения Версаля в новое чудо света, о том, что негоже, чтобы о королевском величии судили только по нему, поскольку «этот дворец послужит скорее удовольствию и развлечениям Вашего величества, нежели славе» [Colbert 1863: 210]. Он упрекает монарха в том, что, несмотря на эти приоритеты, в данный момент он «тратит огромные суммы на этот дворец, пренебрегая Лувром, который, без сомнения, является самым превосходным строением в мире и наиболее достойным славы» Его Величества [Ibid.: 211]. В заключении этого небольшого письма Кольбер подводит итог:

Чтобы примирить все интересы, то есть воздать должное и славе Вашего Величества, и его развлечениям, нужно в ближайшее время прекратить все расходы на Версаль, зафиксировать определенную сумму, которая будет тратиться на него ежегодно, возможно, даже стоит совершенно отделить ее от средств, которые выделяются на остальные строения, и в будущем направить все усилия на завершение Лувра. Если мир продержится еще долго, возведение публичных строений вознесет славу Вашего Величества много выше, чем это когда-либо удавалось римлянам [Ibid.: 211].

Противопоставление, которое выстраивает министр, с одной стороны, вполне ожидаемо, с другой — весьма интересно, поскольку позволяет понять отличие Лувра от других королевских резиденций, которое предопределило дальнейшее развитие нарратива о его незавершенности. При том, что традиция, когда король не переезжает вместе с двором из одной резиденции в другую, а постоянно находится в одном месте, только-только формировалась, и в силу различных обстоятельств для Людовика XIV в конечном счете такой резиденцией стал все же не Лувр, а Версаль, Кольбер подчеркивает, что сто-

то, что ему говорили о великом замысле в отношении Лувра. Он даже прочертил его тростью по краю окна, мысленно присоединив вторую галерею, которая не была построена» [Donneau de Vizé 1686: 349].

⁹ «Поскольку здание еще не будет завершено» (лат.).

личный дворец имеет особый статус — это не просто одна из множества принадлежащих королю резиденций, но публично значимый монумент. Он не видел у Версаля — недавно приобретенной собственности¹⁰ — потенциала для прославления короны, тогда как Лувр имел символическое публичное значение для всей Франции. Хотя, несомненно, резиденции правителей всегда имели репрезентативную функцию, идея публичных монументов была довольно новой. В парижской истории ее связывают с именем Генриха IV, которому также было необходимо покорить строптивую столицу. Он не только построил Новый мост (его возведение считается значимой вехой в истории города, поскольку он не был застроен домами, открывал прекрасную перспективу на Лувр и стал общественным местом развлечений, доступным для всех), но и задумал установить на нем первый общественный монумент — собственную конную статую¹¹ [Дежан 2015: 39–40].

Благодаря увещаниям Кольбера после долгих разногласий относительно проекта работ они все же начинаются, и разговоры о недостроенности Лувра, которые в целом были не слишком заметны в публичном пространстве, затихают. Что интересно, не возобновляются они и после того, как Людовик, уже после смерти министра в 1683 г., окончательно перестает интересоваться Лувром и фокусирует все внимание на своем любимом детище — Версале, несмотря на то что тем самым оставляет незаконченными ведущиеся в столичной резиденции работы. Фасад, задуманный Клодом Перро, так и не был соединен с теми частями, которые строил Луи Ле Во¹². Отчасти отсутствие реакции на очередное прекращение работ было связано с тем, что масштабные строительства, ведущиеся десятилетиями с большими перерывами, были вполне привычным делом и не виделись особым поводом для публичного обсуждения. При упоминании Лувра акцентировалось восхваление деятельности короля. Как писал в 1685 г. Шарль Марон, автор одного из путеводителей по Парижу, «Людовик Великий собрал со всех уголков Европы лучших мастеров и самых известных архитекторов, чтобы довести Лувр до совершенства и превратить его в прекраснейшее и великолепнейшее строение во вселенной» [Le Maigre 1685: 188].

Лишь изредка в связи с риторикой восхваления короля и его усилий по превращению Франции в величайшую европейскую культуру авторы вспоминают о недостроенности Лувра, понимаемой в рамках все того же противостояния с подданными, которое препятствует реализации великолепных начинаний. В 1687 г. священник-иезуит Доминик Буур в своей знаменитой работе «О верности хода мысли в творениях ума» привел сразу несколько высказываний парижских остроумцев о Лувре. Все они вписываются в общую хвалебную

¹⁰ Земли в районе Версаля были куплены Людовиком XIII в 1623 г. у семейства Гонди. Сначала там был возведен небольшой охотничий павильон. Затем была куплена соседняя территория, принадлежащая другой семье, и, наконец, в 1632 г. король выкупил всю сеньорию Версаль у архиепископа Парижского Жана-Поля де Гонди. После этого на месте охотничьего павильона был возведен небольшой дворец, который получил статус загородной резиденции.

¹¹ Памятник королю был установлен на Новом мосту только через несколько лет после его смерти.

¹² Луи Ле Во занимался достраиванием северного и южного крыльев старого дворца, а также строительством нового восточного крыла. Клод Перро был автором только внешнего фасада восточного крыла, известного сейчас как «колоннада Перро».

риторику тех лет (например, «Юпитер никогда не видел такого дворца в Риме, Рим никогда не поклонялся такому Юпитеру» [Bouhours 1687: 268]). Однако два из них довольно любопытны. В приводимой Бууром эпиграмме мы видим отголоски риторики 1660-х годов:

Смотря на дворец, что весь мир восхищает,
Я не восхищаюсь, я только вздыхаю,
Его ведь со всех сторон ограничили.
Кто смеет указывать Принцу пределы?!
Такое величественнейшее Величество
Столь малой частью земли владеет.

[Ibid.: 268]

С суждениями Кольбера перекликается и следующий образчик остроумия, приводимый Бууром: «Открой свои двери народам, прекраснейший Лувр, не сыщешь палат ты достойней Империи мира» [Bouhours 1687: 268]. Очень близкое по интонации предложение, связанное с идеей открытости Лувра и его всемирного значения, которую мы видим у Буура, появляется в известном сочинении Шарля Перро «Параллель между древними и новыми» — одном из ключевых текстов спора о древних и новых конца XVII — начала XVIII в. В пятом диалоге, вышедшем в свет в 1697 г., от лица Аббата высказывается идея, что королю «в случае, если он станет достраивать Лувр» (*en cas que l'on eût achevé le Louvre*), стоит сделать это не в чисто французском стиле, а добавить элементы архитектуры и внутреннего убранства, свойственные разным народам мира, вплоть до Монголии и Китая, «с тем, чтобы все иностранцы могли иметь удовольствие обнаружить у нас частичку своей страны и все великолепие мира, заключенное в одном единственном дворце» [Perrault 1697: 274].

Открытость дворца для посетителей и его репрезентативный статус символа величия и превосходства французского государства в эти годы были напрямую связаны не только с его положением столичной королевской резиденции и с превосходной новейшей архитектурой, но, как ни странно, с тем, что в действительности он не использовался как королевский дворец, поскольку монарх постоянно жил в Версале. Лувр же, по предложению Перро, с 1672 г. становится пристанищем различных академий — Французской академии, академий живописи и скульптуры, архитектуры, наук и т. д. Здесь же расположились королевская типография, Королевское медицинское общество и другие организации, которые были связаны и ассоциировались с бурным развитием и процветанием наук и искусств при Людовике XIV. Кроме того, часть помещений была выделена королем под апартаменты преимущественно для деятелей науки и искусств. Во дворце находилась и часть королевских коллекций живописи и архитектуры, к которым был открыт доступ для избранных посетителей.

Франсуа Блюш в своей известной монографии, посвященной Людовику XIV, писал, что король подарил Лувр нации [Блюш 1998: 198]. Историк именует этот шаг самым большим успехом короля, поскольку «если у Версаля есть все, чтобы ослеплять и очаровывать, национализированный Лувр — не как достояние государства, а как своего рода элитарное и народное коллективное владение — заслуживает, пожалуй, еще большего прославления и возвеличивания» [Там же: 198]. Эти слова, возможно, выглядят несколько

анахроничными, поскольку их цель — продемонстрировать влияние этого решения на последующую судьбу Лувра и нарратива о нем. Однако они подчеркивают существенное для нашего исследования изменение в отношении публики к этому дворцу, которое будет иметь принципиальное значение в последующих дискуссиях о завершении строительства. Авторы коллективного труда по истории Луврского музея «Изобретение Великого Лувра» отмечали, что революционные власти могли претендовать на создание публичного музея как институции, однако по сути он функционировал задолго до них [Rei et al. 2001: 37]. Превратив дворец в храм культуры и открыв часть его залов для посещения, Людовик, несомненно, придал Лувру новый статус. В нем все меньше видели королевскую резиденцию (поскольку король не только не жил там, но и постепенно отдавал части своих апартаментов под нужды новых «жителей») и все больше — символ французской культуры. По всей видимости, постепенно это способствовало и изменению в восприятии конфигурации дворца. Большая галерея, которая долгое время описывалась не как часть дворца, а как проход, соединяющий его с Тюильри¹³, стала считаться его неотъемлемой частью, поскольку именно там находились открытые для публики залы и значительная часть апартаментов художников, скульпторов, граверов, часовщиков, мебельщиков и т. п. и она превратилась в пространство общения деятелей искусства [Williams 2020: 15].

Снова о недостроенности Лувра начинают говорить, и очень активно, в середине XVIII в. Несмотря на небольшой по историческим меркам временной разрыв, он весьма показателен с точки зрения опасностей, подстерегающих исследователя, которого устойчивый лексикон понятий соблазняет на то, чтобы видеть за ними «семейное сходство», как писал Квентин Скиннер [2018: 56]. С одной стороны, в XVIII столетии сохраняются все сложившиеся ранее акценты в образе Лувра — непревзойденный шедевр, королевский дворец, имеющий публичный статус, являющийся символом величия Франции и тех усилий, которые предпринимает власть ради его достижения, — и даже большая часть понятий, при помощи которых он описывается, включая «недостроенность». С другой стороны, все это осмысливается с иных позиций, в рамках существенно изменившихся представлений как о власти, так и об искусстве, и с иными целями.

В отличие от предыдущих текстов, теперь речь идет о двух связанных и весьма заметных публичных дискуссиях, в которых объектом критики являют-

¹³ Соответственно, и достраивание Лувра не связывалось напрямую с Тюильри. В 1696 г. Андре Фелибьен в первой из своих «Бесед о жизни и творениях превосходнейших художников древности и современности» писал: «Ошибаются те, кто полагают, что Тюильри и Лувр были построены в рамках единого замысла. Я не знаю, насколько хорошо вы сами понимаете, что это два разных дворца. (...) Архитекторы, работавшие в ту пору, безусловно, были достаточно образованны, чтобы разбираться в том, что касается композиции и упорядоченности в таких больших строениях. Но поскольку каждый из них имел собственный проект, те, кто занимался Лувром, выстраивали его в соответствии с представлениями о величии, а те, кто строил Тюильри, стремились угодить королеве Екатерине, которая хотела иметь свой собственный дворец, отдельный от дворца короля» [Félibien 1696: 10–11]. В то же время вторая галерея, симметричная уже существовавшей, напрашивалась сама собой, почти все проекты расширения дворца предполагали ее строительство, и образованная публика это прекрасно понимала.

ся уже не подданные, но сама власть, и критический потенциал, заложенный в идее «недостроенности Лувра», направляется в противоположную сторону — от подданных к власти. Само по себе показательно, что судьба королевского дворца оказывается объектом общественных опасений. Начинаются эти разговоры с беспокойства не столько о здании, сколько о его содержимом — в первую очередь о собранных там произведениях искусства. Первая из дискуссий была спровоцирована проводившемся в 1746 г. в Лувре парижским салоном¹⁴. В 1747 г. Этьен Ла Фон де Сент-Йенн, один из родоначальников художественной критики, опубликовал «Размышления о некоторых причинах нынешнего состояния живописи во Франции», одной из тем которых стало печальное состояние королевских коллекций — условия их хранения и размещения, отсутствие изданного каталога и т. п. Основная идея автора — создание в Лувре Королевской галереи¹⁵, и для того, чтобы продемонстрировать ее необходимость, он, как отмечал Эндрю Макклеллан, «с удовольствием играет на противопоставлении частного и публичного» [McClellan 1999: 19] с целью подчеркнуть несоответствие между существующим отношением к тому, что имеет значение для отдельных влиятельных персон (включая короля) и для всей нации, скрытостью большей части королевских коллекций и их значимостью как «славы нации» [La Font de Saint-Yenne 1747: 44]. «Слава нации» — одно из ключевых понятий, которые он использует: шедевры прославляют не столько короля или Францию, сколько французскую нацию.

В этой связи в рассуждениях появляется и Лувр, причем Ла Фон де Сент-Йенн играет также двойственностью его статуса. С одной стороны, это место, где хранятся шедевры, и его недостроенность не позволяет обеспечить им надлежащие условия. С другой — он сам по себе является произведением искусства, «образчиком тонкого совершенства» [La Font de Saint-Yenne 1747: 12], и недостроенное, заброшенное состояние Лувра — еще один вопиющий пример небрежения по отношению к «славе нации». Оба эти аспекта подводят к следующему выводу:

Нация ничего не ощущает столь чувствительно, как несовершенство Луврского дворца, который был бы превосходнейшим строением, существующем на земле, если бы его строительство было закончено [Ibid.: 123].

Э. Макклеллан обозначает два важных контекста, которые проявляются в этих рассуждениях. Во-первых, принадлежащие королю произведения искусства, включая Лувр, расцениваются Ла Фоном как национальные сокровища. Во-вторых, небрежение ими есть показатель и одновременно один из факторов

¹⁴ Такие салоны проводились с начала 1740-х годов.

¹⁵ Первая публичная галерея, в которой были выставлены картины из королевских коллекций, была открыта в 1750 г. в Люксембургском дворце. Предложение (по крайней мере первое известное) исходило от Луи Пети Башомона (о нем речь пойдет ниже), любителя и знатока живописи, который впервые стал поднимать вопрос о сохранности коллекций, имеющих национальное значение, и было высказано в том же 1746 году. До этого Башомон в письмах в дирекцию королевского строительства сетовал на плачевное состояние Фонтенбло и Лувра. Эти обращения не были публичными, но они также свидетельствуют о сдвигах в отношении общества к Лувру [McClellan 1999: 18].

деградации вкуса, связанной с возвышением среднего класса. Основная тема эссе — превосходство классицистического искусства времен Людовика XIV над современным искусством рококо. Призыв к созданию галереи — это призыв к тому, чтобы государство занялось созданием культурных ценностей, воспитанием художественного вкуса [McClellan 1999: 19–20]. Текст Ла Фона знаменует собой начало нового обсуждения недостроенности Лувра, в рамках которого она становится инструментом теперь уже для критики власти, пренебрегающей своей обязанностью заботиться о публичном благе.

Весной 1749 г. разворачивается вторая бурная публичная дискуссия, касающаяся различных преобразований в Париже, которую Ричард Уитман назвал «манией городских усовершенствований» [Wittman 2007: 89]. Появляется сразу несколько текстов, посвященных непосредственно Лувру, в которых подчеркивалось его плачевное состояние и высказывались призывы к восстановлению былого величия. Ключевым текстом, который отображает это новое понимание, является еще одно произведение Ла Фона де Сент-Йенна¹⁶ под названием «Тень великого Кольбера». Это полемический памфлет, изданный в Гааге (без указания места издательства) в апреле 1749 г. [La Font de Saint-Yenne 1749a], целью которого было обратить внимание на необходимость начать работы по «завершению» и «освобождению» Лувра. Он написан в форме очень драматичного диалога между Парижем (Лютецией), духом Лувра и тенью Кольбера, по накалу эмоций напоминающего трагедии Расина. Памфлет был переиздан в 1752 г. вместе с «Размышлениями» о живописи. К диалогу были добавлены пространное введение, фронтиспис (ил. 4) и его показательное описание, прекрасно передающее общую интенцию текста:

Она (Лютеция. — А. С.) изображена в просящей позе у подножия бюста Людовика XV, которому показывает печальное состояние превосходного фасада, обесчещенного (*desonoré*) множеством презренных и непристойных строений, лишаящих парижан и всю нацию прекрасного вида. У ее ног в грязи лежит Гений, персонифицирующий Лувр, готовый испустить дух от боли, раздавленный грузом оскорблений и унижений. Рядом с ним мы видим план, который так и не был реализован. А в правом углу тень Кольбера, французского министра, ревностнее всех трудившегося на благо родины и короля, при котором и был построен этот несравненный памятник. На голове у него лавровый венец, который он заслужил более любого римлянина. Он запечатлен в тот момент, когда торопится вернуться в подземное царство, сраженный видом нынешнего состояния Лувра и презрением нации по отношению к самому прекрасному произведению архитектуры, какое только можно себе представить [La Font de Saint-Yenne 1752: iii–v].

¹⁶ В данной статье рассматриваются не все сочинения, в которых поднималась проблема Лувра. В частности, Ла Фон де Сент-Йенн, раздосадованный тем, что работы так и не были начаты в ноябре 1749 г., выпустил еще один памфлет с показательным, учитывая бездействия властей, названием «Благодарность жителей Парижа Его Величеству по поводу завершения Лувра» [La Font de Saint-Yenne 1749b], «в котором продолжил свои обычные разглагольствования о том, как культурные богатства выражают величие нации, только на сей раз они приняли дерзкую форму обращения жителей Парижа непосредственно к Людовику XV» [Wittman 2007: 91].

D. I. F. inven. Eisen ideam express. Le Bas cere calav.

L'OMBRE DU GRAND COLBERT.

Ил. 4. Фронтиспис издания «Тень великого Кольбера, Лувр и город Париж»
Этьенна Ла Фона де Сент-Йенна. 1752

Fig. 4. Frontispiece of an edition of *The Shadow of the Great Colbert, the Louvre and the City of Paris* by Étienne La Font de Saint-Yenne. 1752

Показательное отсутствие Людовика XV, представленного только его образом, напрямую связано с плачевным состоянием Лувра, который Ла Фон де Сент-Йенн описывает как практически находящийся в руинах. Он использует тот же прием, что и в «Размышлениях», противопоставляя заботу о частном благе и отсутствие таковой в отношении блага общественного:

Я лишь себя надеждой, что он (король. — А. С.) наконец услышит жалобные голоса жителей, оскорбленных тем, что видят это строение, посвященное обожаемому ими повелителю, не только заброшенным и ставшим пристанищем для сов, но подверженному в силу

этого запустения опасности скорого разрушения, оставленного на бесчестье и поругание со стороны его окружения. Это разновидность варварства, примеров которому не найдешь ни в одном особняке, принадлежащем даже самому средненькому финансисту! [La Font de Saint-Yenne 1752: 4].

Этому противопоставляется правление Людовика XIV, когда усилия короля, Кольбера, архитекторов, художников и т. д. были направлены на создание прекрасного шедевра. В тексте возникает оппозиция «цивилизация — варварство», связанная с властью и безвластием. С одной стороны, нация, не направляемая властью, превращается в варварскую силу, которая разрушает цивилизацию, как это происходило в Риме («Господи, неужели мой народ станет настолько диким, что сам себя лишит самого величественного и совершенного из имеющихся у него зрелищ?!») [La Font de Saint-Yenne 1752: 166]. А с другой — в согласии с новыми политическими концепциями, эту культурогенную деятельность нация требует от власти как чего-то, что последняя должна предоставлять по самой своей природе. В тексте появляются гражданская тематика и образ гражданина, равнодушного к происходящему.

У Ла Фона де Сент-Йенна руинирование Лувра увязано и с эстетической критикой вкусов современной публики, и с критикой власти, которая бездействует. Он очень интересно использует тропы XVII в., присваивая им новые значения. Он цитирует Ришельё, согласно которому могущество государства покоится на репутации¹⁷, посему о ней надо постоянно заботиться, но разворачивает эту идею в другую сторону: репутация монарха и внутри страны, и за ее пределами — это условие, при котором министры, архитекторы, ученые и т. д. могут претворять в жизнь всяческие важные для страны и счастья граждан проекты. И замечает — «...как повезло Кольберу, что у него был Людовик XIV» [La Font de Saint-Yenne 1749a: 88]. В его памфлете показательно отсутствует Людовик XV, а на фронтисписе изображен только его бюст. Во втором издании автор усиливает эту мысль — «как повезло вам», т. е. французам [La Font de Saint-Yenne 1752: 113]. Отсюда — упадок культуры, выражающийся в рококо и разрушающемся и обесчещенном пристройками Лувре. Правильная власть, которая думает не только о себе, но о счастье подданных, — это условие, при котором нация способна породить Лувры. Причем Ла Фон восхищается и Версалем, поскольку французский гений сумел создать такое чудо вопреки природе [Ibid.: 64]. Но при этом, по его мнению, для репутации короля, а уж тем более для счастья подданных чудеса не нужны, а нужно прислушиваться к чаяниям народа и их удовлетворять. Ла Фон заставляет даже Тень Кольбера — образец лояльности — сокрушаться, вполне в духе ее прототипа, о том, что на Версаль потрачено слишком много денег [Ibid.: 67–68], и утверждать, что французы не смогли бы наслаждаться правлением Людовика XIV, если бы при этом он все-таки не заботился о благе подданных [Ibid.: 74–75].

Еще одна важная идея, которая связана с предшествующими рассуждениями автора об искусстве, заключается в том, что нация лишена возможности созерцать Лувр и наслаждаться его видом. Он, как и находящиеся в нем про-

¹⁷ В «Политическом завещании» Ришельё речь идет о том, что репутация является «самым весомым достоянием властителей» [Ришельё 2008: 228].

изведения искусства, является национальным сокровищем, но при этом скрыт от взора нации. Отсюда проистекает другая проблематика, которая в эти годы увязывается с проектами «завершения» Лувра, — это его «освобождение», снос всех строений, в том числе во внутреннем дворе, которые лишают публику зрелища, принадлежащего ей по праву и необходимого для совершенствования ее вкусов.

Следующий значимый текст принадлежит перу Луи Пети Башомона, влиятельного любителя и знатока живописи. В 1749 г. он сначала в виде отдельно изданного памфлета, а затем в «Французском Меркурии» опубликовал «Записку о завершении Лувра». В ней обсуждаются «большой» и «малый» проекты завершения Лувра, но один из которых не имел отношения к его объединению с Тюильри. То, что он называет «большим планом», подразумевало достраивание всего того, что было начато, чтобы завершить работы по созданию Квадратного двора. Малый план предполагал добиться той же цели, но снести начатый третий этаж восточного крыла, находящийся с внутренней стороны колоннады Перро. В «Записке» почти нет оценочных суждений, за исключением упоминания о «всеобщей радости», которую вызовет окончание строительства дворца [Vachaumont 1749: 64–69], тем не менее успех сочинения, побудивший автора опубликовать его второй раз, сам по себе свидетельствует о действительном интересе аудитории и влиятельности нарратива о завершении Лувра.

В том же майском номере «Французского Меркурия», где была напечатана «Записка» Башомона, а также в приложении к первому изданию «Тени великого Кольбера» было опубликовано небольшое стихотворение вездесущего Вольтера «О Лувре» — о «несовершенном памятнике суетному веку», который мог бы стать честью нации, но вместо этого стал ее позором, заставляя всех задумываться о том, «что мы многое начинаем и ничего не завершаем» [Voltaire 1749: 27–28]. Вольтер встраивает в нарратив о Лувре иную, чем Ла Фон, историческую оптику — незавершенность дворца обретает свою историю и объяснение не в действиях/бездействии конкретных правителей, а в самом характере власти. В продолжение обсуждения Башомон на страницах того же издания в 1751 г. издает второй, более пространственный текст, посвященный этому же вопросу¹⁸. Он отмечает большое количество обращений и проектов, появившихся по мере того, как началось обсуждение завершения Лувра: те, кто хочет прославиться, предлагают сложные грандиозные проекты, более разумные и опытные — куда более умеренные [Vachaumont 1750: 24]. Он в пространной форме повторяет идею Вольтера:

Различные короли, которые мыслят по-разному, смена министров, долгая и дорогостоящая война, чрезмерное количество времени и денег, потраченные на проект, которому придается слишком большое значение¹⁹, наконец, миллион других непредвиденных неудобств, из-за которых все стопорится: таким образом, ничего не завершается и никогда не приносит удовлетворения [Ibid.: 24].

¹⁸ Оба они впоследствии в 1752 г. были переизданы конволютом с его же «Эссе о живописи, скульптуре и архитектуре» [Vachaumont 1752].

¹⁹ Имеется в виду Версаль.

Он подробно разбирает все, что было сделано в Лувре в правление Людовика XIV, в том числе то, без чего можно было бы обойтись, — расширение двух крыльев ради увеличения площади апартаментов [Bachaumont 1750: 27]. Это подробное описание заканчивается назидательным, критическим по отношению к королю, который все-таки остается хозяином дворца, выводом:

Ни благоразумный владелец, ни мудрый архитектор никогда не будут преуменьшать значимость своего строения, но будут стараться его сохранять, увеличивать, улучшать, насколько это возможно, в особенности если оно, подобно тому, о котором мы говорим, заслуживает этих усилий [Ibid.: 36].

Вольтер вскоре, в 1751 г., также возвращается к теме Лувра в одном из самых известных своих произведений — «Век Людовика XIV». Он встраивает судьбу дворца в то, как он понимал принципы правления «короля-солнца»: Людовик, с одной стороны, сделал больше, чем все его предшественники для общественного блага, включая перестройку Лувра, с другой — столь же многое он делал, потакая своим капризам вопреки интересам нации. В этом контексте противоречия между личными интересами короля и интересами нации (а не его славы) он несколько корректирует идеи Кольбера о том, что Версаль не стоит тех денег, которые были на него истрачены:

Если бы он использовал на благоустройство Парижа и завершение Лувра те немыслимые суммы, которые были затрачены на акведуки, чтобы провести воду в Версаль, — работы, которые были прерваны и сделались бесполезными; если бы он уделил Парижу хоть пятую часть того, во что обошлось это укрощение природы Версаля, Париж на всем своем протяжении стал бы таким же прекрасным, каким он предстает со стороны Тюильри и моста Руаяль²⁰, и сделался бы великолепнейшим городом во вселенной [Francheville 1751: 136].

Противопоставляя Версалью Лувр, «завершение которого столь желанно» [Francheville 1751: 122], Вольтер видит в последнем уже не символ власти короля над подданными, а знак того, как должна работать правильная власть, действуя во имя интересов общества и государства, а не своих собственных, и во имя развития культуры и общественного блага, а не личных удовольствий.

Мы видим, как в дискуссиях середины XVIII в. Лувр, оставаясь королевской собственностью, превращается при этом в общенациональное достояние уже в рамках критических, а не провластных высказываний. Помимо очевидных общекультурных процессов, связанных с постепенным формированием идеи культуры и ее осмысления в контексте другого важного понятия — понятия нации, немаловажную роль здесь сыграла и специфическая история самого Лувра, способствовавшая тому, что именно вокруг него сформировалось

²⁰ Третий каменный мост в Париже, возведенный 1685–1689 гг. по инициативе Людовика XIV на месте деревянного от дворца Тюильри на правом берегу Сены до Отеля де Майи на левом. Павильон Флоры, напротив которого установлен мост, был когда-то частью дворца Тюильри, а сейчас представляет собой оконечность Лувра.

такое поле значений, которое выделяло его среди всех остальных королевских резиденций и определило его последующую судьбу.

Тексты, которые в последующие годы появлялись на страницах «Французского Меркурия», показывают, что выражение «завершить Лувр» (*achever le Louvre*) превратилось в общее место. Крайне любопытно, что это произошло не столько потому, что разговоры о завершении строительства велись постоянно и все привыкли воспринимать их как должное. В текстах Вольтера и Башомона мы видим начало идеи вечной недостроенности Лувра, которая будет активно эксплуатироваться в XIX столетии (и тоже по-разному), но которая уже тогда породила ощущение, что «завершение Лувра» не может не быть устоявшимся топосом, коль скоро реальное строительство так и не завершено. Превращение этого выражения в *locus communis* становится инструментом становления самого дворца как *locus publicus*. Прекрасный пример этого присвоения, или, по определению Блюша, «национализации», можно найти в новых планах, которые начинают разрабатываться после того, как публичная критика действительно способствовала началу в 1755 г. работ по «завершению» и «освобождению» Лувра. В 1756 г. во дворце стал заседать Большой совет, своего рода антипарламент. Подобное возвращение Лувра в качестве символа абсолютизма вызвало массовое выражение недовольства [Wittman 2007: 105], и в том же году Ла Фон де Сент-Йенн публикует новый диалог «Гений Лувра на Елисейских полях», в котором теперь фигурировал еще и архитектор Клод Перро, призванный возрадоваться грядущему окончанию строительства и долгожданному окончательному превращению Лувра в шедевр архитектуры. Памятуя о том, как идея «завершения Лувра» утверждалась в контексте подчинения города власти монарха, весьма показательным представляется, что от имени Перро автор высказывает предложение переместить в Лувр городскую ратушу [La Font de Saint-Yenne 1756: 65]²¹.

Это присвоение нацией и городом королевского дворца, несмотря на утилитарность предложения, было, как и идея его завершения, напрямую связано с идеей национального достояния, которая постепенно выстраивалась в культуре Просвещения. В силу того, что нарратив о Лувре (хотя, конечно, не только он) развивался как критический, происходило постепенное смещение акцентов — от того, что необходимо власти, к тому, что власть должна делать для нации, чтобы «развивать ее вкус и способствовать появлению все более возвышенных идей в науках и искусствах» [La Font de Saint-Yenne 1756: 4]. Все эти идеи, давно и прекрасно изученные, имеют непосредственное отношение к судьбе нарратива о Лувре. В тексте 1756 г. Ла Фон дает дворцу показательную характеристику — «самое величественное и великолепное зрелище, слава французского гения, наилучшее свидетельство нашего неоспоримого превосходства над всеми нациями» [Ibid.: 99–100]. Слово «зрелище» (*spectacle*) имеет для него принципиальное значение — дворец и как национальное достояние, и как национальная слава, и как шедевр архитектуры, способствующий воспитанию вкуса, должен быть публичен, доступен изнутри и снару-

²¹ Позднее, после окончания Семилетней войны, во время которой работы были прерваны, это предложение вновь появляется в сочинении Майля Дюссосуа «Беспристрастный гражданин, или Различные патриотические идеи касательно полезных установлений и улучшений в городе Париже», изданном в 1767–1768 гг. [Dussausoy 1767: 21].

жи, о чем он говорил, начиная с 1749 г. Отсюда и проект создания в нем королевской галереи и переноса сюда Парижской ратуши. Основной аргумент, который Ла Фон приводит в пользу новой локации для ратуши, заключается в том, что Лувр уже представляет собой прекрасное зрелище. Нынешнее расположение ратуши (здание которой само по себе ужасно, по мнению автора²²) делает бессмысленным все устраиваемые празднества:

...это жалкое строение расположено на смехотворной из-за своей формы и размера площади, где нет ни одного здания, вид которого не вызывал бы отвращение и не оскорблял бы взгляд короля и всего двора, когда они почитают город своим присутствием. Наконец, там граждане, ради которых устраиваются все эти празднества, не могут за ними наблюдать [La Font de Saint Yenne 1756: 65–66].

Лувр же, в свою очередь, расположен на берегу реки, которая образует необходимую для зрителя дистанцию, «наиболее удачную для того, чтобы наслаждаться чудесами» фейерверков и прочих составляющих праздничных торжеств [Ibid.: 66].

Публичная значимость дворца подразумевает одновременно, что он должен быть достроен, т. е. доведен до совершенства, чтобы выполнять все эти функции, и то, что он должен быть доступен для рассматривания. Эти два аспекта со временем стали ключевой характеристикой того нового, что привнес Людовик XV, ведь развитие идей цивилизации как процесса требовало, чтобы завершение было не только доделыванием того, что не смогли или не успели предшественники, но и совершенствованием, и посему этого монарха ждет еще большая слава за то, что он «сделал Лувр еще более совершенным» [La Font de Saint-Yenne 1756: 66]. «Гений Лувра на Елисейских полях» можно считать компромиссным текстом Ла Фона — с началом работ нарратив о завершении вновь утрачивает популярность, теперь уже в силу его критичности, на первый план вновь выходит репрезентация позитивных достижений.

Это хорошо заметно по появившимся визуальным репрезентациям, прославляющим новые усилия. В первые годы после начала работ в 1755 г. Жорж-Франсуа Блондель²³ фиксирует их в рисунке под названием «Завершение одного из фасадов двора Старого Лувра»²⁴ в феврале 1755 г. и разрушение зданий, оставшихся в его внутреннем дворе» (ил. 5). Однако позже и он, и в особенности Пьер-Антуан Демаши (ил. 6) создают серию произведений, где и сюжет полотен, на которых уже почти не видно того, что происходит с сами дворцом, и их типизированное название — «Освобождение колоннады Лувра»²⁵ — переносят акцент на то новое, что делает власть. Как пишет Ханна Уильямс, из

²² Здание ратуши впоследствии было существенно перестроено и расширено во второй четверти XIX в. Оно, как и дворец Тюильри, сгорело во время Парижской коммуны, но было восстановлено по сохранившимся чертежам.

²³ Он приходился двоюродным братом Жаку-Франсуа Блонделю, автору «Французской архитектуры», и сыном архитектору Жану-Франсуа Блонделю.

²⁴ Старым Лувром стали называть квадратный по форме дворец с двором внутри, Новым Лувром — все примыкающие к нему постройки, которые раньше не считались частью дворца (на тот момент это Малая и Большая галереи).

²⁵ Этого выражения, что интересно, мы не найдем в текстах тех же лет.

всех изображенных Демаши строительных работ (а он много раз обращался к этой теме) именно образ Лувра приобрел особое символическое значение. Художник не пытался задокументировать реальный ход работ, он использовал сложившийся интерес к судьбе дворца и, можно добавить, нарратив о его недостроенности для того, чтобы сделать его «символом сложного строительства цивилизации» [Williams 2020: 24]. Но символическое освобождение мыслится им и в другом ключе — сделать дворец открытым взгляду, доступным для рассматривания. Эта идея, соответствовавшая новым градостроительным практикам, применявшимся в Париже с XVII столетия, имеет особое значение в случае с Лувром, поскольку отражает требование публичного доступа к тому, что считается национальным достоянием, которое нашло отражение и в предшествующих обсуждениях недостроенности дворца, и в его последующей судьбе как первого публичного государственного музея. Лувр на этих полотнах совсем перестает быть столичной королевской резиденцией, но существует как символ культурного развития, о котором власть заботится ради нации.

Ил. 5. Жорж-Франсуа Блондель. Завершение одного из фасадов Лувра в феврале 1755 г. и разрушение зданий, остававшихся в его внутреннем дворе. Ок. 1755. Музей Карнавале (D.6060)

Fig. 5. Georges-François Blondel. Completion of one of the facades of the courtyard of the Old Louvre in February 1755 and demolition of the buildings that remained there Ca. 1755. Musée Carnavalet (D.6060)

Ил. 6. Пьер-Антуан Демаши. Освобождение колоннады Лувра
Ок. 1756 г. Музей Карнавале (P1499)

Fig. 6. Pierre-Antoine Demachy. Clearance of the Louvre colonnade
Ca. 1756. Musée Carnavalet (P1499)

После этих дискуссий, публичных ликований середины 1750-х годов и опубликованных в 1756 г. разнообразных планов перестройки дворца во «Французской архитектуре» Жака-Франсуа Блонделя интерес к Лувру был потерян, хотя работы по его достраиванию и «освобождению» завершились только 20 лет спустя. Однако впоследствии он не раз реанимировался, и нередко вместе с этим возвращался и нарратив о «завершении Лувра». Заложенный в нем конфликт между совершенством идеи и несовершенством, связанным с ее недоовоплощенностью, вкупе с приобретенной символической значимостью самого дворца, делал эту идею и этот нарратив очень удобными для требования или демонстрации (в зависимости от ситуации) новых усилий для дальнейшего культурного развития нации. Однако после завершения в 1770-е годы всего, что было не достроено сто лет назад, двигаться дальше по большому счету можно было только в сторону строительства новой галереи, соединяющей Лувр и Тюильри, многочисленные планы которой обнаруживал Блондель.

Источники

Гораций 1936 — *Квинт Гораций Флакк. Послания* // Квинт Гораций Флакк. Полн. собр. соч. / Пер. под ред. и с примеч. Ф. А. Петровского; Вступ. ст. В. Я. Каплинского. М.; Л.: Academia, 1936. С. 285–338.

- Ришельё 2008 — *Ришельё А.-Ж. дю Плесси, кардинал-герцог, де*. Политическое завещание, или Принципы управления государством / Пер. и коммент. Л. А. Сифуровой. М.: Ладомир, 2008.
- Babeau 1894 — *Babeau A.* Note sur les plus anciens plans d'achèvement du Louvre et de réunion de ce palais aux Tuileries // Mémoires de la Société national des antiquaires de France. Sér. 4. Vol. 54. Paris: C. Klincksieck, 1894. P. 159–165.
- Bachaumont 1749 — *Bachaumont L.-P.* Mémoire sur l'achèvement du Louvre, avril 1749 // Mercure français. 1749. Mai. P. 64–69.
- Bachaumont 1750 — *Bachaumont L.-P.* Mémoire sur le Louvre // Mercure français. 1750. Mai. P. 22–36.
- Bachaumont 1752 — *Bachaumont L.-P.* Essai sur la peinture, la sculpture, et l'architecture. [S. l.]: [s. n.], 1752.
- Blondel 1756 — *Blondel J.-F.* Architecture française, ou Recueil des plans, élévations, coupes et profils des églises, maisons royales, palais, hôtels. T. 4. Paris: Charles-Antoine Jombert, 1756.
- Bouhours 1687 — *Bouhours D.* La manière de bien penser dans les ouvrages d'esprit. Paris: Sebastien Mabre-Cramoisy, 1687.
- Colbert 1863 — *Colbert J.-B.* Lettres, instructions et mémoires de Colbert. T. 2. Pt. 1. Paris: l'Imprimerie impériale, 1863.
- Donneau de Vizé 1686 — [*Donneau de Vizé J.*] Voyage des ambassadeurs de Siam en France. Lyon: T. Amaulry, 1686.
- Dussausoy 1767 — *Dussausoy M.* Le Citoyen désintéressé, ou Diverses idées patriotiques concernant quelques établissemens et embellissemens utiles à la ville de Paris. Pt. I. Paris: Gueffier, 1767.
- Félibien 1696 — *Félibien A.* Entretiens sur les vies et sur les ouvrages des plus excellens peintres anciens et modernes. Paris: Denys Mariette, 1696.
- Francheville 1751 — *Francheville [Voltaire].* Le Siecle de Louis XIV. Vol. 2. Berlin: C. F. Henning, 1751. (In French).
- La Font de Saint-Yenne 1747 — [*La Font de Saint-Yenne É.*] Réflexions sur quelques causes de l'état present de la Peinture en France. Avec un examen des principaux ouvrages exposés au Louvre le mois d'août 1746. La Haye: Chez Jean Neaulme, 1747. (In French).
- La Font de Saint-Yenne 1749a — [*La Font de Saint-Yenne É.*] L'ombre du grand Colbert, le Louvre et la ville de Paris. Paris: [s. n.], 1749.
- La Font de Saint-Yenne 1749b — [*La Font de Saint-Yenne É.*] Remerciement des habitans de la ville de Paris à Sa Majesté, au sujet de l'achèvement du Louvre. [S. l.]: [s. n.], 1749.
- La Font de Saint-Yenne 1752 — [*La Font de Saint-Yenne É.*] L'ombre du grand Colbert, le Louvre et la ville de Paris, dialogue. [S. l.]: [s. n.], 1752.
- La Font de Saint-Yenne 1756 — [*La Font de Saint-Yenne É.*] Le génie du Louvre aux Champs Élysées. Dialogue entre le Louvre, la ville de Paris, l'ombre de Colbert, & Perrault. Avec deux lettres de l'auteur sur le même sujet. [S. l.]: [s. n.], 1756.
- Le Maire 1685 — *Le Maire Ch.* Paris ancien et nouveau. Ouvrage tres-curieux, ou l'on voit la fondation, les accroissemens, le nombre des habitans, & des maisons de cette grande ville. Avec une description nouvelle de ce qu'il y a de plus remarquable dans toutes les eglises, communautz, & colleges; dans les palais, hôtels, & maisons particulieres; dans les ruës & dans les places publiques. Vol. 3. Paris: Chez Michel Vaugon, 1685.
- Mauduit 1846 — *Mauduit A.-F.* Propositions pour l'achèvement des Tuileries et du Louvre. Paris: Firmin Didot Frères, 1846.
- Napoléon Ier 1862 — [*Napoléon Ier*]. Note pour le ministre de l'intérieur du 17 pluviôse XIII (6 février 1805) // Correspondance de Napoléon Ier. Vol. 10. Paris: H. Plone et J. Dumaine, 1862. P. 138.

- Palais du Louvre 2022 — Palais du Louvre // Wikipédia: L'encyclopédie libre. [La dernière modification: le 27 mars 2022]. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Palais_du_Louvre.
- Patin 2018a — *Patin G.* Lettre à André Falconet du 11 octobre 1660 // Patin G. Correspondance complète et autres écrits de Guy Patin / Éd. par L. Capron. Paris: Bibliothèque interuniversitaire de santé, 2018. URL: <https://www.biusante.parisdescartes.fr/patin/?do=pg&let=0642>.
- Patin 2018b — *Patin G.* Lettre à André Falconet du 13 avril 1660 // Patin G. Correspondance complète et autres écrits de Guy Patin / Éd. par L. Capron. Paris: Bibliothèque interuniversitaire de santé, 2018. URL: <https://www.biusante.parisdescartes.fr/patin/?do=pg&let=0602>.
- Perrault 1697 — *Perrault Ch.* Parallèle des Anciens et des Modernes. Vol. 4. Paris: J. B. Coignard, 1697.
- Recueil des décrets 1853 — Recueil des décrets rendus par le prince Louis-Napoléon depuis le décembre 1851 jusqu'au 29 mai 1852. Pt. 1. Epoque présidentielle. Paris: Imprimerie et librairie générale de jurisprudence, 1853.
- Sorbière 1660 — *Sorbière S.* Discours sceptique à monsieur de Martel de la beauté de Paris et de ce qu'il y a d'incommode // Sorbière S. Lettres et discours de M. de Sorbière sur diverses matières curieuses. Paris: Chez Francois Clousie, 1660. P. 573–606.
- Voltaire 1749 — *Voltaire.* Sur Louvre // Mercure français. 1749. Mai. P. 27–28.

Литература

- Блюш 1998 — *Блюш Ф.* Людовик XIV / Пер. Л. Д. Тарасенковой, О. Д. Тарасенкова. М.: Ладомир, 1998.
- Дежан 2015 — *Дежан Д.* Как Париж стал Парижем: История создания самого притягательного города в мире / [Пер. с англ. А. Г. Гусевой]. М.: Центрполиграф, 2015.
- Карп, Плавинская 2019 — *Карп С., Плавинская Н.* Париж и его обитатели в XVIII столетии: столица Просвещения. М.: Слово/Slovo, 2019.
- Скиннер 2018 — *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей / Пер. с англ. Т. Пирусской // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / Сост. Т. Атанашев, М. Велижев. Москва: Нов. лит. обозрение, 2018. С. 53–122.
- Cojannot 2003 — *Cojannot A.* Mazarin et le “grand dessein” du Louvre: projets et réalisations de 1652 à 1664 // Art et artistes en France de la Renaissance à la Révolution / Éd. par B. Jestaz. Paris: Champion; Genève: Droz, 2003. P. 133–219. (In French).
- Daufresne 1987 — *Daufresne J.-C.* Louvre & Tuileries: architectures de papier. Liège; Bruxelles: Editions Mardaga, 1987.
- Dethan 1990 — *Dethan G.* Paris au temps de Louis XIV (1660–1715). Paris: Hachette, 1990.
- McClellan 1999 — *McClellan A.* Inventing the Louvre: Art, politics, and the origins of the modern museum in eighteenth-century Paris. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 1999.
- Pei et al. 2002 — *Pei I. M., Biasini E., Lacouture J.* L'invention du Grand Louvre. Paris: Éditions Odile Jacob, 2001.
- Ranum 2002 — *Ranum O.* Paris in the age of Absolutism: An essay. University Park: Pennsylvania Univ. Press, 2002.
- Tadgell 2020 — *Tadgell Ch.* The Louvre and Versailles: The evolution of the proto-typical palace in the age of Absolutism. London: Routledge, 2020.
- Williams 2020 — *Williams H.* The other palace: Versailles and the Louvre // The Versailles effect: Objects, lives, and afterlives of the domaine / Ed. by M. Ledbury, R. Wellington. London: Bloomsbury, 2020. P. 13–31.
- Wittman 2007 — *Wittman R.* Architecture, print culture and the public sphere in eighteenth-century France. London: Routledge, 2007.

References

- Bluche, F. (1986). *Louis XIV*. Librairie Arthème Fayard. (In French).
- Cojannot, A. (2003). Mazarin et le “grand dessein” du Louvre: projets et réalisations de 1652 à 1664. In B. Jestaz (Ed.). *Art et artistes en France de la Renaissance à la Révolution*, (pp. 133–219). Champion; Droz. (In French).
- Daufresne, J.-C. (1987). *Louvre & Tuileries: architectures de papier*. Editions Mardaga. (In French).
- Dejean, J. (2014). *How Paris became Paris. The invention of the modern city*. Bloomsbury.
- Dethan, G. (1990). *Paris au temps de Louis XIV (1660–1715)*. Hachette. (In French).
- Karp, S., & Plavinskaia, N. (2019). *Parizh i ego obitateli v XVIII stoletii: stolitsa Prosveshchenniiia* [Paris and its inhabitants in the 18th century: The capital of the Enlightenment]. Slovo. (In Russian).
- McClellan, A. (1999). *Inventing the Louvre: Art, politics, and the origins of the modern museum in eighteenth-century Paris*. Cambridge Univ. Press.
- Pei, I. M., Biasini, E., & Lacouture, J. (2002). *L'invention du Grand Louvre*. Éditions Odile Jacob. (In French).
- Ranum, O. (2002). *Paris in the age of Absolutism: An essay*. Pennsylvania Univ. Press.
- Skinner, Q. (1969). Meaning and understanding in the history of ideas. *History and Theory*, 8(1), 3–53.
- Tadgell, Ch. (2020). *The Louvre and Versailles: The evolution of the proto-typical palace in the age of Absolutism*. Routledge.
- Williams, H. (2020). The other palace: Versailles and the Louvre. In M. Ledbury, & R. Wellington (Eds.). *The Versailles effect: Objects, lives, and afterlives of the domaine* (pp. 13–31). Bloomsbury.
- Wittman, R. (2007). *Architecture, print culture and the public sphere in eighteenth-century France*. Routledge.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анна Вячеславовна Стогова

кандидат исторических наук
старший научный сотрудник, Отделение
историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119774, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32а
Тел.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru

Anna V. Stogova

Cand. Sci. (History)
Senior Researcher, Department of Studies
in Theory of History, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119774, Moscow, Leninsky
Prospekt, 32a
Tel.: +7 (495) 938-12-02
✉ anna100gova@yandex.ru

К. О. Гусарова^{ab}

ORCID: 0000-0002-7325-5173

✉ kgusarova@gmail.com

^a *Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ЭСТЕТИКА ЭВОЛЮЦИИ: ДАРВИН ПРОТИВ ВЕНЕРЫ МЕДИЧИ

Аннотация. В статье рассматриваются эстетические взгляды Чарльза Дарвина в контексте представлений о красоте, разделявшихся его современниками и мыслителями предшествующих поколений. Особое внимание уделяется модной сатире 1860–1880-х годов, так как на этом материале наглядно виден диалог научного знания и популярной культуры. Общее место последней — противопоставление абсурдной фигуры современной модницы гармоничной античной статуе Венеры — находит любопытную параллель в рассуждениях Дарвина о половом отборе и роли красоты в человеческих обществах. Однако если карикатуры выражают взгляд на моду как на продукт вырождения классического идеала, который в то же время ассоциируется с идеей «природы», то в работах Дарвина, напротив, движущие принципы природных процессов оказываются сродни логике моды, а идеал радикально релятивируется.

Ключевые слова: красота, эволюция, половой отбор, Чарльз Дарвин, природа, мода, идеал, античность, Джошуа Рейнольдс, Элайза Линн-Линтон, Джордж Дюморье, Эдвард Линли Сэмборн

Для цитирования: Гусарова К. О. Эстетика эволюции: Дарвин против Венеры Медичи // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 93–117. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-93-117>.

Статья поступила в редакцию 7 июня 2022 г.

Принято к печати 1 сентября 2022 г.

K. O. Gusarova^{ab}

ORCID: 0000-0002-7325-5173

✉ kgusarova@gmail.com

^a Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

THE AESTHETICS OF EVOLUTION: DARWIN VERSUS *VENUS DE' MEDICI*

Abstract. The article addresses the aesthetic views of Charles Darwin, which are considered within the framework of wider Victorian discussions on the nature of beauty as well as influential earlier thought on the topic. Particular emphasis is placed on 1860s–1880s fashion satire, since these visual and textual sources can yield useful insights into the cross-pollination between scientific knowledge and the popular culture of the era. The juxtaposition of a statue of Venus and a fashionable lady of the day, ubiquitous in mid-Victorian journalism and caricature, lurks across the pages of several of Darwin's works, where it takes on a completely different meaning. While fashion satire presented Venus as a timeless ideal, which at the same time was seen as an epitome of "natural" beauty, Darwin questioned the very possibility of such an ideal. Rather than concentrated in a fixed set of bodily forms and proportions, he saw beauty in nature and in human societies as perpetually fluid and infinitely variable, as if following the logic of fashion, which many of his contemporaries blamed for corrupting classical aesthetics. Indeed, in *The Descent of Man* Darwin directly attacks *Venus de' Medici*, pointing to the limitations of this image of perfection and proposing a radical non-human aesthetics instead.

Keywords: beauty, evolution, sexual selection, Charles Darwin, nature, fashion, ideal, Antiquity, Joshua Reynolds, Eliza Lynn Linton, George du Maurier, Edward Linley Sambourne

To cite this article: Gusarova, K. O. (2023). The aesthetics of evolution: Darwin versus *Venus de' Medici*. *Shagi / Steps*, 9(1), 93–117. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-93-117>.

Received June 7, 2022

Accepted September 1, 2022

В одном из первых выпусков британского сатирического журнала «Панч» была опубликована любопытная заметка, лаконично озаглавленная «Цивилизация». Ее антиимперская направленность, совершенно непредставимая в том же издании четверть века спустя, наглядно иллюстрирует свободомыслие ранневикторианского периода. Анонимный автор позволяет себе усомниться в ценности цивилизации, которую англичане в избытке отправляют «на экспорт», «воздвигая виселицы по всему свету» и рассылая в заморские края своих миссионеров, предельно далеких от подлинного духа христианства [Civilisation 1841: 27]. Зазор между видимостью и сущностью, который корреспондент «Панча» обнаруживает в институтах Церкви, является для него определяющей характеристикой цивилизации, находящей наиболее яркое выражение в моде: рука в белой лайковой перчатке творит черные дела, под тончайшей батистовой рубашкой бьется безжалостное сердце злодея, однако качество полотна и кроя для большинства людей выступает исчерпывающей гарантией респектабельности.

Автор цитируемой статьи стремится продемонстрировать условный характер этих статусных атрибутов, чем напоминает знаменитый пассаж о «Красном» и «Синем» из вышедшего за пять лет до того философского романа Томаса Карлейля «Sartor Resartus»:

Красный говорит Синему: «Ты должен быть повешен и анатомирован». Синий слышит это с содроганием и (о, чудо из чудес!) печально идет на виселицу. <...> Как это так? <...> Не надеты ли на вашем Красном вешающем индивидууме парик из конских волос, беличьих шкурки и плюшевая мантия, с помощью которых все узнают, что он Судья? — Общество, — чем более я об этом думаю, тем более это меня удивляет, — основано на Одежде [Карлейль 1902: 64].

Однако прямой ссылки на Карлейля в тексте нет — вместо этого статья открывается развернутой цитатой из другого, давно почившего и оттого еще более авторитетного корифея британской культуры, сэра Джошуа Рейнольдса. Возглавив основанную в 1768 г. Королевскую академию художеств, Рейнольдс регулярно выступал с речами, в которых определял сущность и задачи искусства, критерии красоты и необходимые квалификации художника. В речи 1776 г., прочитанной при вручении наград студентам Академии, содержится довольно провокационное сравнение завитого, напوماженного и напудренного европейца с индейцем чероки в полной боевой раскраске — по мысли Рейнольдса, оба в равной степени отклонились от идеала природной красоты, и «кто из них решится презирать другого за следование моде его страны, кто первым испытает желание засмеяться, тот и является дикарем» [Reynolds 1891: 199].

Эта мысль Рейнольдса в «Панче» проиллюстрирована тремя изображениями «дикаря», однако не чероки, а представителя бразильского коренного племени ботокудов, которых Э. Б. Тайлор впоследствии назовет «одним из наиболее диких среди ныне живущих народов» [Tylor 1871: 197]. «Дикость» ботокудов, по мнению антропологов XIX в., проявлялась во всех сферах их культуры, от принципов словообразования и счета до космологии, однако популярное воображение было захвачено в первую очередь характерными мо-

дификациями тела, которые практиковало это племя, вставляя деревянные диски в мочки ушей и нижнюю губу. Иллюстрации в «Панче» (ил. 1) демонстрируют читателям молодого ботокуда «до уродования», затем «обезображенного подвесками в ушах и на подбородке» и, наконец, «обезображенного цивилизацией»¹ [Civilisation 1841: 27]. Третий портрет представляет надменного щеголя с моноклем, в накрахмаленном шейном платке, с модными прической и бородкой. Предполагается, что он являет собой столь же (или даже еще более) «безобразное» зрелище, что и его «дикий» двойник с диском в губе, тогда как круглолицый юноша с миндалевидными глазами на первой картинке, хотя и опознается как этнический Другой, в данном случае призван воплощать идею естественной гармонии человеческих черт.

Вдохновленная культурным релятивизмом эпохи Просвещения и руссоистским идеалом «естественного человека» визуальная и риторическая конструкция, в рамках которой цивилизация и «дикость» оказываются противостоящими «природе» структурными синонимами, сохранит популярность в британской культуре второй половины XIX в. и будет особенно часто использоваться в модной сатире. Однако неизменной (и то лишь на первый взгляд) в ней останется лишь фигура «дикаря», тогда как воплощение цивилизации подвергнется существенному изменению: место щеголя займет модница. Сравнимые с ней неевропейские народы тем самым феминизируются, что дополнительно обосновывает их подчиненное положение в колониальном мировом порядке. В свою очередь, «дикость», приписываемая дамской моде, подчеркивает женскую иррациональность и служит, среди прочего, косвенным доводом против предоставления женщинам избирательного права, о чем в конце 1860-х годов в Великобритании ведутся бурные дискуссии. Наконец, «природа» в рамках этой конструкции окончательно застывает в идеальных формах, которые придали ей античные скульпторы, что способствует натурализации западного канона и сопряженных с ним эстетических иерархий.

На фоне закрепления этой модели зарождается новый релятивизм, связанный с естественнонаучным знанием, и в первую очередь с эволюционными теориями Чарльза Дарвина. В данной статье я рассмотрю соотношение идей Дарвина с обрисованным выше контекстом, в котором они были глубоко укоренены, в то же время обладая потенциалом к расшатыванию сложившегося эстетического канона и подрыву его идеологических оснований. В первой части текста хрестоматийная фигура «дикаря» служит отправной точкой для обсуждения предпринятого Дарвином пересмотра границ между красотой и уродством, нормой и аномалией, природой и культурой. Вторая часть статьи фокусируется на устойчивом образе западной «дикарки» — современной модницы, нелепость облика которой карикатуристы подчеркивали за счет эксплицитного или имплицитного сравнения с эталоном женской красоты — антич-

¹ Возможно, такое сопоставление было навеяно гравюрой из книги Роберта Фицроя «Рассказ о гидрографических экспедициях кораблей Его Величества “Эдвенчер” и “Бигль” в 1826–1836 гг.», изображавшей представителей обитавшего в Патагонии народа яганов [FitzRoy 1839]. В 1830 г. Фицрой вывез четверых яганов в Великобританию. На иллюстрации один из них показан в «диком» виде, а затем в европейском костюме. В 1831 г. этот яган отправился в новое плавание на «Бигле», на борту которого также находился молодой и никому еще не известный натуралист Чарльз Дарвин.

ной статуей Венеры. Несмотря на противопоставление этих двух фигур, в то же время между ними выстраиваются квазиэволюционные отношения, так как многие элементы моды 1860–1880-х годов рассматривались как гипертрофированные черты классического канона. В третьей части статьи предпринимается попытка увидеть эту оппозицию вневременного идеала и скоротечного модного поветрия глазами Дарвина — который парадоксальным образом отдает предпочтение второму перед первым.

[Head of a Botocudo previous to disfigurement]

[Head of a Botocudo disfigured by chin and ear pendants.]

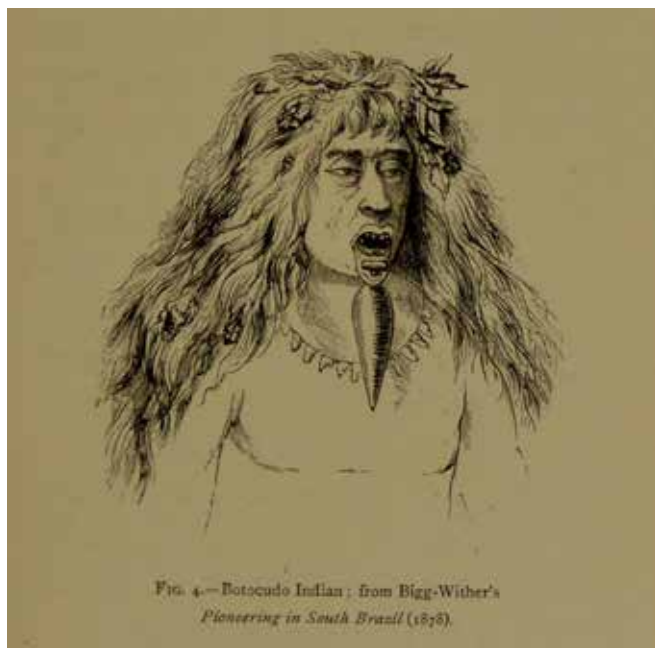

[Head of a Botocudo disfigured by civilisation.]

Ил. 1. Ботокуды
Fig. 1. The Botocudos
[Civilisation 1841]

В защиту «уродства»: нечеловеческая эстетика Дарвина

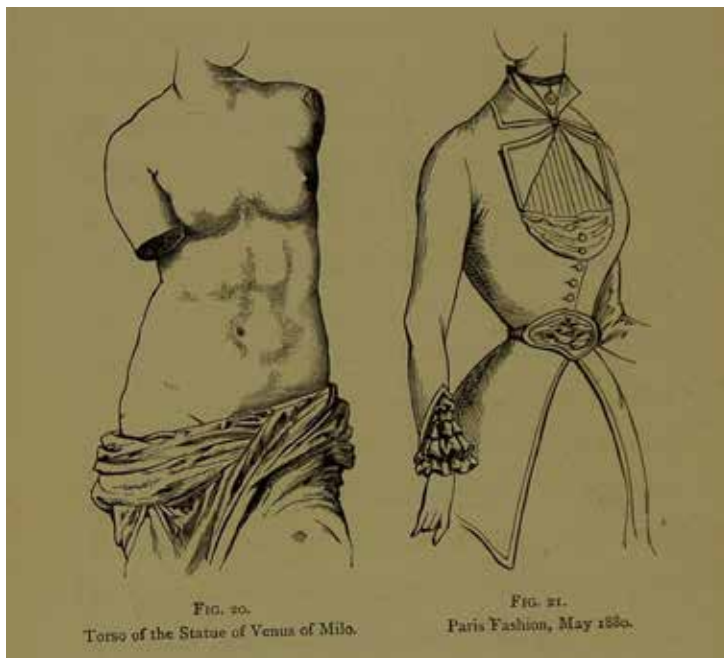
Если на иллюстрации к статье из «Панча» 1841 г. ботокуд, «обезображенный подвесками в ушах и на подбородке», изображен коротко стриженным и усатым, то в книге британского хирурга и специалиста по сравнительной анатомии Уильяма Генри Флауэра² «Мода на уродование» (1881; ил. 2) его голову украшает необыкновенно густая и длинная шевелюра. Вероятно, она призвана подчеркнуть, что перед нами дикарь, дитя леса — кажется, в волосах этого «индейца» даже запутались листья деревьев. В то же время прическа придает изображению гендерную амбивалентность — такой же всклокоченной гривой британские карикатуристы нередко награждали модниц рубежа 1860–1870-х годов [Гусарова 2021: 282–284]. Действительно, хотя Флауэр в первых же строках своего сочинения утверждает: «Наклонность к уродованию или изменению естественной формы некоторых частей тела свойственна человеческой натуре на всех ее ступенях — как самой первобытной и варварской, так и наиболее цивилизованной и утонченной» [Флоуер 1882: 1], — социально-реформистский пафос книги направлен в первую очередь на вольных и невольных жертв западной моды, и прежде всего на женщин, двойниками которых становятся неевропейские Другие.

Ил. 2. «Индеец ботокудо»
Fig. 2. “Botocudo Indian”
[Flower 1881]

² В русских изданиях XIX в. эта фамилия транскрибировалась как *Флоуер*.

Китайский обычай бинтования женских ног, который представлялся его соотечественникам апогеем варварства, Флауэр сравнивает с деформацией стоп в результате ношения модных туфель. В духе движения за реформу костюма автор предлагает вполне конкретные изменения, которые необходимо внести в производство обуви и чулочно-носочных изделий, а также, разумеется, выражает решительный протест против корсета. Этот элемент дамского гардероба Флауэр называет пережитком Средневековья, противопоставляя искаженным пропорциям современной модницы «совершенный образец природной женской формы» [Флоуер 1882: 62] — торс Венеры Милосской. Следует отметить, что искусство античности не является для Флауэра непрекаемым идеалом во всем: так, он с неудовольствием отмечает обыкновение художников и скульпторов изображать второй палец ноги чуть более длинным, чем первый, предполагая, что «это представление проникло в искусство греков <...> от египтян³» [Там же: 52]. Тем не менее трактовка женского тела в знаменитой скульптуре Венеры Милосской описывается как его «естественная форма» [Там же: 62] — художественный канон в данном случае полностью отождествляется с природой (ил. 3).

Ил 3. Сравнение Венеры Милосской с модной гравюрой
Fig. 3. *Venus of Milo compared to a fashion plate*
 [Flower 1881]

³ Любопытное расхождение присутствует здесь между русским переводом, в котором цитируемая фраза продолжается словами «и, по всей вероятности, оно перешло от арабов», и оригиналом, где вместо *арабов* значится *negro* [Flower 1881: 67].

Такой подход можно напрямую возвести к речи Рейнольдса, противопоставлявшего подлинную эстетическую истину условной правде или предрасудку. Первая для этого художника была неразрывно связана с «общей идеей природы»: «Начало, середина и конец всего, что имеет ценность с точки зрения вкуса, заключаются в знании того, что действительно является природой» [Reynolds 1891: 181]. Поэтому истинный вкус един для всех времен и народов, а вариативность моды и местных обычаев объясняется искажениями универсального идеала, закрепившимися под влиянием мнимых авторитетов. Рейнольдс подчеркивает, что в его интерпретации понятие природы «вмещает не только формы, производимые природой, но также и природу, внутреннюю материю и организацию, если можно так выразиться, человеческого ума и воображения» [Ibid.]. Таким образом, под определение «природы» подпадает и культура в той мере, в какой она выражает «общие идеи», а не частные. Природа оказывается сугубо умозрительной, идеальной конструкцией, слабо связанной с окружающей человека несовершенной реальностью и являющейся скорее образ мира, каким он должен быть. Рейнольдс подчеркивает, что «уродство» не может считаться полноправным явлением природы, а лишь «случайным уклонением от ее обыкновений» [Ibid.]. Под «уродством» в данном случае, скорее всего, имелись в виду врожденные особенности развития, результаты болезней и несчастных случаев, однако примечательно, что Флауэр выбирает для заглавия своей книги о моде то же самое слово (*deformity*) и, подобно Рейнольдсу, противопоставляет включаемые в эту категорию явления «природе».

Акцент на универсальном в противовес индивидуальному позволяет рассматривать неоплатоническую эстетику Рейнольдса как концептуальное явление одного порядка с тем, что в истории биологии именуется типологическим подходом [Maug 2000: 263]. Речь идет об эссенциалистском понимании биологического вида как своего рода «идеального типа», обладающего набором устойчивых характеристик, отклонениями от которых можно пренебречь, ибо для познания истины они несущественны. Такой взгляд доминировал в науках о живой природе на протяжении столетий и лишь в XX в. окончательно уступил популяционному подходу, основные принципы которого были сформулированы в работах Чарльза Дарвина, однако оказались для своего времени слишком революционными, чтобы сразу стать научной нормой. Популяционное мышление исходит из вариативности видовых признаков во времени и пространстве: внутри одной популяции нет двух идентичных особей (а сведение реального многообразия к неким абстрактным универсалиям не дает сколько-либо значимых познавательных результатов); более того, каждое следующее поколение демонстрирует новый набор качеств. Эта изменчивость и лежит в основе эволюционных процессов, предоставляя материал для естественного отбора, отсеивающего наименее благоприятные и закрепляющего более выгодные в конкретных условиях комбинации свойств.

Показательно, что Дарвин оперировал совершенно иной идеей природы по сравнению с описанной выше — она не только допускала «уродства», но и в некотором смысле нормализовала их. Так, в книге «Изменение животных и растений в домашнем состоянии» (1868) Дарвин пишет об искусственно выведенных породах золотых рыбок: «Многие из разновидностей, например, с тройным хвостовым плавником, должны быть названы уродствами, однако

трудно провести определенную границу между изменением и уродством»⁴ [Дарвин 1941: 212] — и чуть далее, переходя к сельскохозяйственным культурам: «Вариации часто переходят в уродства и не могут быть отличены от них» [Там же: 218]. Таким образом, человеческие стандарты и эстетические категории оказываются непродуктивными для анализа природных процессов, создавая искусственные разграничения внутри континуума сходных явлений. Аналогичным образом Дарвин релятивировал антропоцентрическую эстетику в работе «Происхождение человека и половой отбор» (1871), демонстрируя, что предпочтения некоторых видов, в первую очередь птиц, в отношении визуальных и аудиальных впечатлений, по-видимому, достаточно близки к человеческим (поэтому мы находим оперение павлина красивым, а трель соловья мелодичной), другие же радикально расходятся с ними, и заключал: «...мы не должны судить о вкусах различных видов по одной общей мерке, а еще менее мерять их вкусы на человеческий аршин» [Дарвин 1872: 75].

Подобная открытость и непредвзятость суждений, однако, проще давалась Дарвину в отношении внешнего вида, «вкусов» и поведения животных, тогда как в оценке телесности неевропейских народов автор «Происхождения видов» во многом совпадал со своими соотечественниками и современниками. Развивая мысль об относительности эстетических представлений, Дарвин ссылается на классические этнографические примеры модификаций тела, хотя и не называет в этом случае конкретных народов:

Стоит припомнить, что дикие человеческие расы находят красивыми различные отвратительные безобразия, например, глубокие рубцы с выдающимися над их поверхностью мясистыми буграми, носовые перегородки, пронизанные кусками дерева и костями, растянутые донельзя дыры в ушах и губах» [Дарвин 1872: 144–145].

Как и другие авторы, Дарвин сводит практики символического означивания и социализации тела к вопросу красоты, однако если, например, для Флауэра подобное истолкование неевропейских модификаций тела означало возможность отнести к ним как к нелепым обычаям, уподобив капризам западной моды, то для теории полового отбора красота была фундаментальным понятием, укорененным в природе всего живого. При этом в отличие от подхода, демонстрируемого Рейнольдсом, речь шла не о каких-либо определенных пропорциях, формах и цветах, а об универсальном стремлении к прекрасному, понимаемому каждый раз по-разному.

Даже среди людей стандарты красоты, по мнению Дарвина, могут и должны различаться: «Конечно, несправедливо⁵, чтобы в уме человека существовала

⁴ Впервые эта мысль была высказана уже в «Происхождении видов» [Дарвин 1864: 7; Darwin 1859: 8], однако в «Изменении животных и растений в домашнем состоянии» она получила последовательное развитие. Необходимо отметить, что в обоих случаях в оригинале используется слово *monstrosity*, а не *deformity*, но второй термин также встречается в «Изменении...» в аналогичном смысле.

⁵ В данном случае слово *несправедливо* выражает не этическую оценку, а несоответствие истине (в оригинале: «It is certainly not true» [Darwin 1871: 353]). В позднейшем переводе формулировка была изменена на менее двусмысленную: «Конечно, неправильно думать» [Дарвин 1953: 626].

какая-то всеобщая мерка для оценки красоты человеческого тела» [Дарвин 1872: 393]. Формула этого стандарта у Дарвина довольно причудлива: с одной стороны, она основана на усредненных чертах каждого биологического вида (или каждой человеческой «расы»), а с другой, включает элемент нестабильности, обусловленный в данном случае не только и не столько изменчивостью облика самого этого вида во времени, сколько парадоксальной привлекательностью умеренного отклонения от средних значений, их незначительного усиления. Вот как пишет об этом сам Дарвин в главе о половом отборе у человека:

Люди каждой расы предпочитают то, что привыкли видеть; они не выносят никаких резких перемен, но любят разнообразие и восхищаются всякой характеристической чертой, доведенной до умеренной крайности. Люди, привыкшие к приблизительно овальному лицу, прямым и правильным чертам и светлому цвету кожи, восхищаются, как это хорошо известно нам, европейцам, когда эти особенности резко выражены. С другой стороны, люди, которые привыкли к широкому лицу, выдающимся скулам, плоскому носу и черной коже, восхищаются обыкновенно усиленным развитием этих признаков [Там же: 393–394].

Как ни удивительно, эта формула красоты также, по-видимому, восходит к Рейнольдсу⁶, который в своей речи 1778 г. утверждал, что «преобладающей склонностью ума» является «привязанность к старинным обычновениям», поэтому «произведение в основном должно быть выполнено в манере, к которой мы привыкли»; с другой стороны, «...разнообразие оживляет внимание, которое склонно ослабевать, встречая везде одно и то же» [Reynolds 1891: 209–210]. Тем не менее можно сказать, что Рейнольдс акцентирует диахронические изменения в эстетике западного искусства, тогда как у Дарвина в рассуждениях о красоте на первый план выходит синхроническое многообразие человеческих и нечеловеческих предпочтений.

К началу XX в. взгляды Дарвина на природу эстетического вкуса как продукта полового отбора получили достаточно широкое распространение, о чем свидетельствует анонимная статья, опубликованная в 1902 г. в российском иллюстрированном журнале «Живописное обозрение». В этом тексте излагались идеи заключительных глав «Происхождения человека», в которых трактуется проблема красоты с эволюционной точки зрения, в первую очередь применительно к людям. Вопрос о природе красоты, вынесенный в заглавие статьи, разрешался следующим образом:

...чувство красоты зависит у животных, главным образом, от двух причин: от привычки, с одной стороны, и от потребности новизны, которая бы, однако, не противоречила привычке — с другой стороны. В силу этого новизна ищется бессознательно в усилении характерных, типичных признаков [Л. О. 1902: 167].

Тогда как заключительная формулировка в этой цитате характерно дарвиновская, начало фразы могло бы принадлежать Рейнольдсу, если бы не исклю-

⁶ О Дарвине как читателе и последователе Рейнольдса см.: [Richards 2017: 100–105].

чительный антропоцентризм его эстетики, который здесь сменяется упоминанием «чувства красоты у животных». Этот пример наглядно иллюстрирует одновременно связь эстетических воззрений Дарвина с идеями его предшественников и их существенные различия. Аналогичным образом в цитированном выше высказывании о модификациях тела Дарвин солидарен с другими авторами в том, что называет неевропейские телесные практики «отвратительными безобразиями» (*deformities*), однако расходится в том, что не противопоставляет их природе, а, напротив, использует как пример, иллюстрирующий эффективность принципа полового отбора в производстве физического и эстетического разнообразия.

Подобную двойственность можно обнаружить не только во взглядах Дарвина на то, что в его социальной и культурной среде считалось «уродством», но и в его оценке идеала, который являла образованному западному зрителю античная скульптура. Для большинства современников Дарвина, как для цитированного в этом разделе Флауэра, античная скульптура воплощала «природную» красоту женского тела, болезненным отклонением от которой представлялся актуальный модный силуэт. В следующем разделе статьи я на конкретных визуальных примерах рассмотрю противопоставление моды и классической «естественности», чтобы затем показать, как идеи Дарвина одновременно вырастают из этого контекста и ему противостоят.

Венера и «современная девушка»: двойники или антагонисты?

Выражение «современная девушка», или «девушка нашей эпохи» (*the girl of the period*), вошло в английский язык с легкой руки Элайзы Линн-Линтон, выпустившей в 1868 г. эссе с таким названием [Linton 1883: 1–9]. Публицистка резко осуждала одетых по последней моде вертихвосток, бросающих вызов правилам приличия в погоне за развлечениями. Несмотря на алармистский тон статьи, образ «современной девушки» стал востребованным инструментом продвижения различных товаров [Moruzi 2009: 9], что, в свою очередь, способствовало складыванию узнаваемой иконографии. Соответствующий стереотип появляется в бесчисленном множестве карикатур, среди которых в контексте данного исследования нас будет особенно интересовать рисунок Джорджа Дюморье «Венера Милосская, или Девушки двух разных эпох», опубликованный в альманахе «Панча» за 1870 г. (ил. 4).

Дюморье изображает стайку модниц, толпящихся вокруг знаменитой статуи, придиричиво ее разглядывая (одна из девушек даже подносит к глазу лорнет или какой-то другой оптический прибор). Развивая идею античной стилизации, подпись к карикатуре отводит этим зрительницам роль «хора», предрекающего неминуемое падение протагониста, которое в данном случае приобретает пародийные очертания провала в свете из-за недостаточного внимания к моде. «Современные девушки» говорят о Венере:

«Посмотрите на ее здоровенную ступню! А талия-то какова! — а что за смехотворно крошечная голова! — и без шиньона! Она не леди. Ах, какое страшилище!» [Du Maurier 1870].

Ил. 4. Дж. Дюморье. Венера Милосская, или Девушки двух разных эпох
Fig. 4. G. du Maurier. *The Venus of Milo; or Girls of Two Different Periods*
 [Du Maurier 1870]

Эти реплики призваны дополнительно фиксировать внимание читателей журнала на характерных чертах облика самих модниц: туго зашнурованных корсетах, крошечных туфельках на высоких (по меркам того времени) каблуках, объемных прическах из накладных волос.

Может показаться, что упоминание «двух разных эпох» в названии карикатуры уравнивает античность и современность, наряду с характеризующими их стилями, однако это впечатление обманчиво. Подобно Флауэру впоследствии, Дюморье рассматривает античность не как оставшуюся в прошлом «моду» далеких времен, а как совокупность образцов непреходящей актуальности, не осознавать ценность которых могут только невежественные, недалекие люди. «Современные девушки» демонстрируют полное отсутствие вкуса не только в том, как они сами одеваются, но и в нелепых суждениях об искусстве античности, которые они себе позволяют. В сентябре того же года тема получит развитие в «Панче» в заметке «Оборки и искусство», написанной от лица одной из таких особ. Эта «современная девушка» с негодованием отзывается о недавней лекции художника-академиста Генри Селуса, где тот «хвалил эти ужасные статуи, которые можно, например, увидеть в Британском музее или в Хрустальном дворце, а им по сто лет и больше» [Fal-lals 1870]. «Одномерное» историческое сознание, для которого античность неотличима от классицизма XVIII в. ни по стилю, ни по значимости, по мнению редакции «Панча», неотделимо от увлечения модой. Неудивительно, что фиктивная корреспондентка журнала встает на защиту современного силуэта от Селуса и ему подобных:

...я уверена, что в этих формах больше содержания, чем в головах людей, восхищающихся мраморной Венерой, у которой и вовсе нет никаких форм <...> если бы эти противные статуи были одеты по нынешней моде, они бы выглядели намного лучше <...> Тогда на эти кошмарные древности хотя бы можно было смотреть, а галерея скульптур имела бы толлику той прелести, которой обладает Музей мадам Тюссо [Ibid.]

Предполагалось, что предпочтение музей восковых фигур сокровищам Британского музея может только крайне ограниченный человек, и подобная иллюстрация вкуса «современных девушек» призвана была напрочь дискредитировать «нынешнюю моду», поклонницами которой они выступали. Однако подлинный парадокс отношений между античностью и современностью заключается в том, что противоположности, которые мы видим на карикатуре Дюморье, мыслились как генетически связанные друг с другом. Так, массивные шиньоны рубежа 1860–1870-х годов представляли собой результат развития моды на прически «в греческом стиле» с узлом на затылке. В отличие от сложившегося в русском языке словоупотребления, по-английски *chignon* обозначает именно такой пучок волос, необязательно накладных, что позволяет другому корреспонденту «Панча» рассуждать об античных «шиньонах»:

Скульпторы древности изображали богинь и героинь с прическами-шиньонами. Но античный шиньон естествен. Он вовсе не смешон. Это избыток волос, которому придана изящная форма. Современный шиньон, даже если он натуральный (т. е. из собственных волос женщины. — К. Г.), это избыток волос, которому придана гротескная форма [Sowerby 1866].

Как и карикатура Дюморье, эта заметка противопоставляет «моды» двух разных исторических периодов, эстетика одного из которых видится искажением восходящего к другому образца — при этом преемственность между ними очевидна, несмотря на различия (в данном случае она выражается при помощи слова «шиньон»).

На карикатуре «Венера Милосская, или Девушки двух разных эпох» статуя представлена в ракурсе, позволяющем как следует рассмотреть ее «естественный шиньон» и сравнить его с новейшими, гротескными модификациями. Изображение содержит и другие элементы, позволяющие обозначить историческую преемственность между двумя воплощениями женственности. Поза «современных девушек», каждая из которых кокетливо выставила вперед миниатюрную ножку в модной туфельке, может рассматриваться как вариация контрапоста античной статуи, опирающейся на правую ногу, выдвинув вперед согнутую левую. Кроме того, несмотря на контраст между «здоровенной» босой ногой Венеры и острым мыском непропорционально крошечных, почти китайских⁷ туфель модниц, в обоих случаях акцентируется эротизм

⁷ В книге Флауэра иллюстрация, изображающая «новейший парижский башмак», т. е. модную дамскую туфельку, сопровождается пояснением, что это «ближайший европейский представитель китайского уродства», описанного автором ранее (пеленания ног) [Флоуер 1882: 59].

женской ступни, выглядывающей из-под складок ткани⁸. Сами эти складки также участвуют в визуальном диалоге между двумя эпохами: эффекты драпировки, скрывающей нижнюю часть статуи, воссоздаются в некоторых нарядах благодаря искусству портнихи, заставившей слои ткани волнами разбегаться в разные стороны, а в других случаях — при помощи модного жеста, которым «современные девушки» слегка приподнимают подол своей юбки, демонстрируя изящную ножку.

Илл. 5. Э. Л. Сэмборн. «Древнегреческий изгиб»
Fig. 5. E. L. Sambourne. "The Grecian Bend"
[Sambourne 1869]

Мотив, который на этой карикатуре Дюморье едва угадывается, однако имеет центральное значение для рассматриваемой здесь фигуры сравнения, — это так называемый древнегреческий изгиб. Так именовался характерный наклон, который приобретал профильный силуэт модницы из-за корсета специфической конструкции, турнюра и каблуков. Считалось, что он представляет собой утрированную вариацию положения корпуса статуи Венеры

⁸ По замечанию историка искусства Энн Холландер, «Многовековая история великих шедевров со времен Античности придала престиж виду драпированной ткани, льнущей к коже или скользящей по ней» [Холландер 2021: 56].

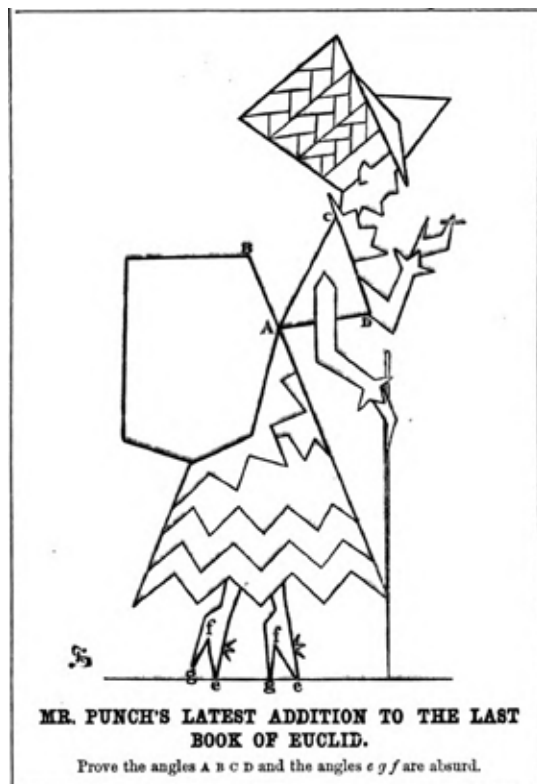
Медичи, приписываемой греческому скульптору, — отсюда интерпретация этой позы как «греческой». Кроме того, в словосочетании «древнегреческий изгиб» (*Grecian bend*) слышится отзвук описания Венеры Медичи в «Паломничестве Чайльд-Гарольда» Байрона (Песнь четвертая, строфа 53), где поэт восхваляет «изящный изгиб» (*graceful bend*) ее фигуры.

Как и в случае с шиньонами, изогнутый стан современных модниц казался викторианским наблюдателям напрочь лишенной изящества пародией на античную «естественность». На это ясно указывает опубликованная в «Панче» 2 октября 1869 г. карикатура Эдварда Линли Сэмборна «Древнегреческий изгиб» (ил. 5), где силуэт разодетой в пух и прах молодой особы визуально рифмуется с фигурой старика на заднем плане: как и главная героиня карикатуры, этот пожилой джентльмен наклонил корпус вперед, будто придавленный весом огромного цилиндра (мужским аналогом модного шиньона), и опирается на трость почти тем же жестом, которым модница держит свой зонтик. «Не правда ли, тугая шнуровка и высокие каблуки придают женской фигуре чарующую грациозность и достоинство?» — издевательски вопрошает подпись [Sambourne 1869]. Тем самым в очередной раз акцентируется мотив модного «уродования», возводящего немощ в достоинство.

Возможно, фигура престарелого джентльмена символизирует «древность», подразумеваемую словом *Grecian*⁹, но «греческость» в данном случае никак специально не обыграна — в отличие от других сатирических изображений на ту же тему. Среди них стилистически выделяется также принадлежащая Сэмборну карикатура «Новейшее дополнение мистера Панча к последней книге Евклида», опубликованная ровно через полгода после «Древнегреческого изгиба» (ил. 6). Эта работа представляет собой схематическое изображение фигуры современной модницы, совершенно плоскостное, напоминающее геометрическое построение. Такое впечатление подкрепляется «задачей», которую подпись к картинке предлагает читателям журнала: «Докажите, что углы А, В, С, D и углы *e, g, f* абсурдны» [Sambourne 1870b]. При этом «угол А», по-видимому, отсылает к пресловутому «древнегреческому изгибу» фигуры, тогда как остальные буквенные обозначения описывают высоту турнюра и каблуков, а также туго затянутый корсет, превращающий торс героини в прямоугольный треугольник. Необычность этой карикатуры в ее математической абстрактности: «греческость» здесь вводится через имя Евклида и саму идею модной «геометрии». С визуальной точки зрения, плоскостность изображения и трактовка шиньона, которому придана форма египетской короны¹⁰, заставляют видеть в этой работе Сэмборна отсылку к искусству скорее Древнего Египта, чем классической античности. Однако это также может подразумевать имплицитное сравнение стилей и оценку современности как эстетического регресса по отношению к греко-римскому искусству.

⁹ В отличие от своего частичного синонима *Greek*, слово *Grecian* обычно используется применительно к культуре Древней Греции.

¹⁰ Больше всего эта конструкция напоминает головной убор на знаменитом скульптурном бюсте Нефертити, который, однако, был обнаружен существенно позднее — лишь в 1912 году.

Ил. 6. Э. Л. Сэмборн. Новейшее дополнение мистера Панча к последней книге Евклида

Fig. 6. E. L. Sambourne. Mr. Punch's Latest Addition to the Last Book of Euclid

[Sambourne 1870b]

В других случаях сатирические изображения «древнегреческого изгиба» помещали его непосредственно в античный контекст. Так, еще два месяца спустя «Панч» опубликовал карикатуру Сэмборна «История повторяется»: иллюстрация, стилизованная под чернофигурную вазопись, изображала все ту же «современную девушку» с невероятных размеров шиньоном, осиной талией, турнюром и туфлями (вернее, в данном случае сандалиями) на высоких каблучках (ил. 7). Мастерство карикатуриста проявляется в органичном сплавлении примет античности и современности: в руке у модницы ридикюль в форме амфоры, ее платье-хитон на плече сколото фибулой, шаль имеет декоративный бордюр с волнообразным орнаментом, а прическу венчает греческая тиара. Здесь мода рубежа 1860–1870-х годов кажется напрямую вышедшей из античности — но также, что примечательно, не из классического или эллинистического периода, а из архаического, т. е. актуальные тенденции вновь, как и на «египетской» карикатуре, предстают движением назад. Это подчеркивается в подписи, согласно которой рисунок был скопирован «с очень древней вазы, находящейся в распоряжении мистера Панча» [Sambourne 1870a]. В рамках бинарной структуры, основанной на противопоставлении античной статуи и

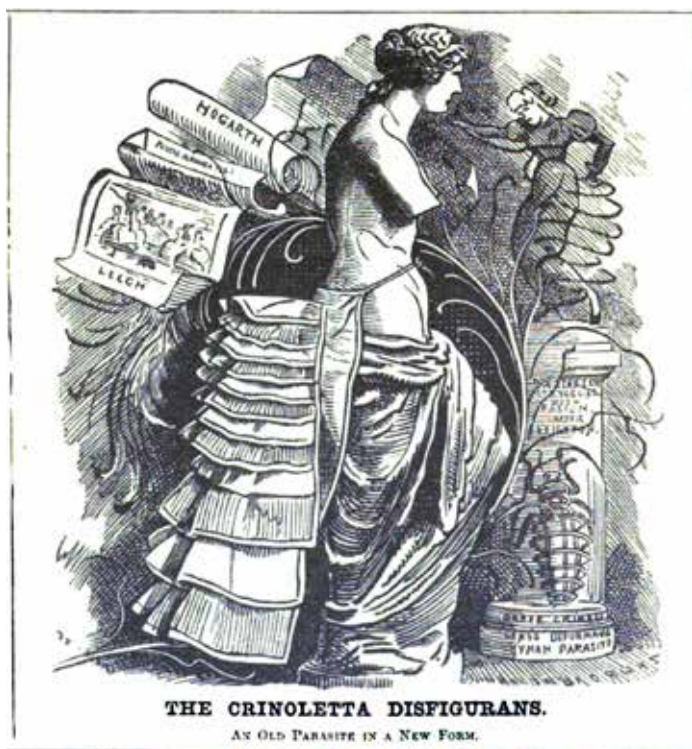
«современной девушки», неустаревающего образца и новейшего сумасбродства, вычитая из моды новизну, критики рассчитывали лишить ее адептов последнего аргумента в защиту собственных предпочтений.

Ил. 7. Э. Л. Сэмборн. *История повторяется*
Fig. 7. E. L. Sambourne. *History Repeats Itself*
[Sambourne 1870a]

К теме повторяющихся эпизодов в истории искусства и моды Сэмборн вернется десятилетие спустя в карикатуре, озаглавленной «Crinoletta Disfigurans. Древний паразит в новом обличье» (ил. 8). Псевдолатынь названия, подражающая не то медицинской терминологии, не то таксономии биологических видов, отсылает к новому фасону турнюра (crinolette), который на рисунке предстает заразой, терзающей человечество от века. На повторение намекают живописно разбросанные свитки с именами Уильяма Хогарта и карикатуриста Джона Лича, создавшего на рубеже 1850–1860-х годов множество комических сцен с участием модниц в кринолинах. Имеется в виду, что каркасные юбки, сколько бы ни высмеивали их художники, возрождаются вновь и вновь, перекочевывая из XVIII в XIX век и из середины столетия в конец. В правой части карикатуры Сэмборна изображена статуэтка женщины в наряде «эстетического» фасона, продвигавшегося созданным в том же году, что и рассматриваемое изображение, Обществом рационального платья. Эта фигура яростно срывает

с себя опутавшие ее металлические обручи кринолина: надпись на постаменте поясняет, что перед нами скульптура «Эстетка, борющаяся с модой; по мотивам Лейтона» (поза героини и название отсылают к статуе работы Фредерика Лейтона «Атлет, борющийся с питоном»). Ниже изображен гигантский жук «отряда кринолиновые, рода деформирующие, паразит человека» [Sambourne 1882]. Однако в центре внимания здесь, как и на карикатуре Дюморье, статуя Венеры Милосской, и все остальные отсылки и намеки композиционно закручиваются вокруг нее по спирали, также напоминающей о пружинах кринолина.

Ил. 8. Э. Л. Сэмборн. *Crinoletta Disfigurans*. Древний паразит в новом обличье
Fig. 8. E. L. Sambourne. *The Crinoletta Disfigurans: An Old Parasite in a New Form*
 [Sambourne 1882]

В отличие от более раннего примера использования образа Венеры, карикатура Сэмборна предлагает вниманию зрителя не сравнение античной скульптуры с современными модницами, а «осовременивание» самой этой статуи: Венера облачена в каркасный подъюбник по моде 1880-х годов, призванный придать женской фигуре необходимый объем сзади. Пришитые к основе ярусы ткани визуально рифмуются с листьями гравюр, иллюстрирующих вечное возвращение моды, и сами по себе воплощают идею бесконечного повторения, в противовес формальному разнообразию драпировок статуи. Нелепый вид, который турнюр придает Венере, конечно, призван дискредитировать не

ее, а моду: Сэмборн пытается продемонстрировать, что подъюбник не прибавляет ничего к красоте статуи, а, напротив, лишь искажает ее совершенные очертания. В то же время аналогия с жуком-паразитом заставляет увидеть в турнюре некий почти органический нарост на теле — для художника, безусловно, патологический, однако в оптике, предложенной Дарвином, как мы увидим далее, по-своему естественный.

Закат идеала и мода как новая природа

Книга Дарвина «Происхождение человека и половой отбор» вышла в 1871 г. — в разгар общественных дискуссий о «современной девушке» и среди потока карикатур, акцентирующих (не)сходство последней с античными образцами. Не исключено, что этот визуальный ряд оказал определенное влияние на Дарвина¹¹, и, безусловно, ученый внес свой вклад в интерпретацию образов, противопоставлявших универсальный классический идеал актуальным модным тенденциям. Рассуждая в заключительных главах «Происхождения человека» о красоте и ее значении в человеческих обществах, Дарвин высказывает неожиданную, почти крамольную мысль:

Будь все наши женщины так же красивы, как Медицейская Венера, мы были бы очарованы на время, но скоро пожелали бы разнообразия; и как только достигли бы разнообразия — стали бы желать, чтобы известные признаки в наших женщинах были развиты несколько больше против существующей общей нормы [Дарвин 1872: 394].

Статуя Венеры сохраняет здесь свою роль эстетического эталона, причем интересно, что речь идет о Венере Медичи, авторитет которой был освящен столетиями, а не о найденной в 1820 г., т. е. на веку самого Дарвина, Венере Милосской, недавнюю популярность которой также можно было бы представить как продукт своего рода «моды». Однако если для большинства викторианских комментаторов, от карикатуристов «Панча» до медика и зоолога Флауэра, и та и другая скульптуры представляли собой безусловный образец, то Дарвин наглядно высвечивает его границы: идеальная красота Венеры неприменима к жизни не только и не столько потому, что большинству женщин никогда не удастся к ней приблизиться, но и потому, что такое приближение было нежелательным — а попросту скучным.

Это высказывание можно рассматривать как один из симптомов «конца чувствительности к идеалу», появление которых Михаил Ямпольский фиксирует уже в начале XIX в., в частности у Стендаля в «Прогулках по Риму» [Ямпольский 2019: 283]. Действительно, отход от неоклассицизма в визуальных искусствах и литературе и становление романтизма и реализма вызвали рост интереса к эстетике индивидуального, в том числе в человеческом облике, ко-

¹¹ Эвеллин Ричардс подробно обсуждает влияние идей Дарвина на создательницу образа «современной девушки» Элайзу Линн-Линтон и возможное встречное влияние ее публицистики на аргументацию Дарвина, а также переключку между дарвиновской образностью и модными карикатурами в «Панче» [Richards 2017: 221–257], однако не затрагивает в этой связи образ Венеры.

тому именно несовершенства могут придавать неповторимое своеобразие и очарование. Однако закат идеала, конечно, не произошел одновременно и не коснулся всех в равной степени. Античные образцы продолжали играть ключевую роль в художественном образовании и в формировании театрального образа как минимум до начала XX в. [Лебединский, Лачинов 1909: 90]. Примечательно, что даже — или особенно — карикатуристы активно отстаивали классический идеал, конструируя категории комического и гротескного через противопоставление ему. Наконец, сам Дарвин признает эталонную красоту Венеры и будто бы протестует лишь против ее массового тиражирования, которое — как знаем мы благодаря Вальтеру Бенъямину, но Дарвин мог об этом и не подозревать, — неминуемо лишает произведения искусства их «ауры».

Прежде чем подробнее рассмотреть противопоставление уникального и серийного, которое можно увидеть в дарвиновской цитате, хотелось бы подчеркнуть темпоральное измерение высказанного в ней суждения. Это позволит заметить, что великое множество прекрасных женщин, похожих на Венеру Медичи, само по себе отнюдь не оценивается негативно, — напротив, Дарвин и его гипотетические читатели некоторое время «были бы очарованы». В действительности Дарвин делает нечто гораздо более радикальное, чем постулирование ценности уникального памятника античности в противовес бесчисленным живым «копиям», — он отнимает у идеала вечность и подчиняет его логике моды. Исходя из утверждения Дарвина, любой, даже самый совершенный образец хорош лишь «на время» и «скоро» потребует замены. Эта ненасытная потребность в (вечно новой) красоте, лежащая, по мысли Дарвина, в основе изменчивости, регулируемой половым отбором, гораздо ближе к эстетическому чувству «современной девушки», чем к предпочтениям ее консервативных критиков.

В контексте идей Дарвина «древнегреческий изгиб» фигуры «современной девушки», ее миниатюрная ножка и огромный шиньон закономерно видятся результатом «эволюции» античной Венеры, развития отдельных черт ее образа «несколько больше против существующей общей нормы». В приведенной дарвиновской цитате, безусловно, привлекает внимание действенность внешнего, имплицитно мужского взгляда на женщин и воплощенного в нем желания: достаточно пожелать разнообразия, чтобы его достигнуть. Женская красота здесь выступает объектом «селекции», наподобие отличительных признаков искусственно выведенных пород голубей, лошадей или собак. Это сходство отнюдь не случайно: переписка с заводчиками и анализ их наблюдений составляли важную эмпирическую основу рассуждений Дарвина о механизмах эволюции [Richards 2017: 159–188]. И если другие авторы, в первую очередь Элайза Линн-Линтон, обвиняли «современную девушку» в пренебрежении мужским мнением и одобрением¹², то из дарвиновской перспективы особы, которых мы видим на карикатуре Дюморье, не могут быть ничем иным, кроме порождения полового отбора, т. е. продукта мужской «селекции».

Остается вопрос, воплощает ли «современная девушка» столь желанное разнообразие или же представляет лишь диахроническую альтернативу обра-

¹² «Что удивительно в образе жизни современных женщин, это как он укрепился, несмотря на неодобрение мужчин. Издавна бывало представление, что два пола созданы друг для друга и что для них весьма естественно стараться нравиться друг другу и делать для этого все возможное. Но современная девушка не нравится мужчинам» [Linton 1883: 8].

зу Венеры, как подразумевало название карикатуры Дюморье? Придав своим персонажам почти одинаковые позы (положение ног, корпуса и головы), Дюморье явно стремился подчеркнуть их сходство. Величественная простота античной статуи, уникальность ее «подлинной красоты» ярче проступают на фоне однообразно пестрой толпы «современных девушек», само количество которых столь же визуально избыточно, как и аляповатый наряд каждой из них. Действительно, механизация производства модной одежды во второй половине XIX в. (массовое использование швейных машин, а также кружева и тесьмы фабричного производства) поспособствовала удешевлению отделки и увеличению ее количества, что, в свою очередь, вело к большей стандартизации облика женщин, так как их туалеты оказывались в равной степени перегружены декором.

Однако, учитывая несравненно больший объем ручной работы при изготовлении каждого платья в то время по сравнению с модой наших дней, преобладание индивидуального пошива и сравнительно небольшие объемы производства готовой одежды, модницы XIX в. никак не могли выглядеть совершенно одинаково. Увидеть их такими позволял специфический режим восприятия, акцентирующий сходства в ущерб различиям — по сути, тот же «типологический подход»¹³, в рамках которого все животные определенного вида представлялись идентичными. По-иному было структурировано внимание Дарвина, позволявшее ему наблюдать «бесконечный ряд тончайших градаций» [Дарвин 1941: 433] в диахронической и синхронической перспективе в облике животных и людей, в строении тела и в фасонах одежды. По мысли Дарвина, «человеку нравится, когда характеристические черты у его домашних животных, равно как в одежде, украшениях и собственной наружности, несколько переступают за обыкновенный уровень» [Дарвин 1872: 411], и мода в этом контексте понимается не через набор формальных элементов (которые мы видим на карикатурах), а как непрерывное движение за пределы обыкновенного, для которого ни одна форма не является конечной.

С другой стороны, сама идея промышленного производства и массового тиражирования для Дарвина отнюдь не была тем жупелом, которым она зачастую представляла в модной сатире второй половины XIX в., полной сетований на абсурдную одинаковость модниц. Напротив, идея эволюции, для которой понятие специализации организмов в целом, а также их органов и тканей — центральное, представляется укорененной в логике индустриального капитализма¹⁴. Джеймс Краснер отмечает, что даже череда Медицейских Венер, которую Дарвин предлагает вообразить читателю, может вызывать ассоциации не только со скоплением статуй в мастерской художника, но и с изготовленной фабричным способом

¹³ Социальные типы, в частности женские, действительно пользовались большой популярностью в публицистике и визуальных медиа XIX в. Ранний пример см. в [Мильчина 2014]. Элайза Линн-Линтон в своих заметках для газеты «Субботнее обозрение» создала целую галерею женских типов, куда, наряду с «современной девушкой», входили также «современные матери», «модная женщина», «зрелые сирены» и пр. [Linton 1883].

¹⁴ Биолог и историк науки Эрнст Майр выступал категорически против апелляции к подобным внебиологическим факторам для объяснения генезиса и развития идей в биологии [Maug 2000: 5–6]. Однако, активно отмежевываясь от дарвиновского понимания прогресса жизни, центральным критерием которого является специализация [Ibid.: 532–533], Майр, кажется, сам невольно подтверждает тезис о глубокой укорененности естественных наук в более широком интеллектуальном и социально-экономическом контексте эпохи.

продукцией [Krasner 2009: 158], причем две эти модальности производства не обязательно противостоят друг другу¹⁵. Главное в обоих случаях — это ряд, элементы которого поддаются сравнению: таким образом, категории индивидуальности и даже уникальности приобретают смысл лишь в контексте серии.

Как показал Краснер, в постдарвиновских искусстве и литературе буквальный или подразумеваемый ряд женщин, на которых направлен сравнивающий и оценивающий мужской взгляд, становится устойчивым мотивом, характеризуя как культурный мир Другого (например, в ориенталистских репрезентациях турецкого рынка рабов), так и европейскую повседневность. Однако в контексте данной статьи наиболее значимая параллель, которую Краснер проводит между двумя сериями женских образов, возникающими в рассуждениях самого Дарвина о половом отборе у человека. Воображаемая вереница Венер Медичи, по мысли Краснера, служит «цивилизованным» эквивалентом приписываемой африканцам практики сравнения стеатопигических задов, упоминаемой чуть ранее в «Происхождении человека»: «По рассказам Бёртона, сомальцы, выбирая себе жен, ставят их в ряд и предпочитают ту, которая больше всех выдается *a tergo*» [Дарвин 1872: 384]. Вразрез с вековой традицией аналогий и противопоставлений в модной сатире и эстетической мысли, у Дарвина обычаи «первобытных» народов оказываются в чем-то сходны не с излишествами современной западной моды, а с «вневременным» античным идеалом. При этом имплицитным основанием для такого сопоставления выступают не пропорции тела и их «искажения», а принципы разнообразия и выбора, универсальные для всех человеческих сообществ и для всех животных, размножающихся половым путем. Идеал и «уродство» в этой картине мира всегда относительны, временны и потенциально взаимозаменяемы, будучи в равной степени укоренены в новой идее «природы», концептуализация которой осуществлялась не без влияния индустриального производства, свободного рынка и модных практик.

Заключение

Для британской модной сатиры 1860–1880-х годов «общим местом» является сравнение современной модницы с античной статуей — разумеется, не в пользу первой. Это противопоставление представляет собой частный случай противопоставления моды и природы, идеальное воплощение которой видели в искусстве античности. В свою очередь, мода, воспринимаемая как уродование естественного человеческого облика, ставилась в один ряд с практиками социализации и символизации тела в традиционных культурах неевропейских народов. Эту аналогию можно обнаружить уже в 1776 г. в одной из речей Джошуа Рейнольдса, и она сохраняет популярность на протяжении более столетия, хотя во второй половине XIX в. европейскую моду персонифицирует уже не модник, как ранее, а модница, иногда даже целая стайка модниц.

В то же время это «уравнение», в котором природа, ассоциируемая с искусством античности, противостоит моде, отождествляемой с незападными мо-

¹⁵ Ярким примером их совмещения служит мастерская Моне в описании Розалинд Краусс: «...одна и та же стадия осуществлялась одновременно на нескольких холстах, картины производились конвейерным способом» [Краусс 2003: 170].

дификациями тела, подвергается радикальному пересмотру в работах Чарльза Дарвина, в первую очередь в «Происхождении человека». Дарвин отстаивал относительность красоты, демонстрируя, что ее параметры разнятся от вида к виду и от одного человеческого сообщества к другому. Более того, каждый эталон красоты трансформируется со временем, отражая эволюционную изменчивость вида и произвол полового отбора, который, как и мода, «всегда ударяется в крайности» [Дарвин 1941: 445]. Природа для Дарвина — это не застывшие формы организации материи, не те или иные пропорции тела и прочие черты внешности, а непрерывное обновление, движимое жадной разнообразия и поиском красоты, не имеющей образцов и прецедентов. Как понятная метафора и наглядный пример этих процессов, мода не противостоит природе, а является по-своему естественным феноменом. В то же время статуя Венеры, дидактически противопоставляемая современной моднице на карикатурах и в памфлетах, у Дарвина лишается привилегированного положения, воплощая лишь один идеал из потенциально бесконечного множества.

Идеи Дарвина, революционность которых ярко высвечивается на фоне эстетических представлений его современников, тесным образом связаны с этим контекстом. Так, подчеркивая контраст между «неестественным» обликом современной модницы и фигурой Венеры, викторианские карикатуристы одновременно намекали на квазиэволюционную связь между ними, показывая, как актуальные модные тенденции вырастают из черт античного идеала, преувеличенных до гротескных размеров. Кроме того, и Дарвин, и его современники акцентируют внимание на женщине как объекте мужской «селекции». Если речь Рейнольдса и статья в «Панче» 1841 г., используя фигуру модника-мужчины, подносили своей «цивилизованной» публике зеркало, в котором та могла увидеть себя, собственное тщеславие и лицемерие, то во второй половине XIX в. сам зритель становится невидимым, а его взгляд, благосклонный или критический, полностью сосредоточивается на Другом — «дикарях» и женщинах.

Источники

- Дарвин 1864 — *Дарвин Ч.* О происхождении видов в царствах животном и растительном путем естественного подбора родичей или о сохранении усовершенствованных пород в борьбе за существование / Пер. с англ. С. А. Рачинского. СПб.: Изд. книгопродавца А. И. Глазунова, 1864.
- Дарвин 1872 — *Дарвин Ч.* Происхождение человека и подбор по отношению к полу / Пер. с англ. под ред. И. М. Сеченова: В 2 т. Т. 2. СПб.: Изд. кн. магазина Черкесова, 1872.
- Дарвин 1941 — *Дарвин Ч.* Изменение животных и растений в домашнем состоянии / Пер. с англ. П. П. Сушкина, Ф. Н. Крашенинникова под ред. К. А. Тимирязева. М.; Л.: Огиз — Сельхозгиз, 1941.
- Дарвин 1953 — *Дарвин Ч.* Происхождение человека и половой отбор / Под ред. Е. Н. Павловского // *Дарвин Ч. Сочинения*: В 9 т. / [Пер. с англ.]. Т. 5. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953.
- Карлейль 1902 — *Карлейль Т.* Sartor Resartus: Жизнь и мысли герр Тейфельсдрекка / Пер. с англ. Н. Горбова. М.: Тип. Т-ва И. Н. Кушнерев и К^о, 1902.
- Л. О. 1902 — *Л. О.* Что такое красота? // Живописное обозрение. 1902. № 11. С. 166–170.
- Лебединский, Лачинов 1909 — Энциклопедия сценического самообразования: В 6 т. Т. 2: Грим / Сост. П. А. Лебединский, В. П. Лачинов. СПб.: Изд. журнала «Театр и Искусство», 1909.

- Мильчина 2014 — Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / Сост. В. А. Мильчина. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Флоуер 1882 — Мода на уродование как она выражена в обычаях варварских и цивилизованных рас / Соч. У. Г. Флоуера. СПб.: Изд. И. И. Билибина, 1882.
- Civilisation 1841 — *Civilisation* // *Punch, or The London Charivari*. 1841. July 31. P. 27.
- Darwin 1859 — *Darwin Ch.* On the origin of species by means of natural selection, or the Preservation of favoured races in the struggle for life. London: John Murray, 1859.
- Darwin 1871 — *Darwin Ch.* The descent of man, and selection in relation to sex: In 2 vols. Vol. 2. London: John Murray, 1871.
- Du Maurier 1870 — [*Du Maurier G.*] The Venus of Milo; or, Girls of two different periods // *Punch's Almanack for 1870*. Vol. 58. [N. p.].
- Fal-lals 1870 — Fal-lals and fine art // *Punch, or The London Charivari*. 1870. September 24. P. 133.
- FitzRoy 1839 — *FitzRoy R.* Narrative of the surveying voyages of His Majesty's Ships "Adventure" and "Beagle" between the years 1826 and 1836, describing their examination of the southern shores of South America, and the Beagle's circumnavigation of the globe: In 3 vols. Vol. 2. London: Henry Colburn, 1839.
- Flower 1881 — *Flower W. H.* Fashion in deformity as illustrated in the customs of barbarous and civilised races. London: Macmillan and Co., 1881.
- Linton 1883 — *Linton E. L.* The girl of the period and other social essays: In 2 vols. Vol. 1. London: Richard Bentley & Son, 1883.
- Reynolds 1891 — *Reynolds J.* Discourses. Chicago: A. C. McClurg & Co., 1891.
- Sambourne 1869 — [*Sambourne E. L.*] "The Grecian bend" // *Punch, or The London Charivari*. 1869. October 2. P. 132.
- Sambourne 1870a — [*Sambourne E. L.*] History repeats itself // *Punch, or The London Charivari*. 1870. 18 June. P. 248.
- Sambourne 1870b — [*Sambourne E. L.*] Mr. Punch's latest addition to the last book of Euclid // *Punch, or The London Charivari*. 1870. April 2. P. 129.
- Sambourne 1882 — [*Sambourne E. L.*] The Crinoletta Disfigurans: An old parasite in a new form // *Punch's Almanack for 1882*. Vol. 82. [N. p.].
- Sowerby 1866 — *Sowerby C.* Ladies pigtails in a lump // *Punch, or The London Charivari*. 1866. March 17. P. 118.
- Tylor 1871 — *Tylor E. B.* Primitive culture: Researches into the development of mythology, philosophy, religion, art, and custom: In 2 vols. Vol. 1. London: John Murray, 1871.

Литература

- Гусарова 2021 — *Гусарова К.* Крылья, ноги и хвосты: зооморфные модницы в журнале «Панч» // *Теория моды: Одежда. Тело. Культура*. Вып. 60. 2021. С. 273–311.
- Краусс 2003 — *Краусс Р.* Подлинность авангарда / Пер. с англ. А. Матвеевой // *Краусс Р. Подлинность авангарда и другие модернистские мифы*. М.: Худ. журнал, 2003. С. 153–173.
- Холландер 2021 — *Холландер Э.* Материя зримого. Костюм и драпировки в живописи / Пер. с англ. С. Абашевой. М.: Нов. лит. обозрение, 2021.
- Ямпольский 2019 — *Ямпольский М.* Изображение: Курс лекций. М.: Нов. лит. обозрение, 2019.
- Krasner 2009 — *Krasner J.* "One of a long row only": Sexual selection and the male gaze in Thomas Hardy's "Tess of the D'Urbervilles" // *Art of evolution: Darwin, Darwinisms, and visual culture* / Ed. by F. Brauer, B. Larson. Hanover, NH; London: Dartmouth College Press, 2009. P. 155–172.
- Mayr 2000 — *Mayr E.* The growth of biological thought: Diversity, evolution, and inheritance. Cambridge, MA; London: Harvard Univ. Press, 2000.

- Moruzi 2009 — *Moruzi K.* Fast and fashionable: The girls in “The Girl of the Period Miscellany” // *Australasian Journal of Victorian Studies*. Vol. 14. No. 1. 2009. P. 9–28.
- Richards 2017 — *Richards E.* Darwin and the making of sexual selection. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 2017.

References

- Gusarova, K. (2021). Kryl'ia, nogi i khvosty: zoomorfnye modnitsy v zhurnale “Panch” [Wings, legs and tails: Zoomorphic fashion lovers in *Punch* magazine]. *Teoriia mody: Odezhda. Telo. Kul'tura*, 60, 273–311. (In Russian).
- Hollander, A. (2016). *Fabric of vision: Dress and drapery in painting*. Bloomsbury.
- Iampol'skii, M. (2019). *Izobrazhenie: Kurs lektsii* [The image: A series of lectures]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Krasner, J. (2009). “One of a long row only”: Sexual selection and the male gaze in Thomas Hardy’s “Tess of the D’Urbervilles”. In F. Brauer, & B. Larson (Eds.). *Art of evolution: Darwin, Darwinisms, and visual culture* (pp. 155–172). Dartmouth College Press.
- Krauss, R. (1986). The originality of the Avant-Garde. In R. Krauss. *The originality of the Avant-Garde and other modernist myths* (pp. 151–170). The MIT Press.
- Mayr, E. (2000). *The growth of biological thought: Diversity, evolution, and inheritance*. Harvard Univ. Press.
- Moruzi, K. (2009). Fast and fashionable: The girls in “The Girl of the Period Miscellany”. *Australasian Journal of Victorian Studies*, 14(1), 9–28.
- Richards, E. (2017). *Darwin and the making of sexual selection*. Univ. of Chicago Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ксения Олеговна Гусарова

кандидат культурологии
старший научный сотрудник, Институт
высших гуманитарных исследований,
Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-66-68
доцент, кафедра культурологии
и социальной коммуникации,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ kgusarova@gmail.com

Ksenia O. Gusarova

Cand. Sci. (Cultural Studies)
Senior Researcher, Institute for the Advanced
Studies in the Humanities, Russian State
University for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow,
Miusskaya Sq., 6
Tel.: +7 (499) 250-66-68
Associate Professor, Department of Cultural
Studies and Social Communication,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Veradskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ kgusarova@gmail.com

С. М. Волошина

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

ОБЩЕСТВА БОЛЬШИЕ И МАЛЫЕ: О РИТОРИКЕ III ОТДЕЛЕНИЯ ПРИ НИКОЛАЕ I

Аннотация. В статье рассматривается эволюция восприятия слова *общество* и его производных в документах III отделения во время правления Николая I. Выделяются два значения слова: 'социум в целом' и 'малая часть социума, организация'; обе группы были объектом наблюдения со стороны тайной полиции. Представляя в ежегодных отчетах и текущих делах свое видение и анализ «обществ» разного уровня, III отделение одновременно фиксировало восприятие властью общественного мнения и выступало как смыслообразующий институт, который определял, что следует считать обществом. Изменения в используемой в документах лексики для описания разных видов «обществ», в том числе отказ от самого слова *общество* как обозначающего социум в целом, отражают и политические изменения в стране, и властные практики.

Ключевые слова: история России XIX в., политическая история России XIX в., III отделение, Николай I

Благодарности. Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Волошина С. М. Общества большие и малые: о риторике III отделения при Николае I // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 118–140. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-118-140>.

*Статья поступила в редакцию 6 июня 2022 г.
Принято к печати 29 августа 2022 г.*

S. M. Voloshina

ORCID: 0000-0002-0635-3574

✉ s.m.voloshina@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

SOCIETIES LARGE AND SMALL: ON THE RHETORIC OF THE THIRD SECTION UNDER NICHOLAS I

Abstract. The article examines the evolution of the perception of the word “society” and its derivatives in documents of the Third Section during the reign of Nicholas I. The two distinct meanings of the word were used to refer to two traditional objects of surveillance by the secret police: society as a whole and a smaller part of it, an organization. While presenting its vision and analysis of “societies” of different levels in annual reports and current files, the Third Section simultaneously recorded the perception of public opinion by the state authorities, and acted as a meaning-forming institution that determined what exactly should be considered a society. Changes in the vocabulary used in the documents to describe different types of “societies” and such derivatives as “public opinion” (literally — “opinion by society”) reflect both political changes in the country and power practices. Whereas the first annual reports by the Third Section (from 1827 on) widely use the term “public opinion” (but only as a direct translation from the French, the language of the documents), the authors of the later reports totally avoid it. In addition, they tend to avoid the usage of “society” in the narrow sense, replacing it with various synonyms (such as “gathering” or “a bunch of”). During the last and most severe seven years of the reign of Nicholas I, the word “society” (in the broad sense) acquires a new meaning: the aggregate of people who are loyal to the tsar and the political regime.

Keywords: history of 19th century Russia, political history of 19th century Russia, the Third Section, Nicholas I

Acknowledgements. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this article: Voloshina, S. M. (2023). Societies large and small: on the rhetoric of the Third Section under Nicholas I. *Shagi / Steps*, 9(1), 118–140. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-118-140>.

Received June 6, 2022

Accepted August 29, 2022

Просмотр документов руководства III отделения (института, функционировавшего в Российской империи с 1826 по 1881 г.) позволяет выявить связь между речевыми характеристиками авторов этих документов и оптикой, а за ней и практиками высшей власти. Эта на первый взгляд неочевидная корреляция особенно заметна в правление Николая I, большая часть которого составляет хронологические рамки статьи.

Наиболее показательными в этом отношении выступают лексемы *общество* и его производные, в первую очередь *общественный*, и *общий* (как синоним *общественного*).

Ко второй трети XIX в. в русском языке оформилось несколько значений слова *общество*¹ (от обозначения социума в целом до малых его сегментов). Так, в первом издании «Словаря Академии Российской» *общество* объясняется следующим образом:

1) Народ под одними законами, под известными уставами, правилами, купно живущий. <...> *Человек рожден для общества. Человек обязан быть полезным обществу.* <...> 2) Сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинакое намерение или тот же предмет. *Общество ученых мужей. Общество купеческое, промышленников, ремесленников* [САР 1789–1794 (4). Стлб. 601].

То же толкование дается и в следующем издании словаря [САР 1806–1822 (4). Стлб. 148].

Важно отметить, что привычное для наших современников универсальное значение *общества* как «всей совокупности людей» (например, государства), обладающего некоей суверенностью и функционирующего по ему присущим законам, использовалось в описываемое время относительно редко (в официальных документах — практически никогда). *Общество* в его первом, широком значении, виделось неким собранием «подданных», существующим по законам, установленным высшей властью, и не мыслящим выход за их рамки. Как можно будет увидеть ниже, именно этот аспект был принципиально важен (хотя напрямую и не артикулирован) в документах администрации III отделения.

Гораздо чаще слово *общество* использовалось в отношении к определенной группе людей — образованному обществу, синонимом которого выступала *публика* — именно так обычно именовалась некая общность людей, чью реакцию на крупные государственные и внешнеполитические события фиксировало в своих отчетах (всеподданнейших докладах) III отделение. Можно предположить, что слово *публика* казалось предпочтительным для властного нарратива, так как было лишено тех подспудных социально-политических коннотаций, что подразумевались в *обществе*. Возможно, именно поэтому употребление слова *общество* для обозначения круга образованных лиц встречается у оппозиционно настроенных литераторов и публицистов. Так, А. И. Герцен, описывая социально-нравственную картину «после перелома в 1825 году», отмечал: «Нравственный уровень общества пал, развитие было перервано, все передовое, энергическое вычеркнуто из жизни» [Герцен 1956: 38].

¹ Подробнее см.: [Федорова 2011: 13–68; Калугин 2011: 305–394].

Намного большее распространение имело второе, более узкое понятие *общества* («Сословие людей; собрание многих лиц, имеющих в виде одинаковое намерение или тот же предмет»). «Собрание многих лиц» подразумевало и место этого собрания, что косвенно выражалось в частном использовании этого слова во множественном числе («бывать в обществе/обществах») [Федорова 2011: 31]. Стоит сразу отметить, что специфическая оптика тайной полиции позволила интерпретировать это толкование *общества* (а именно предполагавшее «одинаковое намерение» его членов) как потенциально оппозиционное, противогосударственное. Еще до революционного 1848 года III отделение проявляет повышенный (и недоброжелательный) интерес к любым поступающим сведениям о существующих обществах, будь то даже научные или благотворительные. Их намерения, напрямую не определенные высшей властью, были объектом подозрения.

Разумеется, во второй трети — середине XIX в. существовали и иные, более маргинальные (с точки зрения административного дискурса) понимания *общества*. Таковые, среди прочего, разрабатывались участниками интеллектуальных кружков (например, «Обществом Любоумудров»), славянофилами, полемизировавшими с западноевропейскими понятиями о происхождении общества (в частности, с теорией «общественного договора»), и западниками [Калугин 2011: 365]. Разрабатывая концепции общества в плане философском, отчасти религиозном и политическом, эти интеллектуальные сообщества подразумевали под *обществом* некоторую самостоятельную, т. е. не инициированную административными силами, низовую организацию — кружок.

После 1825 г. не могло быть и речи об организованном обществе политического характера, но о некоем (полу)закрытом клубе по интересам, обществе единомышленников. Тот же Герцен, описывая водораздел между будущими западниками и славянофилами, вспоминал: «Между ними и нами, естественно, должно было разделиться общество Станкевича» [Герцен 1956: 40].

Кружок, в отличие от привычных форм общественной организации — салонов, предполагал большую сосредоточенность интересов его участников на философских и общественно-политических вопросах, составляя тем самым антитезу как светскому, эстетическому направлению салонных бесед, так и официальному дискурсу государственных институтов. При этом приверженность и верность идеям и воззрениям кружка отслеживалась весьма строго, сближая порой характер членства в нем с принадлежностью к религиозным объединениям [Калугин 2011: 368]. Все это, разумеется, не могло одобряться и не одобрялось властью.

Не претендуя на помещение здесь сколь-нибудь стройной терминологической схемы, описывающей все бытовавшие в описываемый период (т. е. во время правления Николая I) значения и связанные с ними коннотации слов *общество* и *общественный*, упомяну лишь еще несколько принципиальных моментов, связанных с этими лексемами.

«Общество» (а именно его определенная часть — образованное общество), среди прочего, могло мыслиться и как некая прослойка между властью и народом. Интересно, что авторы первых отчетов III отделения — М. Я. Фон Фок и А. Х. Бенкендорф — открыто писали о важности наблюдения за «общественным мнением», тем самым признавая его, во-первых, существование, во-

вторых, легитимность (однако здесь стоит учитывать существенную деталь: эти ранние отчеты были написаны на французском языке, в котором привычное словосочетание *общественное мнение* не выглядело столь политически вызывающим, как его русский аналог). «Общественное мнение (здесь и далее разрядка моя. — С. В.) для власти то же, что топографическая карта для начальствующего армией во время войны. Но составить верный обзор общественного мнения также [sic!] трудно, как и сделать точную топографическую карту», — сообщается в отчете за 1827 г. [Отчеты 2006: 17].

С конца 1830-х годов подобные упоминания из докладов исчезают, и «прослойка», за которой наблюдает тайная полиция, уже не именуется «обществом», а означает при помощи различных эвфемистических конструкций. Так, Л. В. Дубельт в отчете за 1839 г. пишет о «той обязательности, которая возложена на III Отделение (...) о доведении до Высочайшего сведения общего голоса публики насчет всех предметов государственного управления и тех, коим поручены части оного» [Отчеты 2006: 217]. «Общественная жизнь», а с ней и «мнение», возвращаются на страницы всеподданнейших докладов только с началом правления Александра II («III отделение (...) и Корпус жандармов сосредоточивают в себе высшее наблюдение за направлением умов и общественной жизни в государстве», — говорится в отчете за 1858 г. [Там же: 461]).

Так или иначе, в формировании понятия *общество* и связанных с ним дискурсов, а также эволюции значения (точнее, значений) этого слова, принимал участие важный политический и смыслообразующий институт, действовавший на протяжении большей части XIX в., — III отделение С. Е. И. В. Канцелярии. Этот институт находился в самых тесных отношениях с императором, с одной стороны, формируя общественно-политический дискурс, с другой — пытаясь уловить и воплотить в риторике документов те желания, ожидания и идеалы, которые император связывал со своими подданными.

К «обществу» во всех его значениях, в том числе не отрефлексированных, III отделение имело непосредственное отношение, полагая в числе своих основных обязанностей отслеживание состояния «общественного мнения», чаще всего именуемого им «духом народным» и «расположением умов»).

Настоящий обзор отчетов III отделения хронологически охватывает большую часть правления Николая I, с начала (отлаженной) работы этого ведомства и до первых лет царствования Александра II (контраст используемой лексики и лексических оборотов с началом нового правления очевиден), однако значительная часть фактического материала относится к 1840-м — началу 1850-х годов. Именно тогда становится заметным нежелание администрации III отделения использовать слово *общество* не только в широком, но и в узком значении — вероятно, из-за все более осязаемой (для авторов отчетов) связи его с «тайным», «злумышленным», «противоправительственным» обществом — одной из основных тревог времени. Важно, что этот подразумеваемый «оппозиционный», опасный оттенок в слово добавляет именно администрация III отделения, в своих внутренних документах нередко использовавшая слово *общество* в значении «тайное общество», без каких-либо уточняющих прилагательных, а в докладах царю вообще избегавшая его употребления и заменявшая различными синонимами (например, *сборище*).

Начать представляется логичным с первой группы документов — всеподданнейших ежегодных докладов.

Самые ранние отчеты (за 1826–1830 гг.) составлялись М. Я. фон Фокон на французском языке. То, что в переводе, выполненном составителями сборника отчетов М. В. Сидоровой и Е. И. Щербаковой [Отчеты 2006], значится как «общественное мнение», в оригинальном тексте, очевидно, было *opinion publique* — речевой формулой, часто использовавшейся в первой трети XIX в. в документах на французском языке, созданных русскоязычным авторам из высшего сословия². Однако в официальных документах III отделения, доносящих до царя наиболее важные события и происшествия за год, это выражение стало не более чем фигурой речи, не подразумевающей некоего «общества», объединенного общим «мнением».

С начала 1830-х годов отчеты писались на русском языке, стали более объемными и разделялись на параграфы. С 1839 г. и до своей отставки в 1856 г. составлением отчетов, судя по всему, занимался Л. В. Дубельт.

В первом отчете, составленном на русском языке («Обозрение происшествий и общественного мнения в 1831 году»), «общественное мнение» хоть и осталось в заглавии, в тексте обозначено как «дух народный»:

1831 год был изобилен важными событиями; событиями несчастными для Отечества нашего и которыми мнение общее, дух народный сильно и разительно был колеблем [Отчеты 2006: 78].

«Мнение общественное» о графе Дибиче, упомянутое в том же отчете («...граф Дибич начал терять в мнении общественном» [Отчеты 2006: 78]), как представляется, имеет отношение, напротив, к узкому кругу высшей бюрократии и придворных, чье мнение вряд ли выходило за пределы этого круга.

Разница очевидна: если «мнение» относится к области рационального, то «дух» — к области мистического. *Народ* же предполагает объединение людей по иному принципу, нежели *общество*, и не выступает его полноценным синонимом.

Впрочем, в этом отчете фигурирует и «общественное мнение»:

Все, кроме весьма немногих, были уверены, что одного появления российской армии будет достаточно для прекращения возникшего в Варшаве беспорядка и своевольтва <...> но вопреки всех соображений явились трудности непреодолимые, сопротивление неожиданное, неудачи, и граф Дибич начал терять в мнении общественном [Отчеты 2006: 78].

Однако дальнейшее чтение отчетов заставляет сделать вывод, что это словосочетание приобрело иное значение: отныне и на долгие годы вперед в устах (и под пером) власти «общественное» или «общее мнение» будет означать безусловное и полное одобрение (образованным и благонадежным)

² Случаи и контекст использования этой формулы в первой трети XIX в. см., например, в [Романов 1912: 298, 433, 445].

населением действий и заявлений высшей власти, абсолютную с ними солидарность и подчинение им.

Так, в отчете за 1834 г. отмечается:

Высшее наблюдение, продолжая внимательно следовать за всеми движениями и изменениями общественного мнения в отношении верховного правительства, может и на сей раз представить самое удовлетворительное заключение. <...>

Такое предпочтение иностранцев всегда общественным мнением оуждалось, всегда против одного роптали, ибо оно было противно народной нашей гордости; и потому можно удостоверительно сказать, что никакая черта царствования нынешнего Государя не приобрела Ему столько любви, столько похвал, столько всеобщего одобрения, как постоянное стремление Его, с самого первого дня царствования Своего, к возвеличению всего русского... [Отчеты 2006: 113–114].

Именно этим значением объясняется, в частности, полное отсутствие упоминаний «общественного мнения» в графах отчетов, посвященных вечно «неблагонадежной» Польше: там фигурирует лишь «расположение умов». Впрочем, «расположение умов» встречается и в других частях империи, ср.: «В Царстве Польском расположение умов к правительству равномерно ненадежно» [Отчеты 2006: 163 (1837)] — и там же, чуть далее:

Объявление об издании в Варшаве с начала 1838 года на русском и на польском языках официальной газеты послужило новым доказательством худого расположения умов [Там же: 164].

Что касается изъявлений любви верноподданных к царю и царской семье, такие продолжают именоваться «общественным мнением» и в дальнейшем. Так, в отчете за 1838 г. говорится:

Высшее наблюдение, обращая постоянное внимание на дух народный и поверяя замечания свои теми резкими изъявлениями общественного мнения, которые обнаруживаются при всяком замечательном в Царственном Доме событии, каждый год получает новое удостоверение, что народ русский нисколько не утратил свое древнее наследие, наследие драгоценное, которому Россия обязана своим величием, спокойствием, которому во времена бедствия она обязана была своим спасением, одним словом, что русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы и почитают Его не иначе, как всеобщим Отцом своим, благодтию Божескою им дарованным [Отчеты 2006: 179].

Упоминание «общественного мнения» здесь дано в полном соответствии с новым, данным III отделением значением: оно одобряет (тем более «резкими изъявлениями») действия высшей власти, и одно появление царя на публике или важные даты в царской семье оказываются достаточным поводом для вы-

ражения восторга и любви подданных. Это изъятие полных, не рассуждающих преданности и любви, приравняемых к любви религиозной, и есть «общественное мнение».

Эта цитата открывает еще несколько нюансов, связанных с властными риторикой и практикой.

Прежде всего, упомянутая трактовка «общественного мнения» напрямую связана с «государственным», т. е. властным пониманием «общества» в целом. В своей статье «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт» Д. Я. Калугин, анализируя понимание слова *общество* в XVIII в., делает следующий вывод: «...под обществом понимаются те, кто связан “общим знанием” о карьерах, заслугах и качествах, кто состоит на государственной службе и разделяет представления о достойной жизни. То есть это “общество” тех, кто служит государству» [Калугин 2011: 329].

Примечательно, что Николай I и наиболее близкие к нему властные структуры (то же III отделение) во многом поддерживают это понимание, чуть расширив его за счет пассивной части подданных: теперь «общество» включает и «тех, кто служит государству», и тех, кто изъясняет поддержку и любовь высшим его персоналиям. С другой стороны, именно государство, точнее его высшая власть, определяет, кого и что можно включать в состав «общества» в целом.

В этом отношении николаевское понимание «общества» принципиально архаично. «Возникновение “общества” связано также с идеей “управления” и “власти”, власти верховной», — подчеркивает Д. Я. Калугин [2011: 328], выявляя связь этой трактовки с религиозными корнями. Действительно, идеи «самодержавия» и «православия» здесь определяют и характер «общества»: общество есть только то, что сформировано государственной идеей и идеологией и полностью им следует, не смея выдвигать самостоятельных суждений.

В связи с пониманием «общества» очевидны и причины известной не любви Николаю I к славянофилам. Так, А. С. Хомяков, рассуждая об обществе и «общественном», объявляет эту сферу медиатором, обязательным звеном между «частным» и «государственным». Между жизнью «частною и государственною лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественной деятельностью» [Хомяков 1914: 432]. Вообще же общество в понимании славянофилов формируется не внешними механизмами (чинами, происхождением, т. е. социальным «назначаемым» статусом), а неким «общим началом жизни». «Во всей этой конструкции правительство выполняет чисто административные функции, выражая не столько волю монарха, сколько поддерживая “общее согласие”, “общество”, где царь и народ составляют “органическое целое”» [Калугин 2011: 381]. Вне сомнения, такой подход мог показаться (и казался) Николаю I величайшей дерзостью, более того — узурпацией его права на определение иерархической структуры и понятий.

Единственно правильное «общественное мнение» порой напрямую выступает продолжением и выразителем мнения царя, демонстрируя и реализуя его в ярких формах. Так, «общественное мнение» противопоставляется настроениям жителей Польши во время посещения Варшавы императором:

В самом начале весны [1838 г.] сделалось известно, что Государь и Императрица изволят лето провести в чужих краях и что Его Вели-

чество посетит Варшаву. Это известие произвело самое заботливое в здешней публике впечатление. Не доверяя полякам, зная козни их в иностранных государствах и свободу, которою самые злейшие враги Его Величества в тех государствах пользуются <...> нетерпеливо ожидали известий из Варшавы, и как отлегло у всех от сердца, когда узнали о благополучном совершении сего первого опасного шага. В то время общественное мнение как бы помирилось с варшавскими жителями и было им благодарно за изъясненные ими радость и восторг при посещении Государя [Отчеты 2006: 180].

Мнение поляков, очевидно, не может быть «общественным», потому что не совпадает с тем, что инициировано высшей властью и ожидаемо ею. С другой стороны, «общественное мнение» выступает преданным слугой царя, его воином, простившим «еретиков» за их правильную реакцию на высшую силу — «радость и восторг».

Помимо «общественного мнения», в отчетах часто встречается «общественный дух» и, судя по контексту и случаям употребления этого словосочетания, выступает полным (и предпочтительным) его синонимом. Так, в том же отчете один из промежуточных выводов гласит:

Все эти приведенные нами здесь факты ясно доказывают, что общественный дух в отношении к Государю и ко всему Царскому Дому совершенно удовлетворителен и ничего желать не оставляет [Отчеты 2006: 182].

Ниже, сообщая о настроениях в Польше, автор доклада пишет, что жители «не перестают всеми возможными средствами возбуждать в Западных наших губерниях неприязненный дух к правительству». Разница, казалось бы, небольшая, но значимая: «общественного духа» у жителей Царства Польского нет и быть не может, разве что просто «дух» или, в крайнем случае, «расположение», которое может «улучшаться» или «ухудшаться» [Отчеты 2006: 184–185].

Кроме Польши, в беспокойных западных окраинах империи также нет «общественного мнения» или «общественного духа»:

К прискорбию, получаемые известия из Волыни и Подолии удостоверяют, что расположение умов и дух жителей того края далеко в худшем положении, нежели был до мятежа... [Отчеты 2006: 217 (1839)].

В более поздних отчетах это отношение сохраняется — «общее мнение» может лишь одобрять действия царя, проявлять нерассуждающую любовь, что «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит»:

В последние дни истекшего года мы видели оттенок общего мнения и разительный пример, до какой степени чувства подданных Государя, так сказать, сроднились с Царским Домом! [Отчеты 2006: 268 (1841)].

В приведенной ранее цитате из отчета за 1838 г., в котором речь идет о «резких изъявлениях» «общественного мнения», определенные религиозные коннотации, связанные с этим «мнением», соседствуют с новым для отчетов синонимом истинного, единственно правильного общества. Теперь это «русские»: «...русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы» [Отчеты 2006: 179]. Эта риторика — своего рода следствие смены курса III отделения, ранее слывшего оплотом «немецкой партии» [Проскурин 2000: 317–319], а теперь провозглашавшего «русских» как основной оплот и верную поддержку престолу, — принадлежит Л. В. Дубельту, назначенному на пост управляющего III отделением в марте 1839 г. и с этого времени писавшего, надо полагать, большую часть черновики всеподданнейших докладов и отчетов.

Далее *русские* встречаются на страницах отчетов все чаще — в качестве обозначения «общества», верного царю и выражающего соответствующее «мнение». Так, уже в первом отчете (за 1839 г.), авторство которого можно с уверенностью приписать Дубельту, утверждается: «Но что всего более привлекает к Нему (т. е. Николаю I. — С. В.) сердца русских, это видимое покровительство русской национальности» [Отчеты 2006: 218]. Этот новый дискурс повторяется и тем самым утверждается: истинное и единственное в России «общество» (в его широком понимании) — это «русские»:

Нельзя не повторить, что общее мнение чрезвычайно выгодно для Государя в России — собственно взятой, и русские всякое зло приписывают не ему, а все доброе — ему [Там же: 219].

К 1848 г. (точнее, к 1849 г., в начале которого написан годовой отчет) «русские» вытесняют «общественное мнение» окончательно (и торжественно):

Итак, все русские уже по здравому их суждению чужды настоящего бессмысленного стремления иностранцев к невозможному, и по врожденному благоговению к власти Монарха всякое противодействие этой власти признают преступлением равным святотатству... [Отчеты 2006: 419 (1848)].

В отчете за 1853 г., в частности, сообщается:

Русские увидели новые доказательства тех неутомимых забот и попечений о поддержании православия, о благе, чести и славе России, которые они привыкли видеть в продолжение последних 28 лет [Отчеты 2006: 436].

Нужно отметить, что при этом в описаниях настроений в Польше уменьшилось количество прямых обозначений национальной принадлежности ее жителей; теперь они обозначаются нейтрально, через топонимию:

Великое нравственное влияние произвело на Варшаву и все Царство Польское пребывание там Вашего Императорского Величества. <...>

Только в Царстве Польском и в Литовских губерниях многие из местных уроженцев, по обыкновению, предаются беспокойным и несбыточным мечтам [Отчеты 2006: 427].

* * *

К началу XIX в. часто употребляемым словом, использующимся для обозначения большой группы людей (при нежелании называть эту группу «обществом» из-за неизбежных коннотаций, связанных в мнении властей с этим термином), становится слово *публика*³. С этим понятием (коррелирующим с немецким *Publicum*) «связывались представления об образованных страдах общества», кроме того, «оно противопоставлялось как представителям государственной бюрократии, так и простому народу» [Калугин 2011: 334], ср. [Смит 2006: 56–62].

Использование слова *публика* в отчетах III отделения вполне соответствовало этим рамкам, и именно реакция «публики» на важные государственные события, как представляется, была одним из основных фокусов интереса тайной полиции. Число упоминаний *публики* в отчетах очень велико, приведу лишь некоторые примеры:

Его Светлость Принц Ольденбургский с каждым днем приобретает себе более и более уважение публики [Отчеты 2006: 127 (1835)].

Лучшим мерилом расположения народного к Государю несомненно служат те впечатления, которые производят на публику различные обстоятельства... [Там же: 179 (1838)].

Иногда к *публике* добавляется уточняющее определение:

...повторенные отсутствия Государя из России, конечно бы, произвели самое неприятное впечатление, особенно в среднем сословии и рассуждающей публики, и ослабили бы в нем понятия о национальности нынешнего Государя [Там же: 181 (1838)].

В некоторых отчетах ясно видно разделение между важными для III отделения страдами: так, сообщая о непопулярности министра народного просвещения С. С. Уварова, автор отчета уточняет, что «ни высшее общество, ни подчиненные, ни публика не верят ему, и это во многом парализует ход дел» [Отчеты 2006: 210 (1839)].

В докладах часто сообщалось о настроениях в армии, традиционно именующихся не «мнением», а «духом», который в основном аттестуется как «отличный»:

³ Дмитрий Калугин в статье «История понятия “общество” от Средневековья к Новому времени: русский опыт» отмечает: «Русское понятие “публики” и коррелирующее с ним представление о “хорошем обществе” стали наполняться реальным содержанием (...) во второй половине XVIII — начале XIX века. В историческом и социальном аспектах русское понятие “публика” развивалось параллельно с немецким понятием *das Publicum*, обозначившим новую социальную группу, автономную от государства» [Калугин 2011: 334].

В отношении в о й с к высшее наблюдение и в сем году из всех полученных сведений могло извлечь удостоверение, что дух в них отличный [Отчеты 2006: 122 (1834)].

* * *

Что касается второго, узкого значения *общества* как «собрания многих лиц, имеющих в виде одинакое намерение», то здесь авторы всеподданнейших докладов явно испытывали терминологические трудности.

Общества как профессиональные или «некоммерческие» ассоциации («Общество купеческое, промышленников, ремесленников» [САР 1789–1794 (4): 602]) в документах III отделения почти не упоминаются. Один из немногих примеров можно найти в отчете за 1842 г.:

Ее Императорское Высочество Мария Николаевна и даже Великие Княжны имеют в своем заведывании детские приюты, учрежденные в разных частях столицы и наравне с другими членами женского Патриотического общества управляют благотворительными заведениями [Отчеты 2006: 288].

Что же касается других «собраний многих лиц», стоит выделить несколько важных значений и трактовок — и вариантов отношения к ним тайной полиции.

Прежде всего высшую власть беспокоили тайные политические общества. Сообщения о ссыльных декабристах составляли постоянную рубрику в отчетах, особенно 1830-х годов, при этом любые, даже самые недостоверные сведения о предполагаемых новых тайных обществах вызывали расследование (и фиксировались в отчетах). Важно отметить, что с самых первых упоминаний о таких (в том числе вымышленных) обществах авторы отчетов почти всегда поясняют, что подобные сообщения исходят от людей дурных, преступных, действующих в корыстных целях:

Необыкновенно много и гораздо более чем в предшествовавшие годы поступило в 1834 году вызовов от разных лиц открыть правительству тайны: о покушениях на жизнь Государя, о существовании злоумышленных обществ и тому подобное. Все таковые изветы были рассматриваемы со всею тщательностью и все без исключения оказались не имеющими ни малейшего основания. Большая часть таковых изветов поступили от людей или содержащихся под стражею или предназначенных к ссылке за содеянные преступления, и сколько можно заключить, были делаемы в одном лишь намерении избегнуть заслуженного наказания [Отчеты 2006: 117 (1834)].

В том же отчете за 1834 г. сообщалось, что некий «Антонов действительно говорил Кузнецову о существовании будто бы злоумышленного общества, но что он просто лгал, желая придать себе важность в глазах простодушного и необразованного Кузнецова» [Там же: 117–118].

Подобными комментариями снабжены и более поздние сообщения о «тайных обществах». Так, в отчете за 1844 г. поясняется:

Разысканиями обнаружено, что одни из доносителей, если не были повреждены в уме, то не обладали благоразумием; другие просто-душно поверили ложным рассказам и слухам; третьи объявлением государственной тайны надеялись обратить на себя внимание правительства или доносили по привычке к ябедам, или, наконец, доносили люди злостные... [Отчеты 2006: 358].

Кроме того, абсолютное большинство упоминаний об «обществах» в их узком значении, а именно о «злоумышленных», «тайных политических» обществах, относится к Польше:

Польские эмиссары основали было вновь в Кракове тайное общество под названием «Товарищество народа польского», которое, однако же, рушилось вместе с очищением сего города от людей неблагонамеренных [Отчеты 2006: 253 (1841)].

При этом в большинстве случаев авторы докладов неизменно помещают «центр зла» еще дальше на Запад, часто сообщая, что идеологи и инициаторы «тайных злоумышленных обществ» находятся вне пределов Российской империи. В самом государстве злодеев нет, «общественное мнение» не приемлет подобных идей, и лишь «беспокойные умы» жителей Польши подвержены этой злонамеренной пропаганде извне. Так, в отчете за 1839 г. сообщается:

[Различные лица за границей] сообщили нам предостерегательные известия о намеревающихся проникнуть в пределы государства польских выходцах и разных эмиссарах революционной пропаганды, имевших поручение учредить тайные общества, распространить возмутительные сочинения, приготовить народ к всеобщему восстанию, и даже с другими, еще преступнейшими намерениями... [Отчеты 2006: 194].

В отчете за 1845 г., сообщалось:

Польские выходцы, находящиеся за границею, не перестают питать мысли о восстановлении древней Польши; между ними продолжают прежние партии и по временам составляются новые [Отчеты 2006: 365].

Далее идет перечисление «партий», которые чаще именуются «обществами»: упоминаются «Общество демократическое», которое «отличается от других обществ наибольшею деятельностью и постоянством», «Общество аристократическое», «Общество соединения» («Общество это с 1838 года находится в постоянном разладе, так что члены не могли даже согласиться насчет избрания пяти лиц, долженствующих составить комитет их») и несколько других [Там же : 365–366].

Примечательно, что за сообщениями об обнаруженных «обществах» очень часто следуют комментарии об их слабости, несостоятельности, дурной орга-

низации. Одно из таких обществ «рушилось вместе с очищением (...) города от людей неблагонамеренных» [Отчеты 2006: 253], другое «находится в постоянном разладе» [Там же: 366]. Тем самым III отделение усиливает акцент на низкий и моральный, и интеллектуальный, и профессиональный уровень членов этих «обществ»: достойные, благонамеренные люди не станут вступать в них и тем более организовывать нечто «антиобщественное».

Практически все упоминаемые в отчетах «тайные общества» и «заговоры» оказываются до смешного неопасными. Таковы, например, большинство «партий» «польских выходцев». Автор отчета за 1845 г. резюмирует:

Из всех партий, только демократическая, аристократическая и резюр-рекионистов требуют особенного наблюдения и то потому только, что члены сих партий посредством переписки и распространяемых ими сочинений стараются поколебать и возмутить народ польский, подвластный России. Собственная же сила выходцев год от году ослабляется более и более [Отчеты 2006: 367].

Более того: нередко авторы докладов в этих случаях стараются уйти от употребления слова *общество* и подыскивают ему синонимы, причем явно семантически сниженных.

Так, в упоминавшемся выше списке «партий» «польских выходцев» некоторые из них названы «сектами»:

Товянский основал политическо-религиозную секту и находит безумцев, предающих себя в пожизненное рабство для слепого и беспрекословного исполнения его повелений [Отчеты 2006: 366].

В следующем отчете сообщалось, что «в 1846 году завелось еще гнездо польских выходцев у границ Бессарабии, в окрестностях Тульчи (...) Цель этого скопища определенно не известна...» [Отчеты 2006: 383].

Очевидно, с помощью именованной этих организаций *скопщиками* и *гнездами*, а не *обществами*, подспудно демонстрировались их неопасность, мелкий масштаб, несерьезность. Эта тенденция, равно как и многие представленные выше особенности «общественной» риторики III отделения, ярко видна в части доклада за 1849 г., посвященного кружку М. В. Буташевича-Петрашевского.

Вообще не происходило в Империи никаких замечательных происшествий, могущих иметь вредное влияние на общество, кроме, однако ж, обнаруженного правительством *сборища молодых людей*, которые, заразившись *заграничным* учением социализма и гражданского равенства, мечтали о распространении оных и в России для произведения политического переворота. *Общественное* мнение обрекло участников этого преступного замысла на посмеяние и презрение и, вместе с тем, признало их заслуживающими строжайшего наказания. Таким образом, произведенное упомянутым обстоятельством *общее* негодование явно приводит к утешительному заключению, что большая часть поддан-

ных Вашего Императорского Величества чужды идеи, волнующих Запад и Юг Европы, и что спокойствие в России не легко и не скоро [sic!] может быть нарушено [Отчеты 2006: 428–429].

«Сборище» петрашевцев не может быть названо «обществом» именно потому, что оно не только не организовано с одобрения властей, но и настроено к ним недоброжелательно. В докладе одновременно фигурирует *общество* в его широком понимании: это все те, кто лояльны царю (полностью «согласные с впечатлениями их Царя») и кто осуждает «обнаруженное правительством сборище молодых людей». Противопоставление налицо: «общество» активно поддерживает «обнаруженное правительством» (т. е. субъектом, определяющим, кто и что в государстве является «обществом») осуждение некоего «сборища» мечтающих молодых людей, их «преступного замысла», и сурового, но справедливого приговора царя. Интересно, что «строжайшее наказание» как адекватная масштабу преступления мера, кажется, находится в некотором противоречии с подразумеваемой слабостью заговора петрашевцев, достойного лишь «посмеяния» и «презрения»:

Обнаруженное высшим наблюдением между студентами Дерптского Университета тайное общество под наименованием «Burschenschaft» оказалось, по произведенному исследованию, не имеющим никакой политической цели и никаких преступных замыслов; но не менее того открытие оно представляется полезным в том отношении, что доказало бдительность правительства и, вероятно, послужит к воздержанию на будущее время от составления подобных тайных обществ [Отчеты 2006: 102 (1833)].

Впрочем, риторическая логика высшей николаевской администрации не смущается противоречиями.

Важно отметить, что обозначенная в докладах «безопасность» подобных обнаруженных «обществ» и «сборищ» не смягчала участь их членов. В этом отношении показательна риторика в пассаже о Кирилло-Мефодиевском обществе в отчете за 1847 г.:

Украина всегда была одной из самых спокойных областей, так что в общем мнении малороссияне были почти то же, что великороссияне [Отчеты 2006: 401].

Однако «в это время явился в Киеве коллежский секретарь Гулак, воспитанник Дерптского университета, с стремлением составить общество какое бы то ни было. Киевские ученые Костомаров и Белозерский, сблизившись с ним, составили тайное общество Св. Кирилла и Мефодия. Общество вскоре само собою разрушилось, но мысль о восстановлении малороссийской народности распространилась». [Там же]. Здесь «тайное общество» названо именно *обществом*, без каких-либо эвфемизмов, что показывает, с одной стороны, серьезность этой организации в государственной оптике. Однако тут же объясняется, что, во-первых, цель коллежского секретаря Гулака была «составить общество какое бы то ни было», т. е. ника-

ких политических амбиций он не имел. А во-вторых, «общество вскоре само собою разрушилось» — ввиду, надо полагать, своей изначальной, внутренне присущей подобным образованиям несостоятельности.

Разумеется, зло, даже обнаруженное в зародыше, должно караться в полной мере, и «наказание, которому подвергнуты виновные, без сомнения удержит молодых малороссиян от преступных замыслов» [Отчеты 2006: 401].

* * *

К середине 1840-х годов доклады становятся все более структурированными, причем их структура принимает все более дробный характер: авторы (точнее, по большей части один автор, Л. В. Дубельт) представляют разнобразную фактологию из множества сфер государственного интереса, фокусируясь на традиционно проблемных вопросах — от настроений в Польше и окраинах империи до крестьянского вопроса, стихийных бедствий и обзоров деятельности министерств.

На фоне большей конкретизации отчетов обзорам и анализу «общественного/общего мнения» уделяется гораздо меньше места и внимания. Более того — эти обзоры, сколь ни скудными они были ранее, теперь заменяются на панегирики царю и изъявления преданности как бы от лица «публики». К тому же, помимо представления общих обзоров, отчеты теперь содержат предложения более или менее энергичных мер в отношении тех же проблемных вопросов.

Например, в отчете за 1844 г. сообщается:

По замечаниям начальника IV округа Корпуса жандармов графа Буксгевдена, особенно тремя средствами должно действовать на сближение жителей Западного края с русскими; средства сии суть: религия, законы и язык, и (...) надобно ожидать, что жители Западных губерний будут постепенно терять прежнюю свою национальность и сливаться с русскими [Отчеты 2006: 355].

«Общество» и его «мнение» явно перестает быть объектом интереса и, как следствие, исследования: будучи заменено на «русских», оно способно лишь выражать пассивное восхищение лично царем и его решениями и всецело одобрять любые из них.

* * *

Второй группой документов за авторством администрации III отделения, в которой отчетливо прослеживается эволюция восприятия и интерпретации понятия *общество*, являются собственно дела этого ведомства — рапорты и доклады, посвященные «обществам» в их узком понимании, как группам людей, объединенных общим интересом или делом. Ограниченные размеры журнальной статьи не позволяют сделать подробный обзор дел, посвященный разного вида «обществам». Тем не менее при просмотре дел III отделения, в названии которых фигурирует слово *общество*, прослеживается определенная закономерность в его употреблении.

После декабрьских событий 1825 г. немалая часть дел об «обществах» прямо или косвенно касалась общества декабристов (например, «Список де-

кабристов и др. участников тайных обществ, с отметками о перемещениях в другие места ссылки, о разрешении проживания в столицах и поступления на гражданскую службу, о снятии полицейского надзора и т. д.»⁴), при этом на протяжении 1830-х и первой половины 1840-х годов время от времени появляются дела, посвященные донесениям о якобы существующих тайных обществах, с декабристами не связанных. Таковы, например, дело «О дерзких суждениях отставного подпоручика князя Енгальчева и о рассказе его, что некоторые гвардейские офицеры принадлежат к злоумышленному и тайному обществу» (1833)⁵, дело «По доносу дворянина Игнатия Монкевича о лицах, принадлежащих к тайному обществу»⁶ (1840) и т. п.

Абсолютное большинство дел о «тайных злоумышленных обществах» относятся к Польше, «польским выходцам», польским же эмигрантам и в меньшей степени к западным окраинам империи и их жителям. Названия этих многочисленных дел типичны: «О тайных обществах, составленных польскими выходцами и о др. преступных умыслах их за границей: О князе Адаме Черторижском и других издателях главных польских журналов, издаваемых за границей» (1840)⁷, «О тайных обществах, составленных польскими выходцами и других преступных умыслах их за границей: О Секерском» (1844)⁸, «О виленском тайном обществе» (1833)⁹ и т. д.

Начиная с «предгрозового» 1847 года внимание тайной полиции фокусируется не только на «тайных», а значит «злоумышленных» обществах, но и на обществах явных и официально разрешенных. Так, к 1847 году относится дело «О проекте Устава Общества поощрения коннозаводства»¹⁰. Впрочем, усиление внимания III отделения к каким бы то ни было обществам в 1847 г. может объясняться открытым тогда же «Украино-славянским обществом» (см. дело «Об украино-славянском обществе: общие распоряжения по производству следствия и исполнению решения»¹¹).

Если, как было указано выше, к середине 1840-х годов в оптике высшей власти, в том числе администраторов III отделения, «общество» виделось группой людей, объединенных общей безусловной преданностью царю и законами, им назначенными, то со второй половины этого десятилетия любые иные понимания «общества» стали казаться если не полностью нелегитимными, выходящими за пределы установленной высшей властью терминологии, то подозрительными и нежелательными.

Примечательно, что примерно в это же время (в 1847 г.) выходит издание «Словаря церковно-славянского и русского языка», где появляется, помимо двух уже существующих (и цитировавшихся выше) толкований слова *общество*, еще и третье: «Собрание людей, вместе проводящих время. *Находиться в хорошем обществе. Избегать худого общества*» [Словарь 1847 (3): 38].

⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 42.

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 291.

⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 15. Д. 125.

⁷ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 15. Д. 146. Ч. 3.

⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 19. Д. 41. Ч. 2.

⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 8. Д. 69.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 22. Д. 163.

¹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 22. Д. 81. Ч. 1.

Создается впечатление, что «собрание людей», решивших более или менее регулярно вместе проводить время, без прямого указания власти на цели и задачи этого времяпрепровождения, само по себе стало казаться (власти) крамольным и по крайней мере нуждающимся в расследовании. Так, с 1848 г. внимание тайной полиции привлекают такие институты, как Географическое общество или Общество для посещения бедных и даже «общества» людей, периодически собирающихся вместе ужинать. Вполне достоверное объяснение этому вниманию можно почерпнуть из дневника М. А. Корфа (члена Государственного совета и незадолго до того организованного Комитета по надзору над цензурой):

В числе общественных установлений в Петербурге, которые, по какому-то случайному изъятию, составляют как бы отдельный *status in statu*, не состоя под непосредственным контролем и распоряжением Правительства, после французских и немецких происшествий обратили на себя особенную заботу Государя — разумеется не прямо, а по намекам окружающих, наиболее же Гр. Орлова — два, оба существующих не более двух или трех лет: Общество посещения бедных и Географическое общество [Корф 1848. Л. 185 об.]¹².

Благотворительное общество — своей широтой влияния, а Географическое — «беспреданным сборищем молодых людей для толкования о предметах общественных, представляют что-то неудоботерпимое в правлении самодержавном и даже <некоторым образом> (вставлено в рукописи рукой автора. — С. В.) зародыш тех политических клубов, которых теперь так много в Западной Европе», — объяснял Корф в записи от 16 апреля 1848 г. [Корф 1848. Л. 185 об.–186].

Умный и опытный М. А. Корф точно определил причины властного недовольства: общества не состояли «под непосредственным контролем и распоряжением Правительства», а их молодые участники могли толковать «о предметах общественных» — дело «неудоботерпимое в правлении самодержавном».

Содержание самих дел вполне подтверждают это мнение. Так, в первом же листе дела «О Русском Географическом Обществе» (1 мая 1848 г.) речь идет о потенциальной опасности собраний его членов, чьи речи далеко не полностью протоколируются:

Продолжая следить за заседаниями Географического общества, обнаруживается, что, по мнению самих членов, то есть благородной части оною, — все это дело называют «une chose manquée». Действительной пользы для отечественной географии нет и не предвидится, а суждения выражаются иногда самые оппозитонны е. Многие старики перестают от этого и ездить в собрания, а это еще более ободряет остающихся.

¹² В цитатах из архивных документов здесь и далее сохраняются только элементы орфографии, касающиеся прописных/строчных букв, пунктуация приведена к современным правилам.

Все говорят, что общество это должно бы было присоединить к Академии Наук, где ведется верный протокол всех заседаний и речей, — так, что члены всегда под присмотром правительства. Здесь же часто рассуждают не о русской географии, а о теперешних политических обстоятельствах Европы с будущими их последствиями [О Русском Географическом Обществе 1848. Л. 1].

С 28 декабря 1849 г. к названию Русского географического общества было добавлено определение *Императорское*, при этом наблюдение за разговорами и поведением его членов не прекратилось. Так, в рапорте от 31 марта 1851 г. значилось, что «в Географическом обществе допускаются рассуждения несогласные и совершенно противные духу нашего правительства» и что «враждебный дух этого общества виден, но вещества нельзя уловить» [О Русском Географическом Обществе 1848. Л. 18–18 об.].

На Общество посещения бедных было обращено еще более пристальное внимание (дело о нем занимает в архиве III отделения 267 листов). Первые подробные описания состава общества, его собраний и образа действий, кажется, свидетельствуют о нем как об исключительно благонадежной и полезной институции:

Продолжительные собрания бывают оттого, что присутствующие стараются в каждое заседание разрешить все просьбы и возникающие вопросы. Просьб поступает весьма много, и как о каждом бедном собираются через членов-посетителей справки, то столько же много возникает и дел в обществе.

Не более как в полтора года уже накопилось у них до 8 т[ысяч] дел о бедных.

Члены собрания рассуждают о делах весьма серьезно, и почти не допускают посторонних разговоров <...> Угощения никакого не бывает, кроме того, что некоторые члены курят сигары, каждый свои (сам Герцог Лейхтенбергский по приезде в собрание тотчас вынимает сигару), а Секретарь Общества потчует чаем на собственный счет.

По окончании Собраний все члены разъезжаются по домам. Пирушек же, гульбы, а тем более каких-либо подозрительных разговоров решительно не бывает <...> Жертвуемые деньги расходуются только на вспомоществование бедным, с такою строгостию, что члены всеми мерами стараются прочие издержки по обществу делать из собственных своих денег. У них производятся и ревизии расходам и делам [Об обществе посещения бедных 1848. Л. 6–7 об.].

Однако эта отличная характеристика не понравилась власти: общество собрало и продолжает собирать обширные сведения о нуждающихся людях и, контактируя с ними напрямую, выполняет (хоть и невольно), помимо прямых своих обязанностей, и функцию сбора общественного мнения, на который III отделение имеет монополию. Кроме того, члены общества, помимо раздачи денежных пособий, осуществляют социально-психологическое консультирование (т. е. вновь нарушают границы государственной юрисдикции) и предлагают нуждающимся новые формы общественной организации жизни,

подозрительно напоминающие те, что фигурируют в учениях «социалистов» («общие квартиры») для проживания, «рукодельные» для неимущих женщин).

Общество, долженствовавшее по Высочайше утвержденным правилам быть токмо посредником между нуждающимися и благотворителями, действует уже само собою не только денежными вспомоществованиями, но доставлением труда рабочему классу, словесными наставлениями и учреждением разного рода благотворительных заведений [Об обществе посещения бедных 1848. Л. 18–18 об.], —

пояснял нежелательность возникновения «низовых» инициатив автор доклада.

Лучшее же обоснование опасности существования такого общества и необходимости включить его в состав уже существующей благотворительной организации, учрежденной монархической фамилией и функционирующей под ее контролем, дает тот же автор, и обширная цитата здесь представляется необходимой, достаточной и не нуждающейся в дополнительных комментариях.

По цели своей Общество, конечно, заслуживает всякую похвалу и одобрение, но при постепенном развитии оно, далеко превышающем пределы первоначальных Высочайше утвержденных правил, и при обширном приобретаемом им влиянии на столь значительное число жителей столицы, в особенности на лиц военного звания и на класс ремесленный, составляющий важную материальную силу, Общество сие принимает уже весьма обширное значение в народе, требующее особенного внимания: ибо образование в таком размере частного благотворительного общества несогласно с монархическими началами Русского Государства.

Там, где обязанности народа относятся главнейше к Высочайшей власти, весьма важно то, чтобы народ имел убеждение, что в сей власти заключается для него и источник всех благодетелей. Образование при таких условиях Общества, рассыпающего свои пособия, торжественно публикуемые, и как бы со всенародным объявлением, что без его попечений призренные им лица остались бы без всякой помощи, не есть ли образование новой власти, не могущей совместиться с мыслию о единственной власти в Государстве, принадлежащей Монарху?

Посему нельзя не признать, что подобное учреждение должно непременно составлять часть администрации и действовать не иначе как от имени Правительства, дабы народ видел и знал общего благодетеля своего — Государя.

В сих видах Общество посещения бедных могло бы быть приобщено к Императорскому человеколюбивому Обществу, состоящему под председательством высшего Духовного Сановника столицы, и тогда, находясь под общим покровом Престола, оно могло бы достигнуть, конечно, еще большего успеха в деле благотворения, без всякого распространения в народе не соответственного с Монархией частного влияния [Об обществе посещения бедных 1848: 19 об.–20 об.].

* * *

Таким образом, слово *общество* в понимании и оптике высшей власти эпохи правления Николая I имело специфическое значение и коннотации и, не будучи полностью маргинальным, представляло некоторую сложность в употреблении.

В своем «широком» значении слово *общество* (а также производное от него *общественный* и *общий* как синоним *общественного*) проделали с начала 1830-х до середины 1850-х годов определенный семантический путь — от осторожных попыток описания «общественного мнения» («общественного духа») до превращения в фигуру умолчания. «Общество» стало равнозначно подданным — полностью, восторженно и без какой-либо рефлексии принимающим любые решения и действия царя, включая простое появление его в публичном пространстве. При этом, следуя за идеологическими изменениями в III отделении, инициированными и поддерживаемыми Л. В. Дубельтом (впрочем, разумеется, идущими за желанием царя и инспирированной им известной формулой — с упором на «народность»), слово *общество* и его дериваты почти полностью исчезают из текстов всеподданнейших ежегодных докладов и меняются на слово *русские*.

Этому подразумеваемому широкому «обществу», действующему «под одними законами, под известными уставами», противопоставлены «общества» в узком понимании — как «собрание людей, вместе проводящих время». И если до 1847–1848 гг. эти общества в делах III отделения представлены в основном как «тайные» или «злонамеренные», созданные жителями или выходцами из «неблагонадежных» западных окраин империи, то с началом «мрачного семилетия» потенциально неблагонадежными, а, значит, опасными, представляются даже вполне легитимные общества, созданные с научными или благотворительными целями.

Разнообразные лексические способы ухода от использования слова *общество*, сведение его нескольких значений к одному ярко представляют видение и практики отечественной власти времени Николая I, не допускающей ни малейшего отхода от монополии на создание и поддержание любых форм социальной жизни.

Источники

Архивные

Корф 1848 — Дневник графа М. А. Корфа за 1848 г. (автограф). ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1817. Ч. 9.

О Русском Географическом Обществе 1848 — О Русском Географическом Обществе. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 23. Д. 201.

Об обществе посещения бедных 1848 — Об обществе посещения бедных. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 23. Д. 23.

Опубликованные

Герцен 1956 — *Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 9. М.: Наука, 1956.

Отчеты 2006 — «Россия под надзором»: отчеты III отделения 1827–1869 / Сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. М.: Рос. фонд культуры; Рос. Архив, 2006.

Романов 1912 — [Романов] Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I: Опыт исторического исследования. Т. 1: Текст и приложения. СПб.: Энциклопедия заготовления гос. бумаг, 1912.

Хомяков 1914 — Полн. собр. соч. Алексея Степановича Хомякова. 4-е изд. Т. 3. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К, 1914.

Сокращения

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва).

Словари

САР 1789–1794 — Словарь Академии Российской: [В 6 ч.]. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1789–1794.

САР 1806–1822 — Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: [В 6 ч.]. СПб.: При Имп. Акад. Наук, 1806–1822.

Словарь 1847 — Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым Отделением Императорской Академии наук: [В 4 т.]. СПб.: В Тип. Имп. Акад. Наук, 1847.

Литература

Калугин 2011 — *Калугин Д. Я.* История понятия «общество» от Средневековья к Новому времени: русский опыт // От общественного к публичному / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 305–394.

Проскурин 2000 — *Проскурин О.* Литературные скандалы пушкинской эпохи. М.: ОГИ, 2000. (Материалы и исследования по истории русской культуры; Вып. 6).

Смит 2006 — *Смит Д.* Работа над диким камнем: Массонский орден и русское общество в XVIII веке / Авториз. пер. с англ. К. Осповата, Д. Хитровой. М.: Нов. лит. обозрение, 2006.

Федорова 2011 — *Федорова К. С.* Общество: между всем и ничем // От общественного к публичному / Под ред. О. В. Хархордина. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2011. С. 13–68.

References

Fedorova, K. S. (2011). Obshchestvo: mezhdru vsem i nichem [Society: Between everything and nothing]. In O. V. Kharkhordin (Ed.). *Ot obshchestvennogo k publichnomu* (pp. 13–68). Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).

Kalugin, D. Ia. (2011). Istoriia poniatiia “obshchestvo” ot Srednevekov’ia k Novomu vremeni: russkii opyt [The history of the concept of “society” from the Middle Ages to the Modern Time: Russian experience]. In O. V. Kharkhordin (Ed.). *Ot obshchestvennogo k publichnomu* (pp. 305–394). Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta. (In Russian).

Proskurin, O. (2000). *Literaturnye skandaly pushkinskoi epokhi* [Literary scandals of Pushkin's time]. OGI. (In Russian).

Smith, D. (1999). *Working the rough stone: Freemasonry and society in eighteenth-century Russia*. Northern Illinois University Press.

Информация об авторе

Светлана Михайловна Волошина

*кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская академия
народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*

Information about the author

Svetlana M. Voloshina

*Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
✉ s.m.voloshina@gmail.com*

Г. С. Зеленина^{abc}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a *Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

^c *Российский государственный гуманитарный
университет (Россия, Москва)*

«ОПЫТ БОРЬБЫ С УДУШЬЕМ»: ОДНА СОМАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ПОЗДНЕСОВЕТСКИХ НАРРАТИВАХ ДИССИДЕНТСТВА И ЭМИГРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается кластер мотивов дефицита воздуха, затрудненного дыхания, удушья и удушения как один из важных топосов в автобиографических текстах инакомыслящих в Советском Союзе эпохи застоя, в том числе активистов еврейского движения и борьбы за эмиграцию. Обнаруживаются, во-первых, разновидности топоса в диссидентском дискурсе; во-вторых, зеркальная параллель в дискурсе провластном — мотив очистки воздуха родины за счет изгнания загрязняющих его чуждых советскому обществу социальных элементов; в-третьих, продолжение топоса в эго-документах, написанных в эмиграции, и, наконец, в-четвертых, его возможный фундамент в ухудшающейся экологической реальности и природоохранной риторике советской печати. Предполагается, что выбор авторами рассматриваемых текстов для обозначения невыносимости существования в Советском Союзе именно этой соматической метафоры из прочих возможных обуславливался прежде всего самой ее частотностью, каковая приводила к своего рода заражению удушьем и обеспечивала репродукцию топоса.

Ключевые слова: оттепель, застой, еврейское движение, еврейская эмиграция, диссиденты, чистки, загрязнение окружающей среды

Для цитирования: Зеленина Г. С. «Опыт борьбы с удушьем»: одна соматическая метафора в позднесоветских нарративах диссидентства и эмиграции // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 141–162. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-141-162>.

*Статья поступила в редакцию 10 мая 2022 г.
Принято к печати 17 октября 2022 г.*

G. S. Zelenina^{abc}

ORCID: 0000-0001-9411-4102

✉ galinazelenina@gmail.com

^a Lomonosov Moscow State University (Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration (Russia, Moscow)

^c Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)

“THE EXPERIENCE OF FIGHTING SUFFOCATION”: A SOMATIC METAPHOR IN LATE SOVIET NARRATIVES OF DISSIDENCE AND EMIGRATION

Abstract. The article examines the cluster of motives of air shortage, labored respiration, suffocation and strangling as one of the important topoi in autobiographical texts written by Soviet dissidents during the era of stagnation, including activists of the Jewish national movement who struggled for emigration from the Soviet Union. The topos has several variations in dissident discourse; it has a mirror parallel in pro-government discourse, i. e., the motive of purifying the air of the motherland by expelling foreign and hostile members of society who pollute it; it has a continuation in ego-documents written in emigration; and, finally, it may constitute a foundation in the deteriorating ecological reality and environmentalist rhetoric of the Soviet press which became increasingly conscious of environmental pollution during the 1970s. Besides such explanations as this topos being a possible reflection of environmental anxiety or a description of shortness of breath characteristic of depressive disorders to which some of the dissident authors were prone, it is assumed that the choice of this particular somatic metaphor among other possible ones in order to describe the unbearable living in the Soviet Union was primarily due to its very frequency, which led to a kind of suffocation epidemic and ensured the reproduction of the topos.

Keywords: the Thaw, the era of stagnation, Jewish movement, Jewish emigration, dissidents, purges, environmental pollution

To cite this article: Zelenina, G. S. (2023). “The experience of fighting suffocation”: A somatic metaphor in late Soviet narratives of dissidence and emigration. *Shagi / Steps*, 9(1), 141–162. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-141-162>.

Received May 10, 2022

Accepted October 17, 2022

Физик Александр Воронель, один из лидеров еврейского движения в Москве, в эссе «Трепет иудейских забот», впервые опубликованном в им же редактировавшемся самиздатском журнале «Евреи в СССР» в 1975 г., писал:

В 1968 г. мне стало трудно дышать. Может быть, политические события были тут вовсе ни при чем. Может быть, 37 лет просто роковой возраст... Но мне стало так трудно дышать, что я почувствовал себя совершенно чужим среди довольных и процветающих [Воронель 1977: 194].

Воронель был не единственным недовольным, инакомыслящим, «отказником» и будущим эмигрантом, который описывал свое состояние, используя метафору удушья. Ответом на часто встречавшиеся в советской прессе риторические вопросы-упреки «Чего им только не хватало?»¹ может быть следующий: им не хватало воздуха. В своих эго-документах многие критически настроенные по отношению к советской действительности авторы эпохи застоя выбирали именно эту соматическую метафору — не головную боль, не тошноту, не тяжесть в груди и не гири в ногах. Далее мы попытаемся классифицировать варианты этого топоса по авторам и дополнительным смыслам, найти аналоги в идеологически нейтральном и противоположном дискурсах и, основываясь на сколько-нибудь представительном корпусе однотипных образов, предположить причины их распространенности.

Форточка открылась и закрылась

Предшествующая застою эпоха в разных своих нарративах предстает как щедро наполненная воздухом. Эта метафора характерна как для текстов самой оттепели, так и для ее ретроспективного осмысления. В программном тексте эпохи — «Оттепели» Ильи Эренбурга — свежий воздух становится сквозным мотивом. Интеллигенция призвала впустить свежий воздух или благодарила за него героя XX съезда. К примеру, Раиса Орлова передает дискуссию о статье Померанцева «Об искренности в литературе», состоявшуюся в Союзе писателей весной 1954 г.: «Все согласны с тем, что чистый воздух полезен. Но есть немало людей, которые не любят, когда открывают форточку. А Померанцев открыл» [Орлова, Копелев 1990: 12]. А в 1963 г. Всеволод Иванов, Чуковский, Катаев, Ромм, Шостакович, Эренбург, Симонов, Каверин и другие деятели культуры в письме к Хрущеву² отмечали освобождение «духа» и «дыхания»:

Вы рассказали советским людям об огромном ущербе, причиненном нашей стране благодаря многолетнему господству сталинских методов, когда подавлялся творческий дух народа. (...) Мы с радостью видели,

¹ Например: «Жил в Минске врач-невропатолог (...) работал в поликлинике (...) имел хорошую квартиру (...) его сын закончил институт (...) Казалось бы, чего человеку надо? Дети вот-вот станут образованными специалистами, семья хорошо обеспечена, живи себе и радуйся» [Михайлов 1973].

² Письмо было зачитано Л. Ф. Ильичевым на встрече руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г.

как партия восстанавливает дух Ленина: свободу и справедливость. Архитекторы радуются возможности строить современные дома, писатели — возможности писать правдивые книги; легче дышится композиторам и работникам театра [Стенограмма встречи 2009: 541].

Наблюдательные современники и исследователи эпохи шестидесятых Петр Вайль и Александр Генис называют одним из центральных для оттепели следующий семантический ряд: бодрость — мороз — холод — прохлада — свежесть, противопоставленный духоте — затхлости — спертому воздуху:

Роль холодной воды и холода вообще представляется в те годы непомерной. <...> Всюду подчеркивалось: красота России — северная, зимняя <...>. Положительный персонаж проявлял себя преимущественно в зимних условиях, продуцируя здоровую бодрость <...> совсем в иной обстановке пребывал его антагонист <...> Такая нездоровая атмосфера — все та же ложь, принявшая бытовой облик: ложь — скрытность — закрытость — спертость — затхлость. Духота и прохлада как противоборствующие этические категории напоминали о застойности прошлого и бодрой легкости будущего. Это же противостояние обслуживала вся эстетика 60-х: одежда, архитектура, мебель, манеры поведения [Вайль, Генис 2001: 143–144].

К концу 1960-х начинаются перебои с воздухом. Самые разные авторы описывают состояние удушья. Зачастую оно оказывается реакцией на те или иные политические события и символизирует возмущение действиями государства. Например, китаист Виталий Рубин, близкий диссидентским кругам и подписант ряда писем, после вторжения в Чехословакию записал в дневнике: «Настроение ужасное. Удушающая жара прибавляется к удушливой обстановке безнаказанного преступления» [Рубин 1988 (1): 147]. Использование этой метафоры для описания нарастающего отвращения к *рукам брэдоброя* видно во многих источниках; как отмечает в своей лекции об эпохе застоя Илья Кукулин, в то время «многими владело ощущение удушья и тотального отчуждения от власти» [Кукулин 2020].

Но политическим протестом смысл метафоры не ограничивался — удушье также видится центральным мотивом поэтики или эстетики застоя: «В начале 1970-х сангвинический энтузиазм оттепели окончательно уступил место пессимистической и фаталистической, меланхолическо-флегматичной поэтике эпохи застоя, удушья и уныния, внешних и внутренних эмиграций» [Киршбаум 2016: 377], — который появляется у многих авторов в самых разных контекстах. Приведем лишь несколько самых известных примеров:

Все, — кого и не звали, — в Италии,
Шлют домашним сердечный привет,
Я осталась в моем зазеркалии,
Где ни света, ни воздуха нет...

(Анна Ахматова

«Все, кого и не звали, — в Италии...»), 1963

[Ахматова 1999: 201])

Спасите наши души!
Мы бредим от удушья.
Спасите наши души!
Спешите к нам!
Услышьте нас на суше —
Наш SOS все глуше, глуше, —
И ужас режет души
Напополам.

(Владимир Высоцкий. «SOS», или
«Спасите наши души», или «Песня о лодке», 1967
[Высоцкий 1991: 191])

И так — до наших времен! вплоть до наших времен! Этот круг, порочный круг бытия — он душит меня за горло! (Венедикт Ерофеев. «Москва — Петушки», 1969 [Ерофеев 1990: 66]).

Гражданин второсортной эпохи, гордо
признаю я товаром второго сорта
свои лучшие мысли, и дням грядущим
я дарю их, как опыт борьбы с удушьем.

(Иосиф Бродский
«Я всегда твердил, что судьба — игра...», 1971
[Бродский 2001: 427–428])

Эти удушья по-разному обусловлены: переживанием экзистенциальной безысходности («круг бытия»), конструируемыми в произведении пространством и ситуацией (тесная щель между зеркалом и стеной; тонущая подлодка), физическим состоянием лирического героя (намеком на которое можно счесть «грузную тень» в другой строфе), — но всегда, тем не менее, есть возможность увидеть за ними и политическую подоплеку.

В литературных и мемуарных произведениях позднесоветских десятилетий метафора удушья применяется при описании физической несвободы — опыта заключения в тюрьмах и лагерях сталинской эпохи. Например, Василий Ажаев в романе «Вагон» (написан в 1964 г., опубликован в 1988 г.) пишет:

Вот и нет слов. «Невыносимо», «немыслимо» — разве эти слова что-нибудь значат? <...> Неволя страшнее смерти! <...> Как пересказать чувство потери, чувство утраты самого дорогого в жизни? Видишь, я задыхаюсь, говоря об этом? А прошло с тех пор много лет. Ощущение неволи — это как удушье [Ажаев 1988: 9].

Лев Копелев в «Утоли моя печали», третьей части своей автобиографической трилогии (1981), описывает пребывание в Марфинской шарашке в конце 1940-х — начале 1950-х: «...удушливая тоска одиночества среди множества чужих, но так неотрывно притиснутых друг к другу людей» [Копелев 2011: 17], «...удушье от сознания — где ты и что с тобой» [Там же: 188].

А в более поздних текстах этот топос используется для описания атмосферы эпохи застоя. Наталия Рапопорт в воспоминаниях о Науме Коржавине пишет:

Не так давно отгремело дело Даниэля и Синяевского, советские танки топтали Прагу, КГБ травило Солженицына и всюду охотилось за самиздатом и тамиздатом. Воздух в стране был спёртый [Рапопорт 2018: 27].

Василий Аксенов в «романе о шестидесятниках» «Таинственная страсть», поясняя, что привлекательного нашли Чарльз и Добродей Профессор (Карл и Эллендея Проффер) в советской литературе, упоминает «бесперывные цензурные удушья, нередко завершающиеся прямым удушением авторов» [Аксенов 2009: 483].

На последних примерах отметим некоторую вариативность мотива: удушье может возникнуть в результате как бы безличного дефицита — или дурного качества — воздуха или же целенаправленного воздействия, как правило сверху, со стороны власти, — удушения; последнее может происходить как на общенациональном уровне, так и в конкретных случаях³.

В нарративах инакомыслия и эмиграции

Нередко, впрочем, мотив удушья используется в обоих вариантах — например, в диссидентских нарративах, где он встречается регулярно и в смысловом отношении довольно единообразен.

Леонид Плющ в мемуарах «На карнавале истории» (1979) пишет об «удушении Чехословакии», о том, что «Брежнев и К° <...> удушат чехословацкий народ в братских объятиях — как немцев, как венгров», но также отмечает и «удушливость атмосферы» в Советском Союзе, «невозможность дышать этой атмосферой лжи и террора», которая «неизбежно вела к самиздату, протесту, в тюрьму» [Плющ 1979: 230–231, 382, 469].

Александр Зиновьев в «Гомо советикус» (1981) несколько раз сетует на «удушение диссидентского движения». Петр (Петро) Григоренко в своих впервые изданных в том же году мемуарах «В подполье можно встретить только крыс...» пишет о своей жизни после тюрьмы и психиатрической больницы в 1965 г. как о «вдыхании первых глотков свободы, добытой очень тяжелой ценой» [Григоренко 1997: 420], а похороны писателя Алексея Костерина в 1968 г. называет «первым свободным митингом после десятилетий удушающего молчания» [Там же: 496]. Внук Костерина в воспоминаниях о Петре Григоренко тоже прибегает к этому топосу:

Ощущение было как от нехватки воздуха, невыносимое для ищущих и творческих натур. Но для таких, как мой дед и Петр Григорьевич, это было время работы, возможности приложить свои силы, реализовать, как сейчас говорят, свои гражданские потенции. Тяжкое и душное время это, как ни странно, породило необыкновенно теплую атмосферу среди участников правозащитного движения [Смирнов 2015: 102].

³ Например: «У Г. Б. новый поворот. <...> Липавских (т. е. осведомителей. — Г. З.) сейчас — ужас, как много. <...> Тактика — обложить порядочного человека со всех сторон. Не дать ему дышать, втравить и втоптать в грязь [Финкельштейн 1978].

Анатолий Кузнецов в «Обращении к людям», написанном сразу после побега, в августе 1969 г., признается: «Я дошел до точки, когда больше писать не могу, спать не могу, дышать не могу» [Батшев 2000: 228].

Ефим Эткинд в мемуарах «Записки незаговорщика» (1977) так описывает самоощущение людей своего круга в условиях советского режима:

Люди добросовестные стараются делать свое дело как можно честнее; они творят культуру своей страны, нередко задыхаясь в безвоздушном пространстве и содрогаясь от негодования, приходя в ужас от навязанного обществу лицемерия и от сознания собственной безнравственности [Эткинд 1977: 17].

Александр Солженицын в эссе «На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова “Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе”» (1969–1973), опубликованном в тамиздате в 1974 г. в им же составленном сборнике «Из-под глыб», обещает обществу возвращение дыхания после десятилетий вынужденного молчания, непроговоренности и неосознанности ключевых вопросов: грядет «возврат дыхания и сознания, переход от молчания к свободной речи», сейчас общество находится «на возврате дыхания после обморока, в проблесках сознания после полной темноты» [Солженицын 1974а: 11, 16]. Общество должно выбраться «из той темноты и сырости, из-под глыб», утверждает тот же Солженицын в предисловии к сборнику [От составителей: 5]. Глыбы, по мысли автора, подавили скорее не людей, а мысль и честный разговор в российском обществе, но можно понять этот образ и так, что сами люди придавлены глыбами и жаждут из-под них выбраться.

Бенджамин Натанс в статье «Говорящая рыба...», посвященной мемуарам диссидентов и ставящей, в частности, проблему сконструированности этих нарративов с расчетом на определенную аудиторию, отмечает мотивы подпольного, подземного или подводного существования как рекуррентные в диссидентских воспоминаниях и литературе [Nathans 2015]. Древняя рыбина в «подземной линзе льда» в первых строках «Архипелага ГУЛАГ» и легшее в основу статьи Натанса сравнение Андреем Амальриком пишущих диссидентов в представлении западного человека с заговорившей вдруг рыбой намекают на существование в подводном мире. Образы подполья и подземелья в текстах этого корпуса более явственно прописаны: «...интеллигенция сидит в катакомбах», — заявляет Григорий Подъяпольский [2003: 36–37]; «...всю страну загнали в подполье», — утверждает Юрий Орлов [2006: 107]; подполье фигурирует в солженицынской повести «Бодался теленок с дубом», а Григоренко так и называет свои мемуары: «В подполье можно встретить только крыс...», выводя образ подполья в титул, пусть и в полемических целях. «Главной их (диссидентов. — Г. З.) техникой, — пишет Натанс, — за десятилетия до того, как Михаил Горбачев сделал известным это понятие, была гласность: подняться на поверхность, вернуться, используя слова Солженицына, “к дыханию и сознанию”» [Nathans 2015: 600]. Натансу важно отметить общий здесь мотив молчания, отсутствия голоса, мы же добавим, что и дефицит воздуха тоже присущ всем трем указанным локусам.

Поиск воздуха в «теплых краях»

Если герои Натанса хотели вернуть себе дыхание, поднявшись на поверхность, путем движения вверх (что у них, конечно, не получалось, а если что-то и получалось, то иное — вынужденная эмиграция), то активисты борьбы за еврейскую эмиграцию с самого начала планировали движение не вверх, а в сторону: выбраться из Советского Союза и таким образом обрести свежий воздух.

Топос удушья, невозможности дышать регулярно сопровождает появление эмиграционных намерений у будущих активистов еврейского движения — как в синхронных их борьбе за выезд, так и в позднейших источниках.

В уже упоминавшемся эссе Александра Воронеля осознание затрудненности дыхания быстро переходит в мысли об эмиграции:

В 1968 году мне стало трудно дышать. Может быть, политические события были тут вовсе ни при чем. Может быть, 37 лет просто роковой возраст... Но мне стало так трудно дышать, что я почувствовал себя совершенно чужим среди довольных и процветающих. И, пожалуй, среди протестующих и угнетенных тоже. <...> Постепенно я усвоил такой отстраненный взгляд на действительность, что идея возвращения на «историческую родину» показалась мне специально для меня придуманной. Действительно, как еще радикальней я мог бы выразить свое несогласие абсолютно со всеми? [Воронель 1977: 194–195]

Китаист Виталий Рубин, в 1970-е ставший одним из лидеров московского «отказа», осенью 1967 г. выписывает в дневник цитату из «Автобиографии» Бердяева: «10.10.67 “В мирный период я испытывал не раз ту же тоску. Это было чувство удушья, отсутствия воздуха, свободы дыхания”», — и комментирует ее: «Замечательно» [Рубин 1988 (1): 119]. А через несколько дней снова возвращается к Бердяеву: «23.10.1967 Сижу на китаеведческой сессии. Скучно. <...> Как хорошо сказано [у Бердяева] о “чувстве удушья, отсутствии воздуха”!» [Там же: 120].

Для сравнения — в письме с фронта от 5 апреля 1942 г., адресованном однокурснице Эсфирь Шифман (будущей Гуревич), Рубин писал:

...проезжаем какие-то ворота с рельефами Ленина и Сталина. И со слезами радости провожаем их взглядом. Мы вновь почувствовали героический дух Советской власти, которая нас вырастила и воспитала. Нужно было пройти через территорию врага, где крестьяне из страха на месте портретов Сталина вешали поганые фашистские листовки, испытать плен, когда нам приходилось переносить молча издевательства немецких грабителей над Красной армией, советской властью и коммунистической партией, чтобы так глубоко почувствовать все то великое, гуманное и справедливое, что заложено во всем нашем строе, что советская власть нам так же необходима, как воздух. Когда ее не стало, мы почувствовали, что задыхаемся [Письма 1941–1948].

Этот флешбэк лишний раз демонстрирует, что взгляды и ощущения меняются у человека на протяжении жизни, тем более в данном случае отнюдь не без причины: из-за трехдневного нахождения в плену, упомянутого в этом письме, Рубин попал в лагерь спецпроверки, работал на шахте, где заболел туберкулезом, на несколько лет приковавшим его к постели. В то же время примечательно, что ретроспективно, пережив состояние удушья уже от советской власти, Рубин экстраполировал это ощущение физического неприятия советской жизни и на свою юность. В автобиографии, составленной в Израиле, он писал (точнее, говорил в интервью сестре):

В период сталинских процессов большинство родителей боялось говорить откровенно со своими детьми. Отец, однако, открыто говорил с нами обо всем, что происходило, поэтому уже в детстве у нас было ясное представление о сталинской эпохе и соответственное отношение к ней. В классе мы с сестрой были единственными, кто не вступил в комсомол. Надо сказать, что среди своих сверстников я почти не встречал такого понимания всего происходящего и такого отношения к нему, какое было у меня. Я уже с детства чувствовал невыносимость существования в Советском Союзе [Рубин 1988 (1): 7].

Некоторым инакомыслящим, в частности еврейским активистам, прежде чем они встали на прямой и отрядный для себя путь борьбы за национальное достоинство и выезд, были свойственны той или иной силы и длительности депрессивные расстройства. Воронель пишет в том же эссе: «После этого я заболел. Ничего особенного со мной не произошло, но около месяца я не хотел вставать с постели и ничего странного в этом не видел» [Воронель 1977: 196]. Рубин в своих дневниках регулярно жалуется на «депрессию», «тоску», «тяжелый внутренний кризис» [Рубин 1988 (1): 39, 45, 54, 64–65, 143, 148, 158, 189, 276]. Не желая полностью медикализировать и буквализировать топос удушья, представляя его уже не метафорой, а подлинным соматическим ощущением, следует тем не менее обозначить возможность и такого его прочтения: ложный дефицит воздуха, ощущение респираторных затруднений — распространенный симптом различных депрессивных расстройств [Starcevic 2009; Antony, Stein 2009; Leahy et al. 2012].

В позднейших интервью и воспоминаниях бывшие активисты движения за эмиграцию в унисон отмечают то же ощущение. Московский отказник кибернетик Александр Лернер в начале своих воспоминаний объясняет желание уехать: «...дело в том, что в этой атмосфере я больше не могу дышать» [Лернер б. д.: 11]. Минский отказник Эрнст Левин вспоминает в мемуарах: «Больше дышать советским воздухом, казалось, мы не могли» [Левин 2006]. Диссидент и один из организаторов «операции “Свадьба”» Эдуард Кузнецов рассказывает в интервью бывшему отказнику, активисту и историку еврейского движения Юлию Кошаровскому:

...душно было до тошноты. <...> Нужно учитывать психологический климат: уже неважно, дышать не дают, на хвосте сидят — не шевельнись, еще немного и тебя возьмут, а сделать ничего не сделал [Кузнецов 2004].

Диссидент и борец за эмиграцию Натан Щаранский признается:

Я продолжаю делать свою карьеру в Московском физико-техническом институте, но понимаю, что начинаю там задыхаться. Я хорошо себя чувствовал, когда дорывался до этой литературы [самиздата] [Щаранский б. д.].

Московский активист Михаил Членов в интервью тому же Кошаровскому вспоминает, как вернулся из Индонезии в Советский Союз в 1965 г.:

...по сравнению с затхлостью, которую я увидел в Москве, Амбон казался мне местом, где бьется пульс мира. Я вернулся в какое-то закрытое, затхлое общество... [Членов 2004].

Сам Юлий Кошаровский в своей книге «Мы снова евреи» характеризует самиздат как «глоток чистого воздуха в затхлой и пронизанной ядовитыми миазмами атмосфере Советского Союза. Для многих из нас он стал окном в большой мир, простиравшийся за пределами “железного занавеса”» [Кошаровский 2008: 380].

Религиозный отказник и просветитель, физик Владимир Дашевский в интервью бывшему ленинградскому активисту и собирателю архива движения Абе Таратуте описывает, как начал чувствовать «какой-то духовный голод. Это невозможно точно диагностировать, но я понимал, что начинаю задыхаться. Я не могу к этому (работе в лаборатории. — Г. З.) свести свою жизнь, <...> не может быть, чтобы жизнь сводилась к её поддержанию, у неё должен быть какой-то смысл, отличный от этого. Это то, чего требовало нутро» [Дашевский 2005]. Ленинградский религиозный активист Ицхак Коган в своих мемуарах анонимно цитирует воспоминание другого отказника:

И помню, еду я и думаю о чем-то своем: как опостылело все вокруг и постепенно стало чужим — и города, и люди и, кажется, не выбраться отсюда никогда, из этого бескрайнего галута⁴; и того арестовали, и этот умер; и удушливо и совершенно невозможно на работе и в проклятой коммуналке... [Коган 2011: 168].

Примечательно, что если еврейские активисты 1970-х страдали в основном оттого же, отчего и диссиденты, и многие другие граждане Советского Союза: от духовного и эстетического единообразия и скудости, от цензуры, от отсутствия свободы самовыражения, — то сионисты предыдущего поколения, бывшие еще органичными носителями еврейской культуры и идентичности, сетовали на «удушение национального самосознания и методы духовной кастрации» советских евреев при «Кровавом Сталине» и после него [Дольник 1976: 7]. К последним советским десятилетия «национальное самосознание» уже было порядком удушено, и отказникам приходилось страдать просто от «советского воздуха».

⁴ *Галут* — изгнание, рассеяние, диаспора; термин, описывающий существование евреев после разрушения Второго Храма и прекращения еврейской государственности в Иудее.

Действительно ли эмиграция приносила облегчение, исцеляла удушие? Ряд эмигрантских воспоминаний подтверждают, что движение прочь из советского пространства открыло им новый «кислородный ресурс» — подлинный «воздух свободы» в отличие от фальшивого советского. Это противопоставление производит в своих беллетризованных воспоминаниях танкист-ас, медик и поэт Ион Деген: «После всех мытарств и бед, сыпавшихся на людей, рискнувших подать документы на выезд в Израиль, в холодный ноябрьский день 1977 года мы, наконец, покинули страну, в которой “так вольно дышит человек”» и вскоре испытали «радостное возбуждение, объяснявшееся тем, что мы действительно стали вольно дышать» [Деген 2005]. Музыкант Александр Туманов, уехавший в 1974 г. в Канаду через Вену, перевалочный пункт для эмигрантов по израильской визе, вспоминает:

Мы были счастливы и чувствовали себя свободными людьми. Это чувство свободы начало развиваться, как росток, именно в Вене и становилось все более мощным с каждым шагом вперед. Личная свобода была воздухом, которым мы начали дышать здесь [Туманов 2014].

Впрочем, насладиться чужеземным воздухом, *делающим человека свободным*, по контрасту с удушливым *дымом отечества*, доводилось не всем — некоторые эмигранты находили новые причины задыхаться.

Очистка воздуха на месте

Прежде чем обратиться к новой жизни этого топоса в эмиграции, отметим, что чистотой воздуха в Советском Союзе были озабочены не только недовольные инакомыслящие и борцы за выезд — представителям власти и выразителям провластной позиции и нормативной идеологии тоже не хватало чистого воздуха, но они видели иной способ бороться с его нечистотой. Ответным общим местом в официальном дискурсе следует считать намерение очистить воздух путем изгнания загрязняющих его элементов, являющиеся смягченной версией топоса чистки — лейтмотива риторики и деятельности органов госбезопасности и внутренних дел при Сталине и коллективов при Хрущеве [Хархордин 2002: 149–155, 389–397].

Виталий Рубин в своем дневнике за 1974 г. описывает сцену в отделении милиции:

Вдруг подал голос милицейский в штатском, сидевший тут же, ихний «интеллектуал»: «Правильно, правильно. Пусть убираются, воздух чище будет». — «Мы отлично знаем, как вы относитесь к нам, — сказал я, — и тоже не хотим с вами жить» [Рубин 1988 (2): 97].

Очевидно, мотив избавления от чуждых элементов ради очистки воздуха был знаком низовым исполнителям и использовался ими в повседневной коммуникации с оными элементами, возможно с оскорбительными целями, но изначально, по меньшей мере с 1930-х годов, он появляется в речах высокопоставленных сотрудников силовых ведомств и руководства страны и в прессе,

освещающей соответствующую политику, и является элементом гораздо более торжественной риторики. Например:

Я считаю, что [когда] эту сволочь выметут, воздух станет чище и в нашей стране, в нашей Рабоче-крестьянской Красной армии будет такое взаимное доверие, которого еще никогда не было [Стенограмма актива 2008: 431].

Народ знает, что работа органов НКВД очищает воздух нашей великой родины от гнили и ядов, которыми хочет нас отравить капиталистический мир. Народ знает, что, помогая советской разведке, он помогает самому себе, он помогает уничтожать гадов, которые хотят вернуть свободные и счастливые народы СССР под ярмо фашистских изуверов, под ярмо капиталистов и помещиков [Карамышев 1938].

При Хрущеве, кажется, использование этого топоса учащается; не исключено, что вследствие значимости образа воздуха в оттепельной риторике. Хрущев сам в разных контекстах ратовал за, так сказать, улучшение вентиляции: рассуждая о пользе литературной критики, он сравнивает ее с баннным венником, от хлестания которым «открывают[ся] поры, организм начинает дышать и жить становится легче» [Речь Хрущева 2009а: 500], а обсуждая состояние науки, призывает «открыть форточку», «дать свежий приток, струю хорошего воздуха, чтобы люди, которые работают, хорошо всеми легкими дышали, а тех, которые увядают, надо на свежий воздух. Пусть они там оживают» [Речь Хрущева 2009б: 376].

В отличие от сталинской чистки рядов путем репрессий, уничтожения нежелательных элементов, ее смягченная, гуманизированная версия — оттепельная и позднее застойная чистка воздуха — предполагает изгнание чуждых элементов за рубеж или приглашение их к эмиграции.

В июне 1957 г. на пленуме ЦК КПСС, посвященном «антипартийной группе» Молотова — Маленкова — Кагановича, Буденный призывает их «выгнать, и тогда работа будет лучше, а воздух будет чище» [Пленум 1998: 345]. Портят воздух и модернисты. На встрече руководителей КПСС и правительства с деятелями литературы и искусства в декабре 1962 г. чиновный поэт Степан Петрович Щипачев, член правления Союза писателей, гонитель Евтушенко и Солженицына, обличает современное искусство:

Та мазня, будь это абстракционизм или натурализм, заслуживает и гневного, и презрительного отношения. Я бывал за границей и всегда заходил на выставки современной живописи. И когда я попадал в залы, где выставлена подобная живопись, мне хотелось как можно скорее выйти на чистый воздух [Стенограмма встречи 2009: 576].

Ему вторит Александр Дейнека:

Вот почему я люблю античное искусство, вот почему я люблю Пушкина, вот почему я люблю настоящих больших художников, которых почитаешь и дыхание улучшается [Там же: 562].

Через несколько месяцев, на следующей встрече с творческой интеллигенцией, Хрущев намечает программу тотальной очистки:

Так и общество, и партия следят за своей чистотой. Общество через партию само следит за чистотой направленности, чтобы всегда иметь чистый воздух, расчищать дорогу, убирать с дороги все, что мешает на этой дороге ритмичному движению вперед нашего общества в его развитии, в достижении цели построения коммунизма [Конспект 2009: 627].

То, что это общее место, ассоциируемое с провластной, репрессивной, прежде всего хрущевской риторикой, подтверждается соответствующим применением этой формулы в литературе. В романе Аксенова «Таинственная страсть» при передаче речи Хрущева на встрече с интеллигенцией используются оба топоса — и нехватки воздуха, и его очистки:

Я так понимаю, что вы задыхаетесь среди нашей красоты величия подвига труда, так, что ли? Тогда — убирайтесь! Получайте загранпаспорт и... (чуть удержался от под жопу коленом) убирайтесь вон! (Вон! Вон этих господ! Правильно, Никита Сергеевич! Воздух чище будет!) [Аксенов 2009: 124–125].

10 июня 1968 г. Ю. В. Андропов и А. А. Громыко написали в ЦК письмо о возобновлении эмиграции евреев, отметив, что та «позволит освободиться от националистически настроенных лиц и религиозных фанатиков, оказывающих вредное влияние на свое окружение» [Андропов, Громыко 1968. Л. 97–98]. Хотя буквально о загрязнении и очищении воздуха в этом письме как документе официальном речь не идет, квалифицированные читатели ждут этот топос, как «рифмы *розы*», как привычный элемент дискурса советской власти об эмиграции. И Дмитрий Быков в своей биографии Булата Окуджавы пересказывает тезис Громыко и Андропова следующим образом: «Кто не хочет здесь жить — пусть не отравляет воздух оставшимся, такая была терминология» [Быков 2009: 638].

Примечательно, что и некоторые диссидентские голоса призывали к переменам с использованием той же метафоры. Так, Солженицын в эссе «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» писал:

Только через полосу раскаяния множества лиц могут быть очищены русский воздух, русская почва, и тогда сумеет расти новая здоровая национальная жизнь. По слою лживому, неверному, закоренелому — чистого вырастить нельзя. <...> И для очищения мирового воздуха и для убеждения других в нашей искренней расположенности, мы не должны ни скрывать этих грехов, ни комкать, ни смягчать в воспоминаниях [Солженицын 1974с: 130, 137].

В эссе «Образованщина» противостояние репрессивному режиму, нарушающему права человека и подавляющему свободу слова и мысли, само представляется средством очищения воздуха: если бы интеллигенция выступила «в

защиту гонимых, в защиту свободы, против удушающих несправедливостей, против убогой навязываемой лжи», «очистили бы общественный воздух» [Солженицын 1974b: 235]. А журналист, писатель и диссидент Феликс Светов в романе «Отверзи ми двери» (1978), в чрезвычайно неприглядном свете изображающем отказников, предлагает очистить русский воздух как раз за счет еврейских эмигрантов, вкладывая в уста одному из персонажей гневное напутствие: «...еще не улетите, здесь останетесь воздух наш отравлять, сказано, скатертью дорога» [Светов 1978: 36].

Удушье в эмиграции

Ироническим контрапунктом к топосу удушья в нарративах вознамерившихся покинуть свою советскую родину становится зеркальное использование того же топоса в описаниях жизни в эмиграции — самими недовольными эмигрантами или же советской прессой и публицистикой, создающей картину жалкого прозябания бывших соотечественников за границей. Нарративы борцов за эмиграцию и разочаровавшихся эмигрантов или советских обличителей эмиграции зеркальны во многих пунктах (что в целом было характерно для оттепельной практики конструирования антимиров и аномалий [Лебина 2008]): возвращение на родину — предательство родины, спасение детей — причинение вреда детям, враждебное отношение к евреям в СССР — враждебное отношение к «русским» в Израиле — и т. п., в том числе это касается и ощущения нехватки воздуха. Если отказники задыхались на родине-«мачехе», лишённые возможности выехать, то недовольные эмигранты, жаждущие вернуться в Советский Союз, «задыхаются» в Израиле и спешат сообщить об этом в советские газеты [Танхельсон 1973]. Они сами — или советские журналисты — связывают это ощущение с тяжелым климатом, буквализируя расхожую метафору, а затем обратно расширяя ее смысл от физиологического до экзистенциального: «...удушающая жара <...> дышалось тяжело, не хватало воздуха. В дальнейшем подобное ощущение приобрело поистине символический смысл» [Горький хлеб 1971]. У ощущения «нехватки воздуха» могла быть и иная причина — не климат, а ограниченность территории. Житель Казахской ССР, репатриировавшийся в Израиль позднее, уже в 1991 г., писал:

...я очень хорошо представляю себе ситуацию, когда создается впечатление, что дышать нечем, не хватает воздуха, не хватает жизненного пространства (как при клаустрофобии). Куда не повернешь — везде граница, дальше ехать нельзя. Это особенно чувствуют эмигранты, приехавшие из больших стран [Голь-де-Шмидт 2006].

Эмигрант 1970-х, врач-невропатолог из Минска Иосиф Григорьевич Бурштейн в своем покаянном письме, опубликованном в советской печати, акцентирует психическое нездоровье новых репатриантов и использует понятие удушья как метафору, указывающую не на климат, а на общественно-политическую атмосферу⁵:

⁵ Бурштейн стремился покинуть и покинул Израиль; о его неприятии израильской действительности и последующей судьбе писал в своей антиссионистской публицистике Цезарь Солодарь [1977].

Исторической родиной сыт по горло. <...> Многие вновь прибывающие в страну евреи попадают в состояние депрессии. <...> Нравственное состояние ужасное. <...> То, что я увидел и пережил, для человека с нормальной психикой и прибывшего из СССР, непостижимо. Терпение лопнуло... <...> Жить в этой системе затхлости и удушья превыше человеческих сил... [Михайлов 1973].

Если подобные сетования в советских газетах можно счесть результатом домыслов редакторов и журналистов или лицемерия авторов, стремящихся вернуть советское гражданство, то аналогичные пассажи в дневниках и мемуарах не вызывают сомнения в искренности. Эмигрировавший в 1973 г. киевский экономист Евгений Кармазин не прижился в Израиле. В своих воспоминаниях и заметках в эмигрантской печати он впоследствии жаловался на удушие как климатическое («...помню безумную жару, надписи на проклятом иврите и безнадежное выражение лица у сотрудника университета (нового иммигранта)» [Кармазин 1996–2004: 141]), так и социокультурное: «...люди русской культуры задыхаются от израильского культурного изоляционизма» [Кармазин 1981: 2]. Искусствовед Игорь Голомшток, в 1972 г. эмигрировавший в Англию, вел дневники до и после эмиграции. В марте 1973 г., перечитывая свои дневниковые записи за 1963–1964 гг., он записал, имея в виду, вероятно, утраченную социальную среду:

Да, от многого я отказался. Исчез воздух, которого не ощущаешь, когда он есть, и кот.[орый] составляет смысл твоей ментальности. Он питает тебя и ты думаешь в него, смотришь и слушаешь ради него. А здесь — вакуум, кот.[орый] я начинаю ощущать [Голомшток 1961–1974 (запись от 30 марта 1973 г.)].

Реальность за метафорой

Рассмотрев метафору удушья в разных ее вариантах и зеркальную метафору очищения воздуха, надо отметить возможный реальный подтекст этих топосов, отвечающий если не за их возникновение — они возникли раньше, то за учащение их использования в последние советские десятилетия.

В советской прессе эпохи застоя о дефиците чистого воздуха и респираторных затруднениях помимо различных случайных контекстов (в беллетристических публикациях или медицинских статьях) регулярно заходит речь в экологическом ключе — обсуждается загрязнение или отравление воздуха в буквальном смысле. Это как раз те годы — 1968–1980, — когда разрабатывалось союзное и республиканское законодательство об охране природы. С 1975 г. в пятилетние и годовые планы начинают включаться параграфы о защите окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов; партийные съезды, в частности XXV, называют экологические задачи одними из важнейших задач грядущей пятилетки; Советский Союз присоединяется к международным конвенциям по защите окружающей среды (и нарушает взятые на себя обязательства). В то время как экологи и юристы работали над внедрением «прогрессивного законодательства» — как в рамках конкуренции с Западом, в том числе и в сфере охраны природы, так и в рам-

ках собственного понимания «развитого социализма», — страна продолжала переживать «экологическую деградацию», включая катастрофическое загрязнение воздуха и вызываемые им болезни [Josephson et al. 2013: 185–252]. И хотя замалчивалось как все, что имело отношение к государственной безопасности, военной промышленности, крупным авариям, так и сами цифры, отражающие уровни загрязнения окружающей среды, освещение экологической повестки в прессе было вполне приемлемым, для того чтобы ее регулярный читатель в 1970-е годы был достаточно осведомлен об основных проблемах в этой области [Mazanik 2018: 37]. Инвайронментализм считается одним из немногих «маленьких островков свободы» в брежневском СССР, и эта свобода хотя бы отчасти распространялась не только на деятельность НИИ, но и на продвижение этих вопросов в печати [Ibid.: 34; Weiner 1999].

Количество материалов по экологической проблематике в центральной, республиканской и региональной прессе росло на протяжении эпохи застоя (например, с 1968 по 1973 г. частота обращений к этой теме повышается более, чем в три раза⁶). Советская печать, очевидно, отражала растущую озабоченность, а заодно высказывала необоснованно оптимистичный расчет на то, что «социалистическое государство», «передовая общественность» и «советское здравоохранение» вкупе с «правильной организацией производства» успешно решают проблему загрязнения природных ресурсов, прежде всего воздуха. «...А загрязнение воздуха или водоемов? Не правильнее ли говорить об этом, как о болезнях цивилизации, которые вполне могут быть устранены правильной организацией производства?» — вопрошает «Литературная газета» (1 января 1968 г.); «...воздух многих городов и районов загрязнен дымом, золой, сажей, газами. <...> Советское здравоохранение борется с загрязнением атмосферы», — констатирует «Советская Киргизия» (23 января 1968 г.). «Правда Украины» призывает «усилить борьбу с загрязнением воздуха промышленными предприятиями» (17 февраля 1968 г.), а впоследствии радостно рапортует, что «в Советском Союзе наметилась тенденция снижения уровня загрязнения воздуха» (9 января 1979 г.). «Правда» предписывает «хозяйское отношение к природным ресурсам», избегающее «опасного загрязнения воздуха и воды» (14 мая 1971 г., 21 сентября 1972 г.), и поясняет, что «охрана воздуха, почвы, водных пространств, растительного и животного мира — это прежде всего забота о здоровье советского человека», «общая наша забота» (5 июня 1976 г., 3 марта 1968 г.). «Неделя» отмечает, что «от удущья в самом прямом смысле многие страны спасает лишь Мировой океан» (2 января 1972 г.). Регулярно отработывается на этом материале и традиционное противопоставление капиталистического и социалистического лагерей: если в Америке люди задыхаются, а ФРГ и Бельгия стабильно загрязняют свое воздушное пространство и воздух соседних стран, то СССР и другие соцстраны последовательно выступают за охрану окружающей среды и инициируют меры по предотвращению загрязнения воздуха («Правда», 16 февраля 1981 г.); в СССР «борьба с загрязнением

⁶ Как следует из анализа подборки базы данных EastView («Известия», «Правда», «Литературная газета», «Советская культура», «Огонек» и др.); расчет, конечно, весьма приблизителен, поскольку при поиске по ряду ключевых слов какие-то материалы на эту тему могли выпасть и, наоборот, могли быть ошибочно посчитаны публикации, содержащие те или иные слова или словосочетания, но не имеющие природоохранной направленности.

воздуха стала поистине государственным и общенародным делом» («Правда», 26 сентября 1972 г.).

Экологическая повестка находила отражение не только в государственной риторике. Хотя в корпусе диссидентских текстов удушьем и воздух упоминаются преимущественно метафорически, экологическая проблематика не была чужда «демократам» и правозащитникам — и вообще, тревожный интерес к этим вопросам в советском обществе возник задолго до перестройки и аварии на Чернобыльской АЭС [Weiner 1999: 21]. Например, А. Д. Сахаров в уже упоминавшейся брошюре «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (1968) значительное внимание уделяет загрязнению воздуха и воды и вообще проблемам «геоигиены». В эпоху застоя появились и эоактивисты, обсуждавшие проблемы охраны природы на страницах самиздата [Mazanik 2018], но это уже отдельная история.

* * *

Этот очерк не призван, разумеется, утверждать, будто метафорическое описание ощущения невозможности пребывания в современном им СССР как удушья по причине недостатка или ядовитости воздуха изобрели диссиденты и борцы за еврейскую эмиграцию, — оно встречалось и многим ранее. Еще писавший в годы совсем другого «духовного застоя» П. Я. Чаадаев, один из первых потерпевших от бесславной практики медиализировать инакомыслие как безумие, в первом же своем «философическом письме» — «дерзостной бессмыслице», по отзыву министра просвещения, — сетует на «вредное воздействие воздуха» и сообщает корреспондентке, рискуя «показаться» ей «желчным в отзывах о родине», что чувствует «потребность подышать более чистым воздухом, взглянуть на более ясное небо» [Чаадаев 1991: 320–321, 338]. А известный идишеязычный еврейский мемуарист Ехезкель Котик в воспоминаниях, вышедших в Варшаве в 1912 г., так описывает свои ощущения после погрома в Киеве:

Понятно, что и я больше не хотел оставаться в Киеве. Пусть меня в этом городе не будет. Мне противны были улицы, меня тошнило от гоев. Я больше не мог дышать киевским воздухом [Котик 2012 (гл. 25)].

Заклучим лишь, что в отказнических мемуарах эта метафора неслучайна. Инакомыслящие не доверяли советской прессе, но не читать ее не могли, и нельзя исключать влияния все громче звучавшей экологической повестки с ее тревожными заявлениями о загрязнении воздуха или победными реляциями о предотвращении оногo, коим критически настроенные читатели, конечно, не верили. Но главное, что это клише было общим для нарративов различных индивидов и групп, недовольных советской действительностью, знакомых друг с другом и читавших друг друга, и можно предполагать своего рода заражение воображаемым удушьем. Например, эссе Воронеля «Трепет иудейских забот», открывающееся заявлением о невозможности дышать, было напечатано в самиздате и обсуждалось там же [Шенбрунн 1977], и «Обращение к людям» Анатолия Кузнецова со словами «не могу дышать» достигло своих адресатов — Виталий Рубин цитирует эту фразу в своем дневнике [Рубин 1988 (1): 196]. Таким образом, сама частотность метафоры обуславливала ее воспроиз-

видимость. У этого топоса были неочевидные варианты, связанные с различными перспективами — поиска воздуха «наверху», в реформированном отечественном обществе, избавленном от лжи и цензуры, и в стороне, за границей; было зеркальное общее место — намерение очистить воздух за счет идейно чуждых и недовольных, высказывавшееся во властных и русофильских нарративах, и зеркальный двойник другого рода — нехватка воздуха в эмиграции.

Источники

Архивные

- Андропов, Громыко 1968 — Записка Ю. В. Андропова и А. А. Громыко в ЦК КПСС. 10 июня 1968 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 68. Д. 839. Л. 94–98.
- Голомшток — *Голомшток И. Н.* Дневники. 1961–1974. Archiv FSO. Fond 01/061.
- Дольник 1976 — *Дольник С.* Подпольный московский сионистский самиздат, 1960–1966. Тель-Авив; Яфо, 1976. Archiv FSO. Fond 5/1.3. Emma Sotnikova.
- Кармазин 1996–2004 — *Кармазин Е.* Повесть о времени и о себе. Париж, 1996–2004. Archiv FSO. Fond 30.132.
- Лернер б. д. — *Лернер А.* Воспоминания. Б. д. Машинопись. САНJP. ARS. Box 2. File 019-001.
- Письма 1941–1948 — Письма Виталия Рубина Эсфирь Шифман. Archiv FSO. Fond 01-073 Rubin.
- Финкельштейн 1978 — Письмо Эйтана Финкельштейна Меиру Гельфонду от 16 ноября 1978 г. САНJP. СЕЕJ 854.

Опубликованные

- Ажав 1988 — *Ажав В.* Вагон. М.: Современник, 1988.
- Аксенов 2009 — *Аксенов В. П.* Таинственная страсть: роман о шестидесятниках. М.: Семь дней, 2009.
- Ахматова 1999 — *Ахматова А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 2: В 2 кн. Кн. 1: Стихотворения. 1941–1959. М.: Эллис Лак, 1999.
- Батшев 2000 — *Батшев В.* Дело Анаголия Кузнецова // Время и мы. № 148. 2000. С. 222–257.
- Бродский 2001 — Сочинения Иосифа Бродского. Т. 2. СПб.: Пушкинский фонд, 2001.
- Быков 2009 — *Быков Д.* Булат Окуджава. М.: Мол. гвардия, 2009.
- Воронель 1977 — *Воронель А.* Трепет иудейских забот // Еврейский самиздат. Т. 12 / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский ун-т в Иерусалиме, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1977. С. 157–196. (1-я публ. в: Евреи в СССР. Вып. 10–11. 1975).
- Высоцкий 1991 — *Высоцкий В.* Сочинения: В 2 т. Т. 1: Песни. М.: Худ. лит., 1991.
- Голь-де-Шмидт 2006 — *Голь-де-Шмидт В.* [= *Гольдшмидт В.*] Быть или не быть, или Вопросов много, ответов мало // Заметки по еврейской истории. 2006. № 2 (63). URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Zametki/Nomer2/Goldshmidt1.htm>.
- Горький хлеб 1971 — Горький хлеб чужой земли // Труд: [Газ.]. 1971. 27 мая
- Григоренко 1997 — *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М.: Звенья, 1997.
- Дашевский 2005 — Интервью с Владимиром Дашевским / [Интервьюер А. Таратуга. 2005] // Исход советских евреев. URL: http://www.soviet-jews-exodus.com/Interview_s/InterviewDashevsky.shtml.

- Деген 2005 — Деген И. В глубоком подполье // Еврейская старина. 2005. № 7 (31). URL: <https://berkovich-zametki.com/2005/Starina/Nomer7/Degen1.htm>.
- Ерофеев 1990 — Ерофеев В. Москва — Петушки и пр. М.: Прометей, 1990.
- Карамышев 1938 — Карамышев П. В. О методах и приемах подрывной работы фашистских разведок и их троцкистско-бухаринской и буржуазно-националистической агентуры // Южная правда: [Газ.; Николаев]. 1938. 10 июля, № 151.
- Кармазин 1981 — Кармазин Е. Остановится ли поощрение зла? // Наша страна: [Газ.; Буэнос-Айрес]. 1981. 13 нояб., № 1615.
- Коган 2011 — Коган И. А. Горит и не стораит. М.; Киев: [Феникс], 2011.
- Конспект 2009 — Конспект выступления Н. С. Хрущева на встрече с представителями интеллигенции. 18 февраля 1963 // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 601–629.
- Копелев 2011 — Копелев Л. Утоли моя печали. Харьков: Права людини, 2011.
- Котик 2012 — Котик Е. Мои воспоминания: [В 2 ч.] Ч. 2: Скитаясь и странствуя / Пер. с идиша М. А. Улановской. М.: Мосты культуры; Иерусалим: Гешарим, 2012. [Цит. по электрон. версии]. URL: http://www.jewniverse.ru/RED/Ulanovskaya_Kotik/Vol_2_ch_22.htm.
- Кошаровский 2008 — Кошаровский Ю. Мы снова евреи: В 4 т. Т. 2. Иерусалим: [б. и.], 2008.
- Кузнецов 2004 — [Интервью Эдуарда Кузнецова Юлию Кошаровскому. 2004 г.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью/эдуард-кузнецов>.
- Левин 2006 — Левин Э. И посох ваш в руке вашей: Документальный мемуар 2002 года (К тридцатилетию исхода из СССР). Ч. 1 // Еврейская старина. 2006. № 3 (39). URL: <https://berkovich-zametki.com/2006/Starina/Nomer3/Levin1.htm>.
- Михайлов 1973 — Михайлов В. Поверив щедрым посулам // Советская Белоруссия: [Газ.; Минск]. 1973. 22 февр.
- Орлов 2006 — Орлов Ю. Опасные мысли: Мемуары из русской жизни. М.: [Моск. Хельсинкская группа], 2006.
- Орлова, Копелев 1990 — Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. 1956–1980. М.: Книга, 1990.
- От составителей 1974 — От составителей // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974.
- Пленум 1998 — Пленум ЦК КПСС. Стенографический отчет // Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы / Сост. Н. Ковалева и др. М.: МФД, 1998. С. 24–580.
- Плющ 1979 — Плющ Л. На карнавале истории. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1979.
- Подъяпольский 2003 — Подъяпольский Г. С. Золотому веку не бывать... / Сост. М. Петренко-Подъяпольская, А. Подъяпольская-Дымкина. М.: Общество «Мемориал»; Звенья, 2003.
- Рапопорт 2018 — Рапопорт Н. Гуляли, целовались, жили-были... Наум Коржавин // Рапопорт Н. Автограф. М.: Новый Хронограф, 2018. С. 26–36.
- Речь Хрущева 2009а — Речь Н. С. Хрущева на III съезде писателей СССР. 22 мая 1959 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 498–513.
- Речь Хрущева 2009б — Речь Н.С. Хрущева на пленарном заседании совещания строителей. 12 апреля 1958 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 366–380.
- Рубин 1988 — Рубин В. Дневники. Письма: В 2 кн. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1988.
- Светов 1978 — Светов Ф. Отверзи ми двери. Paris: YMCA-Press, 1978.

- Смирнов 2015 — *Смирнов А.* Он приходил к нам прямой и крепкий // Человек, который не мог молчать... Современнике о выдающемся борце за права человека генерале Петре Григоренко: В 2 ч. / Под общ. ред. А. Григоренко. Ч. 2. Харьков: Права людини, 2015. С. 88–107.
- Солженицын 1974а — *Солженицын А. И.* На возврате дыхания и сознания (По поводу трактата А. Д. Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе») // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 7–28.
- Солженицын 1974б — *Солженицын А. И.* Образованщина // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 217–259.
- Солженицын 1974с — *Солженицын А. И.* Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // Из-под глыб: Сб. ст. / [Под ред. А. И. Солженицына]. Париж: YMCA-Press, 1974. С. 115–150.
- Солодарь 1977 — *Солодарь Ц.* Дикая полынь. М.: Сов. Россия, 1977.
- Стенограмма актива 2008 — Стенограмма актива центрального аппарата НКО СССР 10 июня 1937 г. // Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. 1–4 июня 1937 г.: Документы и материалы / Сост. Н. Тархова и др. М.: Рос. полит. энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 423–452.
- Стенограмма встречи 2009 — Стенограмма встречи руководителей КПСС и советского правительства с деятелями литературы и искусства 17 декабря 1962 г. // Никита Сергеевич Хрущев: Два цвета времени: Документы из личного фонда Н. С. Хрущева: В 2 т. Т. 2 / Гл. ред. Н. Г. Томилина; Сост. А. Н. Артизов и др. М.: МФД, 2009. С. 533–601.
- Танхельсон 1973 — *Танхельсон А.* На чужбине // Правда Востока: [Газ.; Ташкент]. 1973. 13 мая.
- Туманов 2014 — *Туманов А.* Шаги времени // Заметки по еврейской истории. 2014. № 7 (176). URL: <https://www.berkovich-zametki.com/2014/Zametki/Nomer7/Tumanov1.php>.
- Чаадаев 1991 — *Чаадаев П. Я.* Полн. собр. соч. и избр. письма: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1991.
- Членов 2004 — [Интервью Михаила Членова Юлию Кошаровскому. 2004 г.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/интервью/михаил-членов>.
- Шенбрунн 1977 — *Шенбрунн С.* Читая Воронеля // Еврейский самиздат. Т. 12 / Под ред. Я. Ингермана. Иерусалим: Еврейский университет в Иерусалиме, Центр документации восточно-европейского еврейства, 1977. С. 197–203. (1-е изд.: Евреи в СССР. Вып. 10–11. 1975).
- Щаранский б. д. — [Интервью Натана Щаранского Юлию Кошаровскому. Б. д.] // Юрий Кошаровский: [Личный сайт]. URL: <http://kosharovsky.com/натан-щаранский>.
- Эткинд 1977 — *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. Лондон: Overseas Publ. Interchange, 1977.

Сокращения

- РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории (Москва).
- Archiv FSO — Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen (Бремен).
- САНЖР — The Central Archives for the History of the Jewish People (Иерусалим).

Литература

- Вайль, Генис 2001 — *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. 3-е изд. М.: Нов. лит. обозрение, 2001.
- Киришбаум 2016 — *Киришбаум Г.* Эпиграфы Андрея Тарковского и эстетика меланхолии в эпоху застоя // Andrej Tarkovskij: Klassiker — Классик — Classic — Classico. Beiträge zum internationalen Tarkovskij-Symposium an der Universität Potsdam / Ed. by N. P. Franz. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2016. P. 377–397.

- Кукулин 2020 — Кукулин И. Застой, диссидентство, андеграунд и третья волна эмиграции // *Arzamas*. 2020. URL: <https://arzamas.academy/materials/1481>.
- Лебина 2008 — Лебина Н. Антимирь: принципы конструирования аномалий, 1950–1960-е годы // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ, 2008. С. 255–265.
- Хархордин 2002 — Хархордин О. В. Обличать и лицемерить: генеалогия российской личности. СПб.; М.: Европ. ун-т в Санкт-Петербурге; Летний сад, 2002.
- Antony, Stein 2009 — *Oxford handbook of anxiety and related disorders* / Ed. by M. M. Antony, M. B. Stein. New York: Oxford Univ. Press, 2009.
- Josephson et al. 2013 — *Josephson P., Dronin N., Mnatsakanian R., Cherp A., Efremenko D. An environmental history of Russia*. Cambridge; New York: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Leahy et al. 2012 — *Leahy R. L., Holland S. J. F., McGinn L. K. Treatment plans and interventions for depression and anxiety disorder*. New York; London: Guilford Press, 2012.
- Mazanik 2018 — *Mazanik A. Environmental change and Soviet media before 1986: Dissident and officially sanctioned voices* // *Climate change discourse in Russia: Past and present* / Ed. by M. Poberezhskaya, Th. Ashe. New York: Routledge, 2018. P. 32–49.
- Nathans 2015 — Nathans B. Talking fish: On Soviet dissident memoirs // *The Journal of Modern History*. Vol. 87. No. 3. 2015. P. 579–614.
- Starcevic 2009 — *Starcevic V. Anxiety disorders in adults: A clinical guide* (2nd ed.). New York: Oxford Univ. Press, 2009.
- Weiner 1999 — *Weiner D. R. A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev*. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1999.

References

- Antony, M. M., & Stein, M. B. (2009). *Oxford handbook of anxiety and related disorders*. Oxford Univ. Press.
- Josephson, P., Dronin, N., Mnatsakanian, R., Cherp, A., & Efremenko, D. (2013). *An environmental history of Russia*. Cambridge Univ. Press.
- Kharkhordin, O. V. (2002). *Oblichat' i litsemerit': genealogiia rossiiskoi lichnosti* [To denounce and dissemble: Genealogy of the Russian personality]. *Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge; Letnii sad*. (In Russian).
- Kirshbaum, G. (2016) Ekfrazy Andreia Tarkovskogo i estetika melankholii v epokhu zastoia [Ekphrases of Andrei Tarkovskii and the esthetics of melancholy in the era of stagnation]. In N. P. Franz (Ed.) *Andrej Tarkovskij: Klassiker — Klassik — Classic — Classico. Beiträge zum internationalen Tarkovskij-Symposium an der Universität Potsdam* (pp. 377–397). Universitätsverlag Potsdam. (In Russian).
- Kukulin, I. (2020). Zastoi, dissidentstvo, andegraund i tret'ia volna emigratsii [Stagnation, dissidence, underground and the Third Wave of emigration]. *Arzamas*. <https://arzamas.academy/materials/1481>. (In Russian).
- Leahy, R. L., Holland, S. J. F., & McGinn, L. K. (2012). *Treatment plans and interventions for depression and anxiety disorder*. Guilford Press.
- Lebina, N. (2008). Antimiry: printsipy konstruirovaniia anomalii, 1950–1960-e gody [Anti-worlds: principles of constructing anomalies in the 1950–1960s]. In E. Iarskaia-Smirnova, & P. Romanov (Eds.). *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985* (pp. 255–265). ООО “Variant”: TsSPGI. (In Russian).
- Mazanik, A. (2018). Environmental change and Soviet media before 1986: Dissident and officially sanctioned voices. In M. Poberezhskaya, Th. Ashe (Eds.). *Climate change discourse in Russia: Past and present* (pp. 32–49). Routledge.

- Nathans, B. (2015). Talking fish: On Soviet dissident memoirs. *The Journal of Modern History*, 87(3), 579–614.
- Starcevic, V. (2009). *Anxiety disorders in adults: A clinical guide*. Oxford Univ. Press.
- Vail', P., & Genis, A. (2001). *60-e. Mir sovetskogo cheloveka* [The 1960s: The world of the Soviet man]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian).
- Weiner, D. R. (1999). *A little corner of freedom: Russian nature protection from Stalin to Gorbachev*. Univ. of California Press.

* * *

Информация об авторе

Галина Светлояровна Зеленина

*кандидат исторических наук
доцент, кафедра иудаики, Институт
стран Азии и Африки, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая,
д. 11, стр. 1
Тел.: +7 (495) 629-42-84
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований, Институт
общественных наук, Российская
академия народного хозяйства и
государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-99-99
доцент, кафедра теологии иудаизма,
библистики и иудаики, Российский
государственный гуманитарный
университет
Россия, ГСП-3, 125993, Москва,
Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-64-70
✉ galinazelenina@gmail.com*

Information about the author

Galina S. Zelenina

*Cand. Sci. (History)
Associate Professor, Department
of Jewish Studies, Institute of Asian and
African Studies, Lomonosov Moscow State
University
Russia, 125009, Moscow, Mokhovaya Str.,
11, Bld. 1
Tel.: +7 (495) 629-42-84
Senior Researcher, Center for Cultural
Studies, School for Advanced Studies
in the Humanities, Institute for Social
Sciences, The Russian Presidential
Academy of National Economy and Public
Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Veradskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-99-99
Associate Professor, Department of Jewish
Theology, Biblical and Jewish Studies,
Russian State University
for the Humanities
Russia, GSP-3, 125993, Moscow, Miusskaya
Sq., 6
Tel.: +7 (495) 250-64-70
✉ galinazelenina@gmail.com*

И. В. Прус

ORCID: 0000-0002-7478-1204

✉ prus.irene@gmail.com

Европейский университет в Санкт-Петербурге
(Россия, Санкт-Петербург)

ОТ «ТУПОГО БЫДЛА» В ИНТЕРНЕТЕ ДО НОВОГО ГЕРОЯ ПРОТЕСТОВ: ДИСФЕМИЗМ *ШКОЛОТА* И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПОДРОСТКОВОГО УЧАСТИЯ В ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Дисфемизм *школота* появляется в русскоязычном сегменте интернета в 2007–2008 гг. и становится «общим местом» воображения и репрезентации подростков как в повседневном языке интернет-пользователей, так и в журналистской и художественной рецепции. Рассматривая семантические границы и контекст использования слова *школота* в публикациях и комментариях на платформе LiveJournal и соотнося их с общественно-политическим контекстом, автор статьи описывает процесс трансформации дисфемизма как одновременное расширение видимости подросткового участия в публичной сфере и деконструкцию на уровне публичной риторики образа пассивного, беззащитного (в первую очередь перед манипуляциями взрослых) и опасного подростка. Анализ дисфемизма *школота* предстает методологической перспективой, которая позволяет под новым углом рассмотреть риторику «детского вопроса» в современной России.

Ключевые слова: школота, дисфемизм, интернет-сленг, LiveJournal, социальные сети, репрезентации детей и подростков, воображаемые сообщества, онлайн-дискурс

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского семинара «Неклассический фольклор» (Европейский университет в Санкт-Петербурге).

Благодарю М. Л. Лурье за поддержку и помощь в работе над статьей, И. В. Кукулина, М. Л. Майофис, Е. К. Ефремова, М. В. Яворскую и других коллег, участвовавших в обсуждении текста. Большое спасибо рецензентам за ценные комментарии.

Для цитирования: Прус И. В. От «тупого быдла» в интернете до нового героя протестов: дисфемизм *школота* и репрезентации подросткового участия в публичной сфере // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 163–184. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-163-184>.

Статья поступила в редакцию 6 мая 2022 г.
Принято к печати 25 июля 2022 г.

I. V. Prus

ORCID: 0000-0002-7478-1204

✉ prus.irene@gmail.com

European University at St. Petersburg
(Russia, St. Petersburg)

FROM LEMMINGS IN THE INTERNET TO NEW VALIANT PROTESTERS: DYSPHEMISM *SHKOLOTA* AND THE REPRESENTATION OF ADOLESCENT PARTICIPATION IN THE PUBLIC SPHERE

Abstract. In the late 2010s, one can observe intensification of debates about adolescents as political subjects among the various Russian media platforms. Adolescents became an object of close attention of political actors and institutions, journalists, pop artists and ordinary internet users. This process is very noticeable in the shifts of semantics of the dysphemism *shkolota* (originally a disparaging definition of elementary and middle school students). The article aims to give an overview of the change in the meaning of *shkolota* as the “commonplace” of imagination and representation of teenagers. To find out what *shkolota* means, I conducted an analysis of publications and comments on LiveJournal, a social media platform and the birthplace of *shkolota*. A symbolic path was traced from the “Lemmings in the Internet” to “New Valiant Protesters” within twelve years. In considering the semantic boundaries and the context of *shkolota* in publications and comments on the LiveJournal platform and correlating them with the socio-political context of Russia, I describe the process of transformation of the dysphemism as a simultaneous expansion of adolescent participation visibility in the public sphere and the deconstruction of the image of the passive, defenseless (primarily against adult manipulation) and dangerous adolescent in public rhetoric. Analysis of how *shkolota* was reshaped turns out to be a method that allows us to consider from a new perspective the public rhetoric about children in contemporary Russia.

Keywords: *shkolota*, dysphemism, internet slang, LiveJournal, social media, representation of children and adolescents, imagined communities, online discourse

Acknowledgements. This article was prepared as part of the research seminar “Non-Classical Folklore”, held at the European University in St. Petersburg.

I am grateful to M. L. Lurie for his support and help in working on the article, I. V. Kukul'in, M. L. Maiofis, E. K. Efremov, M. V. Yavorskaya and other colleagues who participated in the discussion. I would like to thank the reviewers for thoughtful comments.

To cite this article: Prus, I. V. (2023). From Lemmings in the Internet to New Valiant Protesters: Dysphemism *shkolota* and the representation of adolescent participation in the public sphere. *Shagi / Steps*, 9(1), 163–184. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-163-184>.

Received May 6, 2022

Accepted July 25, 2022

В последние пять лет риторика русскоязычных медиа могла показаться исследователям детства одновременно знакомой и удивительной — на общественное обсуждение был вынесен вопрос, который вторит дискуссиям теоретиков детской агентности 1990–2000-х годов: может ли ребенок быть полноценным участником политической сферы? Такая постановка вопроса отражает тенденцию на (ре)актуализацию интереса к несовершеннолетним как экономическим и политическим акторам, которая связана и с приобретением несовершеннолетними статуса группы со специфическими интересами под влиянием глобальной политики идентичности, характерной для неолиберального общества [Hemmett 2015: 8–10; Comaroff, Comaroff 2005: 21, 29], и с их массовым участием в крупнейших европейских протестах первого десятилетия века [Ерпылева 2014б: 132–133]. Заметное присутствие молодых людей в публичном поле спровоцировало интенсивное распространение метафор с противоречащими друг другу, а иногда и типологически несопоставимыми морально-оценочными значениями, которые отражали сложные переплетения желаний и страхов «взрослого мира» [Comaroff, Comaroff 2005: 19–20, 28–29]. Как я постараюсь показать дальше, для русскоязычного пространства одним из риторических приемов, резонирующим с «проблемностью» осмысления несовершеннолетних, оказалась лексема *школота*. В Национальном корпусе русского языка *школота* впервые зафиксирована в 2008 г.¹, а авторка этих строк, например, помнит, как примерно в это же время дисфемизм обозначал «плохие компании», в которые обязательно попадают школьники без должного родительского присмотра. Как и любой X-фемизм, *школота* оказалась нестабильной и в течение 15 лет меняла свою референтную группу [Радченко, Архипова 2018: 192] — так, помимо хулиганов во дворе, к сегодняшнему дню «школота» начала воображаться еще и участником политической сферы [Архипова 2021]. Если рассматривать «школоту» как «общее место» и эффективный и лаконичный инструмент для оценки подростков в публичной риторике и повседневной коммуникации, то трансформации этого понятия как в семантическом плане, так и в контекстах и функциях употребления могут указывать на сдвиги в воображении и репрезентации детей и подростков. Цель этой работы — представить анализ дисфемизма *школота* как методологическую перспективу в исследовании воображения ролей детей и подростков.

¹ Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru), по состоянию на 28 апреля 2022 г.

Методы анализа и материалы исследования

В рамках социологических исследований интерес к коллективным именам породил одновременно терминологический беспорядок и конвенциональный аналитический подход. Так, X-фемизмы, речевые этикетки, лейблы, аффективы, знаки-конденсаты или соционимы рассматриваются как инструменты, с помощью которых акторы, эксплуатируя символическую власть называния, утверждают монополию на знание. Такая методологическая перспектива приводит к тому, что в фокусе исследований зачастую находятся профессорские сообщества: философы, объективирующие своих оппонентов через детерминанты эстетических и политических взглядов (*интеллектуал, правая мысль*) [Кирчик 2009]; сотрудники медучреждений, категоризирующие индивидов как «больных» или «здоровых» [Rosenhan 1973]; юристы, которые с помощью дефиниций *обвиняемый, подозреваемый, виновный* осуществляют политическую работу и производят дополнительную реальность в юридических категориях [Felstiner et al. 1980: 639]. Номинации на уровне повседневных интеракций, в свою очередь, привлекают внимание исследователей в периоды конфликтов и понимаются как сигналы дезорганизации в обществе и нарушения обратных каналов коммуникации или как отображения структурного неравенства [Галямина 2015: 224; Кустарев 2012]. В таком фокусе номинативная работа оказывается быстрым и эффективным нормализующим инструментом, с помощью которого акторы могут (вос)произвести себя и других как принадлежащих к сообществу или группе, чтобы взаимодействовать на дискурсивном поле [Брубейкер 2012].

Очевидно, что *обвиняемый* в юридическом дискурсе или *душевнобольной* в медицинском и *школота* в интернет-коммуникации — явления разного порядка. Онлайн-дискурс производится как гибридная форма устного и письменного языка и функционирует как эффект постоянного пересечения институциональных и повседневных лексиконов и риторических приемов [Howard 2012: 36]. При поверхностном рассмотрении *школота* оказывается связана с властными отношениями, социальными иерархиями, процессами объективации и стигматизацией, что ставит данную лексему в типологический ряд с упоминаемыми номинациями. Чтобы не выводить банальные заключения о диспозициях власти в возрастных группах, в этой работе я буду следовать рефлексии Р. Брубейкера и рассмотрю *школоту* как дискурсивную форму процесса репрезентации и воображения «мнимого сообщества». Этот ход позволяет под другим углом взглянуть на историю подросткового участия в публичной сфере и маркировать поля и значимые события, в которых подростки оказывались видимыми акторами, требующими осмысления со стороны общественности.

Для этой работы я ограничиваю материал местом, где *школота* впервые возникла и функционирует до сих пор, — я обращаюсь к текстам и комментариям, содержащим данную лексему, на платформе LiveJournal, опубликованным до мая 2021 г. (далее в тексте будет использовано сокращение ЖЖ, более привычное обозначение для русскоязычного сегмента платформы). В качестве дополнительных материалов я привлекаю словарные статьи «Лур-

коморья» (lurkmore.lol²) и «Словоново» (slovonovo.ru), произведения массовой культуры и журналистские тексты. В фокусе работы отсутствует устный узус дисфемизма, анализ которого мог бы дать значимое расширение темы и под другим углом показать процесс воображения детей и подростков. Однако в рамках данной постановки проблемы исследование устного бытования *школоты* представляется затруднительным — и из-за временной дистанции к самым активным периодам распространения дисфемизма, рассмотренным в этой работе, и из-за снижения частоты его употребления в настоящее время.

Лингвистические характеристики

Образование X-фемизма *школота* происходит при помощи суффикса *-ота*, который к началу XX в. актуализируется как способ образования слов в собирательном значении со снисходительно-пренебрежительной экспрессией. Именно такие ассоциации между *-ота* и рядом образованных собирательных негативных образов (*гопота*, *беднота*) позволили, по мнению И. В. Фуфаевой, в «интернетных битвах использовать суффикс для выражения отношения говорящего к определенным группам как к “презренной мелкоте”» и привели к образованию слова *школота* с негативными коннотациями [Фуфаева 2018].

В качестве синонимичного ряда для *школоты*, по версии статьи «Луркоморья», выступают *школие*, *школоло*, *школий* [Школьник б. д.]. Если *школий* и *школие* не получили распространения в ЖЖ, то *школоло* появляется в публикациях примерно в то же время, что и *школота*, но встречается реже. В 2010–2011 гг. форма *школоло* получает дополнительный стимул к распространению, что, скорее всего, связано с популярностью в медиасреде как отдельной языковой единицы *ололо*³, так и мема «Mr. Trololo», основанного на песне в исполнении Эдуарда Хилия и узнавании *-ололо* как словообразовательной единицы.

***Школота*: от интернет-пользователей до реальных школьников**

На платформе ЖЖ дисфемизм *школота* впервые стал массово распространяться в сентябре 2008 г.⁴ и обозначал интернет-пользователей школьного возраста, которые не могут посещать веб-ресурсы в учебное время:

На любимых ресурсах стало тише, школота на линейке :D⁵ [shalayka 2008].

² По адресу lurkmore.lol находится архивная страница «Луркоморья» (lurkmore.to), в которой сохранены версии статей по состоянию на 15 апреля 2021 г. Сайт lurkmore.to прекратил существование в 2022 г.

³ Употребляется в качестве формы выражения экспрессии и расшифровывается пользователями как вариант акронима *lol* (*laughing out loud*) [sklizzy 2008; anonymous 2009].

⁴ Первое появление *школоты* в ЖЖ датируется июнем 2007 г.: пользователь olegmakarenko.ru использует *школоту* как нейтральный синоним к школьникам [olegmakarenko.ru 2007]. До осени 2008 г. *школота* появляется в 20 публикациях.

⁵ Здесь и далее для всех фрагментов публикаций сохранены авторские орфография и пунктуация.

К этому коллективному субъекту пользователи ЖЖ добавляют разные конфигурации характеристик. Например, «школоте» вменяется активное сопротивление взрослой коммуникации, складывающееся из неспособности участвовать в «тонком троллинге» («тонкий троллинг» — коммуникативная техника остроумного ответа — определяется как практика «взрослого» и интеллектуального интернета), спам-рассылки, флуда, «быдло-разговоров» и «глупого стеба» в комментариях. Таким образом, «школота» — это некомпетентные интернет-пользователи⁶, а адресанты с помощью дисфемизма проводят границы между «своими» онлайн-практиками и практиками «школоты». В следующем примере отчетливо видно, что «школоте» приписывается не «неспособность» следовать нормам интернет-коммуникации, но агентная позиция в уничтожении («набег») коммуникативного потенциала интернета:

Не смотря на то что данный вид троллинга выявляет людскую тупость, необразованность и ограниченность, он все равно слишком скучен. [[Алсо]], после набег на ресурс с едой⁷, школота оставляет его в абсолютно непригодном для тонкого троллинга виде [post-link2008 2008a].

Так, с одной стороны, «школота» предстает как коллективный персонаж (или «толпа»), а с другой — ей всегда приписываются агентность и самоорганизованность. Пользователи ЖЖ за онлайн-действиями «детей», «школьников», «малолеток» видят намеренное и массово разделяемое желание разрушить коммуникативную утопию веб-пространства, объясняя его через антиинтеллектуальные характеристики — например, «тупость, необразованность и ограниченность» [Там же]. В этом же значении *школота* часто оказывается рядом с выражением *тупое быдло*. В языке пользователей дисфемизмы могут и указывать на разные, но схожие по своим опознавательным признакам группы [sergtulip 2012], и использоваться как взаимно уточняющие и даже синонимичные понятия [shikushi 2009; rblska 2012].

Нарративы противостояния компетентных пользователей и юзеров-неофитов — не уникальное явление для интернета в целом и для ЖЖ в частности⁸, связанное с омассовлением веб-площадок [Miltner, Gerrard 2022: 49; Горный 2009: 124–127; Зверева 2012: 246]. Так, согласно Евгению Горному, в ЖЖ подобные нарративы начали распространяться еще в первой половине

⁶ Сами пользователи ЖЖ не используют слово *некомпетентный*. Под этим словом я объединяю ряд эмных определений: «не так», «не знают, как себя вести» и других содержательно однотипных.

⁷ Под «ресурсом с едой» подразумевается веб-страница с контентом («пищей») для троллинга.

⁸ Типологически похожий сюжет на платформе MySpace был рассмотрен К. Милтнер и И. Джеррард. Увеличение количества пользователей платформы привело к появлению устойчивой формулы описания MySpace как «места, где преобладают вкусы “гетто”» [Miltner, Gerrard 2022: 49]. Исследование дэны бойд (автор пишет свое имя со строчных букв. — *Примеч. ред.*) показывает, как риторика отвращения к новым пользователям была вписана в массовую миграцию «белых привилегированных подростков» с MySpace в Facebook в 2009 г., — кейс, который получил название «бегство белых» по аналогии с термином из демографических исследований [boyd 2011].

2000-х годов, отражая реакцию на расширение и дифференциацию сообщества платформы, которая прежде воспринималась и пользователями, и внешними акторами как «площадка интеллектуалов» и «зрелых профессионалов» [Горный 2009: 116]. Таким образом, *школота* оказалась вписана в знакомые пользователям нарративные конструкции о ЖЖ, который «становится менее интеллектуальным и менее креативным» [Там же: 124], а появление дисфемизма совпало с «тотальным омассовлением» платформы в 2008–2009 гг. [Зверева 2012: 131].

Интерпретативные схемы, в основе которых лежит связь «антиинтеллектуальности» и «некомпетентности», появляются и в стратегиях воображения и репрезентации «школоты» как потребителей или авторов культурных продуктов. С одной стороны, пользователи ЖЖ объясняют несоответствие мемов, картинок или видео своим эстетическим и интеллектуальным стандартам через пояснение, что авторами этих произведений выступают представители «школоты»⁹. С другой — *школота* становится указанием на «некомпетентную аудиторию», которая не способна понять смысл произведения и дать ему правильную оценку¹⁰. В следующем примере использование дисфемизма *школота* становится ключевым инструментом критики целой платформы с пользовательскими рекомендациями и рейтингами фильмов, сериалов и компьютерных игр:

грёбанный стыд,
imdb.com заполонила эмо-школота, что ставит всякому дерьму, которое понравилось|повеселило|впечатлило максимальные 10/10 [dphq 2008].

Этот фрагмент интернет-коммуникации показывает еще один важный интерпретативный контекст для *школоты* — ассоциации с субкультурами. Так, для гейм-сообщества *школота* становится внутригрупповым маркером, отделяя «взрослых» участников от «школоты» по критерию «серьезности»: «взрослое сообщество» воспринимает игры серьезно, оценивает графику и качество кода, в то время как представители «школоты» рекомендуют друг другу «во что бы погоняться» [postlink2008 2008b]. Обзоры игр оказываются полем, где одни пользователи идентифицируют в других «школоту» как тех, кто не обладает способностью самостоятельно выносить суждения, легко поддается чужому мнению (но мнению такой же «школоты») и некомпетентен в обсуждаемом вопросе.

⁹ Например, в публикации о поздравительной открытке: «школота нарисовала в пейнте нипойми что» [werewolf-1g 2008].

¹⁰ Эта стратегия употребления *школоты* выкристаллизовалась в клише *школота оценил*.

¹¹ Такие коннотации, как неспособность самостоятельно выносить суждения и податливость чужому мнению, будут сблизать *школоту* с другим популярным дисфемизмом — *сетевые хомячки*. Пользователи ЖЖ опознают в «школоте» как подвид «хомячков», так и сопоставимую с ними группу интернет-пользователей [pavel_otmorozov 2010; kysok_govna 2010].

Толстый тролль пишет на некоем форуме, что новый нфс¹² — говно, т. к. хреновая физика.

Школьник-кун_1 читает это, затем запускает игру и видит, что, блин, физика и правда кривая, хотя вчера была ещё нормальной.

На следующий день школьник-кун идёт в школу и, в разговоре школоты о новой нфс, вставляет факт, обнаруженный им вчера.

Школота, услышав первую критику на фоне бесконечных похвал, прислушивается к ней и делает вывод, что раз человек нашёл изъян, то значит он разбирается в этом лучше, чем те, кто видят лишь светлую сторону [kombo_th 2008].

«Некомпетентность», которую пошагово препарирует пользователь kombo_th, распространяется на все, что связано с «школотой» и гейм-культурой. Так, пользователь ханvier-ханbie помещает «школоту» как одного коллективного персонажа в рассказ про администратора Алексея, приписывая ей как плохой вкус в контенте и играх («резались в свои омерзительные игрушки», смотрели «попугайские ролики»), так и неумение в эти игры правильно играть («зацапывая джойстики в многочасовом унылом гринде»¹³) и ненормативное поведение («вопили, как умалишенные, брызжа “Ягуаром” и подпрыгивая в просиженных креслах с обвалившейся обивкой») [ханvier-ханbie 2008].

В этом фрагменте высвечивается важный сдвиг в воображении «школоты» как коллективного субъекта. Вместо анонимных пользователей различных платформ — «Двача» или обобщенного интернета, — которых за некомпетентное или неприемлемое нормам общение называют *школотой*, появляются конкретные подростки, которых встречают пользователи ЖЖ, выходя из дома. К тому же возраст «школоты» начинает уточняться: дисфемизм иногда сопровождается указанием «10–18» или «13–16 лет», что окончательно закрепляет за *школотой* обозначение подростков средней и старшей школы в качестве референтной группы [tyurh 2009; vanomas 2010].

Так, «школоте» начинает приписываться социальная некомпетентность: либо в поведении («бухая уродливая школота в утреннем автобусе» [everyday_gaven 2009]), либо в отсутствии должного уровня образования или определенных эрудиции и знаний («...не читает, книги жгут и уничтожают» [nonamed2k 2009], «...откуда о Зоне узнали легионы школота и быдла, книжек не читающие и арт-хаусного Тарковского не видевшие» [guldan_orc 2009]). Первое толкование лексемы *школота* на открытой для редактирования платформенном словаре «Словоново» — «ученики школы предпочитающие ягу¹⁴ и подъезды книгам и паркам» [Speaker 2009].

В 2010 г. появляется первое упоминание *школоты* в политическом аспекте — в связи с беспорядками, митингами и уличными столкновениями в Москве и Петербурге после убийства Егора Свиридова. Пользователи ЖЖ увидели в качестве их участников «школоту» — и как распространителей

¹² Аббревиатура *нфс* образована от названия серии гоночных компьютерных игр «Need for Speed».

¹³ *Гринд* — прохождение в компьютерных играх миссий с небольшим риском для получения очков или других бонусов.

¹⁴ *Яга* — сокращенное название слабоалкогольного энергетического напитка «Jaguar» («Ягуар»).

фейков («интернет-уток»), и как митингующих. Идентификация «школоты» осуществлялась именно за счет того, что пользователи обнаруживали у митингующих такие черты, как стадность и некомпетентность — однако «набеги школота» стали объясняться манипуляциями других, внешних по отношению к «школоте» акторов, которые управляют группами подростков, не способных к самостоятельной и качественной рефлексии:

Просто несколько сотен особенно невменяемых граждан всё-таки выходит с ножами, вилками, арматурой и огнестрелом на площадь Европы в надежде помитинговать (аналогичное происходит на Сенной в Питере). По преимуществу это тупая необразованная школота несовершеннолетние граждане. Ещё бы! Ведь у взрослых-то хватило всё-таки ума сообразить, что для серьёзно планируемой акции шума вокруг её подготовки ну чересчур много [asoc 2010].

Таким образом, «школота» оказалась источником не символического, а реального насилия, а деструктивная сила, приписываемая ей пользователями ЖЖ, была перенесена из виртуальной коммуникации на улицы. Расширение сюжетных контекстов бытования дисфемизма изменило восприятие «школоты» в веб-пространстве. Так, «школота» становится главным персонажем шуток, анекдотов и мемов, связанных с так называемыми хакерами, где «школоте» вменяются владение сленгом программистов и полная некомпетентность в технологиях, доходящая до абсурда [Школьник б. д.]. В словаре «Словоново» пользователь anonymous делится следующей характеристикой «школоты»: «...обещают вычислить по IP, прийти на адрес и убить. Конечно она только угрожает, а на самом деле не на что не способна» [anonymous 2014]. Акты насилия, которые наблюдают или воображают пользователи при обращении к реальной «школоте», заставляют авторов высказываний оценивать коммуникативные стратегии «школоты» в интернет-пространстве как менее эффективные и не приводящие к значимому результату.

Исследователи сходятся во мнении относительно трех характеристик детской политики России в 2000-е годы: они отмечают неоконсервативный поворот, консолидацию «системных» политических сил и общественности и этатистский («устойчиво алармистский» и «временами даже апокалиптический») характер риторики [Журженко 2004; Львовский 2010; Kukuljin 2021]. В этой перспективе «ребенок» предстает не просто как объект пристального внимания государства и общества, но и как сакральная фигура, которая напрямую связана с «национальной безопасностью» [Журженко 2008: 128–129]. Один из главных тропов детской политики и, соответственно, публичной риторики России 2000-х годов, выделенных Станиславом Львовским, — «защита беззащитного», в рамках которого ребенок оказывается «предельно беззащитным существом, которого следует всеми силами ограждать от недобросовестных родителей, педофилов, растлевающего влияния Запада, наркотиков и бог знает чего (и кого) еще» [Львовский 2010: 21]. Обратной стороной этой риторики был образ ребенка как «опасного» или «потенциально опасного преступника», подтверждавшийся публично оглашаемой статистикой растущей подростковой и детской преступности, которой вторил рынок массовой культуры. Так, можно вспомнить сериал «Школа», созданный Валерией Гай Германикой

и транслировавшийся в январе — мае 2010 г. на Первом канале, который был воспринят аудиторией в том числе и как документальный портрет российских школьников «без прикрас», и как «полуправда», привлекающая внимание общественности [Паисова, Дементьева 2010; Самый лучший фильм? 2010], или заголовки российских новостных сайтов, на которые ссылается Львовский: «В Томске 12-летние школьники стали серийными убийцами после просмотра фильма “Молчание ягнят”» [Львовский 2010: 29]. Подразумевалось, что дети становятся «преступниками» от недосмотра [Там же].

В начале своей истории дисфемизм *школота* оказался совершенно невосприимчив как к сакральному и «беззащитному» образу ребенка, так и к риторике «ответственности» взрослых за детское поведение. Использование *школоты* пользователями LiveJournal, «Луркоморья» и платформ-словарей интернет-сленга функционирует в качестве инструмента стигматизации детей как коллективного субъекта, которые воображаются и как некомпетентные участники веб-пространства, занимающие низкое положение в иерархии пользователей, и как деструктивные акторы, которые разрушают коммуникативную утопию веба и целенаправленно отказываются от «приличного» поведения.

Настройка семантического плана *школоты* на реальных подростков оказывается созвучна сдвигам в воображении детей как объектов культурной политики России в двух аспектах: взросления «школоты» и представления о ее пассивности и податливости к манипуляциям. Как замечает И. В. Кукулин, в 2010-е годы «объектами секьюритизации были уже не маленькие дети, а подростки и молодые взрослые», и с точки зрения политической элиты подростки стали нуждаться не только в защите, но и в том, чтобы их «направляли на правильный путь, чтобы не стать оружием в “чужих” руках» [Kukulín 2021: 181]. Риторика «направления на правильный путь» резонировала с сюжетным наполнением публикаций пользователей ЖЖ о «школоте» как участнике политических событий. Ключевой вопрос, который волновал авторов: кто направляет «школоту»?

«Школота» как политический субъект: от пассивной массы до свободных интеллектуалов

Хотя и сегодня дисфемизм *школота* используется для указания на спамящих и пьяных школьников, после 2010 г. этот образ начинает конкурировать со «школотой» как участником политических действий.

Авторы исследований подросткового участия в протестном движении 2011–2013 г. подчеркивают, что несовершеннолетние не воспринимаются как субъекты, «способные на самостоятельное [политическое] действие», в том числе самими подростками [Ерпылева 2014а: 113–114, 123, 132; Желнина 2014: 147]. Пользователи ЖЖ упоминают «школоту» в связи с митингами в Москве, Санкт-Петербурге и Нижнем Новгороде, определяя таким образом массового участника протестных акций и «малограмотного» потребителя политической пропаганды.

Глядя на состав этих митингов, меня настолько скручивает, что я обычно временно теряю дар речи. Кто у нас там? Школота и студенты.

Желчный Луркмор ярко и правильно охарактеризовал таких как *larva homini* — человеческая личинка. Извините дорогие — тот факт что вам продают сигареты и ягуар без паспорта еще не дает вам право называться людьми. Человеком может называться лишь тот, кто имеет мозг и способен им пользоваться. Если бы вы умели пользоваться своим — вы бы сидели и молчали в тряпочку [flesh_tearer 2011].

Таким образом, тема интеллектуальных способностей «школоты» политизируется с попаданием этой воображаемой группы в политический сюжет. Однако, как можно увидеть в фрагменте публикации *flesh_tearer*, неспособность думать самостоятельно или критически относиться к политической пропаганде сохраняет ассоциативную связь с интернет-средой (ссылка на один из вариантов названия «Луркоморья» — «Луркмор») и такими чертами «школоты», как ненормативное поведение в обществе и антиинтеллектуальность. В материалах федерального издания «Коммерсантъ» *школота* появляется как «молодежь из интернета», которая поддерживала митинг в соцсетях, но на проспекте Сахарова в Москве, где в декабре 2011 г. проводился митинг «За честные выборы», по мнению автора статьи, не пришла [Молодежь 2012]. Так, в журналистской среде лексема *школота* продолжает бытовать как номинация активной только в интернет-среде группы.

В 2013–2014 гг. в связи с Евромайданом и политическим кризисом в Украине *школота* среди пользователей ЖЖ становится синонимична «антипутинской оппозиции», «националистической молодежи», «гопоте» и «малограмотным школьникам» [galgov 2013]. В этом сюжете «школота» появляется и как массовка на политической сцене, и как главный актер эскалации насилия («холодная война, которую устроила шоколадная школота» [evgensemehin 2015]). Эпитеты, которыми наделяют «школоту» разные пользователи ЖЖ (как «шоколадная»¹⁵ в приведенной выше цитате), начинают служить инструментами уточнения антагонистов конфликта, которые манипулируют «школотой». В зависимости от настроений и меседжа автора антагонисты меняются, а вместе с ними и сторона, поддерживаемая «школотой».

Дело к выборам, надо рейтинг поднимать, а как? На Калине катался, никого уже не удивишь. На самолетах летал, аборт касаткам делал. Ну, можно еще с Тимати потусить в клубе и татуировки себе сделать, но это для школоты. Взрослых этим не проймешь [blues_26 2011].

Манипулирование «школотой» в публикациях 2015–2016 гг. станет одним из главных сюжетов: с одной стороны, пользователи активно рассуждают, кто манипулирует этим массовым персонажем; с другой стороны, начинают добавлять в свои публикации обращения к другим пользователям — «не будьте школотой, думайте своей головой» [alexandr_rogers 2016].

Закрепление в публичном дискурсе образа некомпетентного в публичной сфере ребенка, которым манипулируют внешние агенты, особенно в вопросах

¹⁵ Эпитет *шоколадная* отсылает к основателю кондитерской корпорации «Roshen» Петру Порошенко.

политики, можно зафиксировать и в репрезентациях протестных акций 2017 г. в провластных изданиях, в которых, несмотря на статистически определенный возраст участников протеста (16–25 лет), главными героями изображались школьники средних и младших классов [Ореханов 2017]. Такая подмена оказалась возможна благодаря и успешно организованной моральной панике во-круг детства, в том числе связанной с группами «Синий кит» и «Тихий путь», и эффективности риторических стратегий репрезентации детей как беззащитных, некомпетентных и не способных на моральную и политическую рефлексию.

А вот школота не имеет еще опыта, школота выйдет и, как зомби, будет делать что велят.

Вообще то Навальный как тот админ группы Синий Кит, который завел детей в тупики. <...>

Не пускайте своих детей на акции Навального. Говорите простые вещи своим детям, объясняйте им то, что вам самим кажется не нуждающимся в объяснении [tanya-mass 2017].

Пользователи ЖЖ оказались более восприимчивыми к статистическим данным и в качестве реакции начали уточнять возраст «школоты». Так, «школоту Навального», появившуюся в публикациях про антикоррупционные протесты и в особенности в текстах, посвященных фильму «Он вам не Димон», сопровождают пояснения «рожденные после середины 90-х» и «школота 16+» [mercant 2017; radio_rhodesia 2017]. В публикации под темой «Других революционеров у меня для вас нет» пользователь radio-rhodesia называет «школоту» «единственной аудиторией оппозиции» и достаточно четко прописывает ее характеристики — несамостоятельность, юношеский максимализм, отсутствие жизненного опыта и неспособность отстаивать свою позицию:

Возрастная категория, ещё ведущаяся на лозунги либералов и оппозиции: 16+. Школота, сидящая на шее родителей, неработающие студенты, модные хипстеры и прочие, не обезображенные интеллектом. Юношеский прыщавый максимализм и абсолютное незнание реаль[но]й взрослой жизни, девственный мозг, в который можно втиснуть любую информацию. Навальный для отработки порученного гранта не гнушается прибегать даже к самым низким методам «борьбы». Сегодня его аудитория — мамкины революционеры. Правда, до первого папкиного ремня [radio_rhodesia 2017].

Авторы называют *школотой* массу молодых людей, которая вышла на митинг только под воздействием «окучивания Навального» [goodspider 2018]. В 2018 г. в публичном поле происходит интенсификация риторики «опасных» подростков: так, с одной стороны, выходит документальный фильм «Национал-школота», в котором кадры со школьниками на митингах оказываются в одном ряду с видеозаписями драк и уличных столкновений [Расторгуев 2018]¹⁶, с другой — в медиаповестке широко распространяются моральные

¹⁶ Здесь и далее знаком астериска маркируются упоминания организаций, включенных Минюстом РФ в реестр организаций, выполняющих функции иностранного агента, а также ссылки на их материалы. — *Примеч. ред.*

паники вокруг новостей о подростках, нападающих в школах на своих одноклассников и учителей [Зотова 2018]. В интерпретации этих событий пользователи актуализируют конфигурации качеств, выработанные и в качестве критики интернет-практик, и через сложившийся образ «школоты» на митинге, — подростки предстают теми, чьим мнением легко можно манипулировать из-за отсутствия у них жизненного опыта, из-за ориентации на группу и неспособности к самостоятельной рефлексии.

Будущий электорат.

1. Нападение на школу в Перми.

2. Нападение на школу в Улан-Удэ. (...) В голову приходит школота на митингах Навального: ее явно подтягивают к протестной тусовке. А протестную тусовку время от времени сторонники Навального используют для осуществления насилия [allshism 2018].

Противостояние репрезентациям несамостоятельной «школоты» и манипуляциям с ее возрастными границами поддержали несколько интернет-изданий. Так, в издании «Коммерсантъ» публикуется комментарий Александры Архиповой, посвященный «выходу “школоты” на улицы»: исследовательница указывает не на пассивность этой группы, а на новую динамику протестного движения и появление качественно новых участников [Журенков 2017]. «Радио Свобода»* выпускает материал под названием «Крестовый поход школоты», где одним из главных персонажей оказывается школьник из Томска: он становится репрезентацией новой, и д е й н о й «школоты» на митинге, которая высказывает свою позицию, не поддерживая ни Путина, ни Навального [Беляев 2017]*.

Среди пользователей ЖЖ постепенно распространяется новая стратегия воображения и репрезентации «школоты». Рассуждая о мартовской акции 2017 г., пользователь *chicot1001* находит новые значения в «восстании школоты»: вместо несамостоятельности и отсутствия жизненного опыта в записи появляются «определившиеся со своей идентичностью» и «пытаются нащупать правила жизни», вместо некомпетентности и отсутствия критического мышления — «никакого пафоса» и положительно оцениваемый автором «стиль», вместо агрессивности и несдержанности — отсутствие страха и «спокойная сила».

Новое лицо протеста! Первое свободное поколение! Крестовый поход детей! Как бы вы ни относились к протестным акциям 26 марта, вы наверняка уже в курсе, что на улицы вышло племя молодое и более-менее незнакомое: экспертный консенсус относительно того, что движущей силой акции стали люди старшего школьного возраста, сложился мгновенно. Люди, определившиеся со своей идентичностью, пытаются нащупать правила совместной жизни (...) Что больше всего поражает в этой акции — это ее стиль, мелкие различия, которые становятся заметны в сравнении с той же Болотной. Никакого пафоса... Никакого самоподзавода... Никакого страха... Даже по отношению к формальному поводу акции никакой истерики — не «Коррупционеров к стенке!», а «Коррупция крадет наше будущее».

Ощущение спокойной силы <...> Если и есть у молодежи какие-то приоритетные позиции в нынешнем конфликте — то лишь в том, что она эти стилевые различия лучше, на уровне инстинкта чувствует [chicot1001 2017].

Происходит важный сдвиг в восприятии и репрезентации «школоты» в публикациях ЖЖ. «Школота» перестает оцениваться как исключительно манипулируемая группа — у нее появляются культурный бэкграунд и свои политические взгляды и убеждения. Так, в конце 2019 — начале 2021 г. фильтр политических сюжетов добавил *школоте* новые эпитеты — *левая* и *радикальная*, а сама «школота» впервые стала «интеллектуалом» и «гуманитарием», читающим Бодлера и Пелевина и пишущим на Горький.Медиа [serafimich 2019; socialist 2021; nichego_vajnego 2021]. Авторы ЖЖ сопоставляют «школоту» с образами «пламенных революционеров», но видят в ней новых героев «абсолютно мирного протеста» [sell_off 2021]. «Школота» становится «идеалистами», а еще недавно приписываемые ей пассивная стадность и подчинение чужому мнению сменяются на жертвенность, умение отстаивать принципы и «чувствовать фальшь» [drflyer 2021].

На площадях и улицах, названных именами пламенных революционеров, под памятниками террористам и подпольщикам уже регулярно вяжут школоту и молодежь с их абсолютно мирными протестами <...> Россия вплотную увидела в январе и посмотрит теперь вновь на непривычные лица — молодых людей, жертвующих собой (своим будущим, здоровьем, благополучием) ради бессмысленного с практической точки зрения протеста. <...> Протест против имманентности, попытка держаться идеального при осознания полной провальности этого дела — лучшее, что может быть в людях. Россия обращает в уголовников своих лучших детей [sell_off 2021].

Инверсия дисфемизма в подростковых проектах

Как замечают А. С. Архипова и Д. А. Радченко, группа, которая выступает адресатом дисфемизма, испытывает «языковую травму» и может компенсировать ее, присваивая дисфемизм, нейтрализуя его уничижительную экспрессию и расширяя семантику [Радченко, Архипова 2018: 210–211]. Негативный образ «школоты», сконструированный пользователями ЖЖ, находит выражение в работах юных интернет-селебрити, изменяя при этом свою функцию. Так, 17-летняя блогерка Катя Клэпп записывает и выкладывает на своем канале «Гимн Школоты» (2010 г.). В клипе ее меседж достаточно прямой: негативным коннотациям *школоты* соответствует сама система школьного образования — от состояния продуктов в школьной столовой до поведения учителей [Clapp 2010]. А участница детского «Евровидения» Варя Стрижак в клипе «Школота On-line, или Че ГеВаря» (2013 г.) противопоставляет «школоту» — юных пользователей, ужасающих взрослых и интеллектуальный интернет своим поведением, — «взрослым понтам» [Стрижак 2013].

Как отмечают Джин Комарофф и Джон Комарофф, по мере того как молодые люди все больше стали участвовать в формировании своих собственных

рынков и политических практик, репрезентации детей и подростков начали функционировать в том числе как материал для производства проектов идентичности самих несовершеннолетних [Comaroff, Comaroff 2005: 26]. Так, с 2012 г. в соцсети «ВКонтакте» действует небольшое веб-сообщество, состоящее из нескольких групп и пабликов, которые связаны личным знакомством администраторов, пересекающимися аудиториями подписчиков и общей задачей, формулируемой как «антиэйджизм», т. е. противостояние дискриминации по возрасту. Участники этого веб-сообщества репрезентируют себя как идейных новаторов, которые производят новое понимание детских ролей и стремятся к изменению социального порядка. Дисфемизм *школота* станет одним из ключевых риторических приемов, вокруг которого будет разворачиваться ранняя версия их антиэйджистского проекта. С одной стороны, «школота» станет элементом критики «взрослых», которые сами соответствуют негативным коннотациям дисфемизма — «стадности», «некомпетентности», «антиинтеллектуальности» [И это поколение 2014; Так я вижу тех 2014]. С другой — авторы-антиэйджисты нейтрализуют негативные коннотации *школоты*, не только наделяя дисфемизм положительной экспрессией (ср. обращение к подростку-администратору паблика — «вождь восставшей школоты» [Администрация группы 2013]), но и превращая «школоту» в своеобразную модель поведения. Например, в 2013–2014 гг. участники сообщества предлагают участникам пабликов присвоить идентичность «школоты» и устраивать акты «бунта» и «непослушания» локально, в своих семьях и школах, чтобы путем индивидуальных интервенций в социальные сценарии прерывать их автоматизированность¹⁷.

Постепенно дисфемизм *школота* начинает все больше интерпретироваться через риторику угнетения и дискриминации и в итоге становится элементом языка эйджизма, опознаваемого участниками пабликов по аналогии с сексистской или расистской лексикой [Экфорд 2016]. Выражения *школота*, *школоте не понять* помещаются в один ряд с *вести себя как баба*, позволяя участникам антиэйджистского веб-сообщества настаивать на интерпретации подростков как жертв структурного неравенства, основанного на возрасте и иерархии «взрослый — ребенок». Риторические приемы подростков-антиэйджистов, таким образом, отвечают тенденциям академической и активистской рефлексии к критике языка и категориальных аппаратов как репрессивных инструментов угнетения, контроля и дегуманизации. Антиэйджистская повестка не только требует отказа от использования дисфемизма *школоты*, но и ставит целью переопределить семантические связи между категорией возраста и та-

¹⁷ Например, комментарии в группе «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР», в которых администратор и один из символических лидеров объясняют участникам, что такое «антиэйджистское веб-сообщество БЗР»: «Ты видимо, посчитал что мы имеем какое-то отношение к воспитанию детей? Нет. Мы- и есть дети. Несовершеннолетние. “Школота” бунтующая. Так нас и воспринимай» (комментарий от имени сообщества «Детско-молодёжное освободительное движение БЗР» от 5 января 2015 г.); «... большей частью мы говорим о вполне реальных и законных возможностях давления на взрослых в лице школы и семьи. Подростки этим редко пользуются только потому, что от них скрывают такие возможности. И мы разумеется, будем всячески прорывать эту информационную блокаду» (комментарий пользователя Кюи Рэд от 7 января 2015 г.) [Некоторые дети имеют привычку 2014].

кими значениями, как несерьезность, некомпетентность, наивность [Наивный ребёнок 2019; Совершенно нормально 2019]. Так, в июне 2019 г. на площадке «Театра.doc» был организован художественный фестиваль «Школота», в официальном описании которого происходит эксплицированная инверсия дисфемизма: «новые молодые» и «всё, что они делают, гораздо важнее, чем привыкли думать взрослые» [Школота 2019].

Заключение

С момента образования и до сегодняшнего дня *школота* используется в LiveJournal в качестве инструмента стигматизации анонимных пользователей интернета, реальных школьников или политически настроенных подростков. Некомпетентность оказывается лейтмотивом, характеристикой, проходящей через все этапы семантического производства «школоты»: если для раннего бытования дисфемизма для «школоты» были характерны некомпетентность в интернет-поведении и незнание этических и эстетических норм интернет-коммуникации, то впоследствии эта некомпетентность переносится на нормы поведения в целом, без разделения на реальный и виртуальный мир, а с увеличением популярности политической повестки и в связи с громкими событиями в политической сфере — на некомпетентность подростка в качестве участника политических событий. В отличие от основных стратегий публичной риторики, посредством которых ребенок конструируется как пассивный объект воздействия родителей, оппозиционных политических акторов и государства, пользователи русскоязычного сегмента интернета в 2008–2010 гг. и в 2017–2021 гг. воображали детей и подростков, «школоту», как самоорганизованных и агентных субъектов.

Положительный и даже романтизированный образ «школоты» распространялся только в рамках политических сюжетов, в которых стирались конфигурации значений стадности, агрессивности и антиинтеллектуальности, а подростки стали воображаться героями «мирных протестов» с собственной отрефлексированной позицией. Такая смена семантического и морально-оценочного значений *школоты* указывает на появление нового взгляда на роль детей и подростков, который возникает как эффект критики действующих властных институтов. Таким образом, деконструкция на уровне публичной риторики образа пассивного, беззащитного (в первую очередь перед манипуляциями взрослых) и опасного подростка происходит в результате опознания в подростках жертв репрессивных институтов. К этой риторической стратегии участники подростковых проектов, которые узнают в себе адресата дисфемизма, приходят целенаправленно. Они утверждают собственную агентность, способность быть полноценными участниками культурного и политического пространства, присваивая лейбл *школота* и используя его как инструмент критики не только «взрослого» поколения, но и системы практик и представлений, законов и логики обывательского здравого смысла, которые ограничивают подростков в правах и моделях поведения.

Семантические перипетии использования дисфемизма *школота* оказываются созвучны тенденциям в публичном обсуждении «детского вопроса», но не идентичны им. Внимательное рассмотрение контекстов и функций

употребления указывающих на детей и подростков X-фемизмов, которые производятся разными акторами (в том числе самими детьми и подростками), может стать источником материала для более детального понимания сложной и запутанной картины детско-взрослых отношений в современной России.

Источники

- Администрация группы 2013 — Администрация группы сердечно поздравляет ... // Детско-молодёжное освободительное движение БЗР: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2013. 5 дек. URL: https://vk.com/joinbZR?w=wall-37349221_5935.
- Беляев 2017 — *Беляев И.* Крестовый поход школота // Радио Свобода. 2017. 28 марта. URL: <https://www.svoboda.org/a/28395436.html>.
- Журенков 2017 — Люди Z / Материал подгот. К. Журенков // Коммерсантъ. 2017. 16 окт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3421615>.
- Зотова 2018 — *Зотова Н.* Нападения на школы: опять виноват интернет? // BBC News: Русская служба. 2018. 19 янв. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-42744974.amp>.
- И это поколение 2014 — И это поколение считает себя самым умным ... // Детско-молодёжное освободительное движение БЗР: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2014. 4 авг. URL: https://vk.com/joinbZR?w=wall-37349221_13784.
- Молодежь 2012 — Молодежь очень активна именно в сетях, но до реальных действий у нее редко доходит // Коммерсантъ. 2012. 13 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1851554>.
- Наивный ребёнок 2019 — Наивный ребёнок... // Подслушано: эйджизм: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2019. 15 апр. URL: https://vk.com/wall-177175116_951.
- Некоторые дети имеют привычку 2014 — Некоторые дети имеют привычку... // Детско-молодёжное освободительное движение БЗР: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2014. 31 дек. URL: https://vk.com/wall-37349221_19715.
- Ореханов 2017 — *Ореханов С.* Политизация мема. Как изменилась роль соцсетей в российской политике // Carnegie Endowment for International Peace. 2017. 11 апр. URL: <https://carnegie.ru/commentary/68620>.
- Расторгуев 2018 — Национал-школота / [Авт. А. Расторгуев] // Радио Свобода: [Канал на YouTube.com]. 2018. 15 марта. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=kzBGwmA8W-k>.
- Самый лучший фильм? 2010 — Самый лучший фильм? // Expert.ru. 2010. 21 янв. URL: https://expert.ru/russian_reporter/2010/01/blogi/.
- Совершенно нормально 2019 — Совершенно нормально... // Подслушано: эйджизм: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2019. 6 июля. URL: https://vk.com/wall-177175116_1521.
- Стрижак 2013 — *Стрижак В.* Школота On-line, или Че ГеВаря // Варя Стрижак: [Канал на YouTube.com]. 2013. 19 авг. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=PJcCby2t0V0>.
- Так я вижу тех 2014 — Так я вижу тех, кто говорит «школоте не понять» // Детско-молодёжное освободительное движение БЗР: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2014. 27 авг. URL: https://vk.com/joinbZR?w=wall-37349221_14685.
- Школьник б. д. — Школьник // Lurkmore.lol. Б. д. URL: <https://lurkmore.lol/Школьник>.
- Школота 2019 — «Школота» / Фестиваль юного бескомпромиссного искусства // Театр.doc. 2019. 28 мая. URL: <https://teatrdoc.ru/news/article/6099/>.
- Экфорд 2016 — Айман Эфорд: «7 советов по освобождению от эйджистской лексики» // Детско-молодёжное освободительное движение БЗР: [Группа в соцсети «ВКонтакте»]. 2016. 31 дек. URL: https://vk.com/wall-47905106_3466.
- alexandr_rogers 2016 — *alexandr_rogers.* Руководство по разводу хомячков // Livejournal.com. 2016. 5 сен. URL: <https://alexandr-rogers.livejournal.com/700008.html>.

- allshism 2018 — *allshism*. Будущий электорат // Livejournal.com. 2018. 19 янв.
URL: <https://allshism.livejournal.com/62552.html>.
- anonymous 2009 — *anonymous*. ОЛОЛО // Slovonovo.ru. 2009. 14 марта.
URL: <https://www.slovonovo.ru/term/ОЛОЛО>.
- anonymous 2014 — *anonymous*. Школота // Slovonovo.ru. 2014. 4 янв.
URL: <https://www.slovonovo.ru/search?term=Школота>.
- asoc 2010 — *asoc*. РИА ОБС // Livejournal.com. 2010. 18 дек. URL: <https://asoc.livejournal.com/56139.html>.
- blues_26 2011 — *blues_26*. Как Навальный Путину помог // Livejournal.com. 2011. 20 дек.
URL: <https://blues-26.livejournal.com/12212.html>.
- chicot1001 2017 — *chicot1001*. Антикоррупционный марш молодых // Livejournal.com. 2017. 29 марта. URL: <https://chicot1001.livejournal.com/46591.html>.
- Clapp 2010 — *Kate Clapp*. Гимн Школоты // FoggyDisaster: [Канал на YouTube.com]. 2010. 18 дек. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=N7ryRIh0NWQ>.
- dphq 2008 — *dphq*. От издателя // Livejournal.com. 2008. 4 нояб. URL: <https://dphq.livejournal.com/419396.html>.
- drflyer 2021 — *drflyer*. Новые безумства // Livejournal.com. 2021. 12 мая.
URL: <https://drflyer.livejournal.com/321354.html>.
- everyday_raven 2009 — *everyday_raven*. OKAPI, ANTI-POP CONSORTIUM и TOYS MARKET... // Livejournal.com. 2009. 28 нояб. URL: <https://everyday-raven.livejournal.com/209475.html>.
- evgensemehin 2015 — *evgensemehin*. Славянск... // Livejournal.com. 2015. 15 окт.
URL: <https://evgensemehin.livejournal.com/879679.html>.
- flesh_tearer 2011 — *flesh_tearer*. О митинге // Livejournal.com. 2011. 23 дек.
URL: <https://flesh-tearer.livejournal.com/3946.html>.
- galgov 2013 — *galgov*. Евролохи // Livejournal.com. 2013. 27 нояб. URL: <https://galgov.livejournal.com/203783.html>.
- goodspider 2018 — *goodspider*. Политический педофил Навальный мечтает стать Богом для школоты // Livejournal.com. 2018. 8 окт. URL: <https://goodspider.livejournal.com/1927293.html>.
- guldan_orc 2009 — *guldan_orc*. Пятиминутка историографического литературоведения // Livejournal.com. 2009. 29 дек. URL: <https://guldan-orc.livejournal.com/124152.html>.
- kombo_th 2008 — *kombo_th*. Круговорот быдло-геймерства в интернете // Livejournal.com. 2008. 11 дек. URL: <https://kombo-th.livejournal.com/18845.html>.
- kycok_govna 2010 — *kycok_govna*. От Ганди и Гитлера до Марка Цукерберга... // Livejournal.com. 2010. 26 дек. URL: <https://kycok-govna.livejournal.com/31164.html>.
- mercant 2017 — *mercant*. Уровень доверия и чувство справедливости. Парадокс Homo soveticus // Livejournal.com. 2017. 5 дек. URL: <https://mercant.livejournal.com/11121.html>.
- nichego_vajnego 2021 — *nichego_vajnego*. Марафон // Livejournal.com. 2021. 1 мая.
URL: <https://nichego-vajnego.livejournal.com/156797.html>. [В настоящее время запись недоступна].
- nonamed2k 2009 — *nonamed2k*. Порадовал луркмоар // Livejournal.com. 2009. 15 дек.
URL: <https://nonamed2k.livejournal.com/871.html>.
- olegmakarenko.ru 2007 — *olegmakarenko.ru*. Разруха в сортирах // Livejournal.com. 2007. 16 июня. URL: <https://olegmakarenko.ru/17739.html>.
- pavel_otmorozov 2010 — *pavel_otmorozov*. Новая хронология «Грелки» // Livejournal.com. 2010. 11 окт. URL: <https://ru-grelka.livejournal.com/539150.html>.

- postlink2008 2008a — *postlink2008*. Троллинг ВКонтакте // Livejournal.com. 2008. 6 дек. URL: <https://postlink2008.livejournal.com/92363.html>.
- postlink2008 2008b — *postlink2008*. Need for Speed // Livejournal.com. 2008. 23 дек. URL: <https://postlink2008.livejournal.com/117139.html>.
- radio_rhodesia 2017 — *radio_rhodesia*. Других революционеров у меня для вас нет // Livejournal.com. 2017. 26 марта. URL: <https://radio-rhodesia.livejournal.com/216903.html>.
- rblska 2012 — *rblska*. Notemail // Livejournal.com. 2012. 11 апр. URL: <https://rblska.livejournal.com/146584.html>.
- sell_off 2021 — *sell_off*. Идите и огребите // Livejournal.com. 2021. 21 апр. URL: <https://sell-off.livejournal.com/47569399.html>.
- serafimich 2019 — *serafimich*. Медведев о Советском Союзе: абсолютное большинство современной молодёжи там просто не смогло бы жить // Livejournal.com. 2019. 6 дек. URL: <https://serafimich.livejournal.com/78252137.html>.
- sergtulip 2012 — *sergtulip*. Социальное рабство // Livejournal.com. 2012. 1 окт. URL: <https://sergtulip.livejournal.com/4366.html>.
- shalayka 2008 — *shalayka*. Утром проснулся от ужасных звуков за окном // Livejournal.com. 2008. 1 сент. URL: <https://shalayka.livejournal.com/31110.html>.
- shikushi 2009 — *shikushi*. Поешьте говница... (Silent Hill Homecoming) // Livejournal.com. 2009. 16 нояб. URL: <https://shikushi.livejournal.com/933.html>.
- sklizzy 2008 — *sklizzy*. ОЛОЮ // Slovonovo.ru. 2008. 8 дек. URL: <https://www.slovonovo.ru/term/ОЛОЮ>.
- socialist 2021 — *socialist*. О левом мудачестве // Livejournal.com. 2021. 7 апр. URL: <https://users.livejournal.com/-socialist/583003.html>.
- Speaker 2009 — *Speaker*. Школота // Slovonovo.ru. 2009. 13 сент. URL: <https://www.slovonovo.ru/search?term=Школота>.
- tanya-mass 2017 — *tanya-mass*. Навальный — Синий Кит // Livejournal.com. 2017. 11 июня. URL: <https://tanya-mass.livejournal.com/4079232.html>.
- tyurh 2009 — *tyurh*. Игры ускользящего 2009 // Livejournal.com. 2009. 31 дек. URL: <https://tyurh.livejournal.com/8470.html>.
- vanomas 2010 — *vanomas*. Беспредел на геймерсблог // Livejournal.com. 2010. 16 нояб. URL: <https://vanomas.livejournal.com/2604.html>.
- werewolf-ig 2008 — *werewolf-ig*. Прикольное поздравление // Livejournal.com. 2008. 14 нояб. URL: <https://werewolf-ig.livejournal.com/120747.html>.
- xanvier-xanbie 2008 — *xanvier-xanbie*. библиотечка дангаарда // Livejournal.com. 2008. 17 окт. URL: <https://xanvier-xanbie.livejournal.com/4679.html>.

Литература

- Архипова 2021 — Александра Архипова: «Послание Навального дошло до очень многих» / [Интервьюер К. Туркова] // Голос Америки. 2021. 28 янв. URL: <https://www.golosameriki.com/a/arkhipova-poslaniye-navalnogo-doshlo-do-ochen-mnogih/5754872.html>.
- Брубейкер 2012 — *Брубейкер Р.* Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012.
- Галямина 2015 — *Галямина Ю. Е.* Дискурсивная борьба за власть: роль речевых этикеток // Антропология власти: фольклорные тексты, социальные практики: Материалы XV Междунар. школы-конф. по фольклористике, социолингвистике и культурной антропологии / Сост. А. С. Архипова, С. Ю. Неклюдов, Д. С. Николаев, Н. Н. Рычкова. М.: РГГУ, 2015. С. 224–225.

- Горный 2009 — *Горный Е.* Русский LiveJournal: влияние культурной идентичности на развитие виртуального сообщества // Control+Shift: Публичное и личное в русском интернете / Под ред. Н. Конрадовой, К. Тойбинер, Э. Шмидт. М.: Нов. лит. обозрение, 2009. С. 109–130.
- Ерпылева 2014а — *Ерпылева С.* «На митинги я не ходил, меня родители не отпускали»: взросление, зависимость и самостоятельность в деполитизированном контексте // Политика аполитичных: гражданские движения в России 2011–2013 годов / Отв. ред. С. Ерпылева, А. Магун. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 107–140.
- Ерпылева 2014б — *Ерпылева С.* Протесты подростков в России и Европе: к вопросу о воспитании политической самостоятельности в демократических сообществах // Сделано в Европе: взгляд российских исследователей / Под ред. М. Ноженко, Е. Белокуровой. СПб.: Норма, 2014. С. 127–144.
- Желнина 2014 — *Желнина А.* «Я в это не лезу»: восприятие «личного» и «общественного» среди российской молодежи накануне выборов // Политика аполитичных: Гражданские движения в России 2011–2013 годов / Отв. ред. С. Ерпылева, А. Магун. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 143–180.
- Журженко 2004 — *Журженко Т.* Старая идеология новой семьи: демографический национализм России и Украины // Семейные узы: Модели для сборки: Сб. ст. Кн. 2 / Сост. и ред. С. Ушакин. М.: Нов. лит. обозрение, 2004. С. 268–296.
- Журженко 2008 — *Журженко Т.* Гендерные рынки Украины: Политическая экономия национального строительства. Вильнюс: ЕГУ, 2008.
- Зверева 2012 — *Зверева В.* Сетевые разговоры: Культурные коммуникации в Рунете. Bergen: Dept. of Foreign Languages, Univ. of Bergen, 2012.
- Кирчик 2009 — *Кирчик О.* Пьер Бурдьё // Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов / Под ред. Е. Козиевской, В. Куренного, Е. Яценко. М.: Аванти, 2009. С. 314–333.
- Кустарев 2012 — *Кустарев А.* Соционимы: креативный класс // Неприкосновенный запас. 2012. № 3. С. 3–10.
- Львовский 2010 — *Львовский С.* Под знаком ювенальной юстиции // Pro et Contra. Т. 14. № 1–2. 2010. С. 20–41.
- Пансова, Дементьева 2010 — *Пансова Е., Дементьева А.* Хомячки протестуют, и это хорошо // Искусство кино. 2010. № 1. С. 16–21.
- Радченко, Архипова 2018 — *Радченко Д., Архипова А.* Укроп и ватник: «язык вражды» российско-украинского конфликта как нападение и защита // Ab Imperio. 2018. № 1. С. 191–220.
- Фуфаева 2018 — *Фуфаева И.* Доброта, милота, админота, политота, или Новая жизнь старого суффикса // Троицкий вариант. 2018. 5 июня. С. 10.
- boyd 2011 — *boyd d.* White flight in networked publics? How race and class shaped American teen engagement with MySpace and Facebook // Race after the Internet / Ed. by L. Nakamura, P. A. Chow-White. Abingdon-on-Thames: Routledge, 2011. P. 203–222.
- Comaroff, Comaroff 2005 — *Comaroff J., Comaroff J.* Reflections on youth, from the past to the postcolony // Makers & breakers: Children & youth in postcolonial Africa / Ed. by F. De Boeck, A. Honwana. Trenton, NJ: Africa World Press, 2005. P. 19–30.
- Felstiner et al. 1980 — *Felstiner W. L. F., Abel R. L., Sarat A.* The emergence and transformation of disputes: Naming, blaming, claiming... // Law & Society Review. Vol. 15. No. 3/4. 1980. P. 631–654.
- Hemment 2015 — *Hemment J.* Youth politics in Putin's Russia: Producing patriots and entrepreneurs. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2015.
- Howard 2012 — *Howard R. G.* How counterculture helped put the “vernacular” in vernacular webs // Folk culture in the digital age: The emergent dynamics of human interaction / Ed. by T. J. Blank. Logan: Utah State Univ. Press, 2012. P. 25–45.

- Kukulin 2021— *Kukulin I.* The culture of ban: Pop culture, social media and securitization of youth politics in today's Russia // *International Journal of Cultural Policy*. Vol. 27. No. 2. 2021. P. 177–190.
- Miltner, Gerrard 2022 — *Miltner K. M., Gerrard Y.* “Tom had us all doing front-end web development”: A nostalgic (re)imagining of Myspace // *Internet Histories*. Vol. 6. No. 1–2. 2022. P. 48–67.
- Rosenhan 1973 — *Rosenhan D. L.* On being sane in insane places // *Science*. Vol. 179. No. 4070. 1973. P. 250–258.

References

- boyd, d. (2011). White flight in networked publics? How race and class shaped American teen engagement with MySpace and Facebook. In L. Nakamura, & P. A. Chow-White (Eds.). *Race after the Internet* (pp. 203–222). Routledge.
- Brubaker, R. (2004). *Ethnicity without groups*. Harvard Univ. Press.
- Comaroff, J., & Comaroff, J. (2005). Reflections on youth, from the past to the postcolony. In F. De Boeck, & A. Honwana. (Eds.). *Makers & Breakers: Children & Youth in Postcolonial Africa* (pp. 19–30). Africa World Press.
- Erpyleva, S. (2014a). “Na mitingi ia ne khodil, menia roditeli ne otpuskali”: vzroslenie, zavisimost' i samostoiatel'nost' v depolitizirovannom kontekste [“I didn't go to rallies, my parents didn't let me go”: Growing up, dependence and independence in a depoliticized context]. In S. Erpyleva, & A. Magun (Eds.). *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov* (pp. 107–140). Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Erpyleva, S. (2014b). Protesty podrostkov v Rossii i Evrope: k voprosu o vospitanii politicheskoi samostoiatel'nosti v demokraticeskikh soobshchestvakh [Protests of teenagers in Russia and Europe: On the question of the education of political independence in democratic communities]. In M. Nozhenko, & E. Belokurova (Eds.). *Sdelano v Evrope: vzgliad rossiskikh issledovatelei* (pp. 127–144). Norma. (In Russian).
- Felstiner, W. L. F., Abel, R. L., & Sarat, A. (1980). The emergence and transformation of disputes: Naming, blaming, claiming... *Law & Society Review*, 15(3/4), 631–654.
- Fufaeva, I. (2018, June 5). Dobrota, milota, adminota, politota, ili Novaia zhizn' starogo suffiksa [Dobrota, milota, adminota, politota or the New life of the old suffix]. *Troitskii variant*, 10. (In Russian).
- Galiamina, Iu. E. (2015). Diskursivnaia bor'ba za vlast': rol' rechevykh etiketok [Discursive struggle for power: the role of verbal labels]. In A. S. Arkhipova, S. Iu. Nekliudov, D. S. Nikolaev, & N. N. Rychkova (Eds.). *Antropologiya vlasti: fol'klornye teksty, sotsial'nye praktiki: Materialy XV Mezhdunarodnoi shkoly-konferentsii po fol'kloristike, sotsiolingvistike i kul'turnoi antropologii* (pp. 224–225). RGGU. (In Russian).
- Gornyi, E. (2009). Russkii LiveJournal: vliianie kul'turnoi identichnosti na razvitie virtual'nogo soobshchestva [Russian LiveJournal: The impact of cultural identity on the development of a virtual community]. In, N. Konradova, K. Toibiner, & E. Shmidt (Eds.). *Control + Shift: Ppublichnoe i lichnoe v russkom internete* (pp. 109–130). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Hemment, J. (2015). *Youth politics in Putin's Russia: Producing patriots and entrepreneurs*. Indiana Univ. Press.
- Howard, R. G. (2012). How counterculture helped put the “vernacular” in vernacular webs. In T. J. Blank (Ed.). *Folk culture in the digital age: The emergent dynamics of human interaction* (pp. 25–45). Utah State Univ. Press.
- Kirchik, O. (2009). P'er Burd'e [Pierre Bourdieu]. In E. Kozievskaiia, V. Kurennoi, & E. Iatzenko (Eds.). *Mysliashchaia Rossiia: Istoriia i teoriia intelligentsii i intellektualov* (pp. 314–333). Avanti. (In Russian).

- Kukulin, I. (2021). The culture of ban: Pop culture, social media and securitization of youth politics in today's Russia. *International Journal of Cultural Policy*, 27(2), 177–190.
- Kustarev, A. (2012). Sotsionimy: kreativnyi klass [Socionyms: The creative class]. *Neprikosnovennyi zapas*, 2012(3), 3–10. (In Russian).
- L'vovskii, S. (2010). Pod znakom iuvenal'noi iustitsii [Under the sign of juvenile justice]. *Pro et Contra*, 14(1–2), 20–41. (In Russian).
- Miltner, K. M., & Gerrard, Y. (2022). “Tom had us all doing front-end web development”: a nostalgic (re)imagining of Myspace. *Internet Histories*, 6(1–2), 48–67.
- Paisova, E., & Dement'eva, A. (2010). Khomiachki protestuiut, i eto khorosho [The hamsters are protesting, and that is good]. *Iskusstvo kino*, 2010(1), 16–21. (In Russian).
- Radchenko, D., & Arkhipova, A. (2018). Ukrop i vatnik: “iazkyk vrazhdy” rossiisko-ukrainskogo konflikta kak napadenie i zashchita [“Ukrop” and “vatnik”: “hate speech” of the Russian-Ukrainian conflict as an attack and defense]. *Ab Imperio*, 2018(1), 191–220. (In Russian).
- Rosenhan, D. L. (1973). On being sane in insane places. *Science*, 179(4070), 250–258.
- Turkova, K. (Interviewer) (2021, January 28). Aleksandra Arkhipova: “Poslanie Naval'nogo doshlo do ochen' mnogikh” [Navalny's message reached a lot of people]. *Golos Ameriki*. <https://www.golosameriki.com/a/arkhipova-poslaniye-navalnogo-doshlo-do-ochen-mnogih/5754872.html>. (In Russian).
- Zheltnina, A. (2014). “Ja v eto ne lezu”: vospriiatie “lichnogo” i “obshchestvennogo” sredi rossiiskoi molodezhi nakanune vyborov [“I don't get involved”: Perception of “personal” and “public” among Russian youth on the eve of elections]. In S. Eryleva, & A. Magun (Eds.). *Politika apolitichnykh: Grazhdanskie dvizheniia v Rossii 2011–2013 godov* (pp. 143–180). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zhurzhenko, T. (2004). Staraia ideologiia novoi sem'i: demograficheskii natsionalizm Rossii i Ukrainy [The old ideology of the new family: Demographic nationalism of Russia and Ukraine]. In S. Ushakin (Ed.). *Semeinye uzy: Modeli dlia sborki* (pp. 268–296). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Zhurzhenko, T. (2008). *Gendernye rynki Ukrainy: Politicheskaiia ekonomiiia natsional'nogo stroitel'stva* [Gendered markets of Ukraine: Political economy of nation-building]. EGU. (In Russian).
- Zvereva, V. (2012). *Setevye razgovory. Kul'turnye kommunikatsii v Runete* [Net conversations: Cultural communication on Russian-speaking Internet]. Dept. of Foreign Languages, Univ. of Bergen. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Ирина Владимировна Прус

студентка магистратуры, факультет
антропологии, Европейский университет
в Санкт-Петербурге
Россия, 191187, Санкт-Петербург,
Гагаринская ул., д. 6/1, А
Тел.: +7 (812) 386-76-36
✉ prus.irene@gmail.com

Irina V. Prus

MA Student, Department of Anthropology,
European University at St. Petersburg
Russia, 191187, St. Petersburg,
Gagarinskaya Str., 6/1, A
Тел.: +7 (812) 386-76-36
✉ prus.irene@gmail.com

А. Ю. Серегина

ORCID: 0000-0002-9630-5903

✉ aseregina@mail.ru

*Институт всеобщей истории РАН
(Россия, Москва)*

ПУТЕШЕСТВИЕ В РИМ ТОМАСА НОРТА (1555): ОТ ИТИНЕРАРИЯ К МЕМУАРАМ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Аннотация. В статье анализируется текст «Путешествия английских послов в Рим в 1555 г.» — путевых заметок, составленных в 1560-е годы на основании дневниковых записей Томаса Норты (1535 — ок. 1601), пажа из свиты посла Томаса Тёрлби, епископа Илийского. Томас Норт впоследствии прославился как автор первого, многократно переиздававшегося английского перевода «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, а его путевые заметки являются важнейшим из сохранившихся источников о последнем английском посольстве в Рим (1555 г.), благодаря которому Англия на короткое время восстановила отношения с Папским престолом. Тем не менее путевые заметки Норты до сих пор остаются малоизученными и никогда раньше не рассматривались в контексте истории литературы путешествий. Изучение заметок Норты показывает, что при сохранении конвенций, свойственных традиционному средневековому жанру итинерариев, это сочинение выделяется авторским фокусом, отличающим его от других заметок, составленных английскими путешественниками и дипломатами. Норты интересовали не столько политическая составляющая путешествия или римские древности. Его сочинение представляет серию впечатлений автора от увиденного во Франции, Италии, Германии и Нидерландах, от новых дворцов и крепостей, инструментов, механизмов и «диковин»: объектов, зверей и птиц, и социальных практик. Уникальное сочетание итинерария, дневника и мемуаров в записках Норты показывает, как европейцы XVI в. играли с жанрами в поиске формата, подходящего для описания опыта и вкусов путешественника.

Ключевые слова: итинерарий, литература путешествий, путевые заметки, английское посольство в Рим, Италия раннего Нового времени, Англия, религиозные практики, Реформация

Для цитирования: Серегина А. Ю. Путешествие в Рим Томаса Норты (1555): от итинерария к мемуарам путешественника // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 185–205. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-185-205>.

*Статья поступила в редакцию 14 сентября 2022 г.
Принято к печати 20 октября 2022 г.*

A. Yu. Seregina

ORCID: 0000-0002-9630-5903

✉ aseregina@mail.ru

*Institute of World History,
Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)*

THOMAS NORTH'S TRAVEL TO ROME (1555): FROM ITINERARY TO TRAVELER'S MEMOIR

Abstract. The article analyses the text of the “Journey of the English Ambassadors to Rome in 1555” — a travel memoir compiled in the 1560s on the basis of a diary kept by Thomas North (1535 — c.1601), then a page in the household of ambassador Thomas Thirlby, Bishop of Ely. Later in life, Thomas North became famous as the author of the first, often reprinted English translation of Plutarch’s “Parallel Lives” (1579), and his travelogue remains the most important of the extant documents related to the last English embassy to Rome (1555), which temporarily restored the country’s relationship with the Holy See. However, the “Journey” has been poorly studied and has never been looked at in the context of travel literature. Detailed analysis of North’s text shows that although the author followed the genre of medieval itineraries his work differs in focus and intent from other travel diaries and memoirs produced by English travelers and diplomats of the mid-16th century. North was not much interested in the political side of his journey, or even in the Roman antiquities. His text presents a series of the author’s impressions of what he saw in France, Italy, Germany and the Netherlands, of new palaces, fortresses, instruments, mechanisms and “wonders”: objects, animals and birds, and social practices. The unique combination of itinerary, diary and memoir in North’s “Journey” demonstrates how 16th century Europeans manipulated literary genres in search of a form suitable for describing their travel experiences and tastes.

Keywords: itinerary, travel literature, travel diary, English Embassy to Rome, early modern Italy, England, religious practices, Reformation

To cite this article: Seregina, A. Yu. (2023). Thomas North’s travel to Rome (1555): From itinerary to traveler’s memoir. *Shagi / Steps*, 9(1), 185–205. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-185-205>.

Received September 14, 2022

Accepted October 20, 2022

Путевые заметки в конце XVI — XVII в. стали популярным литературным жанром. Хотя в этот период активно развивалось книгопечатание и описания далеких, экзотических земель регулярно издавались во многих европейских странах, большая часть сохранившихся текстов остается неопубликованной, да и сами эти сочинения никогда не предназначались для печати [McLean 2019: 64–65]. Заметки соединяли в себе элементы различных жанров, развившихся на протяжении столетий, например, унаследованных от античности описаний пути в то или иное место, но не сообщавших ничего о личном опыте путешественников [Burgess 2019: 22–23], рассказов о паломничествах [Campbell 2019: 37–39] или появившихся в Средние века итинерариев, в которых описание маршрута, окружавшего путешественников ландшафта, соседствовало с вкраплениями исторических сведений и рассказами о встречах путешественникам диковинах [Kinoshita 2019: 49].

Распространенным жанром внутри итинерариев этого периода стали повествования о дипломатических миссиях, особенно тех, что отправлялись в экзотические места или же в места более известные, но с экстраординарной миссией. Известны сотни таких рукописей XV–XVI вв., подавляющее большинство которых предназначались для относительно узкого круга читателей, интересовавшихся как чужими странами, так и хитросплетениями большой политики [McLean 2019: 64]. Впрочем, объем политической информации мог варьироваться в зависимости от вкусов автора, его статуса в составе посольства и, соответственно, степени знакомства с деталями работы миссии. В текстах раннего Нового времени к тому же могли появляться уже и элементы дневника, путевых заметок, фиксирующих случившееся с путешественниками. Однако каждый автор заметок соединял знакомые жанры своим собственным, уникальным способом, выбирая литературные формы и образцы, наиболее подходящие для его зрительского фокуса, создавая таким образом конвенции нового жанра — литературы путешествий. Поэтому анализ таких текстов позволяет увидеть, что для каждого автора оказывалось интересным и познавательным, достойным того, чтобы поделиться с читателем, который воображался ими как человек своего круга.

Одним из первых описаний путешествия англичанина в Италию, составленных во второй половине XVI в., было «Путешествие послов королевы в Рим в 1555 г.». Это сочинение известно на настоящий момент в двух рукописях. Одна из них, LPL MS 5076, недавно (в 2015 г.) была приобретена библиотекой Ламбетского дворца (Лондон) и с 2020 г. стала доступна читателям. Вторая известная рукопись входит в коллекцию Харли из собрания рукописей Британской библиотеки (BL, Harley MS 252, по ней приводятся все цитаты ниже)¹.

¹ С оцифрованной рукописью можно ознакомиться на сайте библиотеки Ламбетского дворца (<http://images.lambethpalacelibrary.org.uk/luna/servlet/s/r9qik9>). См. также сайт Британской библиотеки (<https://bl.uk>). В 1778 г. примерно три четверти текста рукописи BL, Harley MS 252, а именно разделы, касающиеся Франции и Италии, были опубликованы в подборке выдержек из государственных бумаг, подготовленной Филипом Йорком, графом Хардвиком [Yorke 1778: 62–102]. Рукопись LPL MS 5076 долгое время пребывала в частных коллекциях и привлекла внимание ученых только после того, как ее оцифровала библиотека Ламбетского дворца. В 2021 г. Деннис Маккарти и Джун Шлутер выпустили исследование, посвященное этой рукописи, в приложении к которому дали транскрипцию текста с комментариями [McCarthy, Schlueter 2021].

Рукопись из Ламбетского дворца (LPL MS 5076) написана скорописью XVI в., а упоминаемые в ней события позволяют отнести ее создание к периоду после 1563 г.² Датировать рукопись из Британской библиотеки сложнее. Почерки писцов свидетельствуют, что она была сделана позднее, в конце XVI в. или начале XVII в.³

Однако лингвистические особенности, в частности написание ряда слов — *hir* вместо *her*, *yt* вместо *it* и в целом частое использование *у* там, где в более поздних документах обычно писали *i*, позволяют сдвинуть эту дату ближе к середине столетия или же предположить, что позднейшая рукопись точно воспроизводила язык той рукописи, с которой копировалась. Эти же и другие особенности — употребление *ther* и *there* вместо *their*, характерные для одного из двух переписчиков рукописи, — могут указывать на ее происхождение из Восточной Англии, а именно из Норича⁴. При этом рукопись из Британской библиотеки, хотя в ней и учтена вся правка, сделанная в Ламбетской рукописи, не имеет маргиналий и сильно отличается от первой рукописи в написании слов: Ламбетская рукопись написана на «королевском английском», т.е. языке двора и столицы. Можно предположить, что существовала как минимум еще одна, ныне утраченная рукопись, составленная во второй половине — конце 1560-х годов, в которой была учтена вся редакторская правка оригинала. Ее, в свою очередь, скопировали писцы в Нориче.

Таким образом, Ламбетская рукопись является более ранней из двух. Она, вероятно, была написана самим автором во второй половине 1560-х годов. Немного позднее появился ныне утраченный вариант, где была учтена вся редакторская правка Норта. С него явно составлялись еще копии, одна из которых, сделанная в 1590-е годы, хранится сейчас в Британской библиотеке.

² Наличие редакторской правки указывает, что автор сначала составил текст на основе заметок, которые, видимо, вел во время путешествия, в 1555 г. Оригинальные заметки были затем отредактированы, а к тексту добавлены маргиналии, которые также подверглись правке. Маккарти и Шлутер предположили, что первая версия путевых заметок была составлена в царствование Марии I, т.е. в 1555–1558 гг., а правка относится к первым годам правления Елизаветы I — к 1558–1559 гг. [McCarthy, Schlueter 2021: 15]. Но такая датировка неверна: рукопись называет младшего брата герцога Мантуанского епископом (LPL MS 5076. F.48^r; Harley MS 252. F.68^r). Однако Федерико Гонзага стал епископом только в 1563 г., таким образом, ни одна из рукописей не могла быть составлена раньше этой даты. С учетом особенностей почерка можно отнести Ламбетскую рукопись ко второй половине 1560-х годов.

³ На это же обстоятельство указывает и переплетенный в том же сборнике, но отдельно от рукописи путевых заметок (видимо, случайно отделенный от текста) лист с надписью «The Booke and diare of the Ambassadors Journey to Rome Sr Thomas North his travels» (BL, Harley MS 252. F. 74*). Маккарти и Шлутер предполагают, что этот лист служил обложкой рукописи [McCarthy, Schlueter 2021: 17]. Томас Норт здесь обозначен как рыцарь, однако он получил это звание не раньше конца 1580-х годов (см. письмо председателю суда адмиралтейства сэру Джулиусу Сизеру, датированное 9 января 1592 г. и подписанное уже сэром Томасом Нортом: BL, Add. MS 12497. F. 409–412).

⁴ См.: LALME.

Вплоть до 2021 г. автор путевых заметок был неизвестен, и только в 2021 г. Деннис Маккарти и Джун Шлутер убедительно доказали, что им был сэръ Томас Норт⁵. «Путешествие» никогда не изучалось ни в рамках политической истории, ни в контексте истории литературы путешествий⁶.

Младший сын лорда Эдварда Норта — придворного и члена Тайного совета Эдуарда VI и Марии I — и его первой жены Элис [Lokwood 2004], Томас Норт родился 28 мая 1535 г. и был крещен в церкви св. Альбана на Вуд-стрит в Лондоне. Он учился в Кембридже (колледж Питерхаус), вероятно, в начале 1550-х годов. В 1555 г. путешествовал в Рим в составе английского посольства в качестве пажа Томаса Тёрлби, епископа Илийского. После возвращения в Англию Томас Норт был студентом юридической корпорации Линкольнс-Инн (1557). Практикующим юристом он, впрочем, не стал, хотя приобретенные знания пригодились ему позднее, когда он, как дворянин графства Кембриджшир, заседал в комиссии мировых судей (1592 и 1597 гг.). В 1574 г. он сопровождал своего брата, лорда Роджера Норта, который возглавил посольство ко двору французского короля Генриха III в Лион.

Однако большую часть жизни Норт, как и другие мужчины его семьи, посвятил военным кампаниям. В 1580 и 1596 гг. он служил в Ирландии, в 1588 г. был капитаном ополчения Или, собранного для защиты графства Кембриджшир, а спустя три года получил рыцарское звание, вероятно, в Нидерландах или Франции. Норт участвовал в подавлении восстания Эссекса в 1601 г., за что королева Елизавета даровала ему 25 фунтов стерлингов. Позднее в том же году за верную службу он получил от правительницы пенсию в 40 фунтов стерлингов в год. Затем следы его теряются; вероятно, он умер вскоре после этого пожалования.

Хотя Томас Норт и посвятил жизнь военной карьере, прославился он не своими подвигами, а как литератор. Его перу принадлежит несколько известных переводов, оказавших большое влияние на развитие литературного английского языка. Первый из них [North 1557] — английская версия «Часов государей» Антонио де Гевары — увидел свет в 1557 г.⁷ Второе произведение

⁵ Лист из сборника BL, Harley 252 (F. 74*) с надписью «Книга и дневник путешествия послов в Рим. Путешествие сэра Томаса Норта» не рассматривали как вероятную часть — титульный лист или обложку — рукописи путевых заметок, пока на это не обратили внимание Деннис Маккарти и Джун Шлутер. Другое их открытие, сделанное после приобретения библиотекой Ламбетского дворца второй рукописи, позволило подтвердить атрибуцию. Сопоставление почерка, которым написана рукопись LPL MS 5076, с известным письмом сэра Томаса Норта к сэру Джулиусу Сизеру от 9 января 1592 г. (BL, Add. MS 12497. F. 409–412) подтверждает, что рукопись и в самом деле написана именно Нортом. Об этом свидетельствует и сопоставление маргиналий рукописи с владельческой надписью и маргиналиями из некогда принадлежавшего Норту экземпляра «Часов государей» (изд. 1582 г.) в собрании библиотеки Кембриджского университета (Adv. D.14.4) [McCarthy, Schlueter 2021: 17–18].

⁶ Маккарти и Шлутер интересовались путевыми заметками Томаса Норта только как потенциальным источником для произведений Шекспира, действие которых происходит в Италии [McCarthy, Schlueter 2021]. Кроме них «Путешествие» упоминал Майкл Кестье в монографии, посвященной английскому послу Энтони Брауну, виконту Монтегю [Questier 2006: 114–115].

⁷ Антонио де Гевара (ок. 1480–1545) — францисканец, епископ Кадисский и Мондонедский, исповедник Карла V, автор богословских и политических наставлений. Его сочинение «Часы государей» (1529), популярное у европейской аудитории и переведенное на другие языки сочинение, принадлежало к жанру «зеркала государева», но было написано в

Норта — «Моральная философия Дони» — было опубликовано в 1570 г. [North 1570] и представляло собой перевод с итальянского языка одноименного сборника аллегорических поучений и басен Антона Франческо Дони (1552), в основу которого легла индийская «Панчатантра»⁸. Наконец, самым знаменитым произведением Норта, прославившим его имя, стал перевод «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Как и в случае с другими трудами, Норт опирался на французский перевод Жака Амио [Amyot 1559]. Первое издание перевода вышло в 1579 г. и было посвящено королеве Елизавете I [North 1579].

В отличие от этих текстов, «Путешествие» не предназначалось для публикации. Его адресатом, вероятно, были члены семьи Норт и их друзья: основные владения Нортов располагались на востоке Англии, неподалеку от Норича. И именно там они стали бы искать писца для копирования текста рукописи.

Характерные особенности путевых заметок Норта наиболее видны при сопоставлении с составленным практически одновременно повествованием сэра Томаса Хоби (1530–1566) [Kelly 2004]. Подобно Норту, Хоби был вторым сыном, а его путешествия по Европе в конце 1540-х — середине 1550-х годов поощрялись и финансировались его старшим братом и покровителем, сэром Филиппом Хоби (1505–1558), придворным и дипломатом, участником многих дипломатических миссий, а позднее — представителем Генриха VIII при дворе императора Карла V [Bell 2004]. В правление Елизаветы Хоби-младший обрел влиятельного патрона в лице кузена, доверенного советника королевы и государственного секретаря Уильяма Сесила. Благодаря его протекции Хоби в 1566 г. был назначен послом во Францию, где и скончался несколько месяцев спустя.

Как и Норт, Хоби был известным переводчиком с итальянского — его перу принадлежит английский перевод «Придворного» Б. Кастильоне [Hoby 1561]. Подобно Норту, Хоби тоже писал путевые заметки, которые под конец жизни свел воедино. Это сочинение, известное как «Путешествия сэра Томаса Хоби»⁹, было опубликовано в 1902 г. [Hoby 1902], и исследователи хорошо знакомы с этим трудом. «Путешествия» Хоби считаются образцом раннетюдоровской путевой литературы [Woolfson 2011].

Оба текста были составлены в 1560-е годы почти одновременно, и оба автора при составлении заметок опирались на записи, сделанные во время странствий. Сходен и основной образец — хорошо известный обоим итинерарий, жанр, предполагавший указание маршрута, остановок в пути, заметных ориентиров, расстояний между населенными пунктами. Обозначение подчинения территорий, через которые проезжали путешественники, тому или иному правителю, тоже соответствует правилам жанра, так же как и упоминание о недавних политических событиях, прежде всего войнах и осадах, оставивших

форме дидактического романа или трактата. Перевод был сделан с французского издания, хотя при работе над ним Норт использовал и испанский оригинал.

⁸ «Панчатантра» — составленный на санскрите в III–V вв. сборник новелл и поучений в виде рассказов о животных, представляющих собой аллегории на человеческое общество. Был переведен на множество языков, включая арабский, латынь и все основные европейские языки. Монах-сервит Антон Франческо Дони перевел это произведение на латынь и сделал с него итальянскую версию в 1552 г. [Doni 1552]. Именно это издание легло в основу перевода Норта.

⁹ Рукопись хранится в Британской библиотеке (BL, Egerton MS 2148).

неизгладимые следы на ландшафте и перекраивавших границы. Обычным было и перечисление достопримечательностей, которые путешественники видели в том или ином месте. Однако внимание читателя, следующего вместе с авторами их путями через Европу, привлекается к разным местам, предметам, особенностям ландшафта, причиной чему разные вкусы авторов, но также и различные задачи, которые они ставили перед своими текстами.

Дипломат Хоби предсказуемо уделяет много внимания политической ситуации в той или иной стране, подробно описывает то, что мы сейчас назвали бы древностями: особенно изобилует такими вставками рассказ о поездке в Италию. Норт также говорит о древностях, хотя таких упоминаний мало и они не отличаются подробностью. Политические тонкости его тоже не слишком интересовали. А ряд тем, которым Томас Норт отводит основное место в своем труде, в «Путешествии» Хоби отсутствуют вовсе. Именно внимание к этим сюжетам характеризует Норта как путешественника и автора. Эти особенности текста отражают формирование индивидуального взгляда на путешествие, необязательно противоречащего конвенциям известных жанров, но не скованного ими.

Первой из таких больших тем была архитектура и строительство, чего, в принципе, стоило бы ожидать от путевых заметок. На протяжении всего текста Норт уделяет большое внимание интересным зданиям. По заметкам рассыпаны замечания, характеризующие здания как «красивые» или «непримечательные»; такие ремарки присутствуют практически в каждой записи. В большинстве случаев подразумевается, что читатели сами способны вообразить, как выглядит городской дом или «красивая церковь». Это и в самом деле вполне вероятно: Северная Европа XVI в. была полна фахверковых домов и готических церквей, такие архитектурные формы были известными и легко узнаваемыми.

Подробных описаний удостоились только те сооружения, которые были выстроены в другом стиле. Самыми примечательными для Томаса Норта оказались французские замки XVI в. — образчики новой, еще неизвестной в Англии ренессансной архитектуры, принесшей дух Италии в заальпийскую Европу. Первым на пути посольства оказался замок Экуан, построенный в 1537–1550 гг. учившимся в Италии архитектором Жаном Бюлланом по заказу владельца, коннетабля Франции Анна де Монморанси. Один из блестящих образцов новой архитектуры, только что (в 1550 г.) расписанный фресками итальянских мастеров замок произвел на автора заметок неизгладимое впечатление. Описание замка — самое длинное во всем тексте:

Этот дом восхваляют как прекраснейший во Франции. Он стоит на большом холме, радующем глаз (...). Здание имеет форму квадрата и два этажа в высоту; крышу с окнами фронтона можно считать за третий этаж. Эти окна отличаются необыкновенно большим размером и соотносятся с окнами нижнего ряда числом, стилем и мастерством работы. Дом построен из глыб самого лучшего тесаного белого камня, какой только можно сыскать; крыша покрыта синим шифером. Крыша (как это принято во Франции) более высокая, чем у наших зданий, что делает их дома более красивыми. Ворота обрамлены колоннами и имеют три арки. Над главной аркой находится статуя св.

Георгия верхом на коне, также вырезанная из камня, удивительно величественная. Колонны также тосканской работы...¹⁰

Ренессансные замки, встретившиеся ему позже, заслужили уже гораздо более сдержанную похвалу, за одним исключением. Этим исключением стал королевский замок Фонтенбло, куда послы отправились для встречи с Генрихом II. И неудивительно — замок был построен итальянскими архитекторами в правление предыдущего короля, Франциска I. Норт даже сравнил Фонтенбло с английской королевской резиденцией — Хэмптон-кортом, и сравнение оказалось не совсем в пользу последнего:

Этот дворец прекрасен и больше всех, что я раньше видел в Англии и во Франции. Я могу сравнить его с дворцом Хэмптон-корт, который превосходит Фонтенбло в отношении большого зала и покоев, однако уступает ему во внешней красоте и единообразии, что важнее всего в зданиях¹¹.

Данный комментарий говорит о вкусах Норта: несмотря на интерес к новым веяниям, любовь к более знакомому позднеготическому стилю его не покинула, ведь упомянутый им большой зал дворца Хэмптон-корт, построенный при Генрихе VIII, является одним из последних образцов средневековой архитектуры подобного рода. Однако новая планировка, навеянная итальянским стилем, в особенности парк, явно пришлась ему по душе.

Там есть внешний двор, одну сторону которого составляет галерея для прогулок; ее длина 600 футов. С южной стороны — сад, а в нем большой пруд, дорожки и аллеи, затененные пиниями и кипарисами. В конце одной из аллей находится искусно построенный грот, который выглядит как настоящая скала. Туда придворные удаляются в жару, чтобы освежиться. Там есть и другой сад, более уединенный, полный бронзовых античных статуй. Напротив главного здания высятся большой фонтан, из которого — словно бы сделанный из настоящей скалы — вверх бьют пять струй. Дворец находится в долине, окруженный каменными холмами, но не очень высокими; местность там лесистая, изобилующая оленями, волками и кабанами¹².

¹⁰ BL, Harley MS 252. F. 49^v–50^r: «This house standeth upon a pleasant large hill <...>. This house is buylt in a quadrant forme to the height of two stories plaine, and the roofo with gable windowes cust out for a third; the foresaid gable windowes being of a marvelous greatnes, answering to the other beneath in number, fashion, and qualitey. The hole house is of free stone soe white, soe great and faire as may bee seene; the covering is of blue slate. The Roofo (as through all Fraunce) more raysed upp then our buildings be which giveth much buty to ther houses. The gate is made extant with pillores, and thrise vaulted and the upper most vaulte standeth S George on horseback wrought also in free stone to a marvelous greatnes, the pillores likewise being Tuscan worke...».

¹¹ BL, Harley MS 252. F. 52^r: «This house is both beautifull & larger then any I have before seene in Fraunce or England. I may resemble the state therof to the honour of the Hampton Court, which as yt passeth Fontebleau with the great hall & chamberes. Soe it is infearier in owtward beautie and uniformity, which prayseth all kind of building most».

¹² BL, Harley MS 252. F. 52^r: «Ther is an out court or quadrant wherof one side is a galerie to walke in being in length 600 foote. Ther is also an the south side a garden, having in yt a great ponde, ye walkes and alleyes shedowed with pine & Cipres tres. At the end of one of the

Итальянская архитектура также привлекла внимание Нортона. Самое сильное впечатление ожидало его близ Павии. По дороге в Милан послы остановились на обед в Чертозе — картузианском монастыре неподалеку от города.

Из Павии в Милан 20 миль. В пяти милях от Павии лордов препроводили в Чертозу Павии, где лорды отобедали и были приняты с большим гостеприимством. Это — лучший и прекраснейший монастырь во всей Европе. Он был основан Джованни Галеаццо, герцогом Миланским, который лежит здесь в гробнице из белого мрамора. Два надгробия и алтарный стол целиком сделаны из слоновой кости и с таким искусством, что славятся на всю Ломбардию. Здесь есть клуатр, внутренний двор в 40 футов, а двери, столы и стулья так изукрашены сценками, вырезанными из разных пород дерева, что ни один художник не сможет написать их в более свободной манере. Чудесные украшения здесь выполнены также из слоновой кости и всевозможных пород дерева. Я думаю, что подобных им не найти во всей Европе, хотя они еще не закончены¹³.

Монастырская церковь была построена в XIV–XV вв. в готическом стиле, однако ее фасад был сильно изменен в начале XVI в., когда к нему пристроили классический ренессансный фасад работы Бенедетто Бриоско (1501 г.), украшенный барельефами со сценами из истории монастыря. Тот же Бриоско вместе с Кристофоро Романо работал и над надгробием герцога Миланского, которое было завершено только в 1562 г.

Описание Чертозы — самое длинное среди тех, что повествуют об итальянских городах. Однако в других отрывках есть комментарии, посвященные современной путешественникам архитектуре — новым зданиям, которые возводились или отделялись в это время или же были выдержаны в непривычном для автора стиле. Так, Норт отметил Миланский собор, отделка которого продолжалась в середине XVI в. на его глазах. Впрочем, его заинтересовали не архитектурные детали готического собора, а тот факт, что их делали из мрамора, полученного на местных каменоломнях¹⁴. Упомянуты были и болонские аркады, защищавшие горожан от дождя и яркого солнца¹⁵.

allies is a vaulte curiously counterfeuted as out of the rocke natural, whether they doe repayre to refresh them selves in hot weather. Ther is an other garden more privie set full of antiquities of Copper. In the face of the great lodging riseth a great fountayne as I have sayd spouting with 5 spoutes upright out of a natural rocke, or els very naturally wrought. This house standeth in a vally compassed about with rocke hilles, but not very great, and the country is forest full of wild deere, wolves, and wild boores».

¹³ BL, Harley MS 252. F. 58^r: «From Pavia to Mylano 20 myles, five myles from Pavia we were brought to la Certoza de Pavia where the Lordes dyned & were greatly feted. It is the goodiest and best howse in all Europe. It was founded by Giovanni Galeazzo Duke of Millano who lyeth there interred in a tombe of white marble; the 2 coffinness and the table of the alter are all of Every with such workmanship that it is spectacle for all Lombardye. There is a cloyster, 40 fott quadrante, the doors, desks & stooles be soe garnished with such notable histories all of cuttwerke of divers kinds of woodes, that noe man possibly can paint them out more finely and lively. The marvelous woorkees, that be ther aswell of the Olyfaunte toth, as of all kind of woode. I thinke there be noe were els to be found in Europe, how be yt it is not yet all finished».

¹⁴ BL, Harley MS 252. F. 58^r.

¹⁵ BL, Harley MS 252. F. 62^r.

Однако недавно построенные покои герцога Феррарского заслужили более подробного рассказа:

Полы в доме были сделаны из белого, черного и красного мрамора столь искусной отделки, что прекраснее их не сыскать. Притолоки в покаях и каминные полки сделаны из такой гладкой яшмы, что [глядя на нее, можно увидеть все, что делается в комнатах]¹⁶, где они находятся. Там также есть кабинет с изумительными творениями из разных сортов мрамора, все сделаны отцом герцога, и их нельзя заменить¹⁷.

Наконец, последний подробный комментарий данного типа был посвящен римской вилле Джулия, строительство которой завершилось незадолго до приезда английских гостей:

Этот дом [так] великолепно построен и очень удобен, весь отделан белым мрамором и резьбой в виде диковинных плодов, и заполнен древностями, какие ежедневно выкапывают в древнем Риме, и даже находят в реке Тибр, что намного превосходит все строения, какие я видел, за исключением лишь монастыря картезианцев близ Павии. Среди древностей там есть две мраморные колонны, в которых соединяется белый и черный цвет, пять локтей в длину и ярд в ширину — в самом толстом месте. Эти две колонны папа Юлий III [по слухам] не продал бы за миллион золотых, и многие оценивают их в 100 000 крон¹⁸.

Вилла Джулия была построена в 1551–1553 гг. по заказу папы Юлия III. Над проектом работал Джакомо Бароцци да Виньола, один из величайших архитекторов-маньеристов, а сады проектировал Бартоломео Амманати. Таким образом, можно отметить, что молодого Норта интересовала современная ему архитектура, более того, именно те здания, что были построены незадолго до 1555 г. или даже не завершены на тот момент.

Хотя Томас Норт и был пажом епископа Илийского, он не был включен в состав небольшой свиты, сопровождавшей Тёрлби и Монтегю во Флоренцию, так что ему не удалось увидеть дворцы и церкви столицы итальянского Воз-

¹⁶ Здесь и далее в квадратных скобках приводится текст, пропущенный переписчиком рукописи BL, Harley MS 252 и восстановленный по LPL 5076.

¹⁷ BL, Harley MS 252. F. 60^v–61^r: «The pavementes of the howse were of such curious workes of white marble, rede and blacke yt it is impossible to find fayrer. The borde[r]s of the chambers and chimnies of such fine luserper stone that [one might looking upon them see all that was done in the chambers] they might be. Ther is alsoe a closett were in are such curious workes of all kind of marbelle, and other stone and all of the Dukes father doings, as they cannot be mended».

¹⁸ BL, Harley MS 252. F. 65^r: «This howse is of [suche] excellent building and hath such a notable commodity in yt all of white marble soe curiously wrought soe replenished with straynge frutes and furnished with antiquities that be dayly digged up in ould Rome & some found in the river of Tiber in suchsorte that it doth farre exceed all the buyldings that ever I saw except charterhouse beside Pavia. Amongest which antiquities, ther are 2 marble pillors of such mixture of cullors white and blacke, being 5 cubits long and a yard a bought in the gratest parte which to pillors Pope Iulius Tertius [by reporte] would not have given for one million [of] Gould and are of many men estemed at a 100000 crownes».

рождения. Можно было бы ожидать, что Норт отметит новые дворцы и церкви Рима, однако таких комментариев нет. Это тем более удивительно, потому что Норт, как и другие слуги английских послов, разместился в одном из таких дворцов — палатце Фарнезе, возведенном Антонио да Сангалло в 1520-е — начале 1530-х годов и расширенном Микеланджело после 1534 г. Однако он упомянул лишь о ваннах, извлеченных из римских терм и размещенных на площади перед дворцом¹⁹. Не сказал он ни слова и о строившемся в Риме новом соборе, хотя, несомненно, его видел.

Римские древности также не появились на страницах заметок. Норт лишь отослал читателя к изданному в 1549 г. описанию Италии Уильяма Томаса [Thomas 1549]. Это тоже примечательно, учитывая, что в других местах он все же упоминал об античных строениях — мостах, воротах и т. п.

На мой взгляд, это умолчание может объясняться редактированием заметок. Норт составлял свой текст в правление королевы Елизаветы, когда отношения между Англией и Римом были разорваны. Вполне возможно, что он предпочел выкинуть часть своих заметок, которая относилась к церковным древностям.

Один тип сооружений, впрочем, Норт не забывал упомянуть на всем протяжении своих заметок — это крепости и городские укрепления. Проезжая мимо того или иного города, автор каждый раз отмечал, был ли тот укреплен и насколько хорошо. Как и в случае с другими строениями, он с особым вниманием рассматривал крепости, которые были возведены недавно или возводились в то время, когда послы ехали мимо них. Так, во время «пасхальных каникул», которые послы провели в Милане, Норт внимательно рассмотрел укрепления города:

Городская стена очень крепкая, но ее строительство еще не завершено, а замок поражает своими укреплениями и запасами <...>. В замке хранится большой арсенал оружия, но ни одному горожанину не позволено входить в его ворота. Замок такой мощный, что ни одна крепость Европы с ним не сравнится²⁰.

Отмечал Норт и строящиеся укрепления, например, бастион в Маастрихте или форт в Юлихе²¹. Такое внимание не случайно: везде речь идет о крепостях нового типа с мощными земляными укреплениями. Они были новшеством для Европы, привыкшей к замкам. Стены последних, однако, были уязвимы перед артиллерией, которую активно использовали в войнах первой половины столетия. В Италии XVI в. начали строить новые или укреплять существующие замки, возводя бастионные системы фортификаций, но в Англии таких крепостей не было. Таким образом, как и в случае с архитектурой, Норта интересовало новое, современное ему строительство.

¹⁹ BL, Harley MS 252. F. 65^v.

²⁰ BL, Harley MS 252. F. 58^v: «The wall of the city is exceeding strong, but not altogether finished and the castell alsoe for provition and strength is to be wondered at. <...> They make great store of armoire in the castell, but noe townes man may come in at the gate. This castell is of such force as none in all Europe is comparable unto yt».

²¹ BL, Harley MS 252. F. 72^r.

Еще одним предметом интереса Норта, нетипичным для других путевых заметок, были водяные колеса и различные механизмы, которые приводились в движение этими колесами. Он отметил много таких устройств во Франции, Италии и Германии. Только в двух случаях — в записях о Невере и Алессандрии — он просто упомянул мельницы²², тогда как во всех остальных эпизодах как минимум указано, какие именно устройства приводились в движение: монетный пресс в Париже, мельницы, лесопилки и механизмы для битья пеньки в Тараре (в этих двух эпизодах есть и небольшие описания)²³, давилница для производства масла из грецких орехов в Пон-Бовуазене²⁴, прялки для прядения шелковой нити в Мантуе²⁵, мельницы, молотившие зерно и солод в Инсбруке²⁶.

Такой специфический интерес указывает на происхождение Норта: водяные колеса были редкостью в Англии, их строили в Восточной Англии, где расположены поместья лорда Норта, а одно из первых в стране водяных колес, использовавшихся для изготовления бумаги, было сооружено в Фендиттоне (графство Кембриджшир) не кем иным, как патроном нашего автора, Томасом Тёрлби [Cooper 1843: 132]. Большинство англичан не были знакомы с водяными колесами такого типа.

Интриговали Норта и другие технические нововведения: он с гордостью сообщает, что во время пребывания в Париже посетил знаменитого математика, астронома и картографа Оронция (1494–1555) и увидел в действии изобретенный тем инструмент — «метеороскоп», соединивший астролябию и компас²⁷.

Удивительными для автора оказывались также птицы и звери, причем любые. Критерием здесь оказывалась именно их «невиданность». Так, в Савойе его взгляд привлекли черные кабаны, овцы и козы²⁸ (в последнем случае речь, видимо, шла о диких горных козах и муфлонах), а также «птенец фазана»²⁹. Норт здесь вполне мог иметь в виду кеклика, или горную курочку, небольшую птицу семейства фазановых, которая обитает в горах Южной Европы.

Другие животные, поразившие воображение, встретились ему в Италии. Так, во дворце герцога Феррарского он увидел большую черепаху и верблюда³⁰, а в Мантуе — «зверя по имени тигр»³¹. Но больше всего Норта впечатлили страусы: первую птицу он увидел во дворце кардинала Пизани в Риме и даже выдернул перо из ее хвоста на память³². Еще двух птиц он увидел во дворце князя-епископа Тридентского и подметил, что перья у них были разного цвета³³ — т. е. во дворце содержались самец и самка, хотя Норт этого и не понял.

²² BL, Harley MS 252. F. 53^r, 57^r.

²³ BL, Harley MS 252. F. 51^v, 53^v.

²⁴ BL, Harley MS 252. F. 54^r.

²⁵ BL, Harley MS 252. F. 68^r.

²⁶ BL, Harley MS 252. F. 69^r.

²⁷ BL, Harley MS 252. F. 51^v.

²⁸ BL, Harley MS 252. F. 54^v.

²⁹ BL, Harley MS 252. F. 55^r.

³⁰ BL, Harley MS 252. F. 61^r.

³¹ BL, Harley MS 252. F. 60^v.

³² BL, Harley MS 252. F. 66^r.

³³ BL, Harley MS 252. F. 68^v.

Комментариев, посвященных природным ландшафтам, в путевых заметках совсем немного. Европейцы во времена Норта еще не были склонны видеть в природе, не покоренной человеком, нечто, заслуживающее интереса, и любоваться видами. Описания ландшафта у Норта появляются только в одном контексте — когда он говорит об опасностях, встретившихся посольской свите во время путешествия. Поэтому все эти пассажи посвящены дорогам через Альпы. Норт говорит о быстрых реках, вода в которых несется по камням с невероятным шумом, о камнепадах, дожде, снеге и сходе лавин³⁴. Именно в рассказ о пересечении Альп по пути из Савойи в Пьемонт Норт вставил несколько «зарисовок»: например, сообщение о том, как на крутом склоне лошадь его спутника мистера Уайта оступилась и покатила под откос. Ее и всадника спасло лишь то, что они были еще в нижней части гор, покрытой растительностью, и на склоне рос густой кустарник. Лошадь запуталась в нем, и это остановило падение³⁵. Норт говорит, как дальше при подъеме ему самому пришлось держаться за хвост лошади, чтобы удержаться на ногах³⁶. А при спуске с перевала Мон-Сени, где уклон шел вниз не менее круто, ему приходилось падать в снег, чтобы не скатиться в пропасть³⁷.

В целом, природа в путевых заметках враждебна человеку. Привлекательной оказывается лишь природа, подчиненная человеку: сады, поля и каналы, сотворенные его руками. Именно они описываются наиболее подробно. Так, «лес», растущий близ замка Экуан, оказывается садом плодовых деревьев³⁸. А сады в Мулене, где растут апельсины, лимоны и гранаты³⁹, — результат больших усилий местных жителей. Но наивысшей похвалы заслужила Ломбардия. Норта восхитило то, как здешние жители возделывали свои поля, а также и устройство каналов:

Всю дорогу от Милана до Лоди мы ехали среди садов, и по правде говоря, я никогда не видел земли, подобной этой красотой и плодородием. Сено здесь косят три раза в год. Угодья, предназначенные для пашни, дают им также виноградники и топливо, так как здесь лозу сажают у определенного вида деревьев, именуемых орре (клен), которые быстро растут, и поэтому их можно рубить каждые три года, а большую лозу, толстую и прямую, как веревка, протягивают с дерева на дерево, так что она не мешает созревать зерновым. Таким образом, лоза и деревья растут упорядоченно, остается место для плуга, и зерновые чередуются с виноградниками. Тут нет рощ с такими деревьями, как у нас, здесь растут ивы, лещины и тополя, высаженные в ряд на лугах, пастбищах и пашнях, так что невозможно рассмотреть что-либо на расстоянии, превышающем полмили. Они подводят воду в каналы вокруг огороженных участков, и вода течет в канавах по

³⁴ BL, Harley MS 252. F. 54^v–55^r.

³⁵ BL, Harley MS 252. F. 54^{r-v}.

³⁶ BL, Harley MS 252. F. 55^v.

³⁷ BL, Harley MS 252. F. 55^v.

³⁸ BL, Harley MS 252. F. 49^v.

³⁹ BL, Harley MS 252. F. 53^v.

обе стороны дороги постоянно, как в реках; других укреплений у них нет⁴⁰.

Культурные ландшафты Германии и Нидерландов не описаны подробно, однако Норт упомянул в своих заметках заготовку сена в полях вокруг Аугсбурга⁴¹, не забыв отметить винодельческие регионы вдоль Рейна⁴², по которому проезжало посольство. Указывал он и каналы в Нидерландах, каждый раз оговаривая, что рукотворные реки не имеют собственных имен, но созданы человеческими усилиями⁴³.

Путевые записки и мемуары Томаса Хоби наполнены политической информацией, прежде всего связанной с правителями стран, которые он посещал, и их дворами. Норт также перечисляет всех правителей земель, через которые проезжали послы, и все встречи и приемы. Однако лишь в некоторых случаях автор описывает внешность и манеры принимавших их государей и членов их семей или приводит обращенные к гостям слова (обычно в пересказе).

В Фонтенбло, к дворянам посольской свиты вышла юная шотландская королева Мария Стюарт:

На следующий день, 11 [марта], остальные члены посольской свиты, которых невозможно было разместить при дворе, прибыли во дворец, и некоторые шотландские джентльмены пожелали увидеть королеву Шотландии. Когда ей сказали об их желании увидеть ее величество, она с большой любезностью вышла из своих комнат в парадный покой ко всем нам и сказала нам, что рада нас видеть, назвав своими соотечественниками⁴⁴.

На следующий день, перед отъездом послов, с ними и их спутниками лично попрощался сам король Генрих II:

⁴⁰ BL, Harley MS 252. F. 59^{r-v}: «All the way betwixt Milano and Lody we rod as between gardens, and to speak truth my eies never saw any soyle comparable unto yt for buty and profit. They make haye ther 3 a yeare. There grownde for tillage beareth them also vines and feuell for ther vines are grown up by certayne tres called oppie that are of a quickegrowth, therefore loping ever three yeares from one of these trees to an other, they pull the main branches of the vines, as stiffe and straye as a corde soe that they hurt not the riping of there corne. And thus three vines and there trees growing in order, there is a space left to the plow and soe entermixed the corne with the ranckes of wines, there are noe woods of such timber as we have, but these only willows, white hasseles, and poplars, all set by line in there medowes, pastures and growndes for tilling, soe that you cannot se any way from you halfe a quarter of a myle. They bring the waters in every dich round about there enclosures and make them rune continually lyke littell rivers of either side of the ways, and have none other defence but that».

⁴¹ BL, Harley MS 252. F. 70^r.

⁴² BL, Harley MS 252. F. 71^{r-v}.

⁴³ BL, Harley MS 252. F. 72^{r-v}.

⁴⁴ BL, Harley MS 252. F. 52^{r-v}: «The next day after being the 11th day the rest of the trayne that could not be lodged at the court cam thether, and desire certayne Scotish gentellmen that they might see the queene of Scottes who being tould of there desire to se hir majesty, she very courteously cam forth out of hir privy chamber into hir chamber of presence among us all, and sayd unto us she was very glad to see us calling us hir countrymen».

Король — высокий дворянин приятной наружности, хорошо сложенный и с мрачным выражением лица, но при этом очень любезный, обходительный, сдержанный и благородный⁴⁵.

Подчеркнув радушие и роскошь приема в честь послов, данного в Мантуе, и восхитившись красотой женщин семьи Гонзага, Норт, тем не менее, не преминул отметить, что молодой герцог — косоглазый⁴⁶. Принц Альфонсо д'Эсте, сын и наследник герцога Феррарского, оказал послам прием, который Норт счел лучшим. Подробно описав празднества, устроенные в честь англичан, он отметил, что молодой принц «хорош собой»⁴⁷. Похожая ремарка следует и за описанием приема в Пезаро, при дворе герцога Урбинского, где дворяне посольской свиты удостоились чести танцевать с дамами герцогини в присутствии (и при участии) наследника престола: «...юному принцу еще нет 10 лет, но он чрезвычайно одарен и прекрасно сложен»⁴⁸.

Норт давал комментарии только в тех случаях, когда он сам был свидетелем встречи и видел все своими глазами. При этом он описывал только светских правителей; комментариев, касающихся внешности и манер клириков — кардиналов и легатов, которые оказывали послам гостеприимство в папских владениях и в самом Риме, в тексте нет. Это особенно интересно, учитывая, что патроном Норта, благодаря которому он вообще оказался причисленным к посольской свите, был именно прелат — епископ Илийский. Вероятно, эта особенность текста объясняется его редактированием в 1560-е годы, когда Норт решил изъять материал, касающийся контактов с католическим духовенством.

Еще одной особенностью записок Норта было внимание, уделенное автором религиозным практикам католической Европы. Убежденный протестант Томас Хоби, например, полностью проигнорировал этот сюжет. Норт же упомянул ряд религиозных ритуалов и обычаев, причем его интересовало все странное и удивительное. К одной большой группе можно отнести эпизоды, связанные с почитанием святых и их мощей. Норт был слишком молод, чтобы застать аналогичные явления в Англии, поскольку именно на них был направлен иконоборческий пафос протестантов, пытавшихся искоренить «идолопоклонство». Поэтому церкви с раками и изображениями святых поначалу казались ему в диковинку. Так, он упоминает, что в Амьене членам посольства показали хранившуюся в соборе святыню — голову св. Иоанна Крестителя⁴⁹. А церковь аббатства Сен-Дени и вовсе заслужила подробное описание благодаря хранившимся там мощам⁵⁰. По мере продвижения посольской свиты по Франции присутствие в церквях мощей начинает восприниматься автором за-

⁴⁵ BL, Harley MS 252. F. 52^v: «The king is a goodly tall gentellman well made in all the partes of his body and very grimme countenance; yet very gentell meek and noble beloved of all his subiectes».

⁴⁶ BL, Harley MS 252. F. 60^r: «This Duke is very young and looketh a littell squaint».

⁴⁷ BL, Harley MS 252. F. 61^r: «Alfonso who is as worthy a prince as may be sene and of as goodly a personage».

⁴⁸ BL, Harley MS 252. F. 63^r: «This young prince is not past 10 yeares of age, but he is well favored & excellently made in all his partes of his body».

⁴⁹ BL, Harley MS 252. F. 49^r: «In this towne we saw the relickes of St Iohnes head very richly enclosed in gould and many pretious luelles».

⁵⁰ BL, Harley MS 252. F. 50^{r-v}.

меток как нечто само собой разумеющееся. Соответственно, и упоминания о них все реже появляются на страницах его текста и только в случае самых почитаемых святынь.

Зато подробнее описывается новый культ, о котором Норт не слышал раньше:

Мы проехали через город Андадеско и капеллу Девы Марии Мантуанской, которой в этой части Италии делают больше всего приношений. Там показывают изображения людей, которых она спасла (как говорят) после того, как они были ранены в голову, сердце или спину шпагой или кинжалом. Там такие удивительные восковые изображения, подобных которым я никогда больше не видел⁵¹.

Скептицизм в отношении реликвий, проявленный автором, можно назвать вполне умеренным и не выходящим за рамки того, что было весьма распространенным явлением в кругу католиков. По большей части, рассказывая о тех или иных святых мощах, он отмечает: «как говорят». вполне вероятно, что эти ремарки были добавлены в 1560-е годы, когда заметки редактировались, и отражают религиозные приоритеты елизаветинского царствования. Только дважды Норт высказывается резче, и в этих случаях за его словами скрывается сугубо политический подтекст.

В Перудже, как с негодованием сообщает наш путешественник, посольству был оказан более чем прохладный прием, поскольку, по его словам, «жители Перуджи — французы в душе»⁵². Кроме того, во время пребывания посольства в этом городе из Рима пришло известие об избрании папой Павла IV (Джованни Пьетро Караффа, 1476–1559). Уроженец Неаполя, Караффа ненавидел испанцев, и его избрание свершилось вопреки желанию Габсбургов. Новый папа выступил союзником французов. Посольство Англии — союзницы Габсбургов — немедленно почувствовало враждебность. Раздраженный дворянин в ответ отпускает ряд уничижительных комментариев по поводу святыни, хранящейся в Перудже, — кольца, якобы принадлежавшего Деве Марии:

Здесь мы увидели особую реликвию, уж несомненно принадлежавшую Деве Марии, а именно кольцо, первое (как они, не стесняясь, утверждают) из всех, что она когда-либо носила. Это большое кольцо из черного рога, которое подвешено к дарохранильнице, находящейся внутри раки, завернутой в два или три слоя батиста. Все это считается столь же чудесным, как [и] любая другая реликвия. Когда кольцо кому-нибудь показывают, это сопровождается бесконечными благословениями, прикладываниями к раке, преклонениями колен и битьем в грудь. По обе стороны от раки располагаются большие чаши, в которых сидят два-три ребенка в возрасте пяти-шести лет. Им позволяют опускаться в чашу; тогда кольцо показывают всем.

⁵¹ BL, Harley MS 252. F. 60^v: «We passed throw a towne called Andadesco and by the Lady of Mantua hir Chapell w[h]ere is the greatest offering in these partes of Italy. Ther they show pictures of men which she preserved (as they say) that were striken into braynes and hartes, and at the backs with swords and daggers, and where is alsoe such wonderfull workes of wax as I never saw the lyke againe».

⁵² BL, Harley MS 252. F. 63^v: «The people be all French in there hartes».

Нас заставляют поверить, что эти дети питаются не мясом и водой, но чудесным образом насыщаются Св. Духом⁵³.

В Риме, как и в Перудже, послам был оказан куда менее теплый прием, чем они рассчитывали (их должны были разместить во дворце Сан-Марко за счет папы, но поселили в палаццо Фарнезе, а всю провизию, предназначенную для посольства, «папа съел сам»⁵⁴), и раздражение англичанина вновь проявилось в скепсисе по отношению к почитаемым святыням:

Мы видели целый мир реликвий, невероятных и вызывающих смех, например, изображение Христа, каким он был при жизни. Один из гвоздей, которым Христос был прибит к кресту. Лестницу, по которой Христос поднимался по пути на допрос и суд Пилата. На этой лестнице Христос упал, и, пытаясь удержаться, локтем проделал в ней дыру. Эта дыра прикрыта теперь серебряной плитой. Сюда делают большие приношения. Стол, за которым Христос и его ученики сидели во время Тайной вечери. Терновый венец, которым Христос был коронован на кресте⁵⁵.

При этом Норт не описывает других римских святынь (хотя мы не можем утверждать, что таких описаний не было в исходных заметках, на основании которых в 1560-е годы был составлен текст). А его скептицизм относится лишь к святыням, собранным в капелле Sancta Sanctorum при Латеранском дворце. Она была разграблена в 1527 г. ландскнехтами императора Карла V, и впоследствии даже католики выказывали сомнения в подлинности выставленных в ней мощей и реликвий.

В гостеприимном к английским путешественникам Кёльне автор также упоминает многочисленные мощи и реликвии, хранившиеся в церквях города, например, мощи св. Урсулы и 11 тысяч девственниц, а также царей-волхвов⁵⁶, однако не демонстрирует ни малейшего скепсиса в отношении всех этих хри-

⁵³ BL, Harley MS 252. F. 64^r: «Here we saw a special relicke forsoth of our Ladies ring: the 1 (they sticke not to say) that ever she did ware which is not shewed) I tell you without great cerimone. This 1 ring is a great ring all [of] black horne and hangeth in a pixe within a tabernacle, being clad with 2 or 3 fold of lawne. That is sene in mystery as all other Relickes be, when that is shewed to any body ether is wonderfull much blessing, kissing, kneeling and knocking, and upon ether side of the tabernacle, is a great basin, in the which 2 or 3 children of 5 or 6 years old doe sitt, and are let downe in the basins then the ring is to be shewed to any body. They make us believe for soth that those children, and not by meate ore drinke, but are marvelously fed by the holy gost».

⁵⁴ BL, Harley MS 252. F. 65^v: «The 2 former Popes [()] Iulius Tertius & Marcellus Secundus) have made great provision for the 1 in the Pallace of St Marke the which provision this new created Pope Paulus Quartus did spent and eat him selfe».

⁵⁵ BL, Harley MS 252. F. 67^r: «We saw a worlde of relickes (...) very ridiculous and incredible vz the pincture of Christ likely as he was upon ye earth. Two of the nayles that Christ was nayled with to ye Cross. The stayres which Christ went upon going to be examined and iudged of Pilate. Upon which stayres he had a fall, with his elbow to save him self he made a great hole in the stayres the which is covered with a grate of silver. Unto the which is made a great offering. The table ye Christ made his supper upon with his disciples. The crowne of thorne wherewith Christ was crowned upon ye crosse».

⁵⁶ BL, Harley MS 252. F. 71^v: «In this towne be the Relickes of the 11 thousand virgins».

стианских святынь. Похоже, он считал почитание телесных останков святых «нормальной» практикой, но с гораздо большим подозрением относился к вторичным реликвиям.

Помимо описания мощей, в тексте присутствуют упоминания о культах и практиках, не встречавшихся в Англии и не имевших там параллелей. Так, пребывание в Сен-Матюрене (Ларшан) подвигло Норта на описание поклонения местному святому (св. Матурину), который, как полагали, помогал душевнобольным:

Этот св. Матурин, который (как они говорят) — святой человек, помогает лишившимся рассудка мужчинам и женщинам в течение девяти дней, если они сделают следующее. После мессы священник должен позвать душевнобольных приблизиться к алтарю и преклонить перед ним колени. Затем он произносит некие молитвы, а потом налагает ткань на их головы и, осеняя их крестом, произносит определенные слова. После этого они встанут и четырежды обходят вокруг алтаря, каждый раз целуя окружающие его четыре бронзовые колонны. После этого они должны сделать приношение св. Матурину — полгаллона вина, три карава хлеба и французский су, который равняется двум английским шиллингам. Если они будут это делать на протяжении девяти дней, рассудок к ним вернется⁵⁷.

А в горах Савойи Норт столкнулся с совсем неожиданным обычаем:

В Сен-Андре я, придя в церковь, заметил мертвого младенца, лежащего на столе перед статуей Девы Марии, и старую женщину, сидящую и молящуюся перед ним; перед ней стояла сальная свеча, а также небольшой поднос, наполненный горохом и бобами, — ее приношение Богородице. Я спросил ее по-французски, что она собирается делать. Она ответила, что ребенок родился мертвым, и она ожидает увидеть в нем признаки жизни или по крайней мере истечения крови из его тела. Так будет продолжаться в течение 15 дней, пока тело не начнет смердеть. Если тело вдруг станет кровоточить, то, хотя в нем и не появились признаки жизни, младенца крестят, если же нет — тело бросят в реку⁵⁸.

⁵⁷ BL, Harley MS 252. F. 52^v: «This St Mathurins (as they sayd) is a holy man that can heple madde men and women within ix dayes space yf they doo this that follow. The Preist when masse is donne, must calle for the madde man or woman, to come and kneele before the altar, and when he hath sayd certayne prayers he must come and lay X flannel upon ther heads and say certayne words over them. That ended, they rise and goe round about the altar 4 times, and at every tyme kisse that brazen pillares that stand about the altar. Then must they offer up to St Mathurin a pottell pott full of wine 3 loaves of bread and a French suous in money which in value in our English money II d.ob.q. And doing this for the space of 9 days together they say they shall have there right wits again».

⁵⁸ BL, Harley MS 252. F. 55^r: «At St Andrewes I coming into a church about 4 a clocke at afternoon, spied a young child lying [dead] uppon a borde, before the image of the Lady and an ould woman seting watching and prayng by yt having alsoe a tallow candell burning, and a great many peas and beans in a littell tray the which she had offered unto the Lady. I asked her in French what she ment to doe. And she aunswer: that the child was borne dead, and that she looked for lyfe of yt, or at the least to burst out of a bleeding in some place of the body. And this they doe for the

Подобная практика крещения тел мертворожденных младенцев — в надежде, что их души попадут в рай, а не в чистилище, — была распространенным явлением в альпийских областях Франции, Италии и Савойи вплоть до XVIII в., хотя в Англии она была неизвестна [Cavazza 1994]. Обе приведенные сцены представляют собой описания шокирующих обычаев местных жителей. Они вполне ожидаемы в рассказе о путешествии; примечательно, что таких эпизодов, за исключением приведенных выше, в сочинении Норты нет.

Описания «чужих» для англичанина XVI в. религиозных практик, составляющие другую группу, посвящены монахам и монастырям. Именно они стали главной жертвой английской Реформации, и на протяжении двух десятилетий все, что относилось к этой стороне церковной жизни, в Англии высмеивалось и критиковалось. Для автора поэтому довольно неожиданным явлением стала как многочисленность монахов в Италии, так и их социальная роль и престиж в обществе, о чем свидетельствует описание торжественной процессии (крестного хода) в Асти⁵⁹, а также записи, посвященные Чертозе Павии⁶⁰ и Миланскому госпиталю⁶¹.

Наконец, Норты на всем протяжении его пути удивляло сосуществование конфессий, разрешенное законом. Так, несколько строк заслужил Сансер, в силу наличия в нем многочисленной протестантской общины, именуемый «малой Женевой»⁶². В Ферраре самым интересным и неожиданным для нашего автора оказалось присутствие большой еврейской общины⁶³. Отметил он и соседство протестантских и католических церквей в Аугсбурге и Вормсе⁶⁴. Путешественнику-англичанину должно было казаться более чем необычным официально признанное сосуществование двух христианских конфессий в рамках одного политического организма, ведь у него на родине политики придерживались принципа религиозного единообразия, долженствовавшего сохранять политическое единство. Неудивительно поэтому, что наш автор считал нужным отметить все случаи официальной веротерпимости, с которыми ему пришлось столкнуться.

Записки Томаса Норты сохранили традиционную структуру итинерария. Однако за условностями этого жанра выявляются особенности его собственного стиля. Издатели XVIII, да и XXI в. рассматривали труд Норты как путевой дневник. Представляется, что подвергавшийся позднему редактированию текст по жанру ближе к мемуарам, нежели к дневнику, однако фокус его внимания отличался от других мемуарных сочинений. Хотя и Норту не чуждо было стремление продемонстрировать свою эрудицию, он в гораздо меньшей степени, нежели Томас Хоби, выказывал интерес к античности или хитросплетениям политики. В его тексте отсылки к историческим событиям меньше, а в основном отражены впечатления о путешествии по современной автору Франции, Италии и Германии. В фокусе внимания Норты — его собственные

space of 15 days together tyll yt stinked. If yt be soe that yt bleed, although yt receive not lyfe yt is christened, yf not, than yt is cast in to the river».

⁵⁹ BL, Harley MS 252. F. 57^r.

⁶⁰ BL, Harley MS 252. F. 58^r.

⁶¹ BL, Harley MS 252. F. 58^v–59^r.

⁶² BL, Harley MS 252. F. 53^r.

⁶³ BL, Harley MS 252. F. 61^r.

⁶⁴ BL, Harley MS 252. F.70^r, 71^r.

история, опыт и впечатления. Поэтому рядом с сообщением о смерти папы Римского — важного события для всего посольства, направлявшегося ко двору понтифика, появляется упоминание о замеченном в горах птенце кеклика, а в рассказе о визите к кардиналу Пизани — сценка, героем которой оказывается паж посла (т. е. сам Норт), выдергивающий перо из хвоста страуса. Автор записок предстает в них как уверенный в себе человек, убежденный в важности и ценности увиденного и испытанного. Его сочинение, не предназначавшееся для печати, позволило ему экспериментировать с формой итинерария, превращая его в документ, отражающий личный опыт.

Источники

Архивные

- BL, Harley MS 252 — British Library, Harley MS 252.
BL, Egerton MS 2148 — British Library, Egerton MS 2148.
BL, Add. MS 12497 — British Library, Additional MS 12497.
LPL MS 5076 — Lambeth Palace Library MS 5076.

Опубликованные

- Amyot 1559 — *Les vies des hommes illustres, comparées l'une avec l'autre, par Plutarque de Chaeronée, translätées de grec en françois par Messire Iacques Amyot*. Paris: Michel de Vascosan, 1559.
- Doni 1552 — *Doni A. La moral' philosophia del Doni, tratta da gli antichi scrittori*. Vinegia: Francesco Marcolini, 1552.
- Hoby 1561 — *The courtyer of Count Baldessar Castilio diuided into foure bookes. Very necessary and profitable for yonge gentilmen and gentilwomen abiding in court, palaice or place, done into English by Thomas Hoby*. London: By Wyllyam Seres, 1561.
- Hoby 1902 — *The travels and life of Sir Thomas Hoby, Kt. of Bisham Abbey, written by himself, 1547–1564* / Ed. by E. Powell. London: Royal Historical Society, 1902. (Camden 3rd ser.; Vol. 4).
- North 1557 — *The Diall of Princes, compiled by the reuerende Father in God, Don Anthony Gueuara, Byshop of Guadix, Preacher and Chronicler to Charles the Fifte, late of that name Emperour. Englysshed oute of the Frenche by Thomas North, seconde sonne of the Lord North. Right necessarie and pleasaunt to all gentylnen and others whiche are louers of vertue*. London: Thomas Marsh for Iohn Waylande, 1557.
- North 1570 — *The Morall Philosophie of Doni: Drawne out of the auncient writers. A worke first compiled in the Indian tongue, and afterwards reduced into diuers other languages: and now lastly Englished out of Italian by Thomas North, brother to the Right Honourable Sir Roger North, knight, Lorde North of Kyrtheling*. London: Henry Derham, 1570.
- North 1579 — *The Lives of the Noble Grecians and Romanes, compared together by that graue learned Philosopher and Historiographer, Plutarke of Chaeronea: Translated out of Greeke into French by James Amyot, Abbot of Bellozane, Bishop of Auxerre, one of the Kings Priuy Counsel, and Great Amner of Fraunce; and out of French into Englishe by Thomas North*. London: T. Vautroullier and J. Wight, 1579.
- Thomas 1549 — *Thomas W. The Historie of Italie*. London: T. Berthelet, 1549.
- Yorke 1778 — *Miscellaneous State Papers from 1501 to 1726: In 2 vols.* / Ed. by Ph. Yorke, 2nd Earl of Hardwicke. Vol. 1. London: W. Strahan and T. Cadell, 1778.

References

- Bell, G. M. (2004). Hoby, Sir Philip. In *Oxford dictionary of national biography* (Online Version). <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-13413>. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/13413>.
- Burgess, J. S. (2019). Travel writing and the ancient world. In N. Das, & T. Young (Eds.). *The Cambridge history of travel writing* (pp. 19–32), Cambridge Univ. Press.
- Campbell (2019). Peregrinatio and religious travel writing. In N. Das, & T. Young (Eds.). *The Cambridge history of travel writing* (pp. 33–47). Cambridge Univ. Press.
- Cavazza S. (1994). Double death, resurrection and baptism in a seventeenth-century rite. In E. Muir, & G. Ruggiero (Eds.). *History from crime* (pp. 1–31). John Hopkins Univ. Press.
- Cooper, C. H. (1843). *Annals of Cambridge* (Vol. 2). Warwick and Co. Press.
- Kelly, L. G. (2004). Hoby, Sir Thomas. In *Oxford dictionary of national biography* (Online Version). <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-13414>. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/13414>.
- Kinoshita, S. (2019). Beyond the Pilgrimage. In N. Das, & T. Young (Eds.). *The Cambridge history of travel writing* (pp. 48–61). Cambridge Univ. Press.
- LALME (2013) — *A linguistic atlas of late mediaeval English* (Electronic version). Univ. of Edinburgh. <http://www.lel.ed.ac.uk/ihd/elalme/elalme.html>.
- Lokwood, T. (2004). North, Sir Thomas. In *Oxford dictionary of national biography* (Online Version). <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-20315>. <https://doi.org/10.1093/ref:odnb/20315>.
- McCarthy, D., & Schlueter, J. (2021). *Thomas North's 1555 travel journal: From Italy to Shakespeare*. Fairleigh Dickinson Univ. Press.
- McLean, G. (2019). Print and early modern European travel writing. In N. Das, & T. Young (Eds.). *The Cambridge history of travel writing* (pp. 62–72), Cambridge Univ. Press.
- Questier, M. (2006). *Catholicism and community in early modern England: Politics, aristocratic patronage and religion, c. 1550–1640*. Cambridge Univ. Press.
- Woolfson J. (2011). Thomas Hoby, William Thomas, and mid-Tudor travel to Italy. In M. Pincombe, & C. Shrank (Eds.). *The Oxford handbook of Tudor literature, 1485–1603* (pp. 404–417). Oxford Univ. Press.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анна Юрьевна Серегина

доктор исторических наук
ведущий научный сотрудник, Отдел
историко-теоретических исследований,
Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, Москва, Ленинский пр-т,
д. 32А
Тел.: +7 (495) 938-13-44
✉ aseregina@mail.ru

Anna Yu. Seregina

Dr. Sci. (History)
Leading Researcher, Department
for Theoretical Studies, Institute of World
History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt,
32A
Tel.: +7 (495) 938-13-44
✉ aseregina@mail.ru

И. А. Ладынин ^{ab}

ORCID: 0000-0002-8779-993X

✉ ladynin@mail.ru

^a *Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова (Россия, Москва)*

^b *Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)*

ПУТЕШЕСТВИЕ В. С. ГОЛЕНИЩЕВА В ЕГИПЕТ ОСЕНЬЮ И ЗИМОЙ 1890–1891 ГГ. (НОВЫЙ АРХИВНЫЙ МАТЕРИАЛ)

Аннотация. В публикации представлен документ, хранящийся в Архиве Владимира Голенищева в Париже (Centre Vladimir Golénischeff, École Pratique des Hautes Études), — отчет о путешествии выдающегося русского египтолога В. С. Голенищева в Египет в октябре 1890 — феврале 1891 г. По-видимому, это промежуточная версия текста, который был предназначен для публикации в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества»; вместе с ним хранятся карандашные черновики, зарисовки и планы, выполненные египтологом в ходе путешествия. Опубликован этот отчет не был. В нем содержатся сведения о приобретениях Голенищева для своей коллекции в ходе путешествия, об осмотре ряда археологических памятников (в частности, в оазисе Харга), о полученных им новых интерпретациях (атрибуции так называемых гиксосских сфинксов царю XII династии Аменемхету III). Отдельный интерес представляют сведения о его участии в приеме в Египте цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) и о взаимодействии с британскими офицерами на египетской службе.

Ключевые слова: Египет, В. С. Голенищев, путешествия, коллекция, египтология, археология, памятники, папирусы, оазисы, Николай II, Великобритания

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФ 19-18-00369-П «Классический Восток: культура, мировоззрение, традиция изучения в России (на материале памятников коллекции ГМИИ имени А. С. Пушкина и архивных источников)».

Автор благодарен участникам проекта: О. А. Васильевой (ГМИИ им. А. С. Пушкина) — за возможность исследовать обнаруженный ею архивный документ, Д. А. Изосимову (исторический факультет МГУ) — за его обработку, облегчившую исследование и публикацию.

Для цитирования: Ладынин И. А. Путешествие В. С. Голенищева в Египет осенью и зимой 1890–1891 гг. (новый архивный материал) // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 206–229. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-206-229>.

Статья поступила в редакцию 8 августа 2022 г.
Принято к печати 17 августа 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 1. 2023
Articles

I. A. Ladynin^{ab}

ORCID: 0000-0002-8779-993X

✉ ladynin@mail.ru

^a *Lomonosov Moscow State University*
(Russia, Moscow)

^b *National Research University Higher School of Economics*
(Russia, Moscow)

VLADIMIR GOLENISHCHEV'S TRAVEL TO EGYPT IN AUTUMN AND WINTER 1890–1891 (NEW ARCHIVAL EVIDENCE)

Abstract. The publication presents a document preserved at the Archives of Vladimir Golenishchev in Paris (Centre Wladimir Golénischeff, École Pratique des Hautes Études). This is a report about the travel of the outstanding Russian Egyptologist Vladimir Golenishchev to Egypt that lasted from October 1890 to February 1891. It appears to be a preliminary version of a paper intended for submission to the *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva* (Memoirs of the Oriental Department of the Imperial Russian Archaeological Society). The paper is kept in one file of red cardboard with pencil drafts, sketches and plans made by the Egyptologist during his travel. The report had not been published. It contains evidence about Golenishchev's acquisitions for his collection (now at the Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow; among the other things he purchased the papyri with the famous texts of *Wenamun's Voyage to Byblos* and the *Onomasticon of Amenemope*), about the survey of archaeological monuments (most importantly, at the Kharga Oasis), about his new interpretations (the correct attribution of the so-called Hyksos sphinxes to Amenemhat III of Dynasty XII). Of special interest is the information about Golenishchev's participation in the official reception in Egypt of the Russian heir apparent Nicholas Alexandrovich (future Emperor Nicholas II) and about some degree of tension between himself and the British officers in the Egyptian service, due to the contemporary confrontation of the Russian and the British Empire in the Great Game in the East.

Keywords: Egypt, Vladimir Golenishchev, travels, collection, Egyptology, archaeology, monuments, papyri, oases, Nicholas II, Great Britain

Acknowledgements. The research presented in the article is sponsored by the Russian Science Foundation (project no. 19-18-00369-II “The Classical Orient: culture, world-view, tradition of research in Russia (based on the monuments in the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts and archival sources”).

The author is grateful to the project group members: to Dr. Olga Vassilieva (A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts) for the permission to research the documentary evidence that she gathered, and to Denis Izosimov, M. A. (Lomonosov Moscow State University, Faculty of History), for the preliminary work at this evidence that facilitated its research and publication.

To cite this article: Ladynin, I. A. (2023). Vladimir Golenishchev’s travel to Egypt in autumn and winter 1890–1891 (new archival evidence). *Shagi / Steps*, 9(1), 206–229. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-206-229>.

Received August 8, 2022

Accepted August 17, 2022

Как известно российским египтологам, научному наследию основоположника их дисциплины, Владимира Семеновича Голенищева (1856–1947), была свойственна, если можно так сказать, определенного рода «необязательность». Наследник богатейшей купеческой семьи, он вплоть до крушения его предприятий в середине 1900-х годов не стоял перед необходимостью зарабатывать на жизнь, и мотивом к его профессиональной деятельности египтолога был научный интерес в чистом виде. А. О. Большаков справедливо заметил, что определенным дисциплинирующим фактором для Голенищева была служба в Эрмитаже, «пусть даже без жалованья»: здесь «он утрачивал независимость, чувствовал ответственность перед музеем, и в результате по эрмитажным памятникам им сделано гораздо больше, чем по собственным» [Большаков 2007: 9] (речь в первую очередь о научной публикации папирусов Санкт-Петербургского Эрмитажа, открытых и исследованных В. С. Голенищевым: [Golénisheff 1913]). В остальном над Голенищевым не довлела необходимость ни готовить учебники и учебные пособия для преподавания в университете, ни позиционировать свои взгляды (прежде всего по вопросам египетской филологии) в контексте существующих научных теорий, тем самым «зарабатывая имя», которое можно было бы конвертировать в привлекательные академические позиции [Ладынин 2022: 219–221]. Нет никаких сомнений, что главной составляющей жизни Голенищева как египтолога в течение всего времени, пока он располагал для этого средствами, были регулярные и длительные путешествия в Египет. В ходе них Голенищев решал многие исследовательские задачи (так, в 1884–1885 гг. он изучал надписи Вади-Хаммамат, что дало чрезвычайно серьезные научные результаты [Голенищев 1887; Данилова 1987: 175–188]; см.: [Берлев 1997: 440]), однако вряд ли он менее

дорожил возможностью приобретать памятники для своей знаменитой коллекции древностей, ставшей после ее приобретения государством в 1909 г. основой египетского собрания Музея изящных искусств в Москве (ныне ГМИИ им. А.С. Пушкина) [Данилова 1987: 25–140]. Поэтому важной частью его научного наследия 1880–1890-х годов являются его отчеты о путешествиях в Египет, опубликованные в «Записках Восточного отделения Русского археологического общества» и в «Известиях Русского археологического общества» (см. подробные отсылки: [Данилова 1987: 142]).

На сегодняшний день особенно хорошо известен отчет В. С. Голенищева о его путешествии зимой 1888–1889 гг. [Голенищев 1890–1891; Данилова 1987: 143–175]: по словам О. Д. Берлева, «Египтолог читает этот отчет, как волшебную сказку» [Берлев 1997: 441]. Однако не менее эмоционально можно охарактеризовать и оставшийся без публикации отчет В. С. Голенищева о его путешествии двумя годами позже, в октябре 1890 — феврале 1891 г. Везение, сопутствовавшее ему в его научных делах, проявилось в этот сезон в полной мере: ему удалось участвовать в приеме в Египте наследника российского престола, цесаревича Николая Александровича (будущего Николая II) в ходе его путешествия на Восток, приобрести для своей коллекции первостепенные по значимости папирусы — записи «Путешествия Ун-Амуна в Библ» и «Ономастикона Аменемопе», правильно атрибутировать важную группу памятников царствования Аменемхета III (так называемые гиксосские сфинксы), изучить древности оазисов Западной пустыни, значение которых по-настоящему осмыслено лишь на нынешнем этапе развития египтологии. При этом рассказ Голенищева несет на себе неистребимый отпечаток его времени: это наблюдения египтолога и вместе с тем путевые заметки, подобные тем, что выходили в XIX в. из-под пера не только академических ученых и содержали множество характерных деталей (взять, например, настороженность в отношении Голенищева со стороны британских военных в Египте, неизбежную в те годы, когда Россию и Великобританию разделяли на Востоке серьезные военно-политические противоречия).

Публикуемый сейчас текст отчета В. С. Голенищева о путешествии в Египет в 1890–1891 гг. хранится в Архиве Владимира Голенищева в Париже (Centre Wladimir Golénischeff, École Pratique des Hautes Études)¹. Стоит заметить, что это один из сравнительно немногих находящихся там документов Голенищева, которые датируются последними десятилетиями XIX в. (большинство их относится не ранее чем к 1910-м годам). Очевидно, этот текст был подготовлен Голенищевым в 1891 г. Текст написан черными чернилами на сложенных вдвое листах линованной бумаги большого формата: всего в документе 21 лист, с нумерацией, внесенной самим его автором; все даты в его тексте указаны по старому стилю. По сравнению с другими документами Голенищева из парижского архива, в документе немного исправлений (большая их часть сделана простым карандашом). Относительная «чистота» этого текста объясняется тем, что он основан на черновых карандашных набросках, которые хранятся вместе с ним в одной красной папке; в ней же находятся и планы посещенных Голенищевым местностей, храмовых построек, сделанные им копии иероглифических текстов из оазиса Харга (их мы не публикуем). Вместе с тем исследуемый текст нельзя считать

¹ Полка EPHE_CWG_5GOL/23, коробка 4 ([http://www.calames.abes.fr/pub/#details?id=C](http://www.calames.abes.fr/pub/#details?id=Calames-20191311512341629)alames-20191311512341629).

завершенным: в нем есть ряд пропусков, которые ученый, видимо, планировал восполнить, и, кроме того, к концу он становится более обрывочным и не имеет заключения; последние четыре листа не несут на себе правки. Судя по всему, перед нами промежуточный вариант отчета, который Голенищев планировал использовать для итогового текста, направляемого в печать²; однако какие-то обстоятельства или соображения помешали не только опубликовать (за исключением очень небольшой его части, отразившейся в сильном сокращении во франкоязычной заметке: [Golénischeff 1893b]), но и завершить его. В публикации текст документа приведен в современной орфографии (за исключением собственных имен, для которых сохраняется авторское написание) и пунктуации.

* * *

Через год по моем возвращении из того путешествия по Египту, о котором я в 1890 г. дал краткий отчет на страницах этих записок³, я зимой 1890/1891 года снова посетил Египет. В продолжение шести месяцев, которые я в этот раз провел в стране фараонов, я дважды объездил Верхний Египет, а также совершил из Асуана поездку в Ливийскую пустыню, где, пройдя через небольшие оазисы Куркур и Дунгуль, посетил большой оазис эль-Хâригэ⁴. Много нового и в археологическом отношении интересного я встретил во время своих странствий и немало заслуживающих внимание предметов древности вновь вывез из Египта.

Думаю, мои почтенные сочлены не посетуют на меня, если, посягнув на их внимание, я в кратких словах познакомлю их с важнейшими результатами моего последнего путешествия.

18-го октября 1890 года, после очень благополучного переезда по Средиземному морю, я прибыл из Бриндизи в Александрию, не останавливаясь в этом городе, проехал прямо в Каир. Здесь главной заботой моей на первых порах было устройство вновь приобретенной мной даг'абии (парусного судна для плавания по Нилу), на которой я собирался посетить Верхний Египет. Осмотр египетского музея, переведенного незадолго до моего приезда из старого помещения в Булаке (предместье Каира)⁵ на новое место в большой Гизэский дворец, также меня очень занял, так как я тут мог ознакомиться со многими предметами, хранившимися прежде в кладовых и никогда не выставлявшимися за неимением в прежнем музее места⁶.

² Видимо, ему вообще было свойственно готовить по несколько черновиков своих работ; см. на примере введения к его труду о египетском синтаксисе: [Ладынин 2022: 223].

³ Очевидно, под упомянутыми ниже в тексте «сочленами» имеются в виду члены Восточного отделения Русского археологического общества (ср. [Данилова 1987: 143]), под «записками» — являющиеся его официальным органом «Записки...». До 1891 г. в них был опубликован отчет о путешествии Голенищева в Египет зимой 1888–1889 гг., который был помещен в т. 5 за 1890 г., вышедшем в 1890–1891 гг. (см. выше). В данном контексте явно имеется в виду путешествие 1888–1889 гг.; однако путешествие 1890–1891 гг. началось спустя более чем год после него (последний его датируемый эпизод — пребывание в Каире весной 1889 г. [Данилова 1987: 169]). Упоминание Голенищевым в данном контексте именно годовичного срока — или бессознательное округление, или ошибка, связанная с тем, что его опубликованный отчет датирован ноябрем 1889 г. [Там же: 175], т. е. действительно примерно за год до нового путешествия.

⁴ Современная транскрипция: эль-Харга.

⁵ Пояснение в скобках вписано сверху.

⁶ Нынешний Египетский музей, собрание которого, вплоть до открытия в 2017 г. Национального музея египетской цивилизации в Фустате, находилось на площади Тахрир в Каире. Создан основоположником систематического археологического изучения Египта

Особенное внимание в Гизэском музее я обратил на так называемых «сфинксов гиксосов», черты лица которых, как я уже однажды упомянул, очень схожи с чертами лица фараона Аменемта III-го на статуэтке № 729 в Императорском Эрмитаже⁷. Измерения, взятые мною с лица сфинксов, показали мне, что древнеегипетские скульпторы не всюду с математической точностью копировали свои оригиналы и в большинстве случаев довольствовались лишь тем, что схватывали наихарактернейшие черты того лица, которое старались воспроизвести. Как известно, «сфинксы гиксосов» по своим чертам лица отличаются от обыкновенных египетских статуй главным образом⁸ горбатым носом, сильно развитыми скулами, выдающимися мускулами у угла губ и резко очерченным сверху подбородком. Все перечисленные особенности, кроме носа, который в данном случае сломан, мы можем заметить и на эрмитажной статуэтке, а потому, спокойно откинув в сторону небольшую разницу в форме глаз, легко приходим к убеждению, что так называемые «сфинксы гиксосов» изображают того же фараона, как и эрмитажная статуэтка, а именно египетского фараона Аменемта III-го XII-ой династии.

Устранение гипотезы о «гиксосском» происхождении тех сфинксов, которые мною были тщательно осмотрены в Гизэском музее, представляет, как я полагаю, значительный интерес в египтологическом отношении, а потому я в небольшой французской статье, предназначенной для журнала Масперо⁹, собираюсь вскоре ознакомить моих коллег по египтологии с результатами моих исследований о сходстве фараона Аменемхета III-го с теми сфинксами, которые до сих пор приписывались обыкновенно гиксосам¹⁰.

Почти через месяц по моему приезду в Каир, а именно 11-го ноября, в Египет прибыл из Греции наследник цесаревич¹¹. Не стану здесь распространяться о всех празднествах, которые происходили в Каире в честь августейшего путешествен-

О. Мариеттом в 1863 г. («музей Булак»), перемещен в дворец хедива в Гизе директором Службы древностей Египта Э. Гребо в 1889 г. [Bednarski et al. 2020: 29, 37].

⁷ Имеется в виду царь XII династии Аменемхет III (1853–1806 гг. до н. э.; здесь и далее мы указываем датировки по: [Александрова и др. 2008: 26–170]). «Сфинксы гиксосов» — группа памятников, приписывавшаяся изначально царям из династий гиксосов (азиатских завоевателей Египта в XVII–XVI вв. до н. э.) и сейчас более известная как «таниские сфинксы» Аменемхета III; см.: [Nabachi 1978: 79–92]. В данном контексте Голенищев сравнивает эти памятники со статуей Аменемхета III, видимо, перешедшей в Эрмитаж из коллекции Кастильоне [Лапис, Матье 1969: 43, рис. 14 (№ 6)]. В дальнейшем Голенищев опубликовал свой вывод об их атрибуции этому царю [Golénisheff 1893a; cf. Nabachi 1978: 80], сопоставив их также с его знаменитой статуей из собственной коллекции, видимо, приобретенной в сезон 1888/1889 гг. (ГМИИ I, 1a 4757) [Берлев, Ходжаш 2004: 87–89].

⁸ Далее исправлено карандашом из «тем, что обнаруживают горбатый нос...» и т. д.

⁹ Гастон Масперо (1846–1916) — крупнейший французский египтолог, открыватель ряда важнейших археологических памятников, теоретик науки о древнем Востоке [Bierbrier 2019: 307–308]. Речь идет об издании им журнала «Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes», предназначенного прежде всего для оперативного введения в научный оборот вновь исследуемых памятников.

¹⁰ Явно имеется в виду [Golénisheff 1893a].

¹¹ О пребывании наследника цесаревича Николая Александровича, будущего Николая II, в Египте см.: [Ухтомский 1893: 61–231]; о том, что в его встрече в Каире участвовал «известный египтолог Голенищев»: [Там же: 72]. Совпадение даты прибытия цесаревича со свитой в Каир в дневнике Э. Э. Ухтомского («Воскресенье, 11 (22) ноября» [Там же: 70]) и в тексте Голенищева позволяет уверенно заключить, что последний обозначает даты по старому стилю. По материалам дневника Э. Э. Ухтомского написана статья Э. Е. Кормышевой, приуроченная к 150-летию со дня рождения Николая II и 100-летию гибели царской семьи [Кормышева 2018].

ника. Замечу лишь, что прием был чрезвычайно радушный и в нем принимали участие не только европейские колонии, но и самое местное население.

В Каире наследник цесаревич оставался недолго и вскоре проследовал в Верхний Египет. Во время этой поездки я имел счастье сопутствовать его императорскому высочеству, и на долю Бругша-бея, хранителя Гизэского музея¹², выпала лестная обязанность знакомить высоких путешественников с историческими достопримечательностями страны.

Поездка в Верхний Египет была весьма кратковременна (она длилась 11 дней), а потому о каких бы то ни было археологических находках или изысканиях и думать было нечего. Даже в Луксоре у местных антиквариев мне в этот раз ничего интересного повидать не удалось.

Крайним пунктом, до которого доезжал наследник цесаревич, был остров Филэ. Осмотрены были во время путешествия, в Фивах — древние храмы: Луксорский, Карнакский, Гурна, Дейр-эль-Бахари, Рамессеум, Мединет-Абу, Дейр эль-Мединэ и погребальные склепы фараонов Сети I-го и Рамсеса III-го, далее¹³ прекрасно сохранившийся храм в Эдфу, таковой же на острове Филэ и, наконец, в последний день путешествия, возле древнего Мемфиса — Серапеума, гробница Ти, пирамида Унас-а¹⁴ и колоссальная статуя Рамсеса II-го. От осмотра Эснэского, Дендерского и Абидосского храмов пришлось отказаться за недостатком времени.

Через пять дней после того, как наследник цесаревич покинул Каир, я 30-го ноября переселился из гостиницы на свою даг'абию, решив, как только подует благоприятный¹⁵ ветер, немедленно пуститься в путь, чтобы вторично, но уже в этот раз не торопясь, посетить Верхний Египет. Как назло, дувший почти ежедневно в продолжение всего ноября месяца северный ветер вдруг стих, и до 9-го декабря я должен был неподвижно простоять на одном и том же месте возле большого Каср-эль-Нильского моста!

Времяпровождением моим, как только я снялся с якоря, был разбор тех папирусных обрывков, которые были мной куплены во время пребывания моего в Каире. Как-то в начале ноября, за несколько времени до приезда наследника цесаревича, один из моих постоянных поставщиков древностей пригласил меня к себе и показал мне довольно значительное количество рукописей на папирусе. Часть этих рукописей, около 40 штук, представляли собой еще не развернутые свитки, а часть их была уже развернута (около 100 листов). Шрифт в большинстве случаев был или греческий, или демотический, и лишь несколько папирусных фрагментов были исписаны иероглифическим шрифтом. Откуда происходили все эти папирусы, я точно узнать не мог, так как вряд ли можно было положиться на слова продавца, утверждавшего, будто они все были раскрыты в развалинах городка Димэ, лежащего в Фаюме по ту сторону Керунского озера. Во всяком случае, как легко можно было заметить по шрифту, иератические фрагменты не могли принадлежать той же поздней эпохе, как греко-демотические папирусы, а потому едва ли все эти рукописи¹⁶ и могли быть найдены в одном и том же месте¹⁷.

¹² См.: [Ухтомский 1893: 132]. Генрих Бругш (1827–1894, с 1870 — Бругш-бей, с 1881 — паша) — крупнейший немецкий египтолог XIX в., глава существовавшей в Каире в 1869–1876 гг. школы египтологии [Bierbrier 2019: 71–72; Bednarski et al. 2020: 32].

¹³ Слово вписано сверху.

¹⁴ Так в оригинале.

¹⁵ Слово вписано сверху.

¹⁶ Сверху вписано карандашом: «все эти рукописи».

¹⁷ Вычеркнуто карандашом: «как и последние».

Насколько при быстром осмотре рукописей я мог заметить, большинство их состояло из контрактов, но попадались также и рукописи какого-то другого содержания. Очень интересными оказались те рукописи, на которых встречались одновременно и греческие и демотические тексты, но особенно мое внимание было привлечено иератическими фрагментами, так как на одном из них четко было начертано заглавие одного древнеегипетского сочинения, начало которого дошло до нас в недавно изданном французским египтологом Масперо папирусе Гуд (Hood) Британского музея¹⁸.

Меня крайне соблазняло приобрести эти папирусы во всей их совокупности, но, к сожалению, мой антикварий далеко не был скромнен в своих требованиях, и я никак с ним в цене сойтись не мог: его цена лишь вдесятеро превышала мою! Когда мне стало ясно, что всех рукописей получить невозможно, я выбрал несколько казавшихся мне наиболее интересными, но и тут предложенная¹⁹ мной цена не соблазнила продавца. Пришлось в конце концов ограничиться приобретением одних иератических фрагментов, которые в высшей степени²⁰ меня интересовали и от которых я ни за что отказаться не хотел.

Наружный²¹ вид купленных фрагментов был далеко не привлекательным: все они были перепутаны, скомканы и покрыты местами довольно крупными кристаллами натра²². Чтобы привести их в порядок надо было много досужего времени, а его-то у меня и не было в Каире. Поэтому до отъезда моего с наследником цесаревичем я купленными фрагментами почти не занимался и²³ разбор их²⁴ я отложил до моего путешествия в даг'абии. Каковы были мое удивление и моя радость, когда, по возвращении из поездки с наследником цесаревичем, т. е. почти через месяц после описанной покупки, один антикварий, с которым я прежде знаком не был, мне однажды принес целую жестянку папирусных обрывков с иератическими надписями точно того же шрифта, какой встречался на фрагментах, купленных еще в ноябре месяце. Нетрудно было убедиться, что вновь принесенные фрагменты пополняли собой прежние, а потому я ни минуты²⁵ не задумался присоединить и эти к приобретенным мною прежде. На мои расспросы, где найдены принесенные мне фрагменты, продавец мне указал на местечко²⁶ Хибэ против города Фешна, где, по его словам, был найден недавно глиняный сосуд, наполненный папирусами. Так как в находке участвовали несколько феллахов, то они разделили между собой найденные папирусы и стали продавать²⁷.

¹⁸ Речь идет о так называемом «ономастиконе Голенищева» (папирус ГМИИ 1,16 128), содержащем наиболее полную версию новоегипетского «Ономастикона Аменемопе» и в дальнейшем опубликованном и исследованном А. Х. Гардинером в его знаменитом труде «Древнеегипетская ономастика» [Gardiner 1947 (1): 27–29, 70, 1*–152*, (2): 1*–256*, (3): pls. VII–XIII]; см.: [Ладынин и др. 2020: 123, примеч. 44]. Упомянутый «папирус Гуд (Hood)» — еще один фрагментарный список «ономастикона Аменемопе» (папирус British Museum 10202) [Gardiner 1947 (1): 29–30, (3): pls. XIV–XV]; имеется в виду его публикация [Maspero 1888].

¹⁹ Исправлено из «предлагаемая».

²⁰ Сверху вписано карандашом: «более всего».

²¹ Слово вписано карандашом сверху.

²² Слово вписано сверху.

²³ Фрагмент от «до отъезда» до «и» вписан карандашом сверху.

²⁴ Слово вписано карандашом сверху вместо зачеркнутого «фрагментов».

²⁵ Вписано карандашом сверху «ни минуты».

²⁶ Перед «местечко» вычеркнуто «город».

²⁷ Вписано карандашом сбоку, начиная с «и...», с исправлением. Описание этой находки и ее реализации феллахами см. также: [Голенищев 1897: 45–46; Golénischeff 1899: 74].

Когда во время моего путешествия в даг^абии вверх по Нилу я наконец приступил к разбору²⁸ купленных в Каире папирусов и стал наподобие мозаики подгонять один фрагмент к другому, и у меня получились три различные рукописи: две были почти цельны, а в третьей, состоявшей первоначально из двух (а может быть, и из трех листов) не хватало довольно большого куска первой страницы.

По содержанию своему эти рукописи представляют значительный научный интерес²⁹.

Первая рукопись может быть названа «лексикографическим сборником». Тут, как и в лондонском папирусе Hood, мы встречаем длинный перечень всевозможных слов, расположенных в известном порядке. В начале перечислены³⁰ существительные, имеющие отношение к небу, к земле, к воде, напр[имер] «небо; солнечный диск; луна; звезда; созвездие Ориона» и проч. Далее идет класс слов, означающий всевозможные звания и должности (этот отдел начинается со слов «бог; богиня; мужской дух; женский дух; царь; царица; царская супруга; царская мать; царское дитя» и т. д.). На одном из слов, принадлежащих к этому классу, текст лондонского папируса внезапно прерывается, наш же папирус перечисляет далее, во-первых³¹, еще довольно значительное количество должностей, потом названия различных азиатских и африканских народов и главные города Египта³², различные постройки, полевые растения, [названия] всевозможных родов хлеба и печения, напитки и жидкости³³, и наконец отдельные части тела человека и животного.

Вторая рукопись, озаглавленная «Копия с письма, посланного священным отцом гелиопольского храма Уср-ма сыном Хоя для приветствия его друга, царского писца в храме (или дворце) фараона Усер-ма-ра-нехту, Парамес-а из (?) Гераклеополя», представляет собой древнеегипетское литературное произведение в виде письма. Текст неясен вследствие присутствия многих еще непонятных слов, часто³⁴ встречающихся излишних определительных знаков, а также большой неточности в орфографии отдельных слов. Вряд ли скоро можно будет дать точный перевод всей этой рукописи³⁵.

Третья рукопись — самая интересная — состоит из двух страниц, из которых лишь вторая вполне сохранилась³⁶.

Эпоха, к которой должно отнести все три рукописи, определяется последней рукописью³⁷. Тут египтянин Унамон³⁸ упоминает, что его в Финикию послал его господин Г^сер-Г^сор, а так как помянутый Унамон состоял жрецом в фивском храме Амона, то ясно, что его господином был никто иной, как главный жрец Амона Г^сер-Г^сор, т. е. именно тот Г^сер-Г^сор, который после смерти последнего из Рамесидов захватил в свои руки царскую власть и основал XXI-ую династию³⁹.

²⁸ Исправлено карандашом из «заялся разбором».

²⁹ См. характеристику этих папирусов: [Golénisheff 1893b: 88].

³⁰ Слово вписано сверху карандашом вместо зачеркнутого «мы встречаем».

³¹ Вписано сверху карандашом вместо зачеркнутого «сначала».

³² Далее вычеркнуты слова «потом» и «наконец».

³³ Вписано сверху карандашом «напитки и жидкости».

³⁴ Вписано сверху карандашом вместо зачеркнутого «вследствие».

³⁵ Папирус ГМИИ 1, 16 127; публикация: [Коростовцев 1961].

³⁶ В рукописи пропуск пяти строк.

³⁷ Знаменитый литературный текст конца Нового царства «Путешествие Ун-Амона в Библ» (папирус ГМИИ 1, 16 120); см. предварительные публикации В. С. Голенищева в примеч. 27; полная публикация: [Коростовцев 1960].

³⁸ Исправлено из «Унамон».

³⁹ Речь идет о событиях конца XX династии (1070–1060-е гг. до н. э.), когда «первый жрец Амона» в Фивах Херихор, имевший также ряд военных и административных полно-

Нетрудно заметить всю важность привезенных мной из Египта рукописей. Первая рукопись значительно расширяет наши познания по части лексикографии древнеегипетского языка, а содержащийся в этой рукописи перечень древнеегипетских городов дает ценный материал для дальнейших исследований по географии древнего Египта. Вторая рукопись представляет длинный текст, над разбором которого хотя и остается еще много потрудиться, но который, по более или менее ясным местам, кажется не лишенным интереса. Наконец, из третьей рукописи мы не только почерпаем массу сведений о торговых и политических сношениях египтян с финикийцами во времени XXI-ой династии, но еще узнаем, что под именем Цакка-ру⁴⁰ египтяне разумели никак не тевкров, как многие ученые до сих пор полагали, а какую-то народность, жившую в стране, богатой строевым лесом, по соседству от Библиоса (древнеегипетск. Капуна⁴¹), может быть даже самих финикийцев⁴².

Во время моего путешествия вверх по Нилу первой моей остановкой было местечко Хибэ, где от местных жителей мне хотелось разузнать некоторые подробности об открытых здесь будто бы папирусах. Втайне я питал надежду, что, может быть, мне повезет здесь также отыскать недостающие фрагменты моих папирусов. Но к вящему моему разочарованию я никаких сведений здесь о папирусах не получил, хотя имел случай убедиться, что феллахами действительно за последнее время были сделаны кое-какие раскопки. Валявшиеся там и сям остатки мумий и вырытые местами ямы свидетельствовали, что развалины Хибэ уже стали привлекать⁴³ к себе внимание доморожденных археологов-кладокопателей. Здесь, между прочим, недавно также⁴⁴ был найден⁴⁵ небольшой древнеегипетский храм, но, когда я прибыл в Хибэ, он еще не вполне был открыт, так как ожидался приезд г[осподи]на Гребо⁴⁶ — директора Гизэского музея для дальнейших раскопок.

После Хибэ я останавливался в Ахмиме, где ожидал по примеру прежних лет найти немало интересных древностей. Но в этот раз кроме коптских материй здесь ничего не нашлось, да и за те продавцы требовали до того бессовестные цены, что я ровно ничего от них не купил.

В Луксоре я застал в полном ходу работы по расчистке храма. Под руководством г[осподи]на Даресси⁴⁷, молодого помощника Гребо, часть храма, лежащая

мочий, фактически присвоил себе власть в южном и среднем Египте при формальном царствовании Рамсеса XI. Голенищев ошибается — основателем XXI династии был возвысившийся одновременно в Нижнем Египте (с резиденцией в Пер-Рамесесе, а затем в Танисе) Несубанебджед (Смендес); Херихор хотя и присвоил себе некоторые атрибуты царского статуса, но все же царем себя не провозгласил. См. подробно: [Kitchen 1986: 247–257].

⁴⁰ См. о народе *tkr*: [Коростовцев 1960: 40–42]; см. примечательное возвращение к оспариваемому Голенищевым отождествлению этого этнонима с тевкрами — обитателями Троады — в связи с возможными их миграциями в ходе движения «народов моря» конца XIII — начала XII вв. до н. э.: [Сафронов 2018: 90–93]. До обнаружения «Путешествия Ун-Амуна» данный этноним был известен из текстов времени Рамсеса III; кроме того, он упоминается в приобретенном Голенищевым списке «Ономастикона Аменемопе».

⁴¹ *Kbn, Kpni* [Erman, Grapow 1955 (5): 118 (2)].

⁴² В рукописи далее пропуск строки.

⁴³ Исправлено карандашом из «привлекли».

⁴⁴ Слово вписано карандашом сверху.

⁴⁵ Далее вычеркнуто «также».

⁴⁶ Эжен Гребо (1846–1915) — французский египтолог, в 1886–1892 гг. директор Службы древностей Египта [Bierbrier 2019: 191].

⁴⁷ Жорж Даресси (1864–1938) — французский египтолог, исследователь и публикатор большого числа археологических памятников [Bierbrier 2019: 120].

между большим пилоном Рамсеса II-го и большой колоннадой, была наполовину освобождена от массы мусора, ее покрывавшего. Другая половина этой части храма оставалась нерасчищенной, так как тут, среди развалин, приютилась небольшая мечеть, а последнюю невозможно было снести, не задев фанатизма местного мусульманского населения.

Незадолго до моего приезда⁴⁸ наружные стены храмы с западной и южной стороны⁴⁹ сделались доступными к осмотру: на них сохранились некоторые сцены из азиатских походов Рамсеса II-го. Небольшая раскопка была произведена еще⁵⁰ в северной части деревни Луксора среди⁵¹ площади возле⁵² Карнакской гостиницы. Здесь были найдены остатки сфинксовой аллеи, ведущей от пилона Луксорского храма по направлению к Карнаку. Судя по надписи одного из полуразрушенных сфинксов, вновь найденная аллея сфинксов относится ко времени Нектанеба II (Нехтнебеф)⁵³.

Храм Мединет-Абу также расчищался. Тут работали руководитель г[осподи]н Буриан, начальник французской археологической школы в Каире⁵⁴. От мусора были вполне очищены первый и второй дворы, в первый пилон был найден вход, и вдоль наружной стороны первого пилона в кучах мусора, прилегающих к этому пилому, была вырыта глубокая траншея, благодаря которой получилась возможность ознакомиться с массой весьма любопытных географических имен, обозначавших местности, которые считались подвластными Рамсесу III-ему. Часть этих местностей принадлежит Сирии, а часть Эфиопии и окрестностям южной части Красного моря.

К числу достопримечательностей, которые мне еще пришлось повидать в Луксоре, следует также отнести десять или двенадцать демотических папирусных свитков (еще неразвернутых), продававшихся у одного из местных антиквариев. Слух об этих папирусах еще за несколько времени до моего приезда в Египет достиг парижского ученого Ревилью (Révillout)⁵⁵ и этот знаток демотической литературы поспешил ранней осенью 1890-го года прибыть из Парижа в Луксор специально для того, чтобы приобрести за счет Луврского музея эти папирусы. Сделать ему это не удалось, так как продавец требовал с него за них какую-то баснословную цену (кажется, 1000 фунтов стерлингов!!!). Даже по отъезде Ревилью луксорский антикварий не решался понизить своей цены, так что и мне о приобретении этих папирусов пришлось отложить всякие попечения. Впрочем, эти демотические рукописи, представлявшие собой без сомнения какие-нибудь древние контракты, далеко не могли сравниться по своему интересу с имевшимися у меня на даг[а]бии иератическими рукописями. Поэтому я и не особенно сокрушался тем, что был принужден от них отказаться.

⁴⁸ Начальные слова вписаны сверху.

⁴⁹ Далее вычеркнуто «также теперь».

⁵⁰ Исправлено вместо «также».

⁵¹ Далее вычеркнуто «небольшой».

⁵² Исправлено вместо «не входя».

⁵³ Данное личное имя (*Nht-nb.f* — «Силен владыка его») было позднее [Spiegelberg 1914: 6] атрибуировано Нектанебу I, основателю последней XXX династии царей Египта (ок. 379/378 — 361/360 гг. до н. э.).

⁵⁴ Урбэн Буриан (1849–1903) — французский египтолог, ученик и сотрудник Г. Мاسперо, в 1886–1898 гг. директор Французского института восточной археологии в Каире [Bierbrier 2019: 64].

⁵⁵ Эжен Ревийю (1843–1913) — французский египтолог, специалист по текстам I тыс. до н. э. на демотическом языке, один из первых исследователей древнеегипетского права [Bierbrier 2019: 390–391].

Остается мне еще упомянуть о небольшом фрагменте армянской рукописи на папирусе (!), попавшем в руки моего друга г[осподи]на Буриана (Bouriant)⁵⁶, а также о коптской рукописи, купленной мной от одного из жителей Гурны в день моего отъезда из Луксора. Разбором последней рукописи в настоящее время занимается мой друг Оскар Эдуардович Лемм⁵⁷.

Луксор я покинул 12-го января и через 4 дня прибыл в Ассуан. Здесь я почти одновременно⁵⁸ занялся двумя делами: во-первых, на острове Сехейле, лежащем недалеко от Ассуана, стал списывать длинную надпись, которая недавно была открыта американским египтологом Вильбуром⁵⁹, а во-вторых, начал готовиться к поездке в оазис эль-Харигэ, где собирался ознакомиться с иероглифическими надписями тех древнеегипетских храмов, которые еще не были посещены ни одним египтологом.

Надпись в Сехейле интересна тем, что в ней упоминается о семи годах голода, случившихся в царствование какого-то фараона, имя которого не совсем ясно в оригинале⁶⁰. Хотя слова «семь годов голода», встречающиеся в этой надписи, немедленно вызывают в памяти те семь голодных годин, о которых упоминается в Библии («...»)⁶¹, однако они с последними ничего общего не имеют. Вкратце содержание этой надписи, изданной в недавнее время известным египтологом Генрихом Бругшем по фотографическому снимку Вильбура⁶², следующее: «...»⁶³

Что касается моих приготовлений к экскурсии в оазис, то⁶⁴ считаю нужным упомянуть о них в нескольких словах.

За разрешением на проезд из Ассуана в большой оазис мне пришлось обратиться к сирдару египетских войск генералу Гринфилю⁶⁵, которого я застал в Ассуане и который меня отрекомендовал своему помощнику Вудгоузу (Woodhouse)-паше, начальнику всех туземных гарнизонов, расположенных в южной части Египта. Последний отнесся ко мне очень любезно и обещал мне свое содействие

⁵⁶ Единственный известный на сегодняшний день папирус с армянским текстом — Bibl. Nat. Arm 332; при этом его история начинается с приобретения французским ученым Огюстом Каррье у арабского торговца в конце XIX в. (до 1892 г.) [Clackson 2000: 223–258]. Неясно, какова роль У. Буриана в судьбе этого папируса, однако, очевидно, он был приобретен уже после того, как стал известен Голенищеву (видимо, в 1891 г.).

⁵⁷ Оскар Эдуардович Лемм (Оскар фон Лемм; 1856–1918) — египтолог и коптолог, немец — уроженец России, получивший образование в Германии и служивший в Азиатском музее Императорской академии наук и в Санкт-Петербургском университете [Еланская 1972: 516–523; Bierbrier 2019: 275]. Имеется в виду папирус ГМИИ I, 16 686 с текстом апокрифических Деяний апостолов Петра и Павла [Lemm 1892; Elanskaya 1994: 41–59].

⁵⁸ «Почти одновременно» вписано сверху вместо «сразу».

⁵⁹ Исправлено карандашом из «которую недавно открыл американский египтолог Вильбур». Чарльз Эдвин Уилбур (устоявшаяся русская транскрипция: Вильбур; 1833–1896) — американский бизнесмен, обратившийся к египтологии после краха «аферы Твида» в США в 1870-е годы, путешественник и коллекционер [Bierbrier 2019: 490].

⁶⁰ Так называемая «Стела голода» — надпись, видимо, II в. до н. э., составление и действие которой отнесено к царствованию Джосера (III династия, начало XXVIII в. до н. э.) [Barguet 1953; Берлев 1999].

⁶¹ Пропуск в оригинале, в который осталась не вписана отсылка к библейскому тексту; должно быть Быт 41.

⁶² [Brugsch 1891].

⁶³ В рукописи пропуск трех строк.

⁶⁴ Слово вписано сверху.

⁶⁵ Френсис Уоллес Гренфелл (1841–1925), 1-й барон Гренфелл, сирдар (главнокомандующий) египетской армии (1885–1892), генерал-майор (1889). Британский контроль над египетской армией был связан с режимом оккупации (с 1882 г.).

при составлении каравана. Но, как я вскоре мог заметить, его вмешательство в мои дела было вызвано гораздо более политической подозрительностью, чем действительным желанием оказать мне какую бы ни было услугу.

Когда я для отыскания верблюдов и проводников обратился к живущему постоянно в Ассуане и лично мне знакомому главному шейху племени Абабфе Бешир-бею, мне Вудгоуз-паша стал энергично рекомендовать какого-то другого шейха, которого я совсем не знал и к которому мог питать лишь слабое доверие: Вудгоузу-паше, казалось, были неприятны мои дружеские отношения к одному из главных арабских шейхов и он даже⁶⁶, как я между прочим узнал, отдал негласно Бешир-бею строжайшее предписание прервать те переговоры, в которые последний было вступил со мной относительно верблюдов и проводников. Делать было нечего, пришлось принять любезное (!) предложение Вудгоуз-паши.

Немало я был также удивлен, когда Вудгоуз-паша, познакомив⁶⁷ меня с одним из состоящих в египетской службе английских офицеров, Чапманом⁶⁸-беем, заявил, что последний⁶⁹ одновременно со мной собирался предпринять поездку в оазис эль-Харигэ. Так как этот офицер имел свой караван, свою провизию и своих проводников, то он, по словам Вудгоуза⁷⁰-паши, ни в чем не мог мне помешать, а вместе с тем был бы рад, если бы мог совершить свою поездку в моей компании. Конечно, в интересе моей поездки, я⁷¹ и тут не протестовал, хотя я⁷² и вполне сознавал, что Чапман едет неспроста, а, по всей вероятности, потому⁷³ что английские власти нашли нужным приставить ко мне одного из своих соотечественников. Загадочной мне была⁷⁴, как, впрочем, остается и поныне, цель этого поступка. Боялись ли английские власти за мою безопасность? Едва ли, так как, давая мне разрешение на проезд, Вудгоуз-паша категорически заявил мне, что никакой ответственности за мою безопасность египетское правительство на себя не берет. Думали ли англичане воспрепятствовать мне делать какие бы то ни было наблюдения во время путешествия по пустыне, считая меня, может быть, за какого-нибудь шпиона? Не знаю, но весьма возможно, что им несколько подозрительным показалось то обстоятельство, что во время моего путешествия к Красному морю я так усердно обращался с расспросами к моему проводнику и записывал чуть ли не от минуты до минуты направление пройденного пути. Наконец, может быть, местные английские офицеры просто не хотели опростоволоситься, если бы мне в той части⁷⁵ пустыни, которая у них⁷⁶ считалась безопасной, все же пришлось столкнуться с какими-либо махдистами⁷⁷, а потому не невозможно, что они⁷⁸, мо-

⁶⁶ Далее вписано сверху и вычеркнуто неразборчивое слово.

⁶⁷ Исправлено карандашом из «познакомил».

⁶⁸ Исправлено карандашом из «Чапман».

⁶⁹ «Заявил, что последний» вписано сбоку карандашом вместо вычеркнутого «который».

⁷⁰ Исправлено карандашом из «Вудгоуз».

⁷¹ Слово вписано карандашом сверху.

⁷² «Я» вписано сверху карандашом вместо зачеркнутого «мне».

⁷³ Фрагмент от «сознавал» до «потому» вписан сверху и сбоку карандашом начиная с «сознавал...» вместо вычеркнутого «было ясно».

⁷⁴ Слово вписано сверху карандашом вместо зачеркнутого «оставалась».

⁷⁵ «Той части» вписано сверху.

⁷⁶ «У них» вписано сверху карандашом.

⁷⁷ Государство, созданное Мухаммадом Ахмадом («Махди») в начале 1880-х годов, продолжало существовать в Судане вплоть до 1898 г., когда было разгромлено войсками Г. Китченера, а его территория поставлена под англо-египетский контроль; см., например: [Green 2007].

⁷⁸ «Не невозможно, что они» вписано сверху карандашом.

жет быть⁷⁹, под благовидным предлогом приставили ко мне английского офицера и одиннадцать⁸⁰ вооруженных винтовками⁸¹ арабов с одиннадцатью лишь легко навьюченных верблюдами.

Как впоследствии оказалось, мой англичанин-спутник Чапман-бей⁸² был прелюбезным и препокладистым человеком, так что я вскоре с ним совершенно подружился и во время всего пути ничуть не сожалел, что с ним познакомился. 21-го января я покинул Ассуан⁸³ по направлению к небольшому оазису Куркур'у, который, по имевшейся у меня карте, должен был находиться на пути от Ассуана до южной оконечности оазиса эль-Хâригэ. Весь первый день мы шли почти прямо на запад, и все время путь наш шел вдоль древнеримской дороги, следы которой ясно выделялись среди пустыни. Древняя дорога эта, вымощенная каменными плитками там, где она должна была пересекать песчаные местности, начиналась у Нила к югу от развалин [нрзб.] коптского монастыря и⁸⁴ направлялась по указанию моих проводников к горе эль-Г'âра, где, по всей вероятности, в древности были или какие-то копи или каменоломни. К этой горе мы не подходили, а, свернув с древнеримской дороги, обогнули гору Г'âра около южной ее оконечности.

На второй день вечером мы достигли небольшого оазиса Куркур'а, в котором от египетского правительства был поставлен для сторожевой службы гарнизон, состоявший человек из десяти бедуинов.

Когда при приезде я обратился к нескольким из этих бедуинов с вопросом, есть ли прямой караванный путь от Куркур'а в оазис эль-Хâригэ, они мне ответили, что такой путь имеется и им известен. Но как скоро в Куркур пришли мои вьючные верблюды и отставший немного шейх моих бедуинов, временные обитатели Куркур'а, к немалому моему удивлению, вдруг стали уверять, что никакого прямого пути от Куркур'а в эль-Хâригэ нет. То же самое стали утверждать и мои проводники, хотя еще в Ассуане они мне говорили, что знают самый прямой и кратчайший путь от Куркур'а в эль-Хâригэ. Удивительнее всего, что и проводники Чапмана не оказались более сведущими, чем мои, так что, когда нам пришлось выступить далее из Куркур'а, они ни за что не захотели вести нас к оазису эль-Хâригэ прямо, т. е. в северо-западном направлении, а стали настаивать на том, что нам из Куркур'а следовало, во-первых, направиться к юго-западу в оазис Дунгуль, а уже оттуда свернуть на север по большому караванному пути, ведущему из Дар-Фора в эль-Хâригэ.

Почему обитатели Куркур'а при встрече с нашими людьми так внезапно изменили свои показания и стали отказываться от того, что первоначально мне заявили, — я точно объяснить не берусь, но во всяком случае мне поведение моих проводников и моего шейха в данном случае показалось довольно подозрительным: им точно кем-то было предписано не показывать мне кратчайшего пути от Ассуана в эль-Хâригэ. Мой английский товарищ также мало проявил энергии и странным образом не постарался даже⁸⁵ разъяснить встретившегося недоразумения, хотя ему, как англо-египетскому офицеру, это было несравненно легче сделать, чем мне.

⁷⁹ «Может быть» вписано сверху.

⁸⁰ Далее вычеркнуто «арабов».

⁸¹ Далее до конца фразы исправлено карандашом из «и имевших при себе одиннадцать совершенно легко навьюченных верблюдов».

⁸² «Чапман-бей» вписано сверху карандашом.

⁸³ Максимально стяженное описание путешествия в оазис Харга (с датировкой отъезда из Ассуана 24 января по старому стилю) см. в [Golénisheff 1893b: 87–88].

⁸⁴ Фрагмент от «начиналась» до «и» вписан сбоку карандашом с «начиналась...».

⁸⁵ Слово вписано карандашом сбоку.

Итак, после Куркура пришлось волей-неволей по единодушному приговору наших проводников сделать большой загиб, прежде чем дойти до большого оазиса.

Выступив из Куркура 26-го января, мы 28-го в 1 ч[ас] п[осле] п[олудня] достигли оазиса Дунгуль.

Последний оазис представляет собой довольно узкую ложину, заросшую несколькими десятками пальм дум. Никто в Дунгуле не живет и, по всей вероятности, никогда и не жил, так как тут, как, впрочем, и в Куркур'е⁸⁶, нигде следов прежнего человеческого⁸⁷ жилья не замечается. Вода, которую здесь мои бедуины добыли, вырвав в песке несколько неглубоких ям, оказалась весьма дурного качества.

От Дунгуля до первого колодца в оазисе эль-Харигэ мы шли 4 дня⁸⁸.

Первый древнеегипетский храм, который я посетил в большом оазисе⁸⁹, был храм, носящий в настоящее время название Душ-эль-Калаа. Как было известно по греческой надписи, скопированной в Душе еще в 18<...>⁹⁰ году французским путешественником Кальо (Caillaud), этот храм в древности носил у греков название Κουσις и главным божеством его был Серапис⁹¹. В списанных мною здесь иероглифических надписях главное божество всюду носит название «приходящий (а может быть, и “пришлый”)⁹² Осирис⁹³, владыка местности Кеш (Куш)⁹⁴). Очевидно, тут название Кеш (Куш) (хотя оно и написано точно так же, как обыкновенно пишется древнеегипетское название Эфиопии^{95*96}) не может означать что-либо другое, как самый храм и окружающую его местность, а потому легко видеть в названии Кеш (Куш) прототип как греческого Κουσις, так и теперешнего Душ.

Храм в Душ-эль-Калаа относится к довольно поздней эпохе, что легко усмотреть из иероглифических надписей, в которых встречаются имена Адриана и Домициана.

Второй храм, посещенный мной в большом оазисе (4-го февраля), также относится ко времени римского владычества. (В надписях встречаются имена

⁸⁶ «Как, впрочем, и в Куркур'е» вписано сверху начиная с «как».

⁸⁷ Вписано сверху карандашом и чернилами «прежнего человеческого» вместо зачеркнутого «старого».

⁸⁸ Сбоку приписка карандашом: «по большой [дороге (?)]», далее фраза явно не завершена.

⁸⁹ См. в целом об оазисе Харга и его памятниках: [Jackson 2002: 163–228].

⁹⁰ В. С. Голенищев оставил пробел, чтобы вписать точную дату. Путешествие Ф. Кайо в оазис Харга состоялось в 1818 г. [Caillaud 1821: 85–98].

⁹¹ Серапис (Сарапис) — божество, чтившееся в эллинистической и римской ойкумене и представлявшее собой рецепцию образа Осириса в сочетании с рядом компонентов образов греческих богов (Зевса и Плутона); см., например, с отсылками к литературе: [Pfeiffer 2008].

⁹² Слова в скобках вписаны на полях.

⁹³ *Wsir iywy* [Dils 2000: 188–191; Leitz 2002 (2): 537].

⁹⁴ *nb Kš* [Dils 2000: 191; Leitz 2002 (3): 766].

^{95*} Весьма вероятно, что как наименование «приходящий (пришлый [вставлено сверху] Осирис», так и название Кеш (Куш) стоит в близкой связи с тем обстоятельством, что в древности Душ был первым храмом, которого достигали караваны, приходившие из Эфиопии (сноска В. С. Голенищева в рукописи. — *И. Л.*).

⁹⁶ Интерпретацию, схожую с предложенной Голенищевым (см. выше его примечание), выдвигал П. Верню [Vernu 1979: 12], однако, по мнению П. Дильса, данный эпитет Осириса (Сараписа) вернее понимать просто как «Осирис пришел» [Dils 2000: 188]. Иероглифическое

написание данного топонима: [Gauthier 1925–1931 (5): 208] (последнее написание со ссылкой на [Golénisheff 1893b: 87]).

Антонина.)⁹⁷ Его местные жители называют Каср Айн Зейân. Древнеегипетского имени этого храма я, к сожалению, по находившимся тут иероглифическим надписям в точности определить не мог, так как во всех местах, где это имя встречается, оно не настолько хорошо сохранилось, чтобы его можно было прочесть. Греческое название храма, как известно, было Тхонемирис.

Невдалеке от храма Каср Айн Зейан'а находится на большом холме храм Каср-Гузта⁹⁸. Иероглифическое его название: Пе-усехет⁹⁹. Он относится ко времени Птолемея III Эвергета I и Птолемея IV Филопатора I¹⁰⁰.

5-го февраля вечером я достиг эль-Харигэ — главного города большого оазиса и на следующий день утром отправился к развалинам лежащего в получасовом расстоянии большого храма Амона. В 1875 году храм этот был посещен известным египтологом Гейнрихом Бругшем, который в 1878 году издал описание его¹⁰¹. Во время моего пребывания в этом храме я проверил и во многих местах пополнил и поправил все опубликованные в сочинении Бругша иероглифические тексты, а также списал некоторые надписи, не попавшие в сборник Бругша.

9-го февраля я покинул эль-Харигэ, а 13-го, т. е. на 21-ый день по выступлении из Ассуана, я прибыл в Луксор, где меня ожидала вернувшаяся сюда из Ассуана моя дагабия.

В Луксоре я с удивлением услышал о необыкновенно интересной находке, сделанной незадолго до моего приезда начальником Гизэского музея, господином Гребо, которому во время раскопок на месте древнего фивского некрополя повезло отыскать целую массу саркофагов с мумиями нескольких поколений жрецов Амона¹⁰². К сожалению, мне не удалось повидать вновь найденные археологические сокровища, так как все было уже сложено в большую баржу, которая должна была вскоре отвезти все найденные вещи из Луксора в Каир.

Второе мое пребывание в Луксоре было не особенно продолжительно: оно длилось всего восемь дней, после чего я 22-го февраля на почтовом пароходе уехал в Уади-Хальфу (у вторых нильских порогов), имея главным образом в виду посетить в Нубии недавно совершенно очищенные от песка храмы в Абу-Симбел'е и Уади-Хальфе.

Поездка оказалась небезрезультатной, так как в Абу-Симбел'е мне в первый раз удалось повидать и скопировать интересные в этнографическом отношении фигуры пленных азиатов, высеченные на цок[о]ле одной из гигантских статуй Рамсеса II-го перед фасадом храма¹⁰³, а в Уади-Хальфе я ознакомился с целой серией надписей, упоминающих о посещении этого храма различными посланниками, которые во времена Рамессидов по поручению фараонов отправлялись из Египта в Эфиопию через Уади-Хальфу. Надписи эти еще никем не изданы. На одной из колонн Уади-Хальф'ского храма я также заметил следы небольшой <...>¹⁰⁴ надписи, по всей вероятности, современной с такими же надписями в Абу-Симбел'е.

На обратном пути, в Ассуане, я встретился с Гребо, который был занят исследованием большой лабиринтообразной пещеры, недавно найденной в одной из

⁹⁷ Предложение в скобках вписано сверху.

⁹⁸ Современная транскрипция: Каср эль-Гуэйда.

⁹⁹ *Pr-wzht* [Porter, Moss 1951: 291].

¹⁰⁰ Соответственно, 246–222 и 222–206 гг. до н. э.

¹⁰¹ [Brugsch 1878].

¹⁰² Так называемый Баб эль-Гасус, или «вторая находка в Дейр эль-Бахри», — самое большое из нетронутых погребений, найденных в Египте [Sousa 2017].

¹⁰³ Об интересе Голенищева к этим изображениям в дальнейшем см.: [Васильева, Ладынин 2021: 1027].

¹⁰⁴ Пробел в строке оставлен В. С. Голенищевым в рукописи.

скал на северо-западе от Ассуана, вблизи места, носящего название Куббет-эль-Хауа. Как мне сам Гребо сообщил, в этой пещере были найдены части бараньих скелетов, а потому было весьма близко предположить, что в этой пещере в древности хоронились бараны, считавшиеся священными животными б-га¹⁰⁵ Хнума, покровителя близлежащего Ассуана и острова Элефантин. Впрочем, больших подробностей об этой пещере мне Гребо еще не мог дать¹⁰⁶.

Вскоре по возвращении моем в Луксор, где я покинул пароход и снова поселился на моей дагабии, я вторично встретился с Гребо, который почти вслед за мной прибыл в Луксор. Во время моего путешествия в Вади-Хальфу Гребо сделал весьма интересные раскопки в местности Эль-Каб. Тут под основанием храма времени Рамсеса II-го им найден был один сфинкс (из белого известняка) точно того же типа, как и те сфинксы, которые обыкновенно приписываются гиксосам, а по моему мнению изображают фараона Аменемхā III-го XII-ой династии¹⁰⁷. Находка Гребо вполне подтверждает мое предположение, так как присутствие сфинкса помянутого типа в эль-Каб ничуть не удивительно, если признать, что открытый сфинкс принадлежит эпохе фараона Аменемхā III-го: этот фараон, как известно, царствовал над всем Египтом, а потому мог по себе оставить между прочим и в эль-Каб памятники, послужившие в последующие времена другому фараону строительным материалом. Если же вновь найденному сфинксу приписать гиксосское происхождение, то объяснить находку Гребо становится чрезвычайно трудно, так как гиксосы никогда всем Египтом не владели, а местопребыванием их была исключительно Дельта Нила¹⁰⁸.

Во время моего обратного путешествия по Нилу я остановился в Меншиэ¹⁰⁹, Ахмиме и эль-Хибэ.

В Меншиэ я приобрел каменную плиту с греческой надписью следующего содержания: <...>¹¹⁰.

В Ахмиме я добыл несколько пергаментных, исписанных коптскими текстами, листов, которые я передал на рассмотрение моему другу Оскару Эдуардовичу Лемму. По его словам, они содержат: <...>¹¹¹.

В Хибэ небольшой храм, который не был разрыт, когда я поднимался по Нилу, теперь оказался вполне доступным к осмотру: по приказанию Гребо он был очи-

¹⁰⁵ Так в рукописи.

¹⁰⁶ Подробное исследование этого погребения священных животных проводилось уже в 1900-е годы [Крам 2013].

¹⁰⁷ Сфинкс Cairo CG 391 [Haneу 2020: 557–558, pl. XLIV].

¹⁰⁸ Строго говоря, Голенищев не совсем прав, так как вассалитет по отношению к гиксосам признавал весь Египет, а также Куш; однако поскольку на территории вассальных владений гиксосов более ожидаемы памятники местных правителей, а не их гиксосских сюзеренов, его рассуждение имеет силу.

¹⁰⁹ Современная транскрипция: эль-Манша.

¹¹⁰ Пропуск в три строки оставлен Голенищевым в рукописи. Имеется в виду стела из Птолемаиды ГМИИ I, 1а 3015 [Berlev, Hodjash 1982: 279, pl. 204 (no. 204)].

¹¹¹ Пропуск в три строки оставлен Голенищевым в рукописи. А. И. Еланская указывает, что ахмимское происхождение устанавливается для трех коптских рукописей из собрания Голенищева, изданных Леммом [Elanskaya 1994: 3], причем все три выполнены на пергаменте: ГМИИ I, 16 292 (мученичество Гераклида) [Lemm 1913: 23–24; Elanskaya 1994: 120–125, pls. XLVI–XLVII]; ГМИИ I, 16 650 (фрагмент Книги Бытия) [Lemm 1972: 34–37 (500–503); Elanskaya 1994: 399–402, pls. CXLVII–CXLVIII]; ГМИИ I, 16 662 (фрагмент жития Иоанна Златоуста) [Lemm 1906: 099–100; Elanskaya 1994: 144–149, pls. LI–LIII]. До сих пор время приобретения этих рукописей Голенищевым не было известно, однако, разумеется, неясно, сообщает ли он в данном контексте о приобретении одной из них или всех их.

щен от мусора. Иероглифические надписи указывали на фараона Шешонка <...>¹¹² дин[астии] как на строителя этого храма.

В Каире я застал известного египтолога Гейнриха Бругша-пашу, который прибыл в Египет для того, чтобы получить от египетского правительства разрешение на разработку древних копей в пустынях, прилегающих с востока и запада к Асуану.

Литература

- Александрова и др. 2008 — *Александрова Н. В., Ладынин И. А., Немировский А. А., Яковлев В. М.* Древний Восток: Учеб. пособие для вузов. М.: Астрель; АСТ, 2008.
- Берлев 1997 — *Берлев О. Д.* Египтология // История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 г. / Под ред. А. А. Вигасина, А. Н. Хохлова, П. М. Шаститко. М.: Вост. лит., 1997. С. 434–459.
- Берлев 1999 — *Берлев О. Д.* Два периода Сотиса между Годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и Годом 2 фараона Антонина Пия // Древний Египет: язык — культура — сознание: По материалам египтолог. конф. 12–13 марта 1998 г. / [Отв. ред. О. И. Павлова]. М.: Присцельс, 1999. С. 42–62.
- Берлев, Ходжаш 2004 — *Берлев О. Д., Ходжаш С. И.* Скульптура древнего Египта в собрании Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. М.: Вост. лит., 2004.
- Большаков 2007 — *Большаков А. О.* Голенищев и мы // Петербургские египтологические чтения–2006: К 150-летию со дня рождения В. С. Голенищева: Доклады / Под ред. А. О. Большакова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2007. (Тр. Гос. Эрмитажа; 35). С. 5–13.
- Васильева, Ладынин 2021 — *Васильева О. А., Ладынин И. А.* Накануне великой войны: переписка Алана Х. Гардинера и В. С. Голенищева 29–30 июля 1914 г. // Вестник древней истории. Т. 81. № 4. 2021. С. 1015–1029.
- Голенищев 1887 — *Голенищев В. С.* Эпиграфические результаты поездки в Уади Хаммамат // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1887. С. 69–79.
- Голенищев 1890–1891 — *Голенищев В. С.* Археологические результаты путешествия по Египту зимой 1888–1889 г. // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 5: 1890. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1890–1891. С. 1–30.
- Голенищев 1897 — *Голенищев В. С.* Гиератический папирус из коллекции В. Голенищева, содержащий отчет о путешествии египтянина Уну-Амона в Финикию // Сборник статей учеников профессора барона Виктора Романовича Розена ко дню двадцатипятилетия его первой лекции 13-го ноября 1872–1897. СПб.: Тип. Имп. Акад. Наук, 1897. С. 57–68.
- Данилова 1987 — Выдающийся русский востоковед В. С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912) / Под ред. И. Е. Даниловой. М.: Сов. художник, 1987. (Из архива ГМИИ; Вып. 3).
- Еланская 1972 — *Еланская А. И.* Коптология // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР / Под ред. А. Н. Кононова и др. М.: Наука; Гл. ред. вост. литературы, 1972. С. 516–526.
- Кормышева 2018 — *Кормышева Э. Е.* В. С. Голенищев и цесаревич Николай. Встречи на Ниле // Вестник Института востоковедения РАН. 2018. № 4. С. 176–183.

¹¹² Номер династии не указан, для него в рукописи оставлен пропуск. Речь должна явно идти об основателе XXI ливийской династии Шешонке I (945–924 гг. до н. э.), храм которого в эль-Хибе, важном укрепленном пункте ливийского времени в Среднем Египте, известен [Porter, Moss 1934: 124].

- Коростовцев 1960 — *Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библ. Египетский иератический папирус № 120 ГМИИ им. А. С. Пушкина в Москве. М.: Изд-во вост. лит., 1960. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия).
- Коростовцев 1961 — *Коростовцев М. А.* Иератический папирус № 127 из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина. М.: Изд-во вост. лит., 1961.
- Ладынин 2022 — *Ладынин И. А.* Взгляды В.С. Голенищева на египетский язык в свете его архивных материалов // Восток (Oriens). 2022. № 3. С. 217–233.
- Ладынин и др. 2020 — *Ладынин И. А., Изосимов Д. А., Сенникова П. Д.* Великий князь Константин Константинович и судьба коллекции египетских древностей В. С. Голенищева // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. Вып. 92. 2020. С. 110–129.
- Лапис, Магье 1969 — *Лапис И. А., Магье М. Э.* Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа: Материалы и исследования. М.: Гл. ред. вост. лит., 1969. (Культура народов Востока: Материалы и исследования).
- Сафронов 2018 — *Сафронов А. В.* Очерки по истории восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н. э. М.: ИВ РАН, 2018.
- Ухтомский 1893 — *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича, 1890–1891. Т. 1. СПб.; Лейпциг: Брокгауз, 1893.
- Barguet 1953 — *Barguet P.* La stèle de la famine, à Séhel. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1953. (Bibliothèque d'étude; 24).
- Bednarski et al. 2020 — A history of world Egyptology / Ed. by A. Bednarski, A. Dodson, S. Ikram. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2020.
- Berlev, Hodjash 1982 — *Berlev O., Hodjash S.* The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts. Moscow: Aurora, 1982.
- Bierbrier 2019 — Who was who in Egyptology / Ed. by M. L. Bierbrier. 5th rev. ed. London: Egypt Exploration Society, 2019.
- Brugsch 1878 — *Brugsch H.* Reise nach der grossen Oase El Khargeh in der Libyschen Wüste: Beschreibung ihrer Denkmäler und wissenschaftliche Untersuchungen über das Vorkommen der Oasen in den altägyptischen Inschriften auf Stein und Papyrus. Leipzig: Hinrichs, 1878.
- Brugsch 1891 — *Brugsch H.* Die biblischen sieben Jahre der Hungersnoth nach dem Wortlaut einer altägyptischen Felsen-Inschrift. Leipzig: Hinrichs, 1891.
- Cailliaud 1821 — *Cailliaud F.* Voyage à l'Oasis de Thèbes et dans les déserts situés à l'Orient et à l'Occident de la Thébaïde: fait pendant les années 1815, 1816, 1817 et 1818. [Pt. 1]. Paris: Imprimerie royale, 1821.
- Clackson 2000 — *Clackson J.* A Greek papyrus in Armenian script // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bd. 129. 2000. P. 223–258.
- Dils 2000 — *Dils P.* Der Tempel von Dusch. Publikation und Untersuchungen eines ägyptischen Provinztempels der römischen Zeit: Diss. PhD / Universität zu Köln. Köln, 2000.
- Elanskaya 1994 — *Elanskaya A. I.* The literary Coptic manuscripts in the A. S. Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow. Leiden: Brill, 1994. (Supplements to Vigiliae Christianae; 18).
- Erman, Grapow 1955 — *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck. Bd. 1–5. Berlin: Akademie-Verlag, 1955.
- Gardiner 1947 — *Gardiner A. H.* Ancient Egyptian onomastica: 3 Vols. Oxford: Oxford Univ. Press.
- Gauthier 1925–1931 — *Gauthier H.* Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques : T. 1–7. Le Caire: Institut français d'archéologie orientale, 1925–1931.
- Golénischeff 1893a — *Golénischeff W. S.* Amenemhā III et les sphinx de “Sân” // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. T. 15. 1893. P. 131–136.

- Golénischeff 1893b — *Golénischeff W. S.* Extrait d'une lettre de M. Golénischeff sur ses dernières découvertes // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. T. 15. 1893. P. 87–89.
- Golénischeff 1899 — *Golénischeff W.* Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. T. 21. 1899. P. 74–102.
- Golénischeff 1913 — *Golénischeff W. S.* Les papyrus hiératiques № № 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage impérial à St. Pétersbourg. St. Pétersbourg: Manufacture des Papiers de l'État, 1913.
- Green 2007 — *Green D.* Three empires on the Nile: The Victorian jihad, 1869–1899. New York: Free Press, 2007.
- Habachi 1978 — *Habachi L.* The so-called Hyksos monuments reconsidered. Apropos of the discovery of a dyad of sphinxes // Studien zur altägyptischen Kultur. Bd. 6. 1978. S. 79–92.
- Haney 2020 — *Haney L. S.* Visualizing coregency: An exploration of the link between royal image and co-rule during the reign of Senwosret III and Amenemhet III. Leiden: Brill, 2020. (Harvard Egyptological Studies; 8).
- Ikram 2013 — *Ikram S.* The sacred ram mummies of Khnum from Elephantine // Der Widderfriedhof des Chnumtempels, Mit Beiträgen zur Archäozoologie und zur Materialkunde / Hrsg. Von E. Delange, H. Jaritz. Wiesbaden: Harrassowitz, 2013. (Elephantine; 25). S. 214–222.
- Jackson 2002 — *Jackson R. B.* At empire's edge: Exploring Rome's Egyptian frontier. New Haven; London: Yale Univ. Press, 2002.
- Kitchen 1986 — *Kitchen K. A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B. C.). 2nd ed. Warminster: Aris & Phillips, 1986.
- Leitz 2002 — Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen: Bd. 1–7 / Hrsg. Von Chr. Leitz. Leuven; Paris; Dudley (Mass.): Peeters, 2002. (Orientalia Lovanensia analecta; 110–116).
- Lemm 1892 — *Lemm O. von.* Koptische apokryphe Apostelacten. II // Mélanges asiatiques. T. 10. Livraison 2. St.-Petersbourg : Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences, 1892. P. 293–385.
- Lemm 1906 — *Lemm O. von.* Sahidische Bibelfragmente III // Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. 1906. Ser. 5. T. 25. Nr. 4. P. 093–0137.
- Lemm 1913 — *Lemm O. von.* Bruchstücke koptischer Martyrerakten: I–V. St. Pétersbourg: Académie Impériale des sciences, 1913. (Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg; Ser. 8, t. 12, nr. 1).
- Lemm 1972 — *Lemm O. von.* Kleine koptische Studien. I–LVIII / Hrsg. von P. Nagel. Leipzig: Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik, 1972.
- Maspero 1888 — *Maspero G.* Un manuel de hiérarchie égyptienne // Journal asiatique. Sér. 8. T. 11. 1888. P. 250–280, 309–343.
- Pfeiffer 2008 — *Pfeiffer St.* The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II Philadelphus and his world / Ed. By P. McKechnie, Ph. Guillaume. Leiden: Brill, 2008. (Mnemosyne. Supplements. History and archaeology of Classical antiquity; 300). P. 387–408.
- Porter, Moss 1934 — *Porter B., Moss R. L. B.* Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. Vol. 4: Lower and Middle Egypt. Oxford: Clarendon Press, 1934.
- Porter, Moss 1951 — *Porter B., Moss R. L. B.* Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. Vol. 7: Nubia, the Deserts, and Outside Egypt. Oxford: Clarendon Press, 1951.

- Sousa 2017 — *Sousa R.* The tomb of the priests of Amun at Thebes: The history of the find // The coffins of the priests of Amun: Egyptian coffins from the 21st Dynasty in the collection of the National Museum of Antiquities in Leiden / Ed. By L. Weiss. Leiden: Sidestone Press, 2017. (Papers on Archaeology of the Leiden Museum of Antiquities; 17). P. 21–33.
- Spiegelberg 1914 — *Spiegelberg W.* Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris. Leipzig: Hinrichs, 1914. (Demotische Studien; 7).
- Vernus 1979 — *Vernus P.* Douch arraché aux sables // Bulletin de la Société Française d'Égyptologie. Nr. 85. 1979. P. 7–21.

References

- Aleksandrova, N. V., Ladynin, I. A., Nemirovskii, A. A., & Iakovlev, V. M. (2008). *Drevnii Vostok : Uchebnoe posobie dlia vuzov* [Ancient Orient : A manual for universities]. Astrel'; AST. (In Russian).
- Barguet, P. (1953). *La stèle de la famine, à Séhel*. Institut français d'archéologie orientale. (In French).
- Bednarski, A., Dodson, A., & Ikram, S. (Eds.) (2020). *A history of world Egyptology*. Cambridge Univ. Press.
- Berlev, O. D. (1997). Egiptologiiiia [Egyptology]. In A. A. Vigasin, A. N. Khokhlova, & P. M. Shastitko (Eds.). *Istoriia otechestvennogo vostokovedeniia s serediny XIX veka do 1917 g.* (pp. 434–459). Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Berlev, O. D. (1999). Dva perioda Sotisa mezhdu Godom 18 tsaria Senu, ili Tosortrosa, i Godom 2 faraona Antonina Piia [Two Sothic periods between Year 18 of King Sénw/Tosorthros and Year 2 of Pharaoh Antoninus Pius]. In O. I. Pavlova (Ed.). *Drevnii Egipet: iazyk — kul'tura — soznanie: Po materialam egiptologicheskoi konferentsii 12–13 marta 1998 g.* (pp. 42–62). Pristsel's. (In Russian).
- Berlev, O. & Hodjash, S. (1982). *The Egyptian reliefs and stelae in the Pushkin Museum of Fine Arts*. Aurora.
- Berlev O. D., & Hodzhash, S. I. (2004). *Skul'ptura drevnego Egipta v sobranii Gosudarstvennogo muzeia izobrazitel'nykh iskusstv im. A. S. Pushkina* [The sculpture of Ancient Egypt in the collection of the A. S. Pushkin State Museum of Fine Arts]. Vostochnaia literatura. (In Russian).
- Bierbrier, M. L. (Ed.) (2019). *Who was who in Egyptology* (5th rev. ed.). Egypt Exploration Society.
- Bol'shakov A. O. (2007) Golenishchev i my [Golenishchev and we]. In A. O. Bol'shakov (Ed.). *Peterburgskie egiptologicheskie chteniia—2006: K 150-letiiu so dnia rozhdeniia V. S. Golenishcheva: Doklady* (pp. 5–13). Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha. (In Russian).
- Brugsch, H. (1878). *Reise nach der grossen Oase El Khargeh in der Libyschen Wüste: Beschreibung ihrer Denkmäler und wissenschaftliche Untersuchungen über das Vorkommen der Oasen in den altägyptischen Inschriften auf Stein und Papyrus*. Hinrichs. (In German).
- Brugsch, H. (1891). *Die biblischen sieben Jahre der Hungersnoth nach dem Wortlaut einer altägyptischen Felsen-Inschrift*. Hinrichs. (In German).
- Cailliaud, F. (1821). *Voyage à l'Oasis de Thèbes et dans les déserts situés à l'Orient et à l'Occident de la Thébaïde: fait pendant les années 1815, 1816, 1817 et 1818* (Pt. 1). Imprimerie royale. (In French).
- Clackson, J. (2000). A Greek papyrus in Armenian script. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 129, 223–258.
- Danilova, I. E. (Ed.) (1987). *Vydaiushchiisia russkii vostokoved V. S. Golenishchev i istoriia priobreteniia ego kolleksii v Muzei iziashchnykh iskusstv (1909–1912)* [The remarkable Russian Orientalist V. S. Golenishchev and the history of acquisition of his collection by the Museum of Fine Arts (1909–1912)]. Sovetskii khudozhnik. (In Russian).

- Dils, P. (2000). *Der Tempel von Dusch. Publikation und Untersuchungen eines ägyptischen Provinztempels der römischen Zeit* (PhD thesis, Cologne University). (In German).
- Elanskaia, A. I. (1972). Koptologiya [Coptology]. In A. N. Kononov et al. (Eds.). *Aziatskii muzei — Leningradskoe otdelenie Instituta vostokovedeniia AN SSSR* (pp. 516–526). Nauka; Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).
- Elanskaya, A. I. (1994). *The literary Coptic manuscripts in the A. S. Pushkin State Fine Arts Museum in Moscow*. Brill.
- Erman, A., & Grapow, H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck* (Vols. 1–5). Akademie-Verlag. (In German).
- Gardiner, A. H. (1947). *Ancient Egyptian onomastica* (3 Vols.). Oxford Univ. Press.
- Gauthier, H. (1925–1931). *Dictionnaire des noms géographiques contenus dans les textes hiéroglyphiques* (Vols. 1–7). Institut français d'archéologie orientale. (In French).
- Golenischeff, W. S. (1893a). Amenemhā III et les sphinx de “Sân”. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, 15, 131–136. (In French).
- Golenischeff, W. S. (1893b). Extrait d'une lettre de M. Golénischeff sur ses dernières découvertes. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, 15, 87–89. (In French).
- Golenischeff, W. (1899). Papyrus hiératique de la collection W. Golénischeff, contenant la description du voyage de l'égyptien Ounou-Amon en Phénicie. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*, 21, 74–102. (In French).
- Golenischeff, W. S. (1913). *Les papyrus hiératiques № № 1115, 1116 A et 1116 B de l'Ermitage impérial a St. Pétersbourg*. Manufacture des Papiers de l'État. (In French).
- Golenishchev, V. S. (1887). Epigraficheskie rezul'taty poezdki v Uadi Khammamat [The epigraphic results of travel to Wadi Hammamat]. In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* (Vol. 2, pp. 69–79). Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian).
- Golenishchev, V. S. (1890–1891). Arkheologicheskie rezul'taty puteshestviia po Egiptu zimoi 1888–1889 g. [The archaeological results of travel in Egypt during winter 1888–1889] In *Zapiski Vostochnogo otdeleniia Imperatorskogo Russkogo arheologicheskogo obshchestva* (Vol. V, pp. 1–30). Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian).
- Golenishchev, V. S. (1897). Gieraticheskii papirus iz kollektzii V. Golenishcheva, sodержashchii otchet o puteshestvii egiptianina Unu-Amona v Finikiuu [A hieratic papyrus from W. Golénischeff's collection containing the account about the travel of the Egyptian Wenamun to Byblos]. In *Sbornik statei uchenikov professora barona Viktora Romanovicha Rozena ko dnie dvadtsatipiatiletiia ego pervoi lektzii 13-go noiabria 1872–1897* (pp. 57–68). Tipografiia Imperatorskoi Akademii Nauk. (In Russian).
- Green, D. (2007). *Three empires on the Nile: The Victorian jihad, 1869–1899*. Free Press.
- Habachi, L. (1978). The so-called Hyksos monuments reconsidered. Apropos of the discovery of a dyad of sphinxes. *Studien zur altägyptischen Kultur*, 6, 79–92.
- Haney, L. S. (2020). *Visualizing coregency: An exploration of the link between royal image and co-rule during the reign of Senwosret III and Amenemhet III*. Brill.
- Ikram, S. (2013). The sacred ram mummies of Khnum from Elephantine. In E. Delange, & H. Jaritz (Eds.). *Der Widderfriedhof des Chnumtempels, Mit Beiträgen zur Archäozoologie und zur Materialkunde* (pp. 214–222). Harrassowitz.
- Jackson, R. B. (2002). *At empire's edge: Exploring Rome's Egyptian frontier*. Yale Univ. Press.
- Kitchen, K. A. (1986). *The Third Intermediate Period in Egypt (1100–650 B. C.)* (2nd ed.). Aris & Phillips.
- Kormysheva, E. E. (2018). V. S. Golenishchev i tsesarevich Nikolai. Vstrechi na Nile [Vladimir S. Golenischev and crown prince Nicholas. Meetings on the Nile]. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*, 2018(4), 176–183. (In Russian).

- Korostovtsev, M. A. (1960). *Puteshestvie Un-Amuna v Bibl. Egipetskii ieraticeskii papirus № 120 GMII im. A. S. Pushkina v Moskve* [A travel of Wenamun to Byblos. The Egyptian hieratic papyrus no. 120 of the Pushkin Museum of Fine Arts at Moscow]. Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).
- Korostovtsev, M. A. (1961). *Ieraticeskii papirus № 127 iz sobraniia GMII im. A. S. Pushkina* [A hieratic papyrus no. 127 from the collection of the Pushkin Museum of Fine Arts]. Izdatel'stvo vostochnoi literatury. (In Russian).
- Ladynin, I. A. (2022). Vzglady V. S. Golenishcheva na egipetskii iazyk v svete ego arkhivnykh materialov [Vladimir Golenisheff's vision of the Egyptian language in the light of his archival evidence]. *Vostok (Oriens)*, 2022(3), 217–233. (In Russian).
- Ladynin, I. A., Izosimov, D. A., & Sennikova, P. D. (2020). Velikii kniaz' Konstantin Konstantinovich i sud'ba kolleksii egipetskikh drevnostei V. S. Golenishcheva [The Grand Duke Konstantin Konstantinovich and the fate of Vladimir Golenisheff's collection of Egyptian antiquities (New documents from archives)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 2, Istorii. Istoriiia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi*, 92, 110–129. (In Russian).
- Lapis, I. A., & Mat'e, M. E. (1969). *Drevneegipetskaia skul'ptura v sobranii Gosudarstvennogo Ermitazha: Materialy i issledovaniia* [The Ancient Egyptian sculpture in the collection of the State Hermitage: Materials and studies]. Glavnaia redaktsiia vostochnoi literatury. (In Russian).
- Leitz, Chr. (Ed.). (2002). *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen* (Vols. 1–7). Peeters. (In German).
- Lemm, O. von (1892). Koptische apokryphe Apostelacten. II. In *Mélanges asiatiques* (Vol. 10, pt. 2, pp. 293–385). Imprimerie de l'Académie Impériale des Sciences. (In German).
- Lemm, O. von (1906). Sahidische Bibelfragmente III. *Bulletin de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg, Serie 5*. 25(4), 093–0137. (In German).
- Lemm, O. von (1913). *Bruchstücke koptischer Martyrerakten: I–V*. Académie Impériale des sciences. (In German).
- Lemm, O von (1972). *Kleine koptische Studien. I–LVIII* (P. Nagel, Ed.). Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. (In German).
- Maspero, G. (1888). Un manuel de hiérarchie égyptienne. *Journal asiatique. Sér. 8, 11*, 250–280, 309–343. (In French).
- Pfeiffer, St. (2008). The god Serapis, his cult and the beginnings of the ruler cult in Ptolemaic Egypt. In P. McKechnie, & Ph. Guillaume (Eds.). *Ptolemy II Philadelphus and his world* (pp. 387–408). Brill.
- Porter, B., & Moss, R. L. B. (1934). *Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. Vol. 4: Lower and Middle Egypt*. Clarendon Press.
- Porter, B., & Moss, R. L. B. (1951). *Topographical bibliography of Ancient Egyptian hieroglyphic texts, reliefs and paintings. Vol. 7: Nubia, the Deserts, and Outside Egypt*. Clarendon Press.
- Safronov, A. V. (2018). *Ocherki po istorii vostochnogo Sredizemnomor'ia v XIV–XII vv. do n. e.* [Essays on the history of the Eastern Mediterranean in the 14th–12th centuries B. C.]. IV RAN. (In Russian).
- Sousa, R. (2017). The tomb of the priests of Amun at Thebes: The history of the find. In L. Weiss (Ed.). *The coffins of the priests of Amun: Egyptian coffins from the 21st Dynasty in the collection of the National Museum of Antiquities in Leiden* (pp. 21–33). Sidestone Press.
- Spiegelberg, W. (1914). *Die sogenannte Demotische Chronik des Papyrus 215 der Bibliothèque Nationale zu Paris*. Hinrichs. (In German).
- Ukhtomskii, E. E. (1893). *Puteshestvie na Vostok Ego Imperatorskogo Vysochestva Gosudaria Naslednika Tsesarevicha, 1890–1891* [Travel to the Orient of His Imperial Highness the Heir Tsesarevitch, 1890–1891] (Vol. 1). Brokgauz. (In Russian).

- Vasil'eva, O. A., & Ladynin, I. A. (2021). Nakanune velikoi voyny: perezpiska Alana Kh. Gardinera i V. S. Golenishcheva 29–30 iiulya 1914 g [On the eve of the Great War: The correspondence between Alan H. Gardiner and Vladimir Golenishchev, 29 and 30 July 1914]. *Vestnik drevnei istorii*, 81(4), 1015–1029. (In Russian).
- Vernus, P. (1979). Douch arraché aux sables. *Bulletin de la Société Française d'Égyptologie*, 85, 7–21. (In French).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Иван Андреевич Ладынин

доктор исторических наук
руководитель научного коллектива по
проекту РНФ 19-18-00369-П
доцент, кафедры истории древнего мира,
исторический факультет, Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Россия, 119992, Москва, Ломоносовский
пр-т, д. 27/4
Тел.: +7 (495) 939-33-04
профессор, Школа исторических
наук, факультет гуманитарных наук,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 105066, Москва, ул. Старая
Басманная, д. 21/4, стр. 3
*Тел.: +7 (495) 772-95-90 *22161*
✉ ladynin@mail.ru, iladynin@hse.ru

Ivan A. Ladynin

Dr. Sci. (History)
Head of the research group for the project of
the Russian Science Foundation no. 19-18-
00369-P
Associate Professor, Department of Ancient
History, Faculty of History, Lomonosov
Moscow State University
Russia, 119992, Moscow, Lomonosovsky
Prospekt, 27/4
Tel.: +7 (495) 939-33-04
Professor, School of History, Faculty
of Humanities, National Research University
Higher School of Economics
Russia, 105066, Moscow, Staraya
Basmannaya Str., 21/4, Bld. 3
*Tel. : +7 (495) 772-95-90 *22161*
✉ ladynin@mail.ru, iladynin@hse.ru

Е. Л. Румановская^{ab}

ORCID: 0000-0001-6752-9644

✉ elena.rumanovsky@mail.huji.ac.il^a средняя школа им. Тедди Колека

(Израиль, Иерусалим)

^b Еврейский университет в Иерусалиме

(Израиль, Иерусалим)

КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ПЕТРОГРАДСКИХ ДЕТЕЙ (1918–1920)

Аннотация. Публикация включает исторический очерк — описание вынужденного кругосветного путешествия около 800 детей и подростков с воспитателями, отправленных из Петрограда, находящегося на грани голодной катастрофы, в мае 1918 г. на Урал и в Западную Сибирь в «питательную колонию». Фронтами Гражданской войны они были отрезаны от дома, голодали, оказались на попечении Американского Красного Креста, вывезены летом 1919 г. из зоны боев во Владивосток, где прожили до июля 1920-го. Из-за невозможности вернуться назад через Сибирь они отправились на японском корабле по маршруту: Муроран (Япония) — Сан-Франциско — Панамский канал — Нью-Йорк (США) — Хельсинки — Койвисто (Финляндия), Петроград. В путешествии участвовал отец автора. В статье впервые публикуются уникальные материалы путешествия: рукописная газета за 13 июля 1918 г. и рукописный дневник колониста М. И. Холина за 12 июля — 18 сентября 1920 г. (получены автором от А. Л. Мойжес, 1910–2014).

Ключевые слова: Петроград, питательная колония, Гражданская война, Американский Красный Крест (АКК), кругосветное путешествие, скауты, дневник

Для цитирования: Румановская Е. Л. Кругосветное путешествие петроградских детей (1918–1920) // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 230–265. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-230-265>.

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2021 г.

Принято к печати 4 июня 2022 г.

E. L. Rumanovskaya^{ab}

ORCID: 0000-0001-6752-9644

✉ elena.rumanovsky@mail.huji.ac.il

^a *Teddi Kolek High School**(Israel, Jerusalem)*^b *Hebrew University in Jerusalem**(Israel, Jerusalem)*

THE ROUND-THE-WORLD TRIP OF PETROGRAD CHILDREN (1918–1920)

Abstract. The publication includes a historical essay: the description of a forced round-the-world trip of about 800 children and adolescents with caregivers, sent from Petrograd, which was on the verge of a famine catastrophe, in May 1918 to the Urals and Western Siberia for three months in a “nourishment colony”. Cut off from home by the uprising of the Czechoslovak Legion and by events on other fronts of the Civil War in Russia, they began to suffer from cold and hunger in the autumn — winter of 1918 and ended up in the care of the American Red Cross, which in the summer of 1919 took them from the combat zone to Vladivostok, where they lived until July 1920. Due to the impossibility of returning through the Far East and Siberia, they sailed on a Japanese ship under the flag of the Red Cross along the route: Muroan (Japan), San Francisco, Panama Canal, New York, Helsinki, Koivisto (Finland), Petrograd. The paper includes the first publication of two colonists’ documents: a handwritten newspaper, ‘Kur’inskaia mozaika’ (Mosaic of Kurya), from July 13, 1918, and the handwritten diary of the colonist Mikhail Ivanovich Kholin for the period July 12 — September 18, 1920 (Vladivostok — Petrograd). The documents were received from A. L. Mozhes (1910–2014).

Keywords: Petrograd, nourishment colony, Civil War, American Red Cross (A. R. C.), round-the-world trip, scouts, diary

To cite this article: Rumanovskaya, E. L. (2023). The round-the-world trip of Petrograd children (1918–1920). *Shagi / Steps*, 9(1), 230–265. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-230-265>.

Received December 15, 2021

Accepted June 6, 2022

Весной 1918 г. в Петрограде, целиком зависевшем от подвоза продовольствия, начался настоящий голод, и к лету город «находился на грани голодной катастрофы» [Мусаев 2013: 102]. Союз городов¹ решил спасти в первую очередь детей и предложил организовать «питательные колонии» для тех, кто сможет заплатить за каждого ребенка 75 рублей, и отправить в хлебные губернии. Состав колонистов поэтому оказался достаточно пестрым.

Петроградский областной комитет Союза городов, вследствие недостатка продуктов, особенно тяжело отзывающегося на здоровье детей, предпринимает отправку детей в Западную Сибирь. Там имеется достаточное количество продуктов <...> На содержание каждого ребенка, по расчету областного комитета, потребуется не свыше 75 рублей в месяц².

В одну из «питательных колоний», отправившуюся на Урал, записали моего отца, Леонида Борисовича Кантора (1905–1977), и его братьев, Михаила (1906–1978) и Владимира (1908–1985), вместе с ними — еще почти тысячу детей и подростков. Насчет точного числа в литературе существуют расхождения: «Тысяча путешественников» у Л. Савельева и колониста В. Э. Цауне [Савельев, Цауне 1929], ту же цифру называют Г. С. Дитрих [1927: 32–33] и В. Н. Дмитриевский [1972: 8]; О. И. Молкина — около 900 [Молкина 2007: 5]; Флорид Миллер [Miller 1965: 13] и В. В. Большаков [1972] — около 800, Джейн Суон (Сван) — более 800 [Swan 1989: 4]. В отчете петроградской областной организации Союза городов сказано:

...первый санитарный поезд с 475 детьми отбыл из Петрограда 5/18 мая в Миасс Оренбургской губ. Второй санитарный поезд с 420 детьми отбыл из Петрограда 12/25 мая в Петропавловск... [Молкина 2007: 48].

Точное количество возвратившихся детей, переданное по спискам Американским Красным Крестом (АКК) советским властям в декабре 1920 — январе 1921 г. — 777 человек [Большаков 1972 (№ 259); Кручина-Богданов 1987 (11): 15].

Итак, 18 мая 1918 г. с Финляндского вокзала Петрограда на санитарном поезде № 101 на Урал отправилась первая группа [Савельев, Цауне 1929 (1): 10], отец и его братья были именно в ней. Второй эшелон отправился 25 мая в город Петропавловск³ в Казахстане.

¹ Всероссийский Союз городов помощи больным и раненым воинам — общественная организация, основанная на Всероссийском съезде представителей городов по инициативе Московской городской Думы в августе 1914 г. для содействия правительству в помощи раненым и беженцам. В июле 1918 г. на территории РСФСР союз был ликвидирован большевиками, в ходе Гражданской войны действовал на территории, контролируемой белой армией, с 1920 г. — в эмиграции.

² Красная газета. 1918. 22 мая (№ 95). С. 2.

³ Петропавловск — уездный город Акмолинской области на реке Ишим, ныне административный центр Северо-Казахстанской области Казахстана. С конца мая 1918-го до 31 октября 1919 г. был одним из центров белого движения.

Через три недели после отъезда первая группа прибыла в Челябинск, но за время пути произошли серьезные события — «чехословацкий мятеж». После Брестского мира (март 1918 г.) Чехословацкий корпус (легион; был формально подчинен французскому командованию), состоявший из чехов и словаков, как живших в России, так и пленных военнослужащих австрийской армии, пожелал продолжать войну на стороне Антанты, для чего должен был отправиться во Францию и далее на Западный фронт. Корпус следовал на Дальний Восток, так как путь через Архангельск и Мурманск был признан опасным [Клеванский 1965: 153]. 45-тысячный корпус растянулся по Транссибирской магистрали от Пензы до Владивостока. Одна из групп в 9 тысяч человек находилась в Челябинске. 14 мая 1918 г. на вокзале был ранен легионер, виновный был заколот на месте, а десять его товарищей избиты. 17 мая Челябинский Совет арестовал десять чехословаков и потребовал полного разоружения легионеров. Несмотря на то что задержанных отпустили, командующий легионеров, подполковник С. Н. Войцеховский, занял вокзал, а затем взял Челябинск под свой контроль [Салдугеев 2005: 91–92]. 25 мая последовал приказ № 377 наркома воендел Л. Д. Троцкого: «Все Советы под страхом ответственности обязаны немедленно разоружить чехословаков» [Парфенов 1925: 25–26]. Однако Чехословацкий корпус в конце мая — начале июня захватил Златоуст, Петропавловск, Миасс, Курган, Омск, и почти вся Транссибирская магистраль оказалась в руках чехов [Салдугеев 2005: 93; Клавинг 2003: 74].

Таким образом, петроградская детская колония оказалась в одном из эпицентров Гражданской войны. Эшелоны с детьми прибыли после окончания боев в Челябинск и отправились — первый в Миасс, второй — в поселок Курьи в 120 км от Екатеринбурга, в пустующий санаторий «Курьинские Минеральные воды». Единственная сохранившаяся рукописная газета колонистов «Курьинская мозаика» (№ 1 от 13 июля 1918 г.) публикуется ниже.

Сначала жизнь петроградских колонистов была вполне приличной, но сценарий Гражданской войны развивался так, что детские колонии оказались отрезанными от Петрограда, деньги кончились, зимних вещей колонисты с собой не взяли, рассчитывая вернуться к осени, начали мерзнуть и голодать. Тогда старших детей воспитатели решили распределить по семьям местных жителей, дети даже давали платные концерты, но все это мало помогло [Кручина-Богданов 1987 (10): 22].

Помещения, снятые на летние месяцы, пришлось освобождать и искать разными путями новые, поэтому мелкие партии детей оказались разбросаны по Уралу, Западной Сибири и Казахстану: колония № 1 — Миасс, Курган, Троицк, Петропавловск; колония № 2 — Уйская станица под Тюменью, Тюмень, Ирбит, Томск [Савельев, Цауне 1929 (4): 12; Кручина-Богданов 1987 (10): 22; Молкина 2007: 91, 159–163]. В ноябре 1918 г. через линию фронта к детям в Петропавловск прорвались три человека, посланные родительским комитетом из Петрограда: родители колонисток — В. Л. Альбрехт (сотрудник Русского музея, музыкант) и И. П. Пржевоцкий, — а также шведский пастор Вильгельм Сарве от Красного Креста; они привезли деньги, письма, но зимнюю одежду доставить не смогли [Молкина 2007: 100–104]. А в самый опасный момент, осенью 1918 г., появились спасители — представители Ассоциации молодых христиан (Young Men's Christian Association, YMCA), а затем Аме-

риканского Красного Креста (АКК). О колонии в Миассе чешские солдаты рассказали работавшим в YMCA Альфреду Свану (родившемуся в России англичанину, композитору и музыковеду) и его жене Екатерине, которые разыскали детей и сообщили о них телеграммой в представительство АКК, во Владивосток [Swan 1989: 22–24; Молкина 2007: 132–133]. АКК прислал в Омск, где с ноября 1918 г. находилась ставка Верховного правителя России адмирала А. В. Колчака, поезд с одеждой и продовольствием для обеих колоний. Положение петроградских детей было бедственным, и, как справедливо решили американцы, им «намного нужнее душеспасительных бесед, лекций о морали и хорошем поведении — горячая сытная пища, теплая одежда и надежная крыша над головой» [Кручина-Богданов 1987 (10): 22].

АКК принял детей под свое покровительство. Начальником Сибирской петроградской детской колонии, как она стала именоваться, был назначен полковник Красного Креста, журналист, главный редактор газеты «Honolulu Star Bulletin», Райли Харрис Аллен (Railey Harris Allen, 1884–1966), находившийся в то время во Владивостоке. В уральском поселке Тургояк весной 1919 г. АКК собрал колонистов из Миасса, Кургана и Троицка, устроил склады, баню, лазарет, наладил учебу и организовал клуб, в котором действовали хор, струнный и духовой оркестры, драмкружок, а также имелся элемент самоуправления — совет старост [Савельев, Цауне 1929 (6): 29; Swan 1989: 76–89, 113].

12 июля 1919 г. на заседании воспитателей колонии в Тургояке с главным уполномоченным АКК в Сибири доктором Манже было решено эвакуировать детей [Молкина 2007: 183; Swan 1989: 93].

Из документа американской миссии Красного Креста в России:

Весной 1919 г. армии адмирала Колчака постепенно продвигались к Петрограду с Урала, и казалось, что правительство большевиков может пасть, и таким образом детей можно будет вернуть домой в течение лета. Более 500 детей были собраны к этому времени на территории летней фермы у озера Тургояк. Мы надеялись перевезти их оттуда, а также 300 детей, остававшихся в других городах Урала, в Петроград еще летом. Однако судьба повернулась против Колчака. Его армии понесли сокрушительные поражения, и его фронт развалился. Большевики продвигались к озеру Тургояк. Красный Крест считал опасным оставлять детей в зоне боев и решил перевести их на Восток, — сначала в Омск и Томск, затем во Владивосток через всю Сибирь. Их перевозили в наскоро оборудованных эшелонах, но эвакуация была завершена без единого инцидента [Большаков 1972 (№ 258)].

Ехали летом 1919 г. в беленых теплушках с красным крестом на дверях по Великой Сибирской (Транссибирской) магистрали из Челябинска в Омск (где встретились обе колонии — с Урала и из Петропавловска), Томск, Иркутск, Читы, затем по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД) от станции Манчжурия через Хайлар, Харбин во Владивосток [Swan 1989: 95–102]. Во Владивосток эшелоны с конца августа до 19 сентября 1919 г. [Miller 1965: 91; Swan 1989: 102, 120] прибывали на станцию Вторая Речка, где расположились в казармах, затем на баржах большая часть колонии переправилась на Русский

остров⁴. Постепенно жизнь устроилась: дети учились, в том числе изучали английский язык, много занимались спортом, особенно плаванием, боксом и спортивным ориентированием. Согласно документам АКК, колонисты «продолжали свои занятия, начатые в Петрограде, и переходили из класса в класс, как в своих петроградских школах. Тяга русского человека сегодняшнего дня к знанию, к посещению школы проявляется в искренних стараниях всей колонии не отстать от процесса обучения, несмотря на хаос, царящий в Сибири, их оторванность от дома, необходимость эвакуации из Западной Сибири в Восточную» [Большаков 1972 (№ 258)].

Пригласили в колонию также скаут-мастера А. Г. Новицкого. Идея имела успех: в скаутскую дружину записалось около 400 человек [Дитрих 1927: 34], и вскоре на их шеях появились белые галстуки, а 9 мая 1920 г. состоялся праздник с торжественным парадом. Но идеология движения удовлетворяла не всех, все-таки колонисты были детьми «красного Петрограда», и Гражданская война разворачивалась на их глазах.

...группа верных ребят под руководством В. Цауне 18 мая 1920 г. организует восстание. Заготовлено повстанцами специальное воззвание. Это воззвание распространяется среди других ребят: «Скауты! Старые основы скаутизма отжили. Скаутизм в колонии грозит исчезнуть, выливаясь в погоню за знаками отличий, нашивками и т. п. мишурой скаутов монархического и колчаковского строя.

Помня, что истинная цель скаутизма заключается в воспитании самостоятельности будущих граждан свободной России, мы, скауты Второй речки, поднимаем знамя нового скаутизма, в основе которого лежит первый закон: скаут повинуется своей совести.

Да здравствуют красные скауты!

Будьте готовы!

Вторая речка, 18 мая 1920 г.» [Дитрих 1927: 34].

Итак, 30 «повстанцев» захватили штаб скаутской дружины и, сняв белое знамя, водрузили красное. Мой отец был среди них. Ниже цитируются его воспоминания, опубликованные в газете «Ленинские искры» и перепечатанные В. Н. Дмитриевским:

Я был в отряде Валентина Цауне. Помню «Воззвание», которое он написал. Помню, как собрал нас, младших мальчиков, и сказал:

— Ясно. Старое скаут-движение для нас не годится. Нужно выдвигать новое — «красных скаутов», — построенное на самостоятельности. Кто готов вместе со мной начать борьбу?

⁴ Русский остров в бухте Золотой Рог залива Петра Великого Японского моря, к югу от Владивостока; территория 97,6 кв. км, береговая линия 123 км, рельеф гористый, 47 сопков, два природных озера, речка, протяженностью 5 км, а также много ручьев и прекрасные леса. В 1919 г. на острове находились казармы 35-го Сибирского стрелкового полка, церковь, сооружения Владивостокской крепости (шесть фортов, 27 береговых батарей и т. д.), здание американского госпиталя, футбольное поле, пристань и пост японцев, которые с апреля 1918 г. оккупировали Владивосток (см. подробнее: [Стратиевский 2013]).

Большинство сказали: «Готовы». Было решено с боем захватить штаб белых скаутов, сорвать их флаг и водрузить красный... Всею операцией руководил Валентин. Так все и произошло. Не помню, что было дальше. Знаю только, что пришлось уйти в подполье, собираться потихоньку. Мы по-прежнему сами себя называли красными скаутами. Знамя, в отличие от белого скаутского, стало синим с красной полосой (наверное, для маскировки). И галстуки синие вместо белых [Кантор 1971; Дмитриевский 1972: 8–9].

Избежать идеологических разногласий в колонии не удалось, но АКК признал красных скаутов, так как «в этой организации самые ценные и живые ребята» [Дитрих 1927: 35]. Они создают свою программу, в которой явно слышны отзвуки идеи классовой борьбы:

Мы не знаем, существует ли в Советской России скаутизм, а если такой есть, то какой он. Но мы не можем допустить мысли, чтобы в Советской России существовал старый скаутизм.

Мы берем за основу воспитать в будущих гражданах Советской России любовь к родине и угнетаемым всего мира и ненависть к угнетателям.

Наши законы:

Совесть,
дисциплина,
содружество... [Дитрих 1927: 35].

Советская власть тем временем вспомнила о детях: нарком иностранных дел Г. В. Чичерин послал советскому представителю во Владивостоке В. Д. Виленскому-Сибирякову⁵ телеграмму, спрашивая о якобы плохом обращении с колонистами, но Виленский удостоверил, что дети находятся в хороших условиях. И родители в марте 1920 г. увидели в газете статью с заголовком «Возвращение питерских детей». В ней говорилось о полученной от В. Д. Виленского телеграмме:

Вчера меня посетила миссия американского Красного Креста, сообщившая о своем желании передать советской власти детей петроградского пролетариата, находящихся ныне на Русском острове. Для отправления детей организуется специальный поезд Красного Креста. Дети шлют привет⁶.

⁵ В. Д. Виленский-Сибиряков (1888–1942) — один из руководителей революции в Сибири, участник антиколчаковского подполья, создатель Дальневосточного секретариата III Интернационала (май 1920 г., Шанхай), член главного штаба армии Дальневосточной Республики, разведчик, дипломат, историк, директор Музея ссылки и каторги в Москве, редактор журналов «Северная Азия», «Каторга и ссылка». Репрессирован как троцкист (в 1927 и 1936 гг.), умер в заключении.

⁶ Красная газета. 1920. 27 марта, № 68. С. 1.

Высказался и нарком просвещения А. В. Луначарский:

...мы сообщали о возмутительном акте, совершенном американским Красным Крестом по отношению к многочисленным детям Петрограда, вывезенным в свое время в колонию Уфимской губернии (ошибка, надо: «на Урал». — *Е. Р.*) Союзом городов. Всех этих детей американцы забрали с собою в бесконечно длинное сибирское путешествие, причем нам с полной точностью был сообщен ряд фактов, свидетельствующих о торопливости этого отъезда, граничащей с жестокостью <...> Возмутительнее же всего была самая мотивировка этой жестокой меры: нельзя-де оставлять детей в руках у большевиков, которые развратят их. После этого поползли <...> плохие слухи <...> Слухи эти были мучительны для родителей детишек, и весь подвиг американского Красного Креста в совокупности представляет собою комбинацию бесчеловечных пыток многих сотен человеческих существ. К счастью, дело кончилось, благодаря подвигам Красной армии лучше, чем можно было ждать, и в настоящее время нами получено следующее радио <...>: «Американский Красный Крест просит передать следующее: в Петроград, Комиссариату здравоохранения и секцию детских колоний, мальчиков (число не указано в тексте. — *Е. Р.*) и 283 руководителя находятся в [sic!] Русском острове во Владивостокском порту. Список фамилий и имен послан почтой. Все дети здоровы, снабжены американским Красным Крестом продовольствием и всем необходимым. Приняты меры для попечения о них Красной Армией. Осуществляется окончательный план о возвращении на родину возможно скорей. Предполагается вернуть детей в Петроград пароходом или по железной дороге <...> Морис Скриб».

Не думает ли почтеннейший Морис Скриб, что было бы гораздо проще оставить в свое время детей нам, чтобы они совершили свое путешествие в родительские объятия из Уфы (повторение ошибки. — *Е. Р.*) в Петроград, а не из Владивостока вокруг всей Азии в какой-либо из черноморских портов, или вокруг всей Европы в Петроград?

Конечно, то, что благополучно кончается, лучше, чем кончающееся сплошным горем, однако, неожиданной переменой своего отношения к извергам большевикам <...> Красный Крест не может заглядывать всего легкомыслия и всей бессердечности проделанной им над детскими и родительскими сердцами операции [Луначарский 1920].

Риторика наркома развивается вокруг положений о торопливости отъезда с Урала (где шли бои, и «детишки» могли просто погибнуть) и о мотивировке этого отъезда: АКК не заявлял об опасности оставления детей «в руках большевиков» — говорил об опасности оставления детей в зоне боев.

Сообщалось и о хлопотах Горького:

Об эвакуированных детях. Тов. Максимом Горьким получена вчера радиограмма из Стокгольма от местного комитета американского Красного Креста, в которой сообщается, что эвакуированные в свое

время на Урал русские дети числом 425 мальчиков и 349 девочек (цифры, как видим, во всех источниках расходятся. — *Е. Р.*) в настоящее время находятся на попечении американского Красного Креста на острове близ Владивостока и при первой возможности будут возвращены в Петроград⁷.

В это время АКК рассматривал вопрос отправки детей домой, были приготовлены эшелоны, но и весной-летом 1920 г. везти колонию в Петроград через Дальний Восток, Сибирь, Урал не представлялось возможным. И тогда принимается решение везти детей через Атлантический и Тихий океаны в один из портов на Балтике. Требовалось зафрахтовать океанское судно, но ни одного корабля (за фрахт которого надо было платить в твердой валюте) найти не удалось [Swan 1989: 132–134]. Поручение Р. Х. Аллена обменять имеющиеся у представительства АКК деньги на валюту выполнил Барл Брэмхолл⁸, завхоз колонии, от имени которого специальный корреспондент газеты «Правда» рассказал:

У меня было на руках тогда 250 тысяч рублей в керенках и царских ассигнациях. Я понимал, что скоро эти деньги обратятся в никому не нужные бумажки, и поэтому выехал в Харбин, где были целые ряды меняльных лавок. Я побаивался, что создам инфляцию на этом черном рынке, если выложу сразу все свои деньги. Поэтому мне пришлось заниматься обменом почти месяц и выкидывать на рынок, чтобы не вызвать подозрения, небольшие суммы. Но в конце концов я всё поменял на доллары [Большаков 1972 (№ 258)].

Был нанят японский сухогруз «Йомей-Мару» водоизмещением 10 тысяч тонн, ходивший со скоростью 10 узлов в час (18,5 км/ч), с японской командой во главе с капитаном Мотодзи Каяхарой. Около месяца заняла переделка судна для путешествия более тысячи человек [Кручина-Богданов 1987 (11): 14]. На корабль погрузились 12 июля и отплыли из Владивостока 13 июля 1920 г., в 4 часа утра.

В корабельном журнале было указано количество пассажиров: колонисты — 798 (мальчиков — 428, девочек — 370), американский персонал — 17, русский персонал — 85, военнопленные — 78, итого 978 человек [Swan 1989: 138].

Ниже впервые публикуется⁹ рукописный дневник, который вел с 12 июля 1920 г. один из колонистов, Михаил Иванович Холин, пунктуально отмечавший все детали быта и режима.

15 июля прибыли в Японию в порт Муроран на острове Хоккайдо, 16 июля отплыли, взяв курс на Сан-Франциско, путь занял 18 дней. Жизнь на «Йомей-

⁷ Красная газета. 1920. 4 апр., № 75. С. 4.

⁸ Барл Брэмхолл (Burl Bramhall) (1891–1981) — заведующий хозяйством колонии [Большаков 1972; Персонал б. д.; Кручина-Богданов 1987а: 16; Swan 1989: 115–116], майор Красного Креста [Дневник Холина].

⁹ Извлечения из дневника в несколько строк были напечатаны в газете «Ленинские искры» от 12 мая 1971 г. (№ 38), с. 3.

Мару» наладилась, существовал строгий режим: подъем в 5:30, умывание, построение на зарядку вдоль бортов судна, завтрак, занятия, обед, время на кружки, чтение, собрания и прочее, ужин, развлечения, среди которых кинематограф и танцы, отбой в 10:30 вечера. Занятия проходили в разных группах по-разному, в зависимости от наличия преподавателей по предметам, имелась библиотека.

Продолжались и сборы «красных скаутов», которые решили перевести название своей организации на русский язык и стали называться юными разведчиками, во многом повторяя строение скаутской организации, но одновременно стараясь найти новый путь, который будет иметь продолжение в Петрограде.

1 августа 1920 г. корабль прибыл в Сан-Франциско, высадка происходила уже 2 августа [Swan 1989: 151] и вызвала большой ажиотаж в городе. Дипломатических отношений у США с Советской Россией до 1933 г. не было, и петроградские дети стали одними из первых представителей новой жизни. Газеты вышли с заголовком «Красный Крест спас 782 русских ребенка» [Молкина 2007: 292], представители Армии спасения выдали каждому колонисту по апельсину, жевательной резинке и Евангелию в шелковом переплете. Детей поселили в казармах Форт-Скотт¹⁰, за ограду не выпускали, так как беспокоились за их безопасность. Зато им был устроен роскошный прием: в Сити-холл колонистов принимал глава города, на следующий день они побывали в парке «Золотые ворота», где устроили концерт. Американцам не верилось, что дети из «дикой страны» умеют играть на музыкальных инструментах, ставить спектакли, петь, но успех был потрясающим, артистов забрасывали цветами и подарками, [Савельев, Цауне 1929 (11): 10–12].

В Сан-Франциско провели три дня. Р. Х. Аллен отправился в Вашингтон решать судьбу колонии, а «Йомей-Мару» 5 августа взял курс на Нью-Йорк через Панамский канал. Плыли вдоль берегов Америки, пересекли Северный тропик Рака и 14 августа прибыли в город Панаму, самую южную точку путешествия. На следующее утро, 15 августа, по дневнику Михаила Холина, корабль двинулся по каналу длиной 81,6 км. Паровоз, идущий вдоль канала по узкоколейке, тянул за собой пароход. Пока стояли в шлюзах, люди, собравшиеся на берегу, бросали детям на борт журналы, фрукты, шоколад, печенье [Савельев, Цауне 1929 (12): 30].

Юные разведчики — бывшие «красные скауты» — 15 августа провели заседание штаба по очень серьезному вопросу — о признании Советов. Да, на японском корабле под флагом Красного Креста посреди океана несколько десятков подростков решают идеологический вопрос, который многих в эти годы ставил в тупик и разрушал жизнь.

Итак, издается

¹⁰ Форт-Скотт, или Форт-Пойнт (официальное название с 1882 г. — Форт Уинфилд Скотт), — каменная прибрежная крепость, построенная незадолго до Гражданской войны в США (1861–1865), находится у входа в залив Сан-Франциско. Сохранен при строительстве моста Золотые Ворота, расположен под южным подходом к мосту, является национальным историческим объектом США.

Приказ № 1
по дружине

«Йомей-мару»

Тихий океан.

1. Официально на заседании главного штаба 15 августа 1920 г. признан Русский Совет народных комиссаров, и достояние дружины красных разведчиков, как нравственное, так и материальное, признано достоянием РСФСР.

2. Национальным флагом признан флаг РСФСР — красный, и герб его — серп и молот.

3. Национальным гимном признан гимн РСФСР — «Интернационал».

Председатель штаба В. Цауне.
Генеральный секретарь Э. Гольдтман.
Члены штаба: Г. Зуев, М. Богданова,
Е. Хвостиков, Е. Цауне.
[Дитрих 1927: 36]

Выбор был сделан — юные разведчики, прибыв в Нью-Йорк, зарегистрировались в советском бюро в США как организация РСФСР [Дитрих 1927: 38].

Вскоре всем колонистам пришлось решать практический вопрос о возвращении в Россию: телеграмма из Вашингтона сообщала, что колонисты пока поедут во Францию, где в районе Бордо уже приготовлены казармы, потом будет рассмотрен вопрос их репатриации [Молкина 2007: 322]. Большинство не согласилось на этот «план Бордо», подписав протест на имя АКК [Кручина-Богданов 1987 (11): 14–15; Молкина 2007: 331]. Прошел также слух, о котором пишет Михаил Холин, что «всех не чисто русских будут отсылать в те страны, к которым они принадлежат». Автор дневника беспокоился, не отправят ли его с братьями в Латвию. Но пока обсуждались эти вопросы, «Йомей-Мару» прибыл в Нью-Йорк.

28 августа 1920 г. газета «Русский голос» (Нью-Йорк) вышла с лозунгом «Привет вам, дети свободной России!» на первой странице:

780 детей придут сегодня в нью-йоркский порт и остановится (вероятно, корабль. — *Е. Р.*) у пристани (Мангаттан пирс) в Джорджи Сити. С парохода дети будут доставлены в лагерь Форт Водсворт¹¹, Стэйтен Айланд¹².

Колонистов пришли встретить 3 тысячи бывших русских подданных и журналисты почти всех нью-йоркских газет. Прием был еще горячее, чем в Сан-Франциско, тем не менее колонисты опять жили в военных казармах под охраной — американцы боялись «коммунистической заразы».

¹¹ Форт Водсворт (Уодсворт, англ. Wadsworth) — форт на северо-восточном берегу Стэйтен-Айленда, построен англичанами, в 1865 г. назван в честь генерала Джеймса Уодсворта, несколько раз перестраивался. После Первой мировой войны почти не использовался.

¹² Русский голос. 1920. 28 авг. С. 1.

29 августа устроили «Русский базар», на который, по словам Михаила Холина, приехали «почти все пятнадцать тысяч русских, которые живут в Нью-Йорке». На автобусах ездили осматривать город, могилу генерала Гранта, Военную академию Вест-Пойнт, побывали в театре «Ипподром» («Гипподром», как пишет Холин) и в зоопарке.

Тем временем продолжалась борьба за возвращение в Россию. 400 старших колонистов собрались на митинг и избрали революционный комитет, который составил письмо:

Протест по поводу отправки колонии во Францию.

Мы, колонисты и колонистки Петроградской детской колонии, заявляем американскому Красному Кресту, что мы во Францию не поедем. Мы не можем поехать во Францию, в государство, благодаря которому население России десятками и сотнями тысяч умирало и умирает от последствий блокады, орудия войны, посылаемые ею в Польшу, уносили и уносят в могилу сотни тысяч русских молодых сил.

Мы не можем жить в стране, где русские солдаты, проливавшие кровь в продолжение нескольких лет на Западном фронте за чуждые русским интересы Франции, были ими расстреляны или отправлены на каторжные работы в Африку. Если американский Красный Крест до сих пор не учитывал того, что среди нас есть вполне сознательный многочисленный элемент, то этим протестом мы, колонисты и колонистки, обращаем внимание американского Красного Креста на это обстоятельство и требуем, чтобы американский Красный Крест изменил свое решение относительно отправки нас во Францию и отправил нас в Петроград¹³.

Протест колонистов был передан представителю РСФСР в США Л. К. Мартенсу¹⁴ и напечатан в газетах. На 4 сентября был назначен митинг в Мэдисон Сквэр Гарден под названием «Встреча русских детей с русской колонией» [Молкина 2007: 335]. После концерта выступали с речами представители русской колонии Нью-Йорка, Л. К. Мартенс и делегаты колонистов — Владимир Смолянинов и Юрий Заводчиков. Кроме того, было запланировано несколько митингов протеста против отправки детей во Францию [Там же: 344]:

Митинг против отсылки американским Красным Крестом детей петроградской колонии во Францию. Состоится в клубе 371, Зиллис авеню, Бронкс, Нью-Йорк. Сегодня, 9 сентября в 9 часов вечера. Пусть приходит как можно больше народу. Выступления ораторов на английском, русском и латышском языках (фрагмент листовки [Кручина-Богданов 1987 (11): 15]).

¹³ Красная газета. 1920. 13 окт., № 229; см. также: [Кручина-Богданов 1987 (11): 14].

¹⁴ Мартенс Людвиг Карлович (1874–1948) — русский революционер немецкого происхождения, дипломат, инженер, представитель Советской России в США в 1919–1921 гг., не признававшийся в этом качестве властями США.

Во вторую неделю пребывания колонистов в Нью-Йорке экскурсий не было, шум от их пребывания и так получился большой: о колонии писали все газеты, устраивались митинги в поддержку возвращения детей в Россию, советское правительство посылало телеграммы в США, Мартенс хлопотал — и, наконец, «план Бордо» был отменен. На «Йомей-Мару» колонисты вернулись 11 сентября, потребовав и получив официальное подтверждение от АКК, что во Францию их не повезут (без таких гарантий старшие ребята отказывались возвращаться на пароход).

Русская колония Нью-Йорка подарила каждому колонисту новый костюм, белье и чемодан, а АКК снабдил судно не только припасами, но и холодильниками, электровентиляционными установками, кинопроекторами, оборудованием для госпиталя и хлебопекарни [Большаков 1972 (№ 259)].

«Йомей-Мару» направлялся через Атлантику в Европу, держа курс на французский Брест, хотя конечный порт назначения не был определен: Петроград исключался, Рига и Таллинн не принимали, Финляндия находилась с Советской Россией в состоянии войны — намечали Копенгаген.

На пароходе шла обычная жизнь: дежурства, танцы, кинематограф, — прерванная страшным событием: после операции умерла одна из воспитательниц, Мария Матвеевна Горбачева [Персонал б. д.], и 16 сентября 1920 г. ее пришлось хоронить в океане. Тело зашили в брезентовый саван, отслужили панихиду (на борту был священник), капитан дал команду, и тело бросили в воду.

Простояли три дня во французском Бресте, но колонисты решили на берег не сходить, так как опасались, что их оставят во Франции. Директор же местного отделения АКК, посетив колонию, оценил ее так: «Нигде в Европе вы не найдете такой большой группы столь хорошо откормленных и ухоженных молодых людей!» [Большаков 1972 (№ 259)]. Следующая остановка была в немецком порту Киле, где тоже на берег не сходили, затем — в Гельсингфорсе (Хельсинки), там «Йомей-Мару» встал на рейде, затем был отправлен дальше, в Койвисто (сейчас Приморск Ленинградской области), куда прибыл 9 октября.

Тем временем «Красная газета» начинает сообщать некоторые скудные, неточные и запоздавшие сведения о колонии — впервые после апреля 1920 г. 22 сентября 1920 г., раздел «Хроника»:

Дети возвращаются из Сибири. Во Владивостоке получено сообщение о возвращении в советскую Россию детских сибирских колоний. Колонии выехали из Владивостока 13 июля текущего года. Дети едут через Сан-Франциско, Панаму, Нью-Йорк. Отсюда их направляют морем в один из балтийских портов, куда они придут в начале октября¹⁵.

2 октября 1920 г. под заголовком «Отдайте нам наших детей» вышло сообщение о радиограмме председателя центрального комитета Российского общества Красного Креста З. Соловьева, отправленной центральному комитету Северо-Американского Красного Креста и международному комитету Красного Креста в Женеве. По его сведениям, «петроградские дети, насиль-

¹⁵ Красная газета. 1920. 22 сент., № 211. С. 3.

ственно увезенные Северо-Американским Красным Крестом, ставшие объектом бесчеловечного обращения его агентов и предназначенные к отправлению во Францию, в настоящее время перевозятся на пароходе “Нотрмери” [sic!] по неизвестному назначению»¹⁶.

6 октября в разделе «Телеграммы» сообщается, что в Бордо ожидают прибытия 780 русских детей из Сибири¹⁷.

13 октября на первой странице под заголовком «Дети красного Петрограда»¹⁸ печатается протест колонистов по поводу отправки во Францию, и родители, не зная, что дети уже находятся в Финляндии, переживают из-за «плана Бордо».

14 октября на первой странице:

Русские дети в Финляндии. Гельсингфорс. В Гельсингфорс только что прибыл японский пароход «Йомимару» с 800 русскими детьми, приехавшими из Америки. Дальнейшее направление парохода пока еще не выяснено. На пароход и с него финские власти никого не пускают¹⁹.

Запоздавшая информация «Красной газеты» была связана с отсутствием дипломатических отношений со всеми странами, где останавливался «Йомей-Мару», а известие о детях, находившихся в Финляндии с 9 октября, было опубликовано 14 октября — именно в этот день был подписан мир между Советской Россией и Финляндией.

Но история еще не закончилась. АКК арендовал для колонии пустующий санаторий «Халила» на Карельском перешейке²⁰, и здесь колонисты провели еще от одного (первая группа) до трех месяцев (последняя группа). Эта задержка, кроме оформления виз, была вызвана тем, что АКК не знал, все ли родители колонистов живы и нет ли детей, которым некуда возвращаться; детям предложили написать письма домой, затем долго ждали ответов [Большаков 1972 (№ 259)]. Колонистов не выпускали за пределы санатория. Красные разведчики создали инициативную группу для разветвления организации в Петрограде, называть себя они стали РОЮР (Русская организация юных разведчиков), придумали значок, в который «включается эмблема угнетенных — красная пятиконечная звезда с серпом и молотом» [Дитрих 1927: 40].

С 10 ноября 1920 г. по 25 января 1921 г. 777 колонистов были переправлены в Петроград через пограничную станцию Белоостров, по полуразрушенному мосту через реку Сестру переходили пешком. В теплушках мой отец, его братья и все остальные прибыли на тот самый Финляндский вокзал, с которого они уезжали почти три года назад. Путешествие закончилось.

¹⁶ Красная газета. 1920. 2 окт., № 220. С. 3.

¹⁷ Красная газета. 1920. 6 окт., № 223. С. 2.

¹⁸ Красная газета. 1920. 13 окт., № 229. С. 1.

¹⁹ Красная газета. 1920. 14 окт., № 230. С. 1.

²⁰ Приобретен в 1892 г. канцелярией Александра III, болевшего в детстве туберкулезом; по одной из статей мирного договора с Финляндией (1920), половина мест в «Халиласской санатории» отводилась для жителей Петрограда. В настоящее время санаторий называется «Сосновый Бор».

* * *

Итак, уникальные материалы (они были получены автором от Анны Лазаревны Мойжес, 1910–2014).

«Курынская мозаика» написана от руки черными чернилами на бумаге в линейку, на сдвоенном листе большого формата, в старой орфографии (хотя есть обращение *товарищи*). Первая страница разорвана посередине по линии сгиба, бумага пожелтела, по краям надорвана и повреждена. Отдельные заметки обведены жирной черной линией. На верху первой страницы надпись карандашом: «Холина Над.[ежда] Ана.[тольевна?]». Редактором, видимо, нужно считать упомянутого в первом выпуске А. Воробьева, на имя которого следовало передавать материалы. В списке колонистов, размещенном на сайте сообщества потомков участников описываемых событий, числится Аполлоний Сергеевич Воробьев [Список колонистов б. д.], остановимся на предположении, что это он. Стиль обращения «От редакции» несколько витиеват и отличается от коротких констатирующих предложений «Дневника колониста». Можно отметить, что план газеты построен по известным образцам, например, запланировано «Театральное обозрение», хотя рассчитывать можно было только на самодеятельный театр.

Документ публикуется в соответствии с современными орфографией и пунктуацией. Расшифровки слов даются в квадратных скобках; если слово не разобрано, указано количество слов и приводится пометка «нрзб.», замечания публикатора — в квадратных скобках, в круглых скобках замечания авторов. Сокращения «ч.» (час) и «т. к.» (так как) повторяются многократно и расшифрованы только при первом употреблении.

КУРЫНСКАЯ МОЗАИКА

13 июля [в скобках карандашом: 1918] **Детская колония Вс.[ероссийского] Союза Городов**

№ 1

№ 1

По делам редакции все справки и т. п. можно получить ежедневно у А. Воробьева от 12–3 ч.[асов] дня в гостинице. Туда же просят направлять весь материал для газеты.

В газете намечены следующие отделы:

1. Официальный. 2. Корреспонденция. 3. Курынская хроника. 4. Литературный. 5. Театральное обозрение. 6. Смесь. 7. Справочный отдел.

От редакции

Наша «Курынская мозаика» зародилась в тот момент, когда впервые в нашей среде появились обласканные судьбой и почтой счастливицы. Отрезанные от Петрограда в течение месячного путешествия по северу России и потерявшие связь с близкими, мы, естественно, закидали их вопросами о том, что делается на родине, каково живет родным петроградцам, как они голодают и т. п., и вестями делимся с вами.

Но мы отрезаны не только от Петрограда. Привычная черта русского человека — жить особняком, замкнувшись и дичась один другого. Мы отрезаны и внутри, мы мало общаемся между собою, мы предпочитаем питаться слухами, не сверяясь с первоисточниками. Поэтому вторую задачу, которую ставят себе сотрудники «Курьинской мозаики», является осведомление о всем, что совершается в колонии.

От вас, товарищи, зависит оживление сухих пока строк «Мозаики»: в ваше распоряжение отводится литературный отдел (фельетоны, рассказы, стихотворения, дневники, описания путешествия).

Постановления воспитательского совета (2 июля 1918 года)

1) В каждом помещении каждый день должно быть 2 дежурных, следящих за чистотой и порядком.

2) В хорошую погоду детям запрещается находиться в спальнях помещений.

3) Порядок дня в колонии:

в [цифра на разорванном сгибе не читается] — подъем

- 8 ч. — чай

с 9–11 ч. — занятия

- 11–12 ч. — купанье

в 12 ч. — обед

с 12–1 [sic!] ч. — отдых

- 1–5 ч. — игры, прогулки и т. д.

- 5–6 ч. — купанье

в 6 ч. — ужин

с 6–10 ч. — свободное время

в 10 ч. — спать.

4) На полевые работы отпускаются только здоровые дети и только [начало строчки стерто на сгибе, по смыслу: «в сопровождении»] воспитателей. О крестьянах, к которым отпускаются дети, предварительно наводятся справки.

5) Поставлено [sic!] отклонить требование окрестных крестьян о возмещении убытков за порчу воспитанниками колонии огородов и посевов, т.[ак] к.[ак] никто из мальчиков пойман не был. Крестьяне заявили, что если в следующий раз воспитанники будут пойманы, они будут избиты, о чем Совет и предупреждает воспитанников.

Фельетон «Дневник колониста»

Май

25, суббота. — К 12 час. пришли в училище. Около 5 часов отправились на вокзал. Стояли там до конца дня.

26, воскресенье. — Отъехали от Петрограда около 1 часа ночи. В 3 часа приехали на станцию Кушелевка. Стояли 6 часов. В 9 часов утра отъехали. Часов в 5 приехали на станцию Назия. Едем дальше. Думаем к 9 часам быть на Званке. На Званку приехали вечером.

27, понедельник. — Вечером приехали в Череповец.

28, вторник. — В 10 часов утра прибыли в Вологду. Стояли 7 час.[ов]. Отъехали в 5 часов. Переехали реку Шограш.

29, среда. — Утром, когда еще спали, приехали в Галич. Стояли весь день.

30, четверг. — Выехали из Галича около 12 часов дня. В 8 часов вечера приехали в Мантурово²¹. На полдороге загорелись буксы у тендера.

31, пятница. — Около 7 часов утра приехали в Котельнич.

Июнь

1, суббота. — Стоим там же.

2, воскресенье. — Стоим там же. Ходили на рынок, в церковь, были на берегу Вятки у железнодорожного моста и на кладбище. Ходили в городской сад и играли в футбол.

3, понедельник. — Стоим там же. Около часу дня кто-то сказал, что мы скоро поедем дальше, т. к. к нашему поезду прицепили паровоз. Радость была всеобщая, но непродолжительная. Оказалось, что нас отвозят немного дальше. Был разговор с П. В.²²

4, вторник. — Стоим там же. Переехали на другой путь.

5, среда. — Около 1 ч. дня прицепили паровоз. Отъехали между 1 ч. и 2 ч., в 7 все приехали в Вятку.

(Продолжение в след.[ующем] №). П-в.²³

Из Петрограда

Продовольствие

27, июнь. — Введена карточная система на табак. Выдается по 40 штук папирос в месяц на мужчину от 17 лет и на женщину от 25 лет.

29, июнь. — С 1 июля все население разделено на 4 категории, причем 4-ая [sic!] категория получает по ф.[унту] хлеба в день. Сахар будет выдаваться по ¼ ф.[унта] в месяц.

30, июнь. — Крупа дается поре [дальше слово не читается]. Железнодорожники получают картофель по 15 ф.[унтов] на едока в месяц. Кроме капусты, в городе ничего нет. Хлеба дают мало (1/16 ф.[унта]), а иногда и совсем не дают. Если выдача хлеба не производится, то дают по ¼ ф.[унта] крупы на едока. В рабочих районах, напр.[имер] за Невской заставой, дают больше, по 1/8 ф.[унта] на день. В богадельнях уменьшили паек. Много людей падает от голода. Каждый день случай голодной смерти. С 23 по 29 июня хлеба выдавали только 1 раз. 30-го выдали по ½ ф.[унта] картофеля. На улицах много павших лошадей. У одного корреспондента встретились строки, резко противоречащие указанным сведениям. Помещаем их без всяких комментариев, оставляя ответственным и[х] автора: «Мы едим очень много и сытно, и на брата рублей 150 в месяц выходит».

Общественная жизнь

27, июнь. — Объявлен принудительный набор в Красную Армию для борьбы с чехословаками. Старых банковских служащих приняли обратно в банк. Жалование 450 рб. [рублей]. Только что подан на утверждение проект о повышении

²¹ Вероятно, имеется в виду Мантурово — город (ранее деревня и поселок при станции) в Костромской области, железнодорожная станция.

²² Возможно, Дежорж (де Жорж) Петр Васильевич — учитель истории, заведующий колонией № 2 [Персонал б. д.; Swan 1989: 95–96].

²³ Под инициалы подходят фамилии девяти колонистов [Персонал б. д.].

жалования до 550 рб. [рублей]. Из частных банков начали выдавать публике по 750 рб. [рублей] в месяц.

30 июня. — Введено осадное положение. От 11 час. веч.[ера] до 5 ч. утра на улицу выходить нельзя. В тот же промежуток времени должен быть загашен свет. Все крупные заводы закрыты, между прочим, Обуховский.

Мозанка

× Письма в Петроград доходят довольно аккуратно. Идут 10–12 дней.

× 30 июня. — В петроградских газетах о нашей колонии сообщают, что она отправилась в Курьи.

× 1 июля. — Курьер от Союза городов к нам не поедет. Скоро поедет санитарный поезд с [два слова нрзб.].

× 8 июля. — Военно-санитарный поезд № 2218, простояв 1½ недели в Екатеринбурге, стал нагружаться продовольствием и инвалидами для отправки в Петроград. Почтовая корреспонденция членов колонии сдана с поезда на почту ввиду вполне нормального движения почтовых поездов на Петроград.

× В Екатеринбурге объявлен принудительный набор до 27 лет для борьбы с чехословаками.

× Пути сообщения все больше и больше сокращаются. Из Петрограда билеты выдаются только до Москвы и Рыбинска. По Волге сообщение только между Рыбинском и Нижним Новгородом. Сообщение между станцией Ичнею (Черниговской губ.[ернии]) и Харьковом нормальное (7 июля).

Местная хроника

× За последнее время в колонии наблюдается эпидемия кори, захваченная, по видимому, в Тюмени у переселенцев. До 12 июля заболело 5 человек. В карантине находится 26 человек. Заболевание в большинстве случаев в легкой форме. Температура у больных 36–37°.

Другие болезни наблюдаются редко, и те большею частью легко-желудочные.

× 8 июня [вероятно, июля, 8 июня колония была еще в пути] пронеслась весть о том, что в колонии пожар. Но тревога оказалась напрасной. Выяснилось, что на крыше одной из дач загорелась доска, которая и была благополучно загашена через несколько минут.

× 9 июля [исправлено из «июня»] все воспитанники колонии были взвешены. Результаты взвешивания показали, что большинство из них за последние 1½ месяца прибавились [sic!] в весе.

× 1 июля Н. М. Григорьев²⁴ организовал экспедицию на писчебумажную фабрику.

Продовольственные перспективы

Размеры хлебного пайка не могут быть увеличены больше, чем на 1¼ ф.[унта] из-за [два слова нрзб.]. Дело в том, что печь выпекает в сутки только 6 пудов. Лишь при усиленном труде пекаря можно увеличить выпечку хлеба до 12 пудов, что дает всего 1¼ ф.[унта] на человека. Дальнейшее увеличение пайка возможно при найме второго пекаря, что представляется затруднительным по финансовым соображениям. Выдаваемый паек зависит и от месячной нормиров-

²⁴ Григорьев Николай Матвеевич — воспитатель колонии № 2 (Тюмень), в марте 1919 г. с сыном Сашей и тремя колонистами сумел вернуться в Петроград [Персонал б. д.].

ки Пышминской²⁵ Продовольственной Управы, которая выдает по 25 ф.[унтов] муки на детей.

* * *

Дневник Михаила Холина написан карандашом в тетради в линейку, без обложки, часть листов сшита черной ниткой, бумага пожелтела, есть небольшие повреждения. Поля расположены слева. Почерк разборчивый, текст написан в новой орфографии. В рукописи 30 листов, пронумерованных карандашом. Кроме того, в правом верхнем углу листов 1–24 чернилами мелко обозначен номер (с 23 по 46); затем отдельные несшитые листы 25–30 пронумерованы карандашом (с 22 по 27) при продолжении сквозной первой нумерации и сохранении связности рассказа. Дополнительная нумерация позволяет предположить, что существовал другой дневник, повествующий о предшествующих событиях.

Сокращения «т. ч.» (так что), «т. к.» (так как) и «ч.» (час), повторяющиеся в тексте, расшифрованы только при первом употреблении. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам, для удобства чтения выделены абзацы. Сохраняются авторское написание имен собственных, использование прописных букв и кавычек.

ДНЕВНИК МИХАИЛА ИВАНОВИЧА ХОЛИНА 1920 год

Пароход «Йомей-Мару» Путешествие Владивосток — Петроград

Понед.[ельник] 12/VII

Начну писать дневник со дня нашей погрузки на пароход. Пароход «Йомей-Мару», на котором мы должны были ехать, пришел уже три дня тому назад. По настоящему мы должны были бы погрузиться уже вчера, но от того, что не успели погрузить все вещи, то нам пришлось подождать. Вчера мы уже было совсем собрались и даже были на пристани, ожидая катера, который нас должен был перевезти на «Йомей-Мару», как приехала моторная лодка и привезла известие, что мы погрузимся на следующий день.

Сегодня день был пасмурный, туманный. Скоро после чаю мы все выстроились около бараков и стали ждать катера, который скоро пришел. Тогда мы пошли на пристань, где нам пришлось подождать около часа, пока погрузят хлеб, некоторые вещи из госпиталя и ручной багаж воспитателей. С Русского Острова мы поехали в 7-ой [sic!] барак, где попили чаю и хлеб с вареньем. Оттуда в 4 часа окончательно погрузились на пароход.

Оказалось, что здесь устроено не так уж плохо, как говорили у нас. Кровати в два этажа и двойные, разделенные доской. Пароход совсем новый, построен в

²⁵ Пышма — поселок, расположенный на Транссибирской магистрали (станция Ошеково — с 1885 г.) примерно в 150 км от Тюмени; или, что менее вероятно, деревня в Тюменской области, в 42 км от Тюмени.

прошлом году. Скоро после нашей погрузки был ужин, который состоял из супа, бульона и чаю, и потом хлеб с маслом, на первый раз хороший. После ужина на носовой палубе играл американский оркестр, а на корме — второреченский²⁶. Пароход должен выйти из порта завтра в 4 ч.[аса] утра. Спать все легли очень поздно, и то я долго не мог заснуть, т.[ак] к.[ак] совсем около меня был вход в трюм, который все время нагружали, посредством лебедки, которая производила адский шум. Однако, в конце концов я все-таки заснул.

Вт.[орник] 13/VII

Сегодня утром в 4 ч. мы выехали из Владивостока. Я проснулся со вторым гудком, т. ч. был при отплытии на палубе. Утром погода была туманная, но к обеду небо прояснилось, и на палубе было довольно жарко. К вечеру опять был туман. Матросы говорили, что ночью будет буря. Пока качка почти совсем не чувствуется. Кормят нас довольно хорошо. Сегодня вывесили расписание дня на «Йо-мей-Мару», еще неизвестно, с какого дня оно будет введено в нашу жизнь. Сегодня я переменялся местами с Горбачем [sic!]²⁷, т.[ак] ч.[то] теперь сплю рядом с Ф. Сельцером²⁸.

Вечером давали спасательные пояса, я пришел слишком поздно, т. ч. у меня только один детский пояс. После ужина качка сделалась чувствительной, ходят слухи, что Сергея Владимировича²⁹ уже вырвало. Сегодня предполагался кинематограф, но не знаю почему, но его не было. Вечером на корме пели и играл духовой оркестр. Я чувствую себя хорошо. Спать лег довольно рано.

Ср.[еда] 14/VII

Проснулся я рано, т. ч. успел до чаю погулять по палубе. Бури ночью не было, но качка больше, чем вчера вечером. Сегодня вечером или ночью мы должны быть в Японии, по вчерашним слухам. Утром разбирали по номерам мешки, т. ч. есть надежда, что скоро можно будет получать из тех вещи. Мне пришлось переехать обратно на старое место, т. к. переменяться местами можно будет только послезавтра. Мы составили список всех тех, кто хочет переменяться местами, и подали его Наталье Леонидовне³⁰. Сегодня выдали по карандашу и одной тетради линованной бумаги. После обеда выдали наволочки, полотенца и мыло. За ужином выдали по плитке шоколаду. Вообще нас кормят хорошо, гораздо лучше, чем на «Русском остр.[ове]».

[Два слова густо зачеркнуты карандашом: «Перед», второе слово не читается.] После обеда мы проехали два острова, принадлежащие к Японии. Мимо нас проехало два парохода и один парусник. В прошлые сутки мы проехали 250 миль, это будет больше, чем по 10 миль в час. Вечером опять играл духовой оркестр. Вечером море было очень спокойное. Здесь очень тепло. Сегодня была проверка спасательных поясов.

Чт.[четверг] 15/VII

Сегодня утром в 5 ч. мы приехали в Японию. Мы стоим в бухте, которая открыта только с одной стороны. По берегам расположен город, какой именно, не знаю, есть какая-то фабрика или завод. Катера здесь все деревянные. Очень харак-

²⁶ Оркестр колонистов со станции Вторая Речка (Владивосток).

²⁷ В списке колонистов указаны Горбач Иван и Горбач Петр [Список колонистов б. д.].

²⁸ Сельцер Филипп [Список колонистов б. д.].

²⁹ Вероятно, Котовский Сергей Владимирович [Персонал б. д.].

³⁰ Имя отсутствует в списке персонала [Персонал б. д.].

терны лодки, которые похожи на китайские таланги [sic!], только почти не плоскодонные и имеют острый нос. Парус на них только один, похожий на грот-парус, но им управляют так же, как и на талангах. В движение эти лодки приводятся тоже посредством одного кормового весла.

Перед обедом многие из нас купались. Наш пароход здесь берет уголь.

[13 строк густо зачеркнуты и сверху перечеркнуты косым крестом: «Сегодня меня и еще троих мальчиков [три слова нрзб.] вскоре [слово нрзб.] мы будем работать там все вместе. Работа легкая, послать для [слово нрзб.] обратно посуду [несколько слов нрзб.] время все свободное, зато кроме того работать совсем не придется. Если мы будем [несколько слов нрзб.]. В [слово нрзб.] дальше будут менять [слово нрзб.]».]

Утром меня и троих других мальчиков назначили носить грязную посуду из персональной столовой и обратно. Сначала мне показалось, что отчего бы и не согласиться работать там все время, но потом раздумал и отказался.

После обеда мы были в городе. Местность здесь гористая, т. ч. город расположен большей частью между горами. Постройки не выше двух этажей, и все деревянные, каменных совсем нету. Здесь вообще больше всего применяется дерево. Катера и маленькие пароходы деревянные, вагоны железной дороги тоже деревянные, и даже туфли или сандалии деревянные.

Мы были в японской школе. Там показывали японскую гимнастику. Потом пошли в другой флигель, где прослушали пение японских девочек. Поют они в один голос и довольно плохо держат такт. После японских наши девочки пропели в три голоса «Гей, славяне». Когда мы шли по улицам, на нас японцы смотрели, как на диких зверей. Вообще мне Япония не особенно понравилась. Жители одеваются довольно неопрятно. Улицы тоже не особенно чистые. Железная дорога узкоколейная, вагоны и паровики низкие и короткие. Товарные вагоны черные, а пассажирские снизу до окон черные, потом идет красная полоса и наверху желтые. Когда мы переезжали обратно на пароход, то с нами поехало два японца и около десяти японских девочек.

Погода утром была очень хорошая, но после обеда пошел мелкий дождь. К вечеру погода опять разгулялась. Здесь есть угольные копи. Во время ужина вдруг остановилась динамо-машина, отчего погасло электричество и остановились вентиляторы. Поэтому в каюте была ужасная духота и жара. Всю ночь работали лебедки и мешали спать.

Пт. [пятница] 16/VI

Мы не выехали, как предполагалось, сегодня ночью. Все проснулись очень поздно. Я переселился на новое место с разрешением [sic!] майора Брамхола³¹ и надеюсь, что обратно на старое место переезжать больше не придется.

Сегодня я подписал договор при поступлении в П. К. Д. [?] юных разведчиков. Во время обеда мы выехали из порта Муроран на остр.[ове] Иессо³², где мы простояли вчерашний день. Хотя мы и едем по Тихому океану, но качка куда сильнее, чем была в Японском море. К вечеру поднялась мелкая «мертвая зыбь». Погода весь день стояла пасмурная. Сегодня Арнольда³³ отправили в госпиталь, у него

³¹ См. сноску 9.

³² Название острова Хоккайдо в старой русской транскрипции (также *Йессо*, *Иеддо*, *Иедзо*, *Эдзо*).

³³ В списке колонистов имеется только один Арнольд — Гольдман Арнольд Генрихович [Список колонистов б. д.].

показалась какая-то сыпь. Наша группа составила список вещей, которые мы желали получить из своих мешков, надеемся, что завтра нам их выдадут. После обеда я грузил в трюм багаж девочек, за это всем, кто работал, дали по плитке шоколада. На ужин было какао. После ужина была сыгровка струнного оркестра. В нашу каюту поставили граммофон.

Субб.[ота] 17/VII

Проснулся довольно поздно, т. ч., будучи дежурным, не успел как следует помыться. Работа дежурным по столовой довольно легкая, хотя надоедает. Приходится накрывать и убирать стол, после еды мыть его, и подметать пол (в столовой).

После обеда было собрание нашей дружины, выбирали штаб. Из бойев (мальчиков. — *Е. Р.*) выбрали в штаб: Валю Цауне, Хвостикова³⁴ и Зуева старшего³⁵, а из герлей (девочек. — *Е. Р.*): Женю Цауне³⁶ и Клаву Александрову³⁷. Погода весь день стояла туманная, т. ч. пароход очень часто гудел. Новое место, где я теперь сплю, мне довольно-таки нравится. Во-первых, там довольно прохладно по сравнению со всем помещением, т. к. оно находится около самого борта, во-вторых, оно на втором этаже, и поэтому на кровати можно стоять, почти выпрямившись, и, в-третьих, оно находится рядом с братьями. Арнольд сегодня вышел из госпиталя, у него был не в порядке желудок. Белья мы сегодня не получили благодаря Сергею Владимир.[овичу], который дал неправильные распоряжения. Качка довольно чувствительна, хотя море и кажется довольно спокойным.

Воскр.[есень] 18/VII

Сегодня я проснулся поздно, т. ч. едва поспел на чай. Погода сегодня была хорошая. По случаю воскресенья сегодня утром дали печенье и варенье. Особенного ничего не случилось. Вечером был кинематограф. Шла драма, в скольки частях, не знаю, потому что нам показали только 4 части, и то лента через каждые пять минут, а то и чаще, рвалась. У аппарата работал какой-то другой механик, который совсем не умел управлять кинематографическим аппаратом. После кинематографа все сразу легли спать.

Понед.[ельник] 19/VII

Сегодня я был дежурный по конторе. Мне пришлось дежурить с 8 до 10 и с 1 до 3 ч. Остальное время дежурила Лора Воробьева³⁸. Дежурство заключается в следующем: надо все время сидеть около конторы, и если полковник Аллен или майор Брамхол пошлют куда-нибудь, то исполнить их приказание. Кроме того, надо давать свистки согласно расписанию дня. Вообще дежурить очень скучно. Сегодня нам выдали чистое белье, и вечером мы мылись в умывалке под душами. Галифе из мешков не давали, но вместо них дали брюки.

Сегодня было собрание штаба нашей дружины. Решили, что отдельных отрядов не будет, а дружина будет делиться на патрули, а каждый патруль на два звена. Стяги распределили следующим образом: стяг нашего отряда будут поднимать на

³⁴ Хвостиков Евгений [Список колонистов б. д].

³⁵ В списке указан только один Зуев — Зуев Виктор Тихонович [Список колонистов б. д.].

³⁶ Цауне Евгения Эдуардовна, сестра Валентина Эдуардовича Цауне [Список колонистов б. д.].

³⁷ Александрова Клавдия М. [Список колонистов б. д.].

³⁸ Воробьева (Шелепина) Лариса Сергеевна [Список колонистов б. д.].

занятиях вместо национального флага; стяг девочек будет братья с собой на прогулки и торжественные занятия, а стяг 2-го отр.[яда] будет заменять собой знамя и будет разворачиваться только на парадах и при торжественном обещании. Кто будет стягоносцем, еще не известно.

У нас на пароходе появилось множество разных повязок, напр.[имер]: дежурные по столовой носят повязки с буквой Д, дежурные по кухне — с латинскими буквами К. Р., что означает «кухонная полиция», дежурный по конторе — повязку с красным крестом, и, наконец, существует особый караул из [зачеркнуто «плл», вероятно «пленных»] австрийцев, которые носят повязку с буквами М. Р., что означает «Военная (в тексте прописная буква) полиция». Итак, куда ни глянешь, везде мелькают повязки.

Вечером был кинематограф для номеров, начиная от 740. Сегодня мне переменили номер 720 на 605, т. к. я теперь сплю на койке № 605. Погода утром стояла пасмурная, но к обеду разгулялась. Качку я теперь совершенно не замечаю, хотя нас качает довольно заметно. Завтра мы должны выехать на определенный путь из Иокогамы в Сан-Франциско. До сих пор мы ехали по совершенно не посещаемой парходами части океана, и поэтому-то и не встречали ни одного пархода. Получено известие по радиотелеграфу, что из Америки во Владивосток идет парход, который мы скоро должны встретить, и что нас в Сан-Франциско ожидают. Сегодня мы находились на 156° 46' в.[осточной] д.[олготы] и на 40° 02' с.[еверной] шир.[оты] За последние сутки мы прошли 253 мили. От Мурорана мы прошли 797 миль, и до Сан-Франциско нам осталось пройти 3573 мили. Я надеюсь теперь по возможности каждый день узнавать такие пометки о нашем местонахождении.

Вт.[орник] 20/VII

Сегодня был второй день моего дежурства по канцелярии. [Зачеркнуто: «На».] Эту неделю мы будем пить чай, обедать и ужинать во вторую смену. Поэтому мне утром вместо 2 ч. пришлось дежурить только 1 ¼ часа, а после обеда 1 час. Погода весь день стояла пасмурная, было довольно холодно. Обед сегодня был отвратительный: суп с редькой и чай, так что все были очень голодны; зато ужин был лучше обыкновенного, по какому случаю, не знаю. Он состоял из огурца, гречневой каши, одной булочки и 8-ми печеньев, вместо обыкновенных полкружки чая было по полторы кружки какао.

Сегодня очень многие заболели морской болезнью. После ужина в нашем трюме играл духовой оркестр, который сделал заметные успехи. Сегодня нас распределили по шлюпкам и плотам. Я попал в шлюпку № 10, туда же попали и мои братья. Всего в эту шлюпку назначено около 50 человек, и с ними Феликс Станиславович³⁹. Утром у нашей группы отбирали грязное белье.

За прошлые сутки мы проехали 243 мили, и теперь нам осталось до С.[ан]-Фр.[анциско] 3330 миль. От Мурорана мы теперь на расстоянии 975 миль. На какой широте и долготе мы находимся, я не мог узнать.

Ср.[еда] 21/VII

Сегодня был последний день моего дежурства по канцелярии. Я дежурил не как всегда с 8 до 10 и с 1 до 3 ч., а с 10 до 12 ч. и с 3 ч. до 5 ч. В 5 ч. должно было быть собрание дружины, на котором мы должны были бы разделиться на

³⁹ Имя отсутствует в списке персонала [Персонал б. д.].

звенья и патрули, но оно не состоялось, потому что у девочек была баня, а большинство мальчиков было занято на уроках английского языка. После обеда была ложная тревога, четыре пароходные свистка, хотели узнать, как скоро мы можем собраться с спасательными поясами на палубе. Говорят, что ночью будет шторм. Вообще нам каждую ночь обещают шторм, а все его нету, т. ч. я не особенно верю этим слухам, хотя, между прочим, море не особенно спокойное. Утром я чувствовал себя не совсем хорошо, болела голова, но, побыв на свежем воздухе, все прошло.

Вечером опять была сыгровка духового оркестра. До Сан-Франциско нам осталось теперь 3080 миль, в прошлые сутки мы прошли ровно 250 миль, это будет по 10 ½ мили в час. От Мурорана мы теперь на расстоянии 1225 миль. Находились мы на 165° 05' в.[осточной] долг.[оты] и 45° 14' сев.[ерной] широты.

Всем выдали сандалии. Наверно, не особенно прочные, потому что японской фабрикации. Вообще я заметил очень интересное явление, как вещь японская, то непременно она очень скоро испортится, она как бы животрепещущая, держится на одной ниточке. Я получил из библиотеки книгу «Das alte und neue Japan»⁴⁰. По началу и по картинам смотреть, книга интересная. Она представляет собой описание Японии как историческое, так и географическое, и этнографическое.

Чт. [четверг] 22/VII

Сегодня я был на уроке рисования. Мы рисовали одну старушку, мать одного воспитателя. У меня рисунок вышел довольно удачный, [слово зачеркнуто] жалко только, что я его не успел закончить. Весь день была скверная погода. После обеда шел дождь. Сегодня был урок английского языка, пока мы повторяем все старое, что мы проходили на Русском острове. Уроки будут теперь каждый день. Мне ужасно не нравится, что нас будят в половине шестого, никогда нельзя выспаться как следует.

Ветер сегодня очень сильный, так что ожидают бурю, на этот раз и я верю этим ожиданиям, т. к. море весь день и вчерашний день было не особенно спокойное. Мы взяли курс значительно на север, так как с юга идет циклон, а если он нас застанет, то нам несдобровать. Сведений насчет нашего местоположения я, к сожалению, не мог достать.

Пт. [пятница] 23/VII

Сегодня Евгения Андреевна⁴¹ распределила уроки математики. У нас будет по два раза в неделю каждый предмет: алгебра, геометрия и физика. Сегодня весь день стояла самая отвратительная погода. Моросил мелкий дождь, и ветер был довольно сильный и холодный. Волны были довольно большие, хотя качка чувствовалась не особенно. Не знаю, может быть, это происходит от того, что мы уже привыкли к ней. Ночью ожидается буря, барометр пал довольно сильно. Сегодня ночью мы должны въехать в западное полушарие. Прошлые сутки были не 24 часа, а 23 часа и 35 минут. Завтра будет опять пятница 23-го июля. Мы поднялись порядком на север.

⁴⁰ «Старая и новая Япония» (нем.). Вероятно, это книга [Steger, Wagner 1874]). Фридрих Штегер (1811–?) — немецкий писатель, писавший в том числе об участии немцев в Русском походе Наполеона в 1812 г. [Steger 1845].

⁴¹ Мазун Евгения Андреевна — воспитательница колонии № 2 (Тюмень) [Персонал б. д.; Swan 1989: 97].

Был урок английского языка. После урока были упражнения по семафорной сигнализации, на которых мы все порядком [прохлаждались?] По русскому яз.[ыку] с нашим классом будет заниматься Петр Васильевич де Жорж. С какого дня начнутся занятия, еще не установлено. Кормят не особенно хорошо. Спать нам приходится всего с 10 ½ ч. до 5 ½ ч. Это выходит 7 час. Конечно, мы никогда как следует не можем выспаться, т. к. нормальный сон для взрослого человека 8 ч., а для детей 9 часов.

Пт. [пятница] 23/VII

Во-первых, надо объяснить, отчего у нас сегодня пятница 23-го, а не суббота 24-го. Это происходит оттого: во время всего нашего путешествия мы выгадаем один день, и для того, чтобы не было после путаницы, американцы решили сделать эту неделю не в семь, а в восемь дней. Сегодня ночью мы переехали на [sic!] западное полушарие. Сегодня была маленькая буря. Волны довольно часто, особенно на носу парохода, захлестывали через борт парохода. Ветер дул почти с такой же силой, как и тайфун во Владивостоке. Очень красивая картина представляется, если волны, производимые ходом нашего парохода, сталкивались с естественными волнами. Тогда поднимался целый столб водяной пыли и пены, который разносился ветром и был очень похож на мелкий снег.

Урока геометрии сегодня не было, т. к. Евгения Андреевна была не совсем здорова. После ужина наш класс говорил с Петром Васильевичем⁴² насчет уроков русского яз.[ыка]. Уроки будут по понедельникам, средам и пятницам с 10 ч. 45 м.[инут] до 11 ч. 30 мин.[ут]. Мы будем проходить историю русской словесности и древней литературы.

Субб.[ота] 24/VII

Сегодня я совсем не мог встать со звонком, несмотря на то что меня два раза будил Сергей Владимирович. Вообще сегодня проспала вся наша половина. Так что я думаю, что скоро американцы увидят, что нам нужно спать дольше. После обеда давали чистые простыни. Мне попалась одна грязная простыня, вообще очень много плохих простыней.

Вместо урока физики был урок алгебры, так как Евгения Андреевна не готовилась. Было довольно тепло, несмотря на то что ветер был довольно сильный и море не особенно спокойное. Инспекция сегодня осматривала все постели и отбирала булки и свечи, лежащие под подушкой и сеником.

Вечером был кинематограф. Программа хотя и не была особенно хорошая, но все домой вернулись с хорошим настроением. Первая картина была видовая, одного города в штате Menesoma (Миннесота / Minnesota? — *E. P.*). Потом открытие детской площадки во Владивостоке. В этой картине участвовал и А. Г. Новицкий и, конечно, провел свой «марш деления», на котором он, кажется, немного помешался. Третья картина была комическая, в двух частях. Очень интересная. После кинематографа были танцы под музыку духового оркестра. Я на танцах не был. Вечером шел мелкий дождь. Спать я лег со звонком.

Воскр.[есень] 25/VII

Сегодня звонок к вставанию и утренний чай были на полчаса позже, чем обычно, так что удалось почти совсем выспаться, тем более, что я встал только

⁴² Дежорж Петр Васильевич; см. сноску 22.

тогда, когда первая смена кончила пить чай. Пицца сегодня была лучше, чем обыкновенно. Утром дали варенье и какао, за обедом на третье компот и по полплитки шоколаду, а ужин состоял из двух яиц, четырех печеньев, булочки, одной сладкой пышки и какао. Шоколаду по-настоящему следовало бы дать по целой плитке, но так как некоторые мальчики растащили из склада часть шоколада, то дали только по полплитки.

Сегодня я узнал, что в Сан-Франциско можно будет гулять группой целый день. Погода сегодня была хорошая, только к вечеру спустился на море туман. После обеда опять была ложная тревога. В размещении по лодкам произведена некоторая перемена. Разместили так, чтобы в лодке у девочек были бы также и старшие мальчики, которые могли бы грести. В лодки же мальчиков на освободившиеся места перевели некоторых девочек.

Сегодня я получил из библиотеки книгу Лори «Изгнанники земли»⁴³. Книга интересная, так что я прочел сразу около половины. Очень хорошо, что кроме книги из научного отдела, к которому относятся также и немецкие книги, можно брать книги и из отдела беллетристики. Из последнего отдела книгу можно держать три дня, из первого же неделю. Вечером были танцы и кинематограф для оставшихся номеров.

Понед.[ельник] 26/VI

Сегодня погода с самого утра была хорошая. Море было совершенно спокойное. После обеда ровные гладкие волны казались как будто бы стальными. Вода была цвета ультрамарин, и только позади парохода тянулся голубой пенистый след. Однако к ужину море покрылось мелкой рябью, и мы въехали в полосу тумана.

Сегодня наша группа получила чистое белье и вечером мылась в умывальне под душами. Утром я достал около двух кружек пресной воды и, размылив в ней мыло, которое в соленой совершенно не мылится, как следует вымылся. Пресная вода в настоящее время для нас представляет собой большое сокровище, и я только теперь узнал, как надо ее ценить. Одно время чай у нас был до невозможности соленый, т. к. приготавлился из плохо профильтрованной морской воды. Теперь, слава Богу, солёности почти не замечается.

Сегодня мне Кон⁴⁴ вне очереди переменял старую книгу на новую. Звонok спать сегодня был на час раньше обыкновенного, по-моему, лучше дали бы утром поспать хотя бы на полчаса дольше, чем ложиться в такую рань. Я сегодня был дежурный. Работа, по сравнению с Русским остр.[овом], довольно легкая: два раза в день, утром и после обеда, подмести пол, и больше ничего. Завтра наша половина ест в первую смену, т. ч. придется встать раньше обыкновенного почти на час.

После обеда опять была ложная тревога. Ходят слухи, будто бы американцы собираются каждый день делать эти «тренировки», как они выражаются, со спасательными поясами. Это скоро надоеет, тем более, что уже теперь порядком наскучило всем. Главное то, что занимает почти час времени. Несколько раз на поверхности океана показывались тюлени.

⁴³ Андре Лори (псевдоним Жана-Франсуа Паскаля Груссе) (1845–1909) — французский публицист, писатель-фантаст, соавтор Ж. Верна («Пятьсот миллионов бегумы»), член Парижской коммуны (1871) и Палаты депутатов (1893–1909). «Изгнанники Земли» (1887; другие названия — «На Луну», «Завоевание Луны») — самый известный его роман.

⁴⁴ Вероятно, Кон Андрей Александрович — колонист [Список колонистов б. д.].

Вт.[орник] 27/VII

Утром погода была довольно хорошая, несмотря на то что с сев.[еро]-вост.[ока] дул довольно сильный ветер. Сегодня наша половина ест в первую смену, так что вставать пришлось с первым звонком. После обеда японцы мыли палубу. До Сан-Франциско нам осталось всего шесть дней, так как мы предполагаем туда приехать в воскресенье. Меня этот город очень интересует. Вода здесь имеет очень красивый цвет. Если светит солнце, то она цвета ультрамарин, как я писал вчера, если же солнца нету, то она темно-синяя с фиолетовым или даже красноватым оттенком.

После ужина был кинематограф. Я очень разочаровался в том, что пошел, так как этим испортил только себе настроение. Программа была нельзя сказать, чтобы очень плохая, но все-таки неинтересная. Шла одна драма в одной части, одна видовая и одна комическая.

Была сыгровка духового оркестра. Сегодня я сдал в библиотеку свою книгу, как русскую, так и немецкую. День следующей выдачи книг — воскресенье, так что эту неделю придется просидеть без книг, что не особенно приятно.

Ср.[еда] 28/VII

Погода сегодня была утром довольно теплая, но к вечеру испортилась. Сегодня у нас было очень много именинников Владимиров, и им всем дали по плитке шоколаду. Кормят нас как будто бы лучше, не знаю, надолго ли это. Составляли список вещей, которые мы желаем получить к С.[ан]-Фр[анци]ско. В Нью-Йорке нам будут новые костюмы. После обеда шла пресная вода, т. ч. можно было хорошо вымыться. Был кинематограф, я опоздал на первую часть. Вообще программа мне понравилась. Больше писать не могу, т. к. через 5 минут гасят электричество.

Чт.[четверг] 29/VII

Сегодня был последний день занятий до Сан-Фр[анци]ско. Кормить нас за последнее время стали заметно лучше, наверное, это происходит оттого, что припасов осталось слишком много. До Сан-Фр[анци]ско нам осталось всего четыре дня пути. Вчера, оказывается, испортился руль, вследствие чего мы и заехали порядком на север, из-за чего и потеряли один день. Вечером я опять был на кинемат.[ографе] и совершенно не сожалею об этом, т. к. первая драма была очень интересная.

Так на пароходе все идет своим чередом. Упражнения со спасательными поясами будут производиться каждый день в два часа пятнадцать минут. В компанию, к которой я приписался для осмотра города, входят: Холин, Лукас, Сельцер, я, Соболев, Малыгин и, наверное, Гуршман⁴⁵, окончательно насчет него еще не известно.

Чт.[четверг] 5/VIII

[Слово зачеркнуто.] В пятницу, субботу и воскресенье я не находил время писать дневник, т. к. был занят приготовлениями к приезду в Сан-Франциско. За эти три дня ничего особенного не случилось. Начну подробно описывать все события с понедельника, дня нашего прибытия в С.[ан]-Фр[анци]ско. Ночью с воскресенья на понедельник мы приехали в порт. Утром мы стояли около Козьего острова, на

⁴⁵ Лукас Рудольф, Сельцер Филипп, Соболев (Алексей, или Борис, или Николай), Малыгин Владимир, Гуршман (Григорий или Иона). Автор дневника пишет «Холин», потом «я» (в другом месте также пишет о брате Альфреде), но в списке указан только Холин Михаил [Список колонистов б. д.].

котором находятся маяк и тюрьма, под карантинном. Но в 7 ½ ч. прибыли на пароход таможенные и санитарные чиновники и сделали осмотр, во время которого мы все должны были стоять на палубе. Когда кончился осмотр, мы причалили к пристани. Здесь одна сторона залива сообщается между собой посредством больших колесных пароходов, которые не имеют ни носа, ни кормы, а на обеих сторонах имеется руль, так что они могут ходить в обе стороны, как трамваи. Рядом с нашим пароходом стоял пароход, построенный на «миссисипский» манер, а именно: колесо находится не сбоку, а сзади, одно большое колесо, шириною во всю корму. Скоро после того, как мы пристали к пристани, мы начали высаживаться на берег. Вместо 120-ти автомобилей, которые нам обещали на пароходе, были только пять легковых и четыре автобуса на 30 человек, т. ч. переезд в бараки совершался довольно долго. Ехали мы очень быстро, так что от города увидели мы очень мало. Жили мы там в военной слободке, в казармах. Кормили отлично, плохо было только то, что за ограду никуда не выпускали, т.[ак] что чувствовал себя как бы заключенным.

Вообще город очень красивый. На улицах поразительная чистота. Особенно красивы коттеджи, которые расположены в пригороде. Русских жителей здесь около 600 человек, им здесь живется довольно плохо, потому что американцы не признают советского правительства, и поэтому большевиков здесь преследуют. Русский консул здесь еще старый, назначенный Колчаком. Он черносотенец, и поэтому его [зачеркнуто: «никто не»] все русские ненавидят. Священник здесь тоже монархист. Возмутительно было то, что во время вечера и аудитории [sic!] после америк.[анского] национального гимна оркестр вдруг заиграл «Боже, царя храни», и все американцы встали. Но зато после этого наш струнный оркестр заиграл «Марсельезу», во время которой все колонисты и многие американцы тоже стояли.

На следующий день нас повезли в парк «Золотые ворота». А оттуда мы прямо направились на пароход.

Ср.[еда] 14/VIII⁴⁶

Все предыдущие дни я не писал, потому что была ужасная жара, и пропадала всякая охота хоть что-нибудь делать, тем более сидеть в душном трюме. Сегодня вечером мы приехали в Панаму. Так почти все шло по-старому, за исключением одного очень важного, но вместе с тем и грустного сюжета. Один мальчик из нашей группы, а также и одного класса и училища со мной, по фамилии Малыгин, в Сан-Франциско заболел. Его сразу перевезли обратно на пароход. Сначала думали, что он просто переутомился, т. к. всегда был слабого здоровья. Но однажды вечером, когда его выпустили из госпиталя подышать свежим воздухом на палубу, он чуть не бросился за борт, хорошо, что вовремя подоспели австрийцы и успели его удержать. После докторского осмотра оказалось, что он уже довольно долго немного помешанный. Его сразу же положили на корму, где огородили уголок простынями, т. к. там самое тихое место на всем пароходе. Иногда он начинает буйствовать, тогда приходится звать на помощь австрийцев.

Когда мы пристали к пристани, то нам привезли мороженое. Так здесь замечательная чистота, даже чище, чем в Сан-Франциско. Спать легли довольно поздно.

Чт. [четверг] 15/VIII⁴⁷

Утром мы выехали из Панамы и поехали по Панамскому каналу. Три раза нам приходилось подниматься и один раз спускаться по шлюзам. Местность здесь

⁴⁶ Ошибка у Холина: 14 августа 1920 г. была суббота, среда приходилась на 11 августа 1920 г.

⁴⁷ Ошибка у Холина: 15 августа 1920 г. было воскресенье.

очень красивая. Здесь очень много негров и метисов. Когда мы проезжали по шлюзам, то нам с берега кидали фрукты. В общем, вид канала мне не понравился. Он похож на какую-то узкую реку с болотистыми берегами, и только в некоторых местах, где приходилось взрывать скалы, похож хоть немного на канал. Вечером мы приехали в Колон, откуда выехали через полчаса стоянки.

Вт.[орник] 24/VIII

Через три дня должны приехать в Нью-Йорк. Недавно получили телеграмму из Вашингтона, в которой осведомляют, что мы в Россию не поедem, а останemся во Франции. Составляли список национальностей. Одни говорят, что всех не чисто русских будут отсылать в те страны, к которым они принадлежат. Как бы и меня с братьями не отправили в Латвию.

Эти все дни не писал оттого, что, во-первых, особенно важных событий было мало, а во-вторых, на меня напала какая-то не то лень, не то скука, ничего не хочется делать. Вчера было собрание нашей дружины, вернее отряда, т. к. теперь у нас осталось только девятнадцать человек мальчиков да человек двадцать девочек. Я лично очень рад, что все поступившие в нашу организацию для времяпровождения выписались. По-моему, роль играет не число, а качество членов нашей организации. Лучше пусть будет всего пятнадцать человек, но хороших, чем тридцать человек одних мальчиков, из которых половина будет относиться к делу поверхностно.

Погода все время жаркая. Кормят не особенно хорошо, но и нельзя сказать, чтобы плохо. Сегодня составляли список вещей, которые мы хотим получить к Нью-Йорку. Довольно часто попадаются встречные пароходы. Вчера вечером нас обогнал французский пассажирский пароход. В Нью-Йорке должны стоять две недели, не знаю, не застряем ли мы там на более долгое время. Во Францию мне попасть не особенно охота, т. к. очень возможно, что к нам французы будут как к русским относиться не особенно дружелюбно, а может быть, и того хуже. Вчера у нас была генеральная инспекция, очень похожая на обыск, рылись по всем кроватям, под матрацами, т. к. искали, нет ли где-нибудь хлеба, печенья и т. п. вещей. Постараюсь писать почаще, теперь надо будет лечь спать.

Воскр.[сенья] 12/IX

Буду описывать, по возможности подробнее, как мы провели время в Нью-Йорке. Поместили нас в форте «Вадсворд» на Стейжен Айл. Бараки были такие же, как и в Сан-Франциско. Первое время нас кормили довольно плохо, но потом стали кормить лучше.

В воскресенье 29 августа на острове был «Русский базар». Были построены русские избы и колодец. Вообще ничего общего с базаром не было. Приехали почти все пятнадцать тысяч русских, которые живут в Нью-Йорке.

В понедельник нас на огромных автобусах повезли осматривать город. Город довольно красивый, дома все каменные и большей частью не меньше шести-семи этажей. Самый высокий дом в Нью-Йорке теперь дом Вулворса⁴⁸, он насчитывает пятьдесят с лишним этажей. Дом Зингера⁴⁹ теперь второй по высоте. Мы посетили могилу генерала Гранта и его жены.

⁴⁸ Вулворт-билдинг (Woolworth Building) — небоскреб в Нью-Йорке, построен в 1910–1913 гг. как штаб-квартира розничной сети F. W. Woolworth Company, архитектор К. Гилберт (1859–1934), инженеры Гунвальд Аус и Корт Берле. Самое высокое здание мира в 1913–1930 гг. (241 м), по-прежнему входит в список 50 высочайших небоскребов США.

⁴⁹ Зингер-билдинг (Singer Building) — небоскреб в Нью-Йорке, построен в 1908 г. для штаб-квартиры компании «Зингер», архитектор Эрнест Флэгг, планировка Джордж У. Консйбл (1866–

31 августа мы ездили по Гудзону на пароходе «Мэнделей». Местность так, в общем, довольно красивая, жалко только, что везде по берегу идет железная дорога и повсюду расположены фабрики и заводы, которые портят впечатление. Мы доехали до Военной академии⁵⁰. Там мы вышли на берег и отправились осматривать академию. Снаружи она выглядит как крепость, но внутри очень красива. Построена Военная академия в чисто готическом стиле. При академии имеется музей. Музей довольно интересный, жалко только, что нам не давали долго останавливаться. В музее были модели разных орудий и фортов, также старые знамена и разного рода оружие из Войны за независимость. Имеются также индейская одежда и оружие. Домой мы приехали довольно поздно.

В пятницу мы никуда не ездили. 2-го сент.[ября] были в «Гипподроме»⁵¹. Гипподром — это громадный не то театр, не то цирк. Содержание представлений мы

1933). В 1908–1909 гг. являлся высочайшим зданием в мире (187 м, 47 этажей). Автор дневника ошибается, ставя его на второе место после Вулворт-билдинг, на втором месте находилось здание Метлайф-тауэр (The Metropolitan Life Insurance Company Tower, или Metropolitan Life Tower, или MetLife Tower) — самое высокое здание в 1909–1913 гг. Зингер-билдинг снесен в 1968 г.

⁵⁰ Военная академия США (United States Military Academy), Вест-Пойнтская академия или просто Вест-Пойнт (West Point) — высшее военное учебное заведение, основано в 1802 г., расположено в г. Вест-Пойнт (штат Нью-Йорк) на берегу реки Гудзон в 80 км к северу от г. Нью-Йорка. Военный музей открыт в 1854 г., в нем находятся, например, пистолеты Джорджа Вашингтона, меч Наполеона, вооружение времени Первой мировой войны и т. д. Большинство зданий кампуса построены в стиле неоготики из серого и черного гранита.

⁵¹ Hippodrome Theatre, или New York Hippodrome — театр в Нью-Йорке (1903–1939), был расположен на Шестой авеню, в Мидтауне на Манхэттене. Спроектирован Ф. Томпсоном и Э. Данди-младшим, создателями Луна-парка на Кони-Айленде, архитекторы Ф. Томпсон и Д. Х. Морган. 5300 мест для зрителей. Сцена размером 30 × 61 м вмещала до тысячи исполнителей или полноразмерный цирк со слонами и лошадьми, который находился во встроенном партере под ней (4,3 м в высоту, 18,3 м в диаметре), где имелся стеклянный резервуар для воды вместимостью 30 283 л (8000 галлонов), резервуар мог подниматься на сцену с помощью гидравлических поршней. Закрыт и демонтирован в 1939 г., в 1951–1952 гг. на его месте построено офисное здание The Hippodrome Center.

П. М. Керженцев, журналист и работник Наркомата иностранных дел в 1920–1923 гг., писал: «Если вы спросите любого жителя Нью-Йорка, с чего вам начать знакомство с театральной жизнью города, он вам ответит: “Пойдите в “Гипподром”. И я согласен с этим. Если вы действительно хотите сразу получить представление о художественном уровне американского театра, вкуса публики, блеске техники — пойдите в “Гипподром”. Если вы хотите соприкоснуться с самым типичным, что дает сейчас театральное искусство мира — пойдите в “Гипподром” (...). Внешность “Гипподрома” не остановит внимания — красноватое здание, занимающее целый квартал, не имеет никакой архитектуры, ничего, кроме гигантских афиш (...). Войдя внутрь, вы теряетесь. Зрительный зал, вмещающий до 5 тыс. человек, состоит из громадных балконов, с бесконечными (...) линиями кресел. (...) Своеобразная архитектура здания делает театр похожим скорее на цирк, чем на театральный зал. Сцена превосходит все европейские масштабы. Она, по крайней мере, в полтора раза шире сцены Марининской оперы и даже театра “Шателе” (Париж). Авансцена вдается в зал большим полукругом, и вдоль рампы внизу идет шель, откуда поднимается своеобразный полукруглый занавес. Один из кулштовков театра заключается в том, что этот железный занавес, внезапно выдвигающийся из-под земли, возносит вверх и часть танцовщиц или хористок. Программа “Гипподрома” состоит из 15–20 номеров. Труппа, включая оркестр и технический персонал, достигает 2–3 тысяч человек. Массовые сцены занимают на сцене одновременно 400–500 чел. Все в этом театре такого же широкого масштаба. (...) Ровно в назначенный час гухнет в зале театра электричество, и наступает полная тьма, только с боков сцены горят красные цифры, обозначающие, какой номер программы будет исполняться, да в оркестре сверкает огонь электрической лампочки, прикрепленной к палочке дирижера. Прославленная по всему миру программа “Гипподрома” (...) состоит из одного-двух больших номеров (...) и из десятка-полутора коротких (...) ролей

не могли понять, т. к. пели и говорили всё на английском яз.[ыке]. Декорация была роскошная, и сцена огромная, сразу выступали обыкновенно около ста человек. Большой частью были балеты, которые исполнялись всеми ста человеками вместе, т. ч. получалась довольно красивая картина⁵².

В пятницу⁵³ были в Зоологическом парке. К сожалению, нам показали всего клетку с обезьянами, пресмыкающихся и несколько видов антилоп.

Домой мы приехали все в очень [пропущено слово] расположении духа, потому что вокруг нас все время шныряла целая свора «шпиков», которые положительно не давали русским поговорить с нами. Если русский передавал какой-нибудь пакет или газеты, то шпик сейчас же подбегал и старался вырвать эту вещь из рук того, кому ее передали. Один шпик поплатился за то, что вырвал у одного маленького колониста газету, своей собственной шкурой, его как следует поколотили и чуть не разорвали сютука.

4-го сентября нас встретила русская колония Нью-Йорка, которая насчитывает около двадцати тысяч человек. Встреча происходила в большом концертном зале «Мэдисон Сквер Гарден». Как только мы вошли в залу, последняя наполнилась криками «ура» и громом рукоплесканий. Сперва было концертное отделение, играл симфонический оркестр под управлением Альтшуллера. После концерта говорили речи несколько представителей русской колонии, а также и представителя советского бюро Мартенса. После речи Мартенса на эстрады [sic!] вышли Смолянинов и Заводчиков как представители «Исп.[олнительного] Ком.[итета]» детской колонии. Первый ничего не сказал, но Заводчиков высказал в коротких словах нашу благодарность русской колонии Нью-Йорка. Встреча длилась с 1 ч. до 4 ч.

Следующую неделю мы никуда не ездили. Русская колония дала каждому колонисту новый костюм и белье, а также и чемодан. Я получил через латышского консула две смены вязаного белья.

На пароход мы вернулись вчера. Сначала нас хотели везти во Францию, но мы подали прошение, в котором говорилось, что мы до тех пор не пойдем на пароход, пока А. К. К. не даст официального заявления и гарантии, что он нас не повезет во Францию. Теперь нас везут через Копенгаген в один из прибалтийских портов, откуда будут рассылать по железной дороге родителям. Будем надеяться, что Рождество можно будет справить уже дома.

Понед.[ельник] 13/IX

Первые два дня нашего переезда по Атлантическому океану прошли без всяких особенных событий. В воскресенье я был дежурный по столовой. Дежурить было довольно легко, т. к., во-первых, было прохладно, и, во-вторых, со второй

с пианистом (...) носится по воздуху, а балерина танцует на крышке рояля; группа японских акробатов строит лестницу живых тел; певец поет шотландские баллады; показывается группа ученых собак; на десять минут внимание привлекает одноактная драматическая пьеска, а потом танцы, клоуны, акробаты, хоры, кунштюки электрического освещения и сценической техники, певцы, подражающие птицам, клоуны, изображающие кукол, карлики, лирическое сопрано с романсами, эквилибристы, танец мечей, вальс скелета и т. д. без конца. Театр с такой нелепой мешаниной из драмы, цирка, оперы, улицы, исключительно типичен для Соединенных Штатов и Нью-Йорка особенно. «Смесь» — здесь закон вещей» [Керженцев 1923: 10–12].

⁵² С 9 августа 1920 г. по 30 апреля 1921 г. в «Гипподроме» шел популярный мюзикл «Хорошие времена» (Good Times) на музыку Раймонда Хаббелла (1879–1954) по сценарию Р. Х. Бернсайда (1873–1952), мюзикл был показан 456 раз и стал чемпионом сезона 1920/1921 г. [Bordman, Norton 2010: 402].

⁵³ 3 сентября 1920 г.

смены попался хороший дежурный. Все-таки на пароходе чувствуешь себя как дома. Первые две ночи я проспал великолепно, как уже давно не спал. Конечно, кажется немного скучновато, но ничего, скоро будет приведена в порядок библиотека, и тогда будет чем заняться.

Книг нам пожертвовали около четырехсот штук. Жалко, что при погрузке книг на пароход два ящика были сожжены, в одном был Толстой, а в другом не знаю, какие книги. Американцы находят, что эти книги нецензурны, и поэтому их нельзя везти с собой. Вообще теперь американцы стали относиться куда хуже, чем прежде. Когда старшие мальчики пошли к Аллену спросить причину того, что сожгли ящики, то он ответил, что не желает с ними разговаривать. Ну, ничего, дай Бог, скоро будем дома. Хотя и говорят, что мы непременно, самое долгое через месяц будем дома, мне все-таки еще не верится. Я уже совсем забыл думать о том, что мы скоро будем дома, кажется, что мы всю жизнь будем скитаться из одного города в другой...

Погода стоит довольно хорошая, легкий ветерок и солнце, так что не холодно, но в то же время и не жарко. Ходят слухи, будто бы наш пароход нагружен патронами и порохом для Польши. Действительно, наш пароход нагружен очень сильно, так что ватерлинии почти совсем не видно, особенно он накренился на левый бок. Чувствую себя пока довольно хорошо. В воскресенье вечером был на палубе кинематограф. Программа шла старая, которая уже один раз показывалась на Русском острове. Девочки почти все валяются, несмотря на то что качки почти нету.

Вт.[орник] 14/IX

Погода весь день стояла хорошая, до сих пор особенной перемены в климате не заметно. Сегодня вечером я, Хвостиков и Валя [Цауне] долго разговаривали о положении нашей организации в настоящее время. Дело в том, что в таком виде, как она находится теперь, она в Петрограде и вообще в России оставаться не может, и поэтому непременно нужно произвести какие-нибудь перемены. В Копенгагене мы получим бумаги о признании нашей организации государственной [sic!] советским правительством. К решительному ответу мы еще не пришли. Так весь день прошел благополучно. Сегодня опять была проверка со спасательными ясами.

Ср.[еда] 15/IX

До Нью-Йорка, слава Богу, мы ехали довольно благополучно, и смертных случаев не было, но в Нью-Йорке и случилось два таких, и вот сегодня третий. В Нью-Йорке умерла от неоправданно сделанной операции, которая вызвала воспаление мозгов, маленькая девочка. Потом, рассматривая ружье часового, которое должно было быть не заряжено, случайно убили мальчик лет пятнадцати, и сегодня опять от плохо сделанной операции скончалась одна воспитательница, Марья Матвеевна Горбачева.

Я сегодня занялся стиркой грязного белья, однако выстирать все не удалось, я выстирал четыре носовых платка, полотенце, наволочку и галифе, осталось еще две пары носок, верхние и нижние рубашки. Вечером был кинематограф, программа состояла целиком из видовых. Так все идет своим чередом.

Пятн.[ица] 17/IX

Вчера были похороны Марьи Матвеевны. Перед похоронами три раза служили панихиду. На самое похороны никого, кроме певчих, не пустили. Сегодня было собрание членов нашей организации, на котором было решено открыть инструк-

торскую школу, т. к. в настоящее время другого исхода не было. Скоро мы дойдем до Бреста, нам осталось половина с лишним всего пути. Так все благополучно.

Субб.[ота]. 18/IX

Слава Богу, теперь хоть читать есть что, т. к. четвертому классу нашей половины дана маленькая библиотека, которая и функционирует со вчерашнего дня. Сегодня открылась инструкторская школа. После ужина были танцы. Выдавали чистое белье. Завтра, наверное, будет кинематограф. Погода все время стоит довольно хорошая.

К сожалению, я дальше не вел свой дневник, но постараюсь передать возможно подробнее. Пишу дома, в Петрограде. В Бресте мы простояли три дня, т. к. наш пароход сначала разгружался, а потом брал уголь, лед, съестные припасы, воду и т. п. Из Бреста нас повезли в Финляндию, в гор. Гельсингфорс, откуда, как говорили, мы будем немедленно отправлены по железной дороге в Петроград. Мы, конечно, были очень рады этому. Да и притом вся окружающая нас природа по прибытии в Гельсингфорс сразу напомнила собой родину. Наш пароход стоял посреди гавани, и с него открывался замечательный вид. Входа в бухту совершенно не было видно из-за многочисленных маленьких островков, которые все были покрыты сосновым лесом. Вообще вся бухта совершенно не напоминает собой американские или французские гавани. Там от природы ничего не осталось, везде каменные или деревянные набережные и молы, лодки почти все моторные, т. ч. стоит ужасный шум, вода грязная, а здесь впереди город, который очень красиво вырисовывается на фоне соснового леса, а кругом масса бухт и островков, покрытых диким сосновым лесом, который гордо поднимает свои вершины на чистом, не пропитанном дымом и пылью небе, вода чистая, и по ней то и дело снуют, точно чайки, яхты с белыми, как снег, парусами, а то какой-нибудь рыбак медленно едет на своей маленькой, но опрятной гребной лодке. Вообще кругом тишина и спокойствие, и когда вечером наш оркестр начинает играть, то звуки его переносятся по воде и отдаются эхом несколько раз.

Да! но не так-то скоро должна была быть развязка. Из Гельсингфорса нас повезли в Койвисто, маленькую приморскую станцию, откуда отправили в санаторию Халило, которая находится в 18 километрах от ст. Уссикирка по Ф.[инляндской] ж.[елезной] д.[ороге], где прожили около двух месяцев. Но все-таки, несмотря на то что нас никуда не выпускали и держали как гражданских пленных, мы чувствовали себя как-то свободней и точно чуяли близость родины.

Здесь, нужно сказать, я провел самую для меня счастливую жизнь в колонии. Часто я часами бродил по парку, который простирался на несколько верст вдоль озера, и мне казалось, что я уже дома. Вся природа как бы напоминала собой те счастливые дни, которые я провел дома на даче, которые теперь, увы, навсегда ушли. Да! что было, того не воротишь! Но наконец все-таки нас стали отправлять в Петроград. Сначала уехала одна партия, а во вторую попал и я.

Как я был рад, когда проезжал столь знакомые мне места, как Мустамякки, Келломякки, Куокало⁵⁴ и, наконец, доехали мы до Белоострова. Тут нам пришлось высадиться, т. к. сношения с Россией еще не было, и пройти через границу пешком. На что было тут все похоже. От станции ничего, кроме нескольких торчащих печек да груды развалин, ничего не осталось. Но все-таки чувствуешь себя дома, кругом тебя все говорят по-русски.

В самый город мы приехали поздно вечером. И на следующий день мы воротились к родителям. Какое счастье я испытывал, ложась вечером в мягкую постель, зная, что я нахожусь дома и что больше мне никуда не надо будет ехать. Да! теперь я только как следует научился ценить эту мирную семейную жизнь. Хотя живется-то и нелегко, но все-таки чувствуешь себя лучше, чем в самые лучшие дни колониальной жизни.

Источники

- Большаков 1972 — *Большаков В.* Одиссея детей революции // Правда. 1972. 14 сент., № 258. С. 6; 15 сент., № 259. С. 6.
- Дитрих 1927 — *Дитрих Г. С.* Конец и начало: Из истории детского движения в Ленинграде. М.; Л.: Мол. гвардия, 1927.
- Дмитриевский 1972 — *Дмитриевский В. И.* Они были первыми // Искорка. 1972. № 1. С. 3–15.
- Кантор 1971 — *Кантор Л. Б.* Красное знамя // Ленинские искры. 1971. 12 мая, № 38. С. 3.
- Керженцев 1923 — *Керженцев П. М.* [Лебедев П. М.] Творческий театр. 5-е изд., пересм. и доп. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923.
- Кручина-Богданов 1987 — *Кручина-Богданов В. И.* К родному дому вокруг света // Ленинградская панорама. 1987. № 10. С. 22–23; № 11. С. 14–16.
- Луначарский 1920 — *Луначарский А. В.* Не все хорошо, что хорошо кончается // Известия. 1920. 3 апр. № 73 (920). С. 1.
- Персонал б. д. — Персонал: [Указатель имен] // Над нами Красный Крест / Авт.-сост. О. Молкина. [Б. д.]. URL: <http://petrograd-kids-odyssey.ru>.
- Савельев, Цауне 1929 — *Савельев Л., Цауне В. Э.* Тысяча путешественников // ЁЖ. 1929. № 1. С. 7–8, 10; № 2. С. 1–4; № 3. С. 1–6; № 4. С. 12–16; № 6. С. 29–33; № 9. С. 25–28; № 11. С. 10–12; № 12. С. 29–30.
- Список колонистов б. д. — Список колонистов: [Указатель имен] // Над нами Красный Крест / Авт.-сост. О. Молкина. [Б. д.]. URL: <http://petrograd-kids-odyssey.ru>.
- Steger 1845 — *Steger F.* Der Feldzug von 1812. Braunschweig: Oehme & Müller, 1845.
- Steger, Wagner 1874 — *Das alte und das neue Japan: oder, Die Nippon-Fahrer // Schilderungen der bekanntesten alteren und neueren Reisen: mit 180 Text-Abbildungen, 10 Tondrucktafeln, sowie einer Karte von Japan / Ursprunglich bearbeitet von F. Steger und H. Wagner; neu hrsg. von E. Hintze.* 3, bis auf die Gegenwart ergänzte Ausgabe. Leipzig: Otto Spamer, 1874.

Литература

- Клавинг 2003 — *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. М.: АСТ; СПб.: Terra fantastica, 2003.

⁵⁴ Мустамякки (финское название деревни) — с 1948 г. пос. Горьковское и железнодорожная станция на линии Ленинград — Выборг; Келломякки — с 1948 г. пос. Комарово; Куоккала — с 1948 г. пос. Репино.

- Клеванский 1965 — Клеванский А. Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус: Чехословацкие политические организации и воинские формирования в России. 1914–1921 гг. М.: Наука, 1965.
- Молкина 2007 — Молкина О. Над нами Красный крест. Петербургская семья на фоне XX века. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: Остров, 2007.
- Мусаев 2013 — Мусаев В. И. Городская повседневность // Петроград на переломе эпох: Город и его жители в годы революции и Гражданской войны / С. В. Яров и др. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2013. С. 95–194.
- Парфенов 1925 — Парфенов П. С. (*Петр Алтайский*). Гражданская война в Сибири. 1918–1920. 2-е, изд. испр. и доп. М.: Гос. изд-во, 1925.
- Салдугеев 2005 — Салдугеев Д. В. Чехословацкий легион в России // Вестник Челябинского государственного университета. 2005. № 2 (18). С. 88–98.
- Стратиевский 2013 — Стратиевский О. Б. Остров Русский: страницы истории. Владивосток: Дальнаука, 2013.
- Bordman, Norton 2010 — Bordman G., Norton R. American musical theatre: A chronicle. 4th ed. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Miller 1965 — Miller F. Wild children of the Urals. New York: E. P. Dutton, 1965.
- Swan 1989 — Swan J. The lost children: A Russian odyssey. Carlisle, Pennsylvania: South Mountain Press, Inc., Publishers, 1989.

References

- Bordman, G., & Norton, R. (2010). *American musical theater: A chronicle* (4th ed.). Oxford Univ. Press.
- Klaving, V. (2003). *Grazhdanskaia voina v Rossii: Belye armii* [Russian Civil War: White armies]. AST; Terra fantastica. (In Russian).
- Klevanskii, A. Kh. (1965). *Chekhoslovatskie internatsionalisty i prodannyi korpus: Chekhoslovatskie politicheskie organizatsii i voinskie formirovaniia v Rossii. 1914–1921 gg.* [Czechoslovak internationalists and the sold corps: Czechoslovak political organizations and military formations in Russia]. Nauka. (In Russian).
- Miller, F. (1965). *Wild children of the Urals*. New York: E. P. Dutton.
- Molkina, O. (2007). *Nad nami Krasnyi krest. Peterburgskaia sem'ia na fone XX veka* [Under the sign of the Red Cross. A Saint-Petersburg family against the background of the 20th century] (2nd ed.). Ostrov. (In Russian).
- Musaev, V. I. (2013). *Gorodskaiia povsednevnost'* [Urban everyday life]. In S. V. Iarov et al. *Petrograd na perelome epokh: Gorod i ego zhiteli v gody revoliutsii i Grazhdanskoi voiny* (pp. 95–194). ZAO Izdatel'stvo Tsentrpoligraf. (In Russian).
- Parfenov, P. S. (Petr Altaiskii) (1925). *Grazhdanskaia voina v Sibiri. 1918–1920* [The Civil War in Siberia. 1918–1920] (2nd ed.). Gosudarstvennoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Saldugeev, D. V. (2005). *Chekhoslovatskii legion v Rossii* [The Czechoslovak Legion in Russia]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2005(18(2)), 88–98. (In Russian).
- Stratievskii, O. B. (2013). *Ostrov Russkii: stranitsy istorii* [Russian Island: Pages of history]. Dal'nauka. (In Russian).
- Swan, J. (1989). *The lost children: A Russian odyssey*. South Mountain Press.

* * *

Информация об авторе

Елена Леонидовна Румановская

*доктор филологических наук
учитель русского языка, средняя школа
им. Тедди Колека
Israel, 9753900, Jerusalem, Boul. Moshe
Dayan, 131
Тел.: +972 (2) 5940-500
исследователь кафедры русских
и славянских исследований, Еврейский
университет в Иерусалиме
Israel, Mount Scopus, 9190501 Jerusalem
Тел.: +972 (2) 5883-717
✉ elena.rumanovsky@mail.huji.ac.i
✉ elena_rumanovsky@yahoo.com*

Information about the author

Elena L. Rumanovskaya

*Dr. Sci. (Philology)
Russian Teacher, Teddi Kolek High School
Israel, 9753900, Jerusalem, Boul. Moshe
Dayan, 131
Tel.: +972 (2) 5940-500
Researcher, Department of Russian and
Slavic Studies, Hebrew University
in Jerusalem
Israel, Mount Scopus, 9190501 Jerusalem
Tel.: +972 (2) 5883-717
✉ elena.rumanovsky@mail.huji.ac.il
✉ elena_rumanovsky@yahoo.com*

А. В. Голубцова

ORCID: 0000-0002-1286-7707

✉ ana1294@yandex.ru*Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)*

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ «РУССКОГО» И «СОВЕТСКОГО» МИФА В ИТАЛЬЯНСКИХ ТРАВЕЛОГАХ О СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1950-х ГОДОВ

Аннотация. В статье проводится анализ травелогов итальянских писателей, посвященных СССР эпохи хрущевской оттепели, — книг и статей К. Леви, А. Моравиа, К. Малапарте, П. П. Пазолини, Г. Паризе и Г. Пьовене. Делается вывод, что рецепция Советского Союза в итальянских травелогах этого периода определяется влиянием двух мифологических парадигм — «русской», формировавшейся на протяжении XVIII–XIX вв., и «советской», сложившейся в сталинскую эпоху. Сложное взаимодействие «русского» и «советского» мифа порождает представления об СССР как сельской стране и стране детства (индивидуального детства авторов травелогов и коллективного «детства» Европы и всего мира): эти мотивы играют ключевую роль в итальянском восприятии советского общества второй половины 1950-х. К 1960-м годам влияние обеих парадигм в итальянской путевой прозе ослабевает, однако освобождение от мифологических схем в травелогах 1960–1970-х годов достигается ценой отказа от широких обобщений и сосредоточения на частных вопросах и описании личных контактов с советскими людьми.

Ключевые слова: СССР, оттепель, травелог, русский миф, советский миф, К. Леви, А. Моравиа, К. Малапарте, П. П. Пазолини, Г. Паризе, Г. Пьовене

Благодарности. Статья подготовлена в ИМЛИ РАН при поддержке гранта Российского научного фонда 20-78-00042 «Советский Союз и “русский миф” в травелогах итальянских писателей».

Для цитирования: Голубцова А. В. Взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах о Советском Союзе второй половины 1950-х годов // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 266–290. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290>.

*Статья поступила в редакцию 25 января 2022 г.
Принято к печати 13 марта 2022 г.*

A. V. Golubtsova

ORCID: 0000-0002-1286-7707

✉ ana1294@yandex.ru

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow)

INTERACTION OF THE “RUSSIAN” AND THE “SOVIET” MYTHS IN ITALIAN TRAVELOGUES ABOUT THE SOVIET UNION OF THE 1950S

Abstract. The article analyzes travelogues about the USSR of the second half of the 1950s written by Italian authors Carlo Levi, Alberto Moravia, Curzio Malaparte, Pier Paolo Pasolini, Goffredo Parise and Guido Piovene. We draw the conclusion that the reception of the Soviet Union of that period is determined by two mythological paradigms: the “Russian” one, dating back to the 18th and 19th centuries, and the “Soviet” one, which was formed in the epoch of Stalin. A complex interaction of the “Russian” and “Soviet” myths generates certain concepts concerning the USSR: first of all, the USSR as a basically rural society and, second, the USSR as a land of childhood (meaning both individual childhood of the authors and collective “childhood” of Europe and of the whole world). These motifs play a key role in Italian perception of Soviet society of the second half of the 1950s. By the 1960s the influence of both paradigms on Italian travel prose is sharply reduced, but getting rid of mythological schemes in travelogues of the 1960s and 1970s comes at a price: the authors start avoiding broad conclusions and prefer to focus on local issues and descriptions of their private contacts with Soviet people.

Keywords: USSR, “the Thaw”, travelogue, Russian myth, Soviet myth, Carlo Levi, Alberto Moravia, Curzio Malaparte, Pier Paolo Pasolini, Goffredo Parise, Guido Piovene

Acknowledgements. The article was prepared at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences and financially supported by the Russian Scientific Fund, grant no. 20-78-00042 “Soviet Union and the ‘Russian Myth’ in the Travelogues by Italian Writers”.

To cite this article: Golubtsova, A. V. (2023). Interaction of the “Russian” and the “Soviet” myths in Italian travelogues about the Soviet Union of the 1950s. *Shagi / Steps*, 9(1), 266–290. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-266-290>.

Received January 25, 2022

Accepted March 13, 2022

Данная статья является частью продолжающегося проекта исследования обширного корпуса травелогов итальянских литераторов, посещавших Советский Союз в 1920–1930-е и 1950–1960-е годы — в периоды наиболее тесных контактов между двумя странами до эпохи перестройки. Травелог исследуется с точки зрения реализации в них элементов «русского мифа», который складывается в Европе на протяжении XVIII–XIX вв., окончательно оформляясь в знаменитой книге Э.-М. де Вогюэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), и «советского мифа», достигшего своего расцвета в сталинскую эпоху. Мифологические структуры играют ключевую роль в итальянской рецепции советского общества: по справедливому замечанию У. Перси, который описывает русский и советский миф как «исторические оболочки», определяющие отношение к России как рядовых итальянцев, так и представителей интеллектуальных кругов, «...разные эпохи облекали образ России в различные исторические одеяния <...> Из дореволюционной России пришёл в Италию сверкающий образ аристократического бомонда с его огромными, казавшимися неисчерпаемыми, богатствами <...> Если и далее использовать метафору “исторических оболочек”, придётся констатировать: на воображение итальянцев сильнее всего воздействует советская оболочка — сильнее и изрядно полинявшей оболочки царской империи, и мутной, не прояснённой оболочки современной буржуазной России. <...> А то, что одни из них относились и/или относятся к советскому периоду с трепетом и восторгом, другие же — с презрением и страхом, во многом есть следствие мифа, который СССР сумел создать о себе» [Перси 2008: 31–32]. Важный материал для исследования подобных мифологических структур дает путевая проза итальянских литераторов, где установка на объективность и достоверность, свойственная документальным текстам, сочетается со склонностью к художественному осмыслению действительности¹. Мы сознательно ограничиваем круг источников текстами самых известных и популярных писателей, предполагая, что именно они должны были, с одной стороны, наиболее ярко и глубоко воплотить в сложной художественно-документальной форме травелога итальянский образ Советского Союза, с другой, в свою очередь, — оказать наибольшее влияние на итальянскую рецепцию СССР хрущевской эпохи. Как отмечает М. Дэвид-Фокс, литераторы занимали особое место среди «гостей» СССР, «что отражало гипертрофированную роль писателя и печатного слова в советской культуре. Так же как литература и Союз писателей СССР преобладали в развитии сталинской культуры, так и среди “друзей Советского Союза” <...> доминировали литераторы» [Дэвид-Фокс 2015: 21]. Это замечание, относящееся к сталинской эпохе, сохраняет актуальность и по отношению к периоду оттепели. Среди десятков разнообразных документов — журналистских репортажей, путевых заметок, дипломатических и деловых отчетов — именно травелоги литераторов представляют собой наиболее интересный пласт итальянских свидетельств об СССР, образуя «тот итальянский литературный текст о Советской России, который можно поставить рядом с близким ему и столь же фундаментальным русским литературным текстом об Италии» [Traini 2016: 129].

¹ О синтетической жанровой природе и специфических чертах травелога см., например: [Шачкова 2008: 280–281].

Травелоги итальянских авторов, посещавших СССР в довоенный и послевоенный периоды, почти неизвестны в России: они (за редкими исключениями) не переведены на русский и не анализируются в ключевых отечественных и зарубежных трудах, посвященных советской культурной дипломатии [Холландер 2001; Куликова 2013; Дэвид-Фокс 2015; Голубев, Невежин 2016], авторы которых, как правило, ограничиваются наиболее известными и резонансными свидетельствами узкого круга американских, британских, французских и немецких литераторов. В работе И. Б. Орлова и А. Д. Попова, посвященной иностранному туризму в СССР, из итальянских литераторов коротко упомянуты только А. Моравиа, К. Леви и Дж. Гварески, причем последний никогда не бывал в СССР, а травелоги первых двух отнесены к категории художественных произведений, что свидетельствует о непонимании авторами монографии жанровой специфики путевой прозы (хотя они и признают ее значимость, в частности, называя травелог Моравиа источником «представлений практически всех итальянцев того времени о советской действительности» [Орлов, Попов 2018: 69], что, впрочем, является некоторым преувеличением и упрощением реальной ситуации).

У итальянских авторов, обращающихся к «советским» травелогам своих соотечественников, указанные тексты, как правило, становятся предметом исключительно исторических исследований, и даже в итальянских работах, посвященных изучению мифологических структур в межкультурных взаимодействиях России и Запада², путевая проза изучается как исторический источник, в одном ряду с публицистикой, частной и официальной перепиской, дипломатическими отчетами, юридическими документами и т. п., при этом проблема травелога как художественного целого не ставится и не рассматривается. Замечание Г. Б. Куликовой о преобладании филологического подхода к путевой прозе («Предлагаемый аспект темы, раскрывающий процессы развития Советского Союза через взгляд извне <...> практически рассматривался до последних лет не то чтобы крайне мало, но главным образом в художественном и литературоведческом плане» [Куликова 2013: 16]) не вполне справедливо по отношению к итальянским травелогам (это касается как итальянской, так и отечественной науки); как бы то ни было, сугубо литературоведческий ракурс не в меньшей степени, чем исторический, ограничивает наше понимание такого сложного художественно-документального единства, как травелог. Эту лакуну призвано частично заполнить данное исследование, рассматривающее путевую прозу в междисциплинарном имагологическом ракурсе, на стыке филологии и социальных наук.

В серии статей, опубликованных в рамках нашего проекта по исследованию путевой прозы, были проанализированы травелоги и другие тексты советской тематики (статьи, очерки, эссе, рассказы и романы), созданные

²Итальянские исследователи активно занимаются исследованием «советского мифа» в западной, в том числе в итальянской культуре с начала 1990-х, когда выходит целый ряд статей и монографий [Flores, Gori 1990; Petracchi 1990; D'Attorre 1991; Strada et al. 1991]. О неослабевающем интересе к данной теме свидетельствуют такие работы, как монография итальянского исследователя русского происхождения В. Заславского [Zaslavsky 2004], и фундаментальный труд [Flores 2017]. На русском языке тему «советского мифа» в Италии затрагивает, в частности, хорошо фундированная диссертация О. В. Дубровиной [2017].

литераторами первой половины XX в. — В. Кардарелли, К. Альваро и К. Малапарте [Голубцова 2021a, b, d], а также ряд просоветских травелогов начала 1950-х годов (Л. Биджаретти, Р. Вигано, И. Кальвино) [Голубцова 2021c]. В данной статье материалом для исследования мифологических структур становятся путевые свидетельства итальянских писателей и поэтов (К. Леви, А. Моравиа, П. П. Пазолини, Г. Паризе, Г. Пьовене), изданные во второй половине 1950-х — начале 1960-х, в период хрущевской оттепели, когда после смерти Сталина начинается разрушение «советского мифа». Как отмечает ведущий итальянский исследователь западного «мифа об СССР» М. Флорес, «советский миф» достигает вершины своего развития в период сталинской диктатуры, а с 1956 г. входит в период упадка: «1956 г. ознаменовал собой момент эпохального поворота в эволюции социалистической идеи, в очаровании советской модели, в отношении между западными обществами и коммунистическими партиями. Прежде всего, разрушилась связь с интеллектуалами, которая с конца 20-х годов составляла одну из самых прочных опор солидарности с режимом Советского Союза и один из самых эффективных каналов проникновения в общественное мнение позиций, близких коммунистическим» [Flores 2017]. П. Холландер отмечает среди причин снижения популярности СССР в эпоху оттепели и более тесное знакомство Запада с Советским Союзом, и (со ссылкой на А. Улама) разрушение «фасада самоуверенности» в связи с разоблачением культа личности Сталина и последующим расколом социалистического лагеря. Как ни парадоксально, пик популярности советской системы приходится на 1930-е — мрачное время сталинской диктатуры, когда Запад получал мало достоверной информации о происходящем в СССР, а «к тому времени, когда СССР избавился от самых непривлекательных своих черт — после смерти Сталина, при Хрущеве, — он уже не вызывал былого интереса и одобрения у западных интеллектуалов» [Холландер 2001: 68]. Это замечание вполне отражает ситуацию в Италии: если подавление Венгерского восстания осенью 1956 г. оттолкнуло от Советского Союза интеллектуалов условно либеральных взглядов, то состоявшееся в начале того же года разоблачение культа личности вызвало смятение и раскол в рядах ярых коммунистов, ранее безусловно поддерживавших СССР. Видный коммунистический деятель Джорджо Амендола описывает это следующим образом: «...рушился миф, который владел всеми нами, миф о Сталине (...). Каждый реагировал как мог: кто пытался в историческом ключе проанализировать истоки тех или иных фактов, кто сыпал проклятиями; но это действительно было для всех глубоким потрясением» (цит. по: [Tuscano 2010: 31]).

Еще один фактор, объясняющий падение популярности советского режима именно в период его относительной либерализации, — отмеченная Холландером зависимость оценки советского общества от состояния обществ западных. Некритическое восприятие советской действительности в 1930-е и, в меньшей степени, в начале 1950-х годов со стороны левых интеллектуалов в значительной мере объяснялось неосознанной потребностью в утопии, стремлением найти идеал социально-политического устройства, причем идеализация иного общественного строя оказывалась тем сильнее, чем выше была степень неудовлетворенности своим собственным обществом: «...мое исследование обнаружило очень тесную связь между отчуждением от собственного

общества и восприимчивостью к привлекательности (реальной или вымышленной) других обществ» [Холландер 2001: 64]. В свете этой концепции можно предположить, что завершение периода послевоенного восстановления, экономический подъем и относительная политическая стабильность в Италии второй половины 1950-х также повлияли на рост критического отношения к советскому режиму в травелогах периода оттепели по сравнению с отчетливо просоветскими путевыми свидетельствами начала 1950-х. Свою роль сыграло и двойственное положение Италии в мировой политике: являясь «точкой контакта между промышленными цивилизациями севера и средиземноморским бассейном», в эпоху холодной войны она стала ареной борьбы между США и СССР — «одновременно опорным пунктом атлантической политики НАТО и местом существования самой мощной из западных коммунистических партий³» [Chianese 2015], что объясняет колебания итальянских интеллектуалов между западной и советской моделью социального устройства. Результатом этих идеологических метаний стала неопределенность и противоречивость образа СССР, вырисовывающегося в травелогах эпохи холодной войны. Кризис «советского мифа» отразился не только в тоне и содержании травелогов, но и в изменении форм функционирования и взаимодействия «русских» и «советских» мифологем: эта трансформация и станет основным предметом анализа в данной статье.

В довоенную эпоху наиболее авторитетные «писатели-путешественники» воспринимали посещение СССР как важнейший этап своей жизни, который накладывал отпечаток едва ли не на все их дальнейшее творчество (так, под влиянием советских путевых впечатлений писались рассказы и очерки разных лет и антифашистский роман «Человек силен» (*L'uomo è forte*, 1938) К. Альваро, многие эссе, рассказы и романы К. Малапарте). Подобное отношение объяснялось рядом факторов: закрытостью Советского Союза и трудностью организации поездки, влиянием фашистской пропаганды, которая рассматривала большевизм не только с враждебностью, как идеологического противника, но и с интересом, как своего рода «незаконнорожденного брата» фашизма [Traini 2016: 16], а также не в последнюю очередь совокупным влиянием «русского мифа», еще не утратившего своего значения, и «советского мифа», в период конца 1920-х — 1930-х приближавшегося к своему расцвету⁴. У писателей-коммунистов начала 1950-х, сознательно или неосознанно транслировавших в своих травелогах константы «советского мифа» (при неизбежном уменьшении роли мифа «русского»), советские впечатления по большей части находят отражение в статьях и очерках в коммунистической прессе (газета

³ Высокая популярность левых идеологий в послевоенной Италии объясняется несколькими факторами: памятью о героическом партизанском прошлом (именно социалисты и коммунисты в годы Второй мировой войны составляли значительную часть антифашистского Сопротивления), высоким авторитетом Советского Союза как страны, победившей Гитлера, активной внешней политикой СССР и стремлением КПСС распространить свое влияние на левые партии других государств.

⁴ Многие иностранцы под впечатлением масштабных экономических достижений первых пятилеток воспринимали путешествие в сталинскую Россию как своеобразное «паломничество»: они ехали в СССР в поисках «нового мира», воплощенной утопии. Например, К. Альваро, по его собственному признанию, «совершил эту поездку, искренне надеясь обнаружить новый способ жить на свете (*un nuovo modo di stare al mondo*)» [Alvaro 2004: 174].

«Unità», журналы «Rinascita» и «Vie Nuove» и др.). Для литераторов эпохи оттепели, сочувствовавших левым идеям, но не отличавшихся безусловной лояльностью Советскому Союзу, путешествия в СССР, даже неоднократные, как у А. Моравиа, остаются частными эпизодами биографии; гораздо большее место в их творчестве занимает русская классическая литература⁵ — прежде всего Достоевский (так, А. Моравиа называет русского писателя своим учителем [Алоэ 2013: 11], Г. Пьовене делает его героем романа «Холодные звезды» (*Le stelle fredde*, 1970), хотя изучение публицистических выступлений и интервью, так или иначе затрагивающих советскую тему, и архивных материалов, связанных с организацией поездок в СССР, несомненно, позволит составить более полное впечатление о взаимоотношениях этих авторов с Советским Союзом и, вероятно, станет предметом дальнейших изысканий. Данная статья же призвана дать общую картину реализации мифологических констант в травелогах итальянских литераторов второй половины 1950-х годов.

В нашем исследовании мы ставим перед собой следующие задачи: выделить общие черты указанных текстов и определить их специфику по отношению к итальянской путевой прозе предшествующих периодов, на этом материале проанализировать особенности функционирования и взаимодействия «русского» и «советского» мифа и проследить трансформацию мифологических структур под влиянием социально-политических изменений, происходивших в советском обществе и на международной арене в эпоху хрущевской оттепели и в конечном счете вылившихся в масштабный кризис «советского мифа». Мы не будем подробно останавливаться на программах визитов, хотя в большинстве случаев их несложно восстановить по тексту самих травелогов. Кроме того, в фондах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранится целый ряд документов, позволяющих уточнить и дополнить эти сведения⁶. Однако маршруты путешествий итальянских авторов, в большой степени дублирующие друг друга (с незначительными вариациями, в зависимости от предпочтений гостя и продолжительности визита), состоят из стандартного набора пунктов: посещение Москвы, Ленинграда, Загорска (нынешний Сергиев Посад), одной или нескольких национальных

⁵ Исключение здесь составляет разве что Пазолини, в чьем поэтическом и эссеистическом творчестве содержатся многочисленные отсылки не только к дореволюционной классике, но и к советской литературе и филологии (Маяковский, Есенин, Ахматова, Даниэль, Синяевский, Якобсон, русские формалисты и др.). Подробному разбору «русского текста» Пазолини посвящена монография Ф. Тускано «Россия в поэзии Пьера Паоло Пазолини» [Tuscano 2010]. В случае Малапарте советская проблематика пронизывает все его творчество, от ранней публицистики до позднего неоконченного романа «Бал в Кремле», но источником вдохновения для него служит первое путешествие в СССР в 1929 г., вторая же поездка, состоявшаяся незадолго до смерти писателя, нашла отражение только в травелоге «Я в России и Китае» (1958).

⁶ Например, сведения о пресс-конференции К. Леви в издательстве «Einaudi» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1654) и текст его интервью в журнале «Contemporaneo» (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1950), касающиеся его поездки в СССР, отчет консультанта по литературе Италии о пребывании в СССР Альберто Моравиа с 1 мая по 2 июня 1956 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1660), запись беседы К. Малапарте с советскими писателями (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1684. Л. 1) и перевод его телеграмм, отправленных 28 февраля 1957 г. писателю Борису Полевому и переводчику Георгию Брейтбурду (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1698. Л. 1), отчет переводчика о пребывании в СССР Гоффредо Паризе с 25 января по 1 февраля 1960 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1791), план пребывания в СССР Гвидо Пьовене (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1790) и переписка с ним по поводу поездки (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1813).

республик Кавказа или Средней Азии, сопровождающееся демонстрацией образцовых советских институтов — колхозов и промышленных предприятий, детских садов, школ, университетов и домов культуры, Союза писателей, театра и цирка, якобы случайно выбранной квартиры «простого» рабочего и крестьянской избы. Даже путешествие Г. Пьовене, посетившего, среди прочего, Сибирь и Дальний Восток, в сущности, представляет собой расширенный вариант той же программы, призванной продемонстрировать позитивные черты советской системы. Техники «политического гостеприимства»⁷, отработанные еще в 1920–1930-е годы, в эпоху оттепели дополняются неформальными встречами и общением (в домашней обстановке, в гостинице или в ресторане) с советской интеллигенцией — писателями, художниками, студентами, что служит знаком либерализации и растущей открытости советского общества. Краткое описание программы путешествий этих и других авторов содержится в приложении к диссертации К. Траини [Traini 2016], мы же будем упоминать лишь события, напрямую относящиеся к теме статьи.

В истории взаимоотношений Италии и СССР 1950-е становятся временем возобновления тесных культурных контактов после периода послевоенного восстановления. В эти годы СССР посещает значительное число итальянских литераторов: количество визитов впечатляет даже по сравнению с предыдущим периодом активного культурного (а также политического и экономического) сближения двух государств в 1920-е — первой половине 1930-х годов. На середину 1950-х приходится переломный момент в истории итальянских травелогов о Советском Союзе: после целого ряда восторженных отзывов конца 1940-х — начала 1950-х годов, оставленных ярыми сторонниками советской власти (Л. Биджаретти, Р. Вигано, И. Кальвино, С. Алерамо), тон и тематика путевой прозы резко меняется. Если травелоги начала 1950-х, доказывая превосходство советского строя, апологетически описывали социально-экономические достижения СССР, то с середины 1950-х в путевых заметках появляются критические ноты, авторы декларативно отказываются от идеологических клише, стремясь дать объективную, неприукрашенную картину советской жизни, фокус внимания смещается с общества на индивида, официальные встречи и мероприятия дополняются неформальным общением, а социально-экономический анализ — исследованием индивидуальной и коллективной психологии советских людей. Разоблачение культа личности, либерализация социальной, политической и культурной жизни СССР после смерти Сталина, венгерские события 1956 г., серьезно подорвавшие лояльность западных интеллектуалов Советскому Союзу, — все это приводит к ослаблению влияния «советского мифа», который начиная с рубежа 1920–1930-х годов неуклонно вытеснял и подменял собой «русский миф», определявший европейскую рецепцию России в XIX — начале XX в. Если в рамках «русского мифа»

⁷ П. Холландер выделяет в них два компонента: «Первый — это подobaющее отношение лично к гостю: следует обеспечить его комфорт, благополучие и сделать так, чтобы он чувствовал себя лицом значительным, уважаемым, дать ему понять, что его ценят и любят (...) Вторым важным компонентом техники гостеприимства выступает выборочное представление “реальности”, объясняющее жесткое планирование и высочайшую организацию политических туров» [Холландер 2001: 74–75]. Оба компонента, судя по текстам травелогов, успешно применялись и к итальянским гостям.

Россия воспринималась как дикая, загадочная страна снегов и бескрайних степей, населенная варварским восточным народом, носителем противоречивой «славянской души», недоступной пониманию западного человека, то «советский миф» создает диаметрально противоположный образ: в этой парадигме СССР предстает как прогрессивное и справедливое государство, достигшее невероятных высот в социальном и техническом развитии и способное стать ориентиром и образцом для остального мира, а характерными чертами советского народа объявляются особое достоинство и серьезность, интернационализм и открытость к другим народам и культурам.

Процесс распада «советского мифа» оказывается долгим и непростым. Уже в 1954 г. Анна Мария Ортезе в циклах путевых очерков «Русский поезд» (*Il treno russo*) и «Другие воспоминания о Москве» (*Altri ricordi di Mosca*) первой из итальянских литераторов декларативно отказывается от идеологизированного изображения советского общества, и элементы «советского мифа» в ее очерках в значительной степени вытесняются образами старого европейского «мифа о России». Очерки Ортезе открывают новый этап в истории итальянских тревелогов об СССР: на фоне путевых свидетельств начала 1950-х они выделяются подчеркнутой субъективностью, психологизмом, вниманием к внутреннему миру советских людей, в них впервые появляется или получает новую трактовку целый ряд мотивов, которые будут разрабатываться в путевой прозе об СССР второй половины 1950-х годов, но ренессанс «русского мифа» в очерках Ортезе оказывает ограниченное воздействие на итальянскую путевую прозу. Даже в условиях хрущевской оттепели и десталинизации большинство итальянских литераторов продолжают испытывать на себе влияние «советского мифа». И все же под воздействием актуализирующихся «русских» мифологем советская мифологическая парадигма претерпевает ряд трансформаций, которые в конечном счете заканчиваются ее разрушением.

Ярким примером сложного взаимодействия двух мифологических парадигм является образ детства. В довоенной путевой прозе и в очерках Ортезе, выстроенных по сходным схемам, тема детства возникает в связи со собственными «русскому мифу» представлениями о варварстве и стихийности русского народа, девственности и неосвоенности русской земли⁸, образуя единый комплекс с порожденными той же мифологемой представлениями о близости русского человека к природе и о принципиально сельском характере русской цивилизации. Мотивы детства и сельской жизни получают развитие в тревелоггах второй половины 1950-х, соединяясь с другими «русскими» и «советскими» мифологемами — представлением о традиционном русском гостеприимстве, с одной стороны, и духом товарищества и интернационализма, с другой. Если в 1920–1930-е годы образ русского-ребенка отождествлялся с образом русского-дикаря, а «сельская» русская цивилизация в сравнении с «городской» западной воспринималась как отсталая, архаичная, то в 1950-е трактовка этих образов, продолжающих определять европейскую рецепцию Советского Союза, радикально меняется.

Ассоциация с миром детства и сельской жизнью задает ракурс восприятия советской действительности в тревелогге Карло Леви «У будущего древ-

⁸ О сближении образов дикарей и детей и мотиве дикаря-ребенка см., например: [Койл 1997: 29–32; Федин 2010: 81 (на примере освоения европейцами Американского континента)].

нее сердце». Леви прибыл в Советский Союз уже сложившимся писателем: известность ему принесла книга «Христос остановился в Эболи» (*Cristo si è fermato a Eboli*, 1945), описывающая его ссылку в южноитальянскую провинцию Лукания (нынешняя Базиликата) по обвинению в антифашистской деятельности. Незадолго до приезда автора в СССР этот художественно-документальный роман был переведен на русский язык. В том же 1955 году, уже после возвращения в Италию, Леви опубликовал книгу «Слова — это камни» (*Le parole sono pietre*), отражающую его впечатления от поездки в дружную южноитальянскую область — Сицилию. «У будущего древнее сердце» в определенном смысле продолжает эту линию документально-художественной прозы. Публикация книги состоялась после XX съезда КПСС, однако, как сам автор отмечает в предисловии, его «предвестие уже можно было обнаружить в повседневных фактах, в образе жизни и в простых чувствах людей» [Levi 1956: 9]⁹. События 1956 г. могли повлиять на текст, заставив автора подчеркнуть аспекты советской жизни, предвещавшие хрущевскую десталинизацию, однако сам Леви намеревался описать только то, что видел своими глазами, без предрассудков и идеологических клише. Взамен на протяжении всей книги он неоднократно обращается к прошлому опыту — воспоминаниям детства, луканским и сицилийским впечатлениям. Уже самим заглавием задается ключевой принцип построения повествования — взгляд на настоящее через призму прошлого. В творческом сознании автора архаика южноитальянского крестьянского быта, соединяясь с воспоминаниями его собственного детства, прошедшего в Турине, крупном промышленном центре Северной Италии, порождает единый комплекс представлений о предельно обобщенном, мифологизированном, вневременном прошлом, которое отбрасывает свой отсвет на советское общество, при всей его внешней устремленности в будущее.

Мгновенно возникающая симпатия автора к советским людям обусловлена их сходством с крестьянами Южной Италии:

Я где-то уже видел эту скромную гордость, которая здесь читалась во всех людях и вещах, этот аскетичный неяркий облик простой человеческой добродетели <...> Может быть и это, думал я, страна крестьян. Крестьян, настоящих крестьян, приехавших с полей, из самых далеких деревень Союза [Levi 1956: 32].

Даже советские «техники гостеприимства», в частности постоянный надзор за иностранными гостями, Леви склонен объяснять не политическими соображениями, а «более древней привычкой», вырастающей из самого духа русской цивилизации: по тем же причинам невозможно почувствовать себя одиноким среди крестьян Лукании, где «каждый поступок, каждое слово, каждое движение разворачивается перед глазами всего селения, которое участвует в нем, сопровождает тебя, радуется за тебя, судит тебя и оказывает тебе честь» [Levi 1956: 302]. В то же время устойчивая ассоциация советской действительности с миром детства мысленно возвращает писателя в его собственные детские годы — эти воспоминания будут сопровождать его на протяжении всей поездки: «материнский» облик горничных в гостиницах Москвы и Киева, не-

⁹ Здесь и далее травелоги цитируются в моем переводе.

жданый снег, напоминающий о мире «застенчивой искренности, выдумок, игры в снежки» [Levi 1956: 242], угощение, напоминающее ему блюда, которые некогда готовила его бабушка («Я был в своей собственной семье, в своей семье пятьдесят лет назад, или сто, или двести, или тысячу лет назад» [Ibid.: 260]). В сердце чужой страны автор чувствует себя как «маленький ребенок, который воспринимает все без посредства понятий, не может говорить и не понимает языка» [Ibid.: 42], но именно эта непосредственность восприятия дает ему возможность искренне и непредвзято изобразить реалии советской жизни, проникнуть в ее глубинную суть. Его собственное детство, о котором напоминает ему советская действительность, в свою очередь, отождествляется с «детством Европы, когда казалось, что весь мир будет расти вместе с нами (...) в естественном, бесконечном и непрерывном прогрессе» [Ibid.: 89]. Это «мощное и подлинное» чувство, которое он обнаруживает повсюду в СССР, словно восстанавливает связь времен: парадоксальным образом нить, разорванная западной цивилизацией, в стране, пережившей революцию, сохраняется в целости. В отличие от Европы, СССР «оставил нетронутыми фундаментальные ценности, которые нес в себе мир крестьян и рабочих», а «разрыв отношений с остальным миром помог сохранить неизменными вкусы и чувства» [Ibid.: 90–91]. Октябрьская революция воспринимается им как «революция сохранения» — «возможно, такой могла бы быть революция луканских крестьян» [Ibid.: 242]. В Советском Союзе Леви обнаруживает одновременно и атмосферу своего детства, и дух крестьянской Южной Италии, и память о тех счастливых временах, когда Европа была единой, верила в идеалы и «не сомневалась в себе» [Ibid.: 91]. В этой перспективе стереотипные особенности характера советских людей — честность, скромность, нравственная чистота, вера в разум и прогресс, любовь к «великим интернациональным идеям» — свидетельствуют уже не о превосходстве социалистического строя, а о специфическом консерватизме советского общества по сравнению с безнадежно и трагически изменившейся Европой.

Многие мотивы травелога Леви сближают его с апологетическими очерками предшественников. Рабоче-крестьянское происхождение молодых писателей из Литературного института [Levi 1956: 101] или «прямые и простые манеры» директора ленинградской текстильной фабрики [Ibid.: 127] можно воспринять как доказательство социального равенства; «раскованность и изящество» движений, «блестящие и смеющиеся глаза» сотрудников фабрики, так непохожие на «суровые и напряженные лица» западных рабочих [Ibid.: 129], — как плоды разумно организованного, свободного и радостного труда; расцвет туркменской оперы или армянской литературы — как свидетельство поддержки национальных культур. Советские женщины даже в театре одеты по-крестьянски скромно, с «полным отсутствием какого-либо эротизма, который, очевидно, заменяется другими желаниями, другими идеалами» [Ibid.: 40], советские дети «серьезны и молчаливы» [Ibid.: 48] — все это говорит о достоинстве и нравственности граждан СССР. Однако «детская» наивность и непосредственность авторского взгляда трансформирует стандартные элементы «советского мифа». Пышность гостиничных номеров становится не доказательством благополучия советской жизни, как в очерках просоветских предшественников Леви, а напоминанием о детских годах:

...вышитые покрывала, кружева, ковры, коврики, кресла, креслица, красный бархат с узорами в виде меандров и бахромой: (...) старинная утварь из времен детства и утраченной безмятежности [Levi 1956: 27].

Роскошная трапеза — «все, что мог ожидать иностранец от русского обеда: водка, икра, осетрина, лосось (...) заливное из курицы, мясо и тому подобное» [Levi 1956: 28] — служит лишь поводом для беседы с гидом-сопровождающим «в теплой семейной обстановке»: «Мы долго воздавали должное святым ритуалам дружбы (...) Мой Вергилий (...) отклонялся, и мы распрощались, еще раз заверив друг друга во взаимной дружбе» [Ibid.: 29]. Ощущение непосредственного контакта с советской жизнью поддерживается неформальным общением с писателями и художниками (Леви удаётся побывать в гостях у писателя-коммуниста Джованни Джерманетто, Ильи Эренбурга, художника Мартироса Сарьяна, Константина Симонова, Виктора Некрасова), с водителем, манерами напоминающим «туринского металлурга» [Ibid.: 86], с крестьянкой в подмосковном колхозе [Ibid.: 295]. Так один из ключевых элементов советского мифа — братство трудящихся всего мира, — утрачивая политическое, классовое измерение, трансформируется в индивидуальное, интимное чувство семейной и дружеской близости, душевного родства.

В ином тоне написан травелог «Месяц в СССР» (1958) Альберто Моравиа, посетившего СССР в апреле — мае 1956 г. в составе делегации итальянских левых интеллектуалов. Корреспонденции Моравиа публиковались начиная с 15 августа 1956 г. в «*Corriere della Sera*», а два года спустя были изданы отдельным томом вместе с литературно-критическим очерком «Антигерой в русской литературе» (*L'antieroe nella letteratura russa*), впервые опубликованным в той же газете еще в 1954 г. Моравиа с середины 1940-х годов являлся членом итальянской компартии, однако данную серию очерков он писал не для коммунистической «*Unità*», а для центральной газеты умеренной ориентации. Отчасти этим, отчасти собственными убеждениями Моравиа объясняется критический и даже несколько снобистский тон, в котором автор описывает реалии советской жизни. Далекий от восторженного энтузиазма просоветских травелогов начала 1950-х, Моравиа выступает с позиции рафинированного западного интеллектуала, снисходительно, хотя и не без доброжелательности взирающего на чуждую ему советскую реальность.

Как и Леви, Моравиа интересуют, в первую очередь, процессы, происходящие в советском обществе в середине 1950-х. Позже сам Моравиа признавался: «Я написал книгу о Советском Союзе потому, что меня заинтересовали оттепель, сталинизм, переход от одной социальной структуры к другой» (цит. по: [Монделло 2018: 179]). Однако в его очерках отдельные социально-политические и культурные трансформации рассматриваются как частные воплощения более общей проблемы свободы и тирании, и шире — власти как таковой (не случайно Моравиа едва ли не в каждом очерке более или менее подробно рассматривает личность Сталина, хотя анализ его взглядов и привычек служит лишь поводом для рассуждений о природе и психологии власти, диктатуре и тоталитаризме). В отличие от книги Леви, так же остро ощущавшего переходный характер СССР середины 1950-х, в травелоге Моравиа перемены, переживаемые советским социумом, показаны не столько через личные контакты и доверительное общение, сколько через коллективные сцены и опи-

сание больших социальных групп — классов (рабочих и крестьян), этносов, профессий и т. д. Ориентация на коллективного героя естественным образом влечет за собой усиление мифологической составляющей: автор, следуя по стопам А. М. Ортезе, открыто апеллирует к европейскому «мифу о России». Однако особенности восприятия советской России в «Месяце в СССР» обусловлены в первую очередь влиянием Достоевского: рассуждая о взаимоотношениях русского народа и власти, Моравиа отмечает «характерное» терпение русских [Moravia 1958: 23] и их «вековую» привычку к страданию [Ibid.: 65], со ссылкой на Достоевского пишет о «неизмеримости» русского сердца («Человеческое сердце глубоко и сложно, сердце русских же и вовсе неизмеримо» [Ibid.: 23]) — мотив, явно отсылающий к ключевой для «мифа о России» концепции «загадочной русской души». В некоторых случаях элементы «русского мифа» играют полемическую роль, выступая как один из способов отрицания и развенчания мифа советского: так, тела «двух диктаторов», выставленные в Мавзоле, воспринимаются автором как азиатская дикость, признак «архаической религиозности», естественной для «общества, соединившего в себе современные и примитивные черты» [Ibid.: 29]. Приметы прошлого, сохранившиеся в советской психологии и быте («архаическая религиозность», «викторианское» пуританство, старомодная обстановка аэропортов и гостиниц, резко контрастирующая с декларативным прогрессизмом советского общества), — все то, что Леви ностальгически воспринимал как знак здорового консерватизма, сохранения ценностей, утраченных Европой¹⁰, — у Моравиа превращается в признак социальной отсталости Советского Союза, который «словно бы остановился во времени, предшествовавшем революции» [Ibid.: 152]. Однако для Моравиа (как и для Леви) эти архаические черты соотносятся с преимущественно сельским, крестьянским характером советского социума, и, как ни парадоксально, именно с этим фактом автор связывает не только нынешнюю отсталость СССР, но и надежду на будущее: возможно, крестьянский менталитет, «более мягкий, более целостный, более здоровый», в сочетании с завоеваниями индустриальной революции сумеет породить «нового человека современного мира», человека нового бесклассового общества, которое может стать реальностью и в СССР, и в других странах [Ibid.: 58]. Таким образом, отталкиваясь от представлений об «архаичности» советской жизни, уходящих корнями в «русский миф», Моравиа, пусть и с серьезными оговорками, воспроизводит ключевой компонент «советского мифа», изображая Советский Союз как возможный образец и ориентир для западного общества.

В том же 1956 году в СССР приезжает писатель Курцио Малапарте, направлявшийся в Китай на торжества в честь двадцатилетия со дня смерти Лу Синя. 13 октября 1956 г. Малапарте вылетел из Стокгольма в Москву, а затем отправился в Пекин; в последний раз он побывал в Москве на обратном пути, 8 марта 1957 г., во время однодневной пересадки на самолет до Рима. По дороге в Китай Малапарте, впервые посетивший СССР еще в 1929 г.¹¹, собирался побывать в ряде городов Сибири и Средней Азии, а также европейской ча-

¹⁰ Подробнее о возможной полемике Моравиа с К. Леви см.: [Pegorari 2010: 157].

¹¹ Результатом поездки стали травелог «Осмысление Ленина» (Intelligenza di Lenin, 1930), а также целый ряд публицистических и художественных текстов, связанных с «советской» тематикой.

сти СССР, чтобы «осознать изменения, произошедшие в России за последние 26 лет» [Malaparte 1958: xiv–xv], но смертельная болезнь легких нарушила его планы — он успел отправить лишь несколько очерков в журналы «*Vie Nuove*»¹² и «*Темпо*». Материалы поездки были опубликованы под одной обложкой посмертно, в 1958 г., под выбранным издателями заглавием «Я в России и Китае». Около трети из них посвящены Советскому Союзу.

Сравнивая облик Москвы 1956 г. со своими прошлыми впечатлениями, Малапарте признается, что с трудом узнает город и его жителей. Контраст между старой и новой Москвой осмысливается через ряд противопоставлений: природа — техническая цивилизация (город как «чудовищная металлическая косилка», поглощающая леса, поля и деревни, новые «кварталы, сверкающие стеклом и алюминием», возвышающиеся на месте болот и «бедных деревушек из гнилого дерева» [Malaparte 1958: 11]), Восток — Запад («современный город в европейском, нордическом духе <...> возник там, где возвышался город восточный, с тысячей куполов» [Ibid.: 11]), русская классика — современная действительность («...город, который служит фоном для персонажей Гоголя, Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова. От него мало что осталось, и он составляет резкий контраст с современной архитектурой сталинской Москвы» [Ibid.: 12]). Эти оппозиции зримо свидетельствуют о том, как утрачивает актуальность «русский миф» — комплекс представлений о дикой восточной стране вкупе с образами русской классической литературы. Если бескрайние просторы Сибири, которую Малапарте пересекает в процессе перелета в Китай, традиционно описываются в духе «русского мифа» — дарят «чувство бесконечности», напоминая бескрайний океан суши, без волн и берегов [Ibid.: 57–58], — то сибирские города становятся для автора символом победы цивилизации над природой. Так, восхищаясь промышленным развитием Свердловска, Малапарте отмечает:

Одно дело — разница между Сибирью и старым убогим городком, затерянным в степи, другое — между Сибирью и большим, современным, деловитым индустриальным городом [Ibid.: 63].

Смутные образы «романтической» Сибири, связанные с юношеским чтением Достоевского и Горького (в одном ряду с которыми стоит Жюль Верн с романом «Михаил Строгов»), рассеиваются при знакомстве с «новой Сибирью, краем фабрик, рудников, электростанций, сталелитейных заводов» [Malaparte 1958: 83–84]. Если Моравиа использует элементы «русского мифа» для развенчания мифа советского, то у Малапарте, напротив, сельская Россия отступает перед напором современной советской цивилизации.

Перед посещением СССР Малапарте изучает путевые свидетельства А. Моравиа и К. Леви и в своем травелоге открыто спорит с ними. Он иронизирует над стремлением Леви к поиску сходств между реалиями его детства и современной советской действительностью («Карло Леви <...> в любой части мира ищет аналогии со своим Пьемонтом и называет Ленинград “северным Туринном”») [Malaparte 1958: 86]) и над описанной Моравиа «скукой» совет-

¹² В фондах РГАЛИ (Ф. 631. Оп. 26. Ед. хр. 1951) хранится перевод очерка в журнале «*Vie Nuove*» (№ 1 за 1957 г.), который представляет собой фрагмент IV главы книги «Я в России и Китае» («Женщина и толпа»).

ской жизни («...хотелось бы знать, в какой стране Моравия не скучает» [Malaparte 1958: 51]). Прямой полемикой с «Месяцем в СССР» выглядит и данная в книге Малапарте характеристика советской легкой промышленности. Если Моравия, указывая на нехватку и плохое качество потребительских товаров, подчеркивал невозможность либерализации и гуманизации без развития легкой промышленности, Малапарте расставляет акценты иначе:

...посредственное качество тканей, обуви, всех прочих предметов туалета бросается в глаза. Покрой пиджаков, юбок, брюк, качество тканей, обуви, полотна для рубашек улучшится. А пока — сталь советского производства прекрасна, а станки, произведенные советской тяжелой промышленностью, — одни из лучших в Европе [Ibid.: 49].

Относя отмеченные недостатки к последствиям ошибок сталинизма, Малапарте рисует позитивную картину общественной жизни СССР 1950-х годов, в полемике с Моравия обращаясь к устойчивым топосам «советского мифа»: отмечает интернационализм советских граждан («Мы (советские люди. — А. Г.) хотим мирно трудиться, и чтобы другие народы могли мирно трудиться (...) Мы тоже хотим участвовать в восстановлении морального и интеллектуального единства цивилизованного мира, неотъемлемой частью которого мы себя чувствуем и являемся» [Malaparte 1958: 50]), серьезность и сдержанность советских женщин — следствие «нравственности, основанной на свободе и достоинстве» [Ibid.: 53], с восторгом описывает студентов возле здания университета и «ясный, невинный взгляд» советских детей [Ibid.: 54]. Все это Малапарте воспринимает как признаки начала новой жизни, полной новых радостей, проблеск и надежд [Ibid.: 55].

В 1957 г. по случаю VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, проходившего с 28 июля по 11 августа, СССР посещает Пьер Паоло Пазолини, в то время практически не известный советскому читателю (его стихи и проза еще не были переведены на русский язык, а режиссерский дебют состоялся значительно позже, в 1961 г.). Убежденный марксист — правда, со скандалом исключенный из Компартии еще в 1949 г., — Пазолини приезжает в Москву как специальный корреспондент коммунистического журнала «Vie Nuove». Результатом поездки становится статья «Сельский праздник для тридцати тысяч», опубликованная 10 августа 1957 г. В начале статьи, сразу после прибытия, писатель воспринимает Россию в парадигме «русского мифа» — как «Ультима Туле», легендарную страну на краю земли [Pasolini 2004: 1448]. Однако при непосредственном столкновении с местными реалиями «русский» миф вытесняется элементами мифа «советского». Отмечаемые Пазолини отрицательные черты русского национального характера, явно уходящие корнями в европейский «миф о России», который, в свою очередь, ассоциируется с русской классикой и с образом старой России в целом («русские все еще ленивые, сложные и несдержанные (eccessivi), как во времена Достоевского» [Ibid.: 1450]), компенсируются справедливым общественным устройством. Влияние «советского мифа» заставляет Пазолини находить оправдания даже для очевидных свидетельств социального неравенства, изображая их как естественные и неизбежные:

Есть и доходяги (*magrolini*), кучки лохмотьев. Это одно из многих противоречий и несоразмерностей этого народа. Новые поколения переполнены силой, но среди них все еще существует истощенный и изможденный слуга <...> Этот отбор естественный, а не искусственный и извращенный (*corrotto*) [Pasolini 2004: 1450].

Советское общество, в духе комплиментарных травелогов первой половины 1950-х годов, изображается как самое прогрессивное в мире, где «все действительно скромны, а социальные слои и уровни формируются естественным образом, не нарушая фундаментальный принцип социального равенства» [Pasolini 2004: 1451]¹³.

Открыто провозглашая превосходство советского строя, Пазолини при этом не проводит непреодолимых границ между СССР и Европой, в том числе Италией. Поводом для сближения двух стран становится та же идея, что и у К. Леви: преимущественно «сельский» дух советской жизни. Пазолини прямо характеризует Москву как «город крестьян» — возможно, это парадоксальное определение имплицитно отсылает к травелогу Леви, называвшего Советский Союз «страной крестьян» [Levi 1956: 32]. Двух писателей объединяет общий опыт близкого знакомства с крестьянским миром: если Леви соотносит свои впечатления от поездки в Советский Союз с опытом пребывания в ссылке в южноитальянской Лукании, то Пазолини обращается к детским и юношеским воспоминаниям о времени, проведенном в Казарсе — маленьком городке во Фриули на севере Италии, где его семья много лет подряд проводила лето и где будущий писатель тесно соприкасался с жизнью фриуланского крестьянства. Этот опыт в значительной степени определил и содержание репортажа, о чем свидетельствует само его название, описывающее Фестиваль молодежи и студентов как «деревенский праздник» (*festa di paese*). Пазолини видит знакомые крестьянские черты во внешности и манерах советских людей [Pasolini 2004: 1450], сравнивает Советский Союз с родной Северной Италией («...кажется, что находишься на Паданской равнине» [Ibid.: 1451]). На фоне этой «деревенской» атмосферы поражает масштаб церемонии открытия фестиваля на огромном стадионе им. В. И. Ленина (нынешние «Лужники»). Логическим продолжением грандиозного парада становится неформальная встреча участников фестиваля на Красной площади, где вечером под стенами Кремля собираются несколько тысяч человек. В противовес официальной торжественности церемонии открытия, здесь царит атмосфера деревенской ярмарки: собравшаяся молодежь одета «как крестьяне в воскресный день» [Ibid.: 1452], они разговаривают, смеются, играют в те же игры, что и дети на деревенских площадях, «по древней и непрерывной крестьянской традиции» [Ibid.: 1453]. Для Пазолини, как и для Леви, крестьянский мир, связанный с миром его собственного детства и детства всего человечества, воплощает

¹³ К 1966 г., когда Пазолини приехал в СССР во второй раз, уже состоявшимся режиссером, он относился к советскому строю значительно прохладнее. К этому времени он разочаровался в Советском Союзе, предавшем идеалы революции, зато с восторгом отзывался об Америке, в которой побывал в том же 1966 году, особенно отмечая идеализм и революционный дух американской левой молодежи [Chianese 2015: 17]. Впрочем, к 1969 году, ставшему переломным в духовной эволюции Пазолини, писатель был в равной степени разочарован и Россией, и Америкой [Ibid.: 19–20].

собой связь времен, поэтому советская Россия, пережившая революцию и, в русле «советского мифа», изображенная в репортаже как образец социального прогресса, парадоксальным образом оказывается в то же время и символом уходящей в глубь веков живой традиции, непрерывности коллективной и индивидуальной истории. Сформированное не без влияния философии А. Грамши представление о «важности крестьянского мира в революционной перспективе» порождает тот сплав «марксистской идеологии и поэтической, мифической любви к земле, к крестьянскому миру» [Tuscano 2010: 33], который найдет свое отражение и в поэзии Пазолини (в том числе не имеющей отношения к «советской» проблематике), и в его публицистике — не случайно в одной из своих статей он почти дословно повторяет мысль Леви об Октябрьской революции как «революции крестьян» (цит. по: [Ibid.: 33]).

В 1960 г. в еженедельном журнале «Settimo giorno» выходит серия путевых очерков Гоффредо Паризе под общим заглавием «Это Россия Хрущева» (Questa è la Russia di Krusciov). Прозаик, получивший известность в Италии в середине 1950-х годов, после публикации романа «Красавец-священник» (Il prete bello, 1954), а на русском языке не издававшийся вплоть до 1970-х, Паризе посетил СССР зимой 1960 г. Цикл очерков, выходявших в период с 10 по 24 марта, стал одним из первых опытов писателя в жанре путевой прозы. В 1966 г. Паризе совершил продолжительное путешествие в Китай, описанное в травелоге «Дорогой Китай» (Cara Cina, 1966), затем, в 1960–1970-е годы, в качестве корреспондента посетил Кубу, Нигерию, Чили, ряд стран Юго-Восточной и Средней Азии и Восточной Европы. Его очерки, посвященные странам Восточного блока, носят сдержанно критический характер, однако в своем позднем интервью корреспонденту газеты «La Stampa» Гвидо Черонетти он открыто и недвусмысленно обозначил свое отношение к коммунистическим режимам:

Я хорошо знаю СССР и весь коммунистический мир. В какой бы части света ни существовал подобный режим, все там приобретает единый цвет, цвет стали (<...> Мир заржавевший (ossidato), мир, задушенный Сталиным, который продолжает советизировать и душить остальной мир [Ceronetti 1980].

В своих очерках об СССР начала 1960-х Паризе, судя по всему, еще не успел сформировать резко отрицательное мнение о советском режиме, но и в этом раннем травелоге, несмотря на в целом доброжелательный тон, проступает снисходительность, отчетливо напоминающая о травелогах 1920–1930-х годов. Подобно довоенным авторам, Паризе строит свое повествование на топосах «русского мифа», изображая советское общество как архаичное, варварское, хотя и не лишенное экзотического восточного очарования, — так, еще в аэропорту писатель чувствует присутствие «единой огромной, гигантской земли, совершенно одинаковой вплоть до тех краев, где рождается солнце» [Parise 2001: 1457], а длинная очередь в Мавзолей, состоящая из представителей множества народов, в основном азиатских, воспринимается не как свидетельство советского интернационализма, а как зримое воплощение «азиатских» просторов России [Ibid.: 1462–1463]. Мотив бескрайней восточной страны у Паризе образует единый комплекс с образом России как «природного», неокультуренного пространства и с традиционным для травелогов второй по-

ловины 1950-х представлением о сельском характере советской действительности. Так, реальные сельские ландшафты вызывают в сознании автора образ моря, традиционно ассоциирующийся с огромными пространствами России:

...океан земли, слегка волнистый, с широкими и медленными реками — вековыми остатками потопа (*diluvio*)¹⁴ <...> Она начинается сразу же за дальней окраиной Москвы и простирается до Волги, за Волгой, и еще, еще, все дальше, вплоть до неоново-розового диска утреннего солнца [Parise 2001: 1465].

С другой стороны, «сельские» ассоциации у Паризе с самого начала, еще в описании аэропорта, окрашены восточным колоритом: «Сначала кажется, что ты в деревне. Большой рынок, мекка, базар», «сельская земля под снегом и асфальтом» [Parise 2001: 1457]. Паризе, как и Малапарте, связывает образ «сельской» и «природной» России с архаичностью и отсталостью, но если в интерпретации Малапарте эта Россия на глазах уходит в прошлое, сменяясь прогрессивной советской цивилизацией, то у Паризе, сравнивающего ряд реактивных самолетов на летном поле с «огромной семьей алюминиевых китов» [Ibid.: 1457], даже современная техника словно принадлежит к миру природы, а роскошные интерьеры станций метро будто бы отражают архитектурные вкусы крестьянства, напоминая «нечто среднее между мечетью и казино» [Ibid.: 1470]. В парадигме русского мифа народ, состоящий из простых крестьян, остается чуждым «настоящей» культуре, под которой Паризе подразумевает культуру «гуманистическую, возрожденческую». Порой схемы «русского мифа» вводят писателя в заблуждение, заставляя неверно интерпретировать действительность: так, ажиотаж, возникающий в ГУМе у прилавков с самыми обычными товарами, например, карманными фонариками, Паризе высокомерно объясняет крестьянским «детским интересом» и любопытством [Ibid.: 1474], в то время как более логичным объяснением представляется товарный дефицит. Автор демонстративно не интересуется новейшими техническими достижениями СССР — спутником и «Луной-1» — и снисходительно отзывается о внимании советских граждан к исследованиям космоса:

...я попытался объяснить им, перечислив вещи, которые интересовали меня в Италии гораздо больше, чем спутник <...> Как объяснить, что в этом (отсутствии интереса. — А. Г.) нет моей вины, что земля, в которой я родился, старая, тысячу раз вспаханная, хорошо знакомая, любимая, презираемая и вновь любимая [Ibid.: 1471].

В этом утверждении имплицитно прослеживается все то же уходящее корнями в «русский миф» представление о девственной, неосвоенной русской земле и молодой русской цивилизации — в противовес старой европейской, носительнице подлинной высокой культуры. Мотивы, в большинстве итальянских травелогов 1950-х входящие в комплекс «советского мифа» (дружба народов, научно-технический прогресс), у Паризе — в парадигме «русского

¹⁴ Возможно, это прямая отсылка к травелогу К. Альваро «Творцы потопа» (*I maestri del diluvio*, 1935).

мифа» — обретают неожиданные коннотации, превращаясь в признак архаичности и отсталости советского общества.

В том же 1960 году в СССР в качестве корреспондента «La Stampa» приезжает писатель и журналист Гвидо Пьовене, тогда практически не известный в Советском Союзе. Пьовене, потомок аристократического рода, за свои симпатии к левым идеям иронически прозванный «красным графом» [Martignoni 2015], к моменту поездки был признанным мастером путевой прозы, автором популярных травелогов об Америке и Италии. В долгом путешествии по Советскому Союзу (с 26 января по апрель 1960 г.), организованным при поддержке Союза писателей, Пьовене побывал в Москве и Ленинграде, Сибири, Средней Азии, на Кавказе и Дальнем Востоке. В серии из трех десятков очерков, опубликованных в «La Stampa» в период с 6 марта по 18 сентября, писатель ставит своей целью, избегая абстрактных обобщений, сосредоточиться на конкретных деталях советской действительности, «констатациях визуального или практического порядка» [Piovene 1960f] и лишь затем переходить к общим рассуждениям и оценкам. В отличие от многих своих предшественников, заявлявших о подобных намерениях, Пьовене действительно достигает цели: его пространственный репортаж выдержан в нейтральном тоне, и как «русские», так и «советские» мифологемы играют в нем второстепенную роль. В этом смысле Пьовене открывает новый этап в истории итальянской путевой прозы об СССР: в 1960–1970-е годы количество травелогов резко снижается (возможно, это связано с относительной стабилизацией советского общества после бурных перемен 1950-х и, как следствие, падением интереса к нему со стороны западной публики), а их тон становится более взвешенным и объективным. Литераторы, посещавшие СССР в этот период, — Марио Сольдати («Короткое путешествие в страну долгого времени» = «Viaggio breve nel paese del tempo lungo», 1966), Джина Лагорио («Восемь дней в Москве» = «Otto giorni a Mosca», 1977), Джанни Родари («Игры в СССР» = «Giochi Nell'URSS», 1979)¹⁵, — описывая путевые впечатления, посещение кино, театра, школ и домов культуры, встречи с друзьями и знакомыми и т. п., практически не обращаются к мифологическим мотивам, как «русским», так и «советским».

В очерках Пьовене, носящих в этом смысле переходный характер, оба мифологических комплекса проявляются в отдельных немногочисленных эпизодах. Так, ассоциации, восходящие к образам «русского мифа», активизируются в редкие моменты: при виде сибирских лесов, где стволы берез среди зелени елей белеют, словно призраки, создавая ощущение «рождения легенд» [Piovene 1960a]; в Ленинграде, где в архитектуре дворцов, несмотря на европейские влияния, проступают следы «сказочного» восточного вкуса — любви к роскоши и ярким цветам [Piovene 1960d]; в Суздале, который изображается как «застывший фейерверк», фантастическое видение сказочной России [Piovene 1960i]. В некоторых случаях мифологизированные представления открыто опровергаются и развенчиваются: так, в Свердловске Пьовене надеется обнаружить следы прошлого — соперничество золотопромышленников, «кутежи, поездки на тройках, народные гулянья» [Piovene 1960g], — но видит образцовый социалистический город, промышленный и университетский центр.

¹⁵ В скобках указаны годы поездок.

Ярче всего образы «русского мифа» проявляются в представлениях о русском национальном характере: так, общительность пассажиров в поездах наводит на мысли о парадоксальном сочетании коллективизма, подчинения общепринятым правилам и «традиционному коллективному инстинкту» с потребностью выразить себя, готовностью раскрыть душу случайному знакомому — эта черта, явно отсылающая к представлениям о противоречивой «славянской душе», напоминает Пьовене о героях классических русских романов [Piovene 1960e]. Поскольку большая часть очерков посвящена Сибири, Средней Азии и Кавказу, а не центральным регионам СССР, тема сельского характера советского общества, наличия «крестьянского слоя, чье влияние так сильно в европейской России» [Piovene 1960g], упоминается, но не получает развития.

Еще слабее оказывается влияние «советского мифа». Писатель отмечает интернационализм советского общества, рисуя картину множества народов, вместе работающих над масштабным проектом освоения целины, упоминает успехи советской власти в распространении образования и в индустриальном развитии новых территорий, но в первую очередь его интересуют не достижения советского режима, а мотивация и душевное состояние людей, осваивающих дикие земли Средней Азии и Дальнего Востока. По мнению Пьовене, решение этой загадки могло бы послужить «объяснением и рентгеновским снимком Советского Союза», выражающим самую суть советского общества [Piovene 1960b], достойным продолжением великой русской литературы XIX в. Автор неоднократно подчеркивает серьезность, спокойствие, сдержанность советских людей («Вести себя достойно здесь неприменное требование» [Piovene 1960h]), но эта черта в его глазах имеет свои отрицательные стороны — например, общаясь с учеными, Пьовене отмечает в них отсутствие фантазии и ограниченность мышления, сосредоточенность на сугубо практических, прикладных вопросах [Ibid.]. Автор открыто указывает на догматизм и лицемерие советского общества, которых не замечают (или предпочитают не замечать) его предшественники. Так, говоря о «жестких правилах гостеприимства» и неприменном присутствии сопровождающих, Пьовене отмечает, что иностранец в СССР постоянно находится «под стеклянным колпаком» — не из специфически русской заботы о гостях, а из стремления скрыть отрицательные стороны жизни [Piovene 1960e]. Те же лицемерие и «двойственность» пронизывают и быт советских людей: грузинские крестьяне открыто занимаются нелегальной спекуляцией; в места, закрытые для посещения, можно попасть, договорившись с местными властями; в столовой, где запрещено употребление спиртного, подают водку. Парадоксальное описание жизни в СССР —

...с одной стороны, крайняя суровость и твердость власти, с другой, в быту — никакой суровости и твердости. Там, где дело не касается политических принципов, каждый толкует закон по собственному разумению; в обычных отношениях действуют договоренности <...> жизнь большинства колеблется между коллективизмом и крайним индивидуализмом [Piovene 1960c] —

свидетельствует о разрушении «советского мифа»: в очерках Пьовене образ справедливого и успешного социума, гармонично сочетающего в себе прогрессивность и консерватизм и способного служить ориентиром для западных

стран, распадается, обнажая внутреннюю противоречивость и лицемерие советского общества.

Таким образом, во второй половине 1950-х годов, несмотря на декларируемое стремление к объективности и отказу от идеологических схем, рецепция Советского Союза в травелогах итальянских литераторов продолжает определяться влиянием двух противоборствующих и одновременно взаимодополняющих мифологических парадигм — «русской» и «советской». Результатом сложного взаимодействия «русского» и «советского» мифа становится представление о сельском, крестьянском характере советского социума — представление, которое в той или иной степени присутствует во всех путевых свидетельствах итальянских литераторов второй половины 1950-х, а в некоторых случаях (у К. Леви и П. П. Пазолини) играет определяющую роль, образуя единый мифологический комплекс с образом СССР как страны детства (индивидуального детства автора травелога либо коллективного детства Европы или всего человечества). В зависимости от взглядов и предпочтений авторов эти представления могут приобретать различную окраску, оцениваться как строго положительно (Леви, Пазолини), так и отрицательно (Паризе, в значительной степени — Малапарте и Моравиа). В последнем случае восприятие взаимоотношений «русской» и «советской» цивилизации может быть различным: у Моравиа «русское» и «советское» дополняют друг друга (как и у Леви и Пазолини, но с другим знаком), у Малапарте находятся в противоборстве, у Паризе «советское» растворяется в «русском». Но при большом многообразии трактовок между всеми текстами обнаруживается важное сходство: взаимодействие «русского» и «советского» мифа в итальянских травелогах об СССР эпохи хрущевской оттепели отражает резкие перемены, происходившие как в самом советском обществе, так и в его зарубежной рецепции. Причем если «русский миф», опирающийся на вековую традицию европейского восприятия России, к началу 1960-х годов в некоторой (пусть и очень ограниченной) степени сохраняет свое влияние, то миф «советский» оказывается существенно менее устойчивым: сформировавшись в 1930-е, к началу 1960-х он со всей очевидностью утрачивает свой авторитет. Об этом свидетельствует путевая проза 1960 г. — очерки Г. Паризе, где «русский миф» отчетливо преобладает над «советским», и, в еще большей мере, серия статей Г. Пьовене, где при явной тенденции к ослабеванию мифологического начала редкие элементы «русского мифа» сохраняются в нетронутom виде, в то время как идеологизированный образ советского общества открыто отрицается и развенчивается.

В дальнейшем ослабление влияния как «русского», так и «советского» мифа в итальянской путевой прозе продолжится: в немногочисленных травелогах 1960–1970-х годов мифологические элементы практически отсутствуют. Однако освобождение от идеологических схем, к которому тщетно стремились многие авторы 1950-х, достигается ценой отказа от широких обобщений: писатели 1960–1970-х годов в значительной степени сосредоточиваются на локальных вопросах (советский кинематограф у М. Сольдати, советский театр у Дж. Лагорио, советское детство у Дж. Родари) и личных взаимоотношениях с советскими людьми (неформальные встречи, частные беседы), воздерживаясь от далеководущих выводов о национальном характере советских людей и судьбах советской и западной цивилизации.

Источники

- Alvaro 2004 — *Alvaro C.* I maestri del diluvio. Viaggio nella Russia Sovietica. Reggio Calabria: Falzea, 2004. (1st ed.: 1935).
- Ceronetti 1980 — *Ceronetti G.* Viaggiatore malinconico tra i guasti del mondo // *La Stampa*. 1980. 26 gen. P. 3.
- Levi 1956 — *Levi C.* Il futuro ha un cuore antico: viaggio nell'Unione Sovietica. Torino: G. Einaudi, 1956.
- Malaparte 1958 — *Malaparte C.* Io, in Russia e in Cina. Firenze: Vallecchi, 1958.
- Moravia 1958 — *Moravia A.* Un mese in U. R. S. S. Milano: Bompiani, 1958.
- Parise 2001 — *Parise G.* Opere / A cura di B. Callegher, M. Portello: In 2 vol. Vol. 1. Milano: Mondadori, 2001.
- Pasolini 2004 — *Pasolini P. P.* Festa di paese per trentamila // *Romanzi e racconti* / A cura di W. Siti, S. De Laude: In 2 vol. Vol. 1: 1946–1961. Milano: A. Mondadori, 2004. P. 1448–1453.
- Piovene 1960a — *Piovene G.* È un'industria che cresce su se stessa sfruttando il vecchio e il nuovo insieme // *La Stampa*. 1960. 2 giugno. No. 132. P. 3.
- Piovene 1960b — *Piovene G.* I pionieri nel “deserto della fame” // *La Stampa*. 1960. 26 apr. No. 100. P. 3.
- Piovene 1960c — *Piovene G.* L'arte in Russia // *La Stampa*. 1960. 29 luglio. No. 181. P. 3.
- Piovene 1960d — *Piovene G.* Leningrado // *La Stampa*. 1960. 24 luglio. No. 177. P. 3.
- Piovene 1960e — *Piovene G.* L'ultima città sovietica sul Pacifico // *La Stampa*. 1960. 26 giugno. No. 153. P. 3.
- Piovene 1960f — *Piovene G.* Per scoprire la profonda realtà russa ci vuole l'antica virtù della pazienza // *La Stampa*. 1960. 6 marzo. No. 57. P. 3.
- Piovene 1960g — *Piovene G.* Sverdlovsk modello quasi integrale di una città industriale e socialista // *La Stampa*. 1960. 29 maggio. No. 129. P. 3.
- Piovene 1960h — *Piovene G.* Un'arida società, senza tratti originali // *La Stampa*. 1960. 11 giugno. No. 140. P. 3.
- Piovene 1960i — *Piovene G.* Visita in Russia a una città d'arte // *La Stampa*. 1960. 7 agosto. No. 189. P. 3.

Литература

- Алоэ 2013 — *Алоэ С.* Достоевский в итальянской критике // *Достоевский: Материалы и исследования*: В 22 т. Т. 20 / Отв. ред. К. А. Баршт, Н. Ф. Буданова. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 3–24.
- Голубев, Неужин 2016 — *Голубев А. В., Неужин В. А.* Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Голубцова 2021a — *Голубцова А. В.* Большевизм и религия в итальянских травелогах о Советской России 1920–1930-х годов // *Quaestio Rossica*. Т. 9. No. 1. 2021. С. 361–378.
- Голубцова 2021b — *Голубцова А. В.* И. Ленин в «советских» произведениях Курцио Малапарте // *Rossica. Литературные связи и контакты*. № 1. 2021. С. 130–142.
- Голубцова 2021c — *Голубцова А. В.* «Русский» и «советский» миф в итальянских травелогах об СССР начала 1950-х гг. // *Литературные миры Востока и Запада: коллективная монография* / Науч. ред. С. П. Толкачев. М.: Мозартика, 2021. С. 67–79.
- Голубцова 2021d — *Голубцова А. В.* «Русский миф» в травелогах Винченцо Кардарелли и Корrado Альваро о Советской России // *Вестник Томского государственного университета*. № 468. 2021. С. 15–24.

- Дубровина 2017 — *Дубровина О. В.* Формирование представлений о Советской России / СССР в фашистской Италии 1922–1943 гг.: Дис. ... канд. ист. наук / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 2017.
- Дэвид-Фокс 2015 — *Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921–1941 годы / Пер. с англ. В. Макарова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015.
- Коул 1997 — *Коул М. К.* Культурно-историческая психология: наука будущего / Пер. с англ. Ю. Н. Турчаниновой, Э. Н. Гусинского. М.: Когито-центр; Ин-т психологии РАН, 1997.
- Куликова 2013 — *Куликова Г. Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920–1930-х годов глазами западных интеллектуалов: Очерки документированной истории. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2013.
- Монделло 2018 — *Монделло Э.* Россия в путевых записках Итало Кальвино и Альберто Моравиа / Пер. с итал. О. Б. Лебедевой // Имагология и компаративистика. № 10. 2018. С. 172–182.
- Орлов, Попов 2018 — *Орлов И. Б., Попов А. Д.* Сквозь «железный занавес». See USSR!: иностранные туристы и призрак потемкинских деревень. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
- Перси 2008 — *Перси У.* Три поиска одного образа: Россия/СССР в прозе Карло Леви, Альберто Моравиа, Джованни Гуарески // Вестник Евразии. 2008. № 1. С. 31–51.
- Федин 2010 — *Федин А. В.* Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. Вып. 32. 2010. С. 65–93.
- Холландер 2001 — *Холландер П.* Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе 1928–1978) / [Пер. с англ.]. СПб.: Лань, 2001.
- Шачкова 2008 — *Шачкова В. А.* «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
- Chianese 2015 — *Chianese F.* Pasolini tra URSS e USA: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda // *Between*. Vol. 5 No. 10. 2015. URL: <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1699/1757>. <https://doi.org/10.13125/2039-6597/1699>.
- D'Attore 1991 — *Nemici per la pelle: Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea* / A cura di P. P. D'Attore. Milano: F. Angeli, 1991.
- Flores 2017 — *Flores M.* L'immagine della Russia sovietica. L'Occidente e l'URSS di Lenin e Stalin (1917–1956): Versione digitale (1st ed.: Milano: Il Saggiatore, 1990). GoWare, 2017.
- Flores, Gori 1990 — *Il mito dell'URSS: la cultura occidentale e l'Unione Sovietica* / A cura di M. Flores, Francesca Gori. Milano: F. Angeli, 1990.
- Martignoni 2015 — *Martignoni C.* Piovone, Guido // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 84: [Online ed.]. [2015]. URL: [https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovone_\(Dizionario-Biografico\)](https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovone_(Dizionario-Biografico)).
- Pegorari 2010 — *Pegorari D. M.* Les barisiens. Letteratura di una capitale di periferia (1850–2010). Bari: Stilo, 2010.
- Petracchi 1990 — *Petracchi G.* Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920 // *Storia contemporanea*. 1990. № 6. P. 1107–1130.
- Strada et al. 1991 — *Strada V. et al.* L'URSS, il mito, le masse. Milano: F. Angeli, 1991.
- Traini 2016 — *Traini Ch.* Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel periodo sovietico: Tesi di dottorato in culture umanistiche / Università degli Studi di Urbino “Carlo Bo”. Urbino, 2016.
- Tuscano 2010 — *Tuscano F.* La Russia nella poesia di Pier Paolo Pasolini. Milano: BookTime, 2010.

Zaslavsky 2004 — *Zaslavsky V. Lo stalinismo e la sinistra italiana: dal mito dell'URSS alla fine del comunismo, 1945–1991*. Milano: Mondadori, 2004.

References

- Aloe, S. (2013). Dostoevskii v ital'ianskoi kritike [Dostoevsky in Italian criticism]. In K. A. Barsht, & N. F. Budanova (Eds.). *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* (Vol. 20, pp. 3–24). Nestor-Istoriia. (In Russian).
- Chianese, F. (2015). Pasolini tra URSS e US A: L'intellettuale italiano negli anni della Guerra Fredda. *Between*, 5(10). <https://ojs.unica.it/index.php/between/article/view/1699/1757>. <https://doi.org/10.13125/2039-6597/1699>.
- Cole, M. (1996). *Cultural psychology: A once and future discipline*. Harvard Univ. Press.
- David-Fox, M. (2012). *Showcasing the great experiment: Cultural diplomacy and Western visitors to the Soviet Union, 1921–1941*. Oxford Univ. Press.
- Dubrovina, O. V. (2017). *Formirovanie predstavlenii o Sovetskoi Rossii / SSSR v fashistskoi Italii 1922–1922 gg.* [The shaping of the image of Soviet Russia / USSR in Fascist Italy of 1922–1943] (Cand. Sci. (History) Thesis, Lomonosov Moscow State University). (In Russian).
- D'Attore, P. P. (Ed.) (1991). *Nemici per la pelle: Sogno americano e mito sovietico nell'Italia contemporanea*. F. Angeli. (In Italian).
- Fedin, A. V. (2010). Ideia “blagorodnogo dikaria” v “iezuitskikh reliaitsiakh” XVII v. [The idea of the ‘noble savage’ in 17th century ‘Jesuit relations’]. *Dialog so vremenem*, 32, 65–93. (In Russian).
- Flores, M. (2017). *L'immagine della Russia sovietica. L'Occidente e l'URSS di Lenin e Stalin (1917–1956)* (Digital version; 1st ed.: Milano: Il Saggiatore, 1990). GoWare. (In Italian).
- Flores, M., & Gori, F. (Eds.). *Il mito dell'URS S: la cultura occidentale e l'Unione Sovietica*. F. Angeli. (In Italian).
- Golubev, A. V., & Nevezhin, V. A. (2016). *Formirovanie obraza Sovetskoi Rossii v okruzhaiushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii, 1920-e — pervaiia polovina 1940-kh gg.* [The formation of the image of Soviet Russia in the outside world by means of cultural diplomacy. 1920s — first half of the 1940s]. Tsentri gumanitarnykh initsiativ. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021a). Bol'shevizm i religiiia v ital'ianskikh travelogakh o Sovetskoi Rossii 1920–1930-kh godov [Bolshevism and religion in Italian travelogues about Soviet Russia from the 1920s and 1930s]. *Quaestio Rossica*, 9(1), 361–378. (In Russian).
- Golubtsova, A.V. (2021b). “Russkii” i “sovetskii” mif v ital'ianskikh travelogakh ob SSSR nachala 1950-kh godov [Russian myth and Soviet myth in Italian travelogues about the USSR of the early 1950s]. In S. P. Tolkachev (Ed.). *Literaturnye miry Vostoka i Zapada: Kollektivnaia monografiia* (pp. 67–79). Mozartika. (In Russian).
- Golubtsova, A.V. (2021c). “Russkii mif” v travelogakh Vinchentso Kardarelli i Korrado Al'varo o Sovetskoi Rossii [The “myth of Russia” in travelogues about the USSR by Vincenzo Cardarelli and Corrado Alvaro]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 468, 15–24. (In Russian).
- Golubtsova, A. V. (2021). V. I. Lenin v “sovetskikh” proizvedeniiakh Kurtsio Malaparte [Vladimir Lenin in the “Soviet” works of Curzio Malaparte]. *Rossica. Literaturnye sviazi i kontakty*, 1, 130–142.
- Hollander, P. (1981). *Political pilgrims: Travels of Western intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1979*. Oxford Univ. Press.
- Kulikova, G. B. (2013). *Novyi mir glazami starogo. Sovetskaia Rossiia 1920–1930-kh godov glazami zapadnykh intellektualov: Ocherki istorii* [The new world through the eyes of the old. Soviet Russia of the 1920s and 1930s through the Eyes of Western intellectuals: Essays on history]. Institut rossiiskoi istorii RAN. (In Russian).

- Martignoni, C. (2015). Piovene, Guido. In *Dizionario Biografico degli Italiani* (Vol. 84, Online Ed.). https://www.treccani.it/enciclopedia/guido-piovene_ (Dizionario-Biografico). (In Italian).
- Mondello, E. (2018). Rossiia v putevykh zapiskakh Italo Kal'vino i Al'berto Moravia [Russia in Italo Calvino's and Alberto Moravia's travel notes]. *Imagologiya i komparativistika*, 10, 172–182. (In Russian).
- Orlov, I. B., & Popov, A. D. (2018). *Skvoz' "zheleznyi zhanes"*. See *USSR!: inostrannye turisty i prizrak potemkinskikh dereven'* [Through the Iron Curtain: See USSR!: Foreign tourists and the spectre of Potemkin villages]. Izdatelskii dom Vysshei shkoly ekonomiki. (In Russian).
- Pegorari, D. M. (2010). *Les barisiens. Letteratura di una capitale di periferia (1850–2010)*. Stilo. (In Italian).
- Persi, U. (2008). Tri poiska odnogo obraza: Rossiia/SSSR v proze Karlo Levi, Al'berto Moravia, Dzhovannino Guareski [Three searches for an image: Russia / USSR in the writings of Carlo Levi, Alberto Moravia and Giovannino Guareschi]. *Vestnik Evrazii*, 2008(1), 31–51. (In Russian).
- Petracchi, G. (1990). Il mito della rivoluzione sovietica in Italia, 1917–1920. *Storia contemporanea*. 1990(6), 1107–1130. (In Italian).
- Shachkova, V. A. (2008). "Puteshestvie" kak zhanr khudozhestvennoi literatury: voprosy teorii [Travelogue as a genre of fiction: Theoretical issues]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2008(3), 277–281. (In Russian).
- Strada, V., et al. (1991). *L'URSS, il mito, le masse*. F. Angeli. (In Italian).
- Traini, Ch. (2016). *Narrare la Russia: gli scrittori viaggiatori italiani in Russia nel period sovietico* (PhD in Humanities. The University of Urbino "Carlo Bo"). (In Italian).
- Tuscano, F. (2010). *La Russia nella poesia di Pier Paolo Pasolini*. BookTime. (In Italian).
- Zaslavsky, V. (2004). *Lo stalinismo e la sinistra italiana: dal mito dell'URSS alla fine del comunismo, 1945–1991*. Mondadori. (In Italian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Анастасия Викторовна Голубцова

кандидат филологических наук
старший научный сотрудник, Отдел
литератур Европы и Америки новейшего
времени, Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская,
д. 25а
Тел.: +7(495) 690-50-30
✉ ana1294@yandex.ru

Anastasia V. Golubtsova

Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher, A. M. Gorky Institute
of World Literature of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 121069, Moscow, Povarskaya Str.,
25a
Tel.: +7(495) 690-50-30
✉ ana1294@yandex.ru

Е. Б. Крюкова^a

ORCID: 0000-0001-6585-4611
✉ kriukova.jr@yandex.ru

О. А. Коваль^b

ORCID: 0000-0003-4718-6669
✉ ox.koval@gmail.com

^a Социологический институт РАН
(филиал Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН)
(Россия, Санкт-Петербург)

^b Русская христианская гуманитарная академия
(Россия, Санкт-Петербург)

ОТ ЛОГИКИ К БЕССМЫСЛЕННОСТИ: ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА В ПОВЕСТИ ТОМАСА БЕРНХАРДА «ХОЖДЕНИЕ»

Аннотация. В статье предпринимается попытка выявить масштаб влияния «Логико-философского трактата» Людвига Витгенштейна на тематику и способ письма Томаса Бернхарда. На примере повести «Хождение», опубликованной в 1970 г., демонстрируется, что поднятые Витгенштейном в начале века вопросы имели для Бернхарда первостепенную значимость не только в плане установления отношений между миром и языком, но и в том, что касается понимания природы художественного творчества. Мысль о возможности адекватной передачи событий средствами языка, которую Витгенштейн стремился продумать в ее онтологических и логических основаниях, получает в тексте повести необычное преломление. С одной стороны, Бернхард ставит под сомнение витгенштейновское допущение об исходном изоморфизме слов и вещей, обрекая своих героев на бесконечное блуждание в замкнутом пространстве речи. С другой стороны, таким негативным способом он удостоверяет идейный стержень всего «лингвистического поворота» — убежденность в том, что человеческое существование определяется языком. Литературная проработка проблем безумия, самоубийства, обманчивости реальности, которые в логическом континууме Трактата объявляются бессмысленными, выводит повествование Бернхарда на экзистенциальный уровень.

Ключевые слова: критика языка, «Логико-философский трактат», Людвиг Витгенштейн, Томас Бернхард, философия и литература

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-60010 «Этическое измерение языка: современная литература как способ подступиться к границам высказываемого».

Для цитирования: Крюкова Е. Б., Коваль О. А. От логики к бессмысленности: философия языка Людвиг Витгенштейна в повести Томаса Бернхарда «Хождение» // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 291–304. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-291-304>.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2021 г.
Принято к печати 16 февраля 2022 г.

Shagi / Steps. Vol. 9. No. 1. 2023
Articles

Е. В. Kriukova^a

ORCID: 0000-0001-6585-4611

✉ kriukova.jr@yandex.ru

О. А. Koval^b

ORCID: 0000-0003-4718-6669

✉ ox.koval@gmail.com

^a *Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences
(Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences)
(Russia, St. Petersburg)*

^b *Russian Christian Academy for the Humanities
(Russia, St. Petersburg)*

FROM LOGIC TO NONSENSE: LUDWIG WITTGENSTEIN'S PHILOSOPHY OF LANGUAGE IN *WALKING* OF THOMAS BERNHARD

Abstract. The article attempts to reveal the scale of influence of Ludwig Wittgenstein's *Tractatus Logico-Philosophicus* on the subject matter and writing method of Thomas Bernhard. On the basis of the novella *Walking*, published in 1970, we demonstrate that the issues raised by Wittgenstein at the beginning of the 20th century were of primary importance for Bernhard. The Austrian writer was interested not only in establishing the relationship between the world and language, but also in extrapolating this metaphysical problem to an understanding of the nature of literary creativity. Wittgenstein in his work asked the critical question about the possibility of adequate transmission of events by means of language and sought to explore its ontological and logical foundations. However, this idea of the philosopher receives an unusual refraction in

the novella *Walking*. On the one hand, Bernhard casts doubt on Wittgenstein's assumption about the initial isomorphism of words and objects and condemns his characters to endless wandering in the closed space of speech. On the other hand, in such a negative way he confirms the ideological core of the "linguistic turn", and, in fact, that human existence is determined by language. Thus, literary exploration of themes of madness, suicide, the deceptiveness of reality, which in the logical continuum of the *Tractatus* are declared nonsensical, leads Bernhard's narrative to an existential level.

Keywords: language criticism, *Tractatus Logico-Philosophicus*, Ludwig Wittgenstein, Thomas Bernhard, philosophy and literature

Acknowledgements. The paper is written with financial support from the Russian Foundation for Fundamental Research (RFFI), Project No. 19-311-60010, "The ethical dimension of language: modern literature as a way to approach the limits of words".

To cite this article: Kriukova, E. B., & Koval, O. A. (2023). From logic to nonsense: Ludwig Wittgenstein's philosophy of language in *Walking* of Thomas Bernhard. *Shagi / Steps*, 9(1), 291–304. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-291-304>.

Received December 29, 2021

Accepted February 16, 2022

ходить ходить выхаживать
самого ходящего
чтобы оставалось только
самоё хождение

Михаил Гронас

Философская проблема имеет форму:
«Я в тупике».

Людвиг Витгенштейн

При жизни слава Томаса Бернхарда носила скандальный характер. Едкая сатира его произведений, обличающая нравы и быт послевоенной Австрии, нарочито ругательная манера, в которой выдержано большинство его текстов, провокативные выходки вроде гневных тирад вместо благодарственных речей на присуждении ему литературных премий¹ — все это способствовало созданию репутации хулигана и возмутителя общественного

¹ См., например: [Бернхард 2020].

спокойствия. Однако сегодня, когда его творчество получило мировое признание, уже совершенно очевидно, что феномен Томаса Бернхарда не ограничивается сугубо локальной темой любви-ненависти к собственному отечеству. За социальной критикой австрийского провинциализма просматриваются проблемы более общего, философского масштаба, связанные в первую очередь с критикой языка. Оттого кажется совсем не случайным появление в книгах Бернхарда фигуры Людвиг Витгенштейна, главного инициатора «лингвистического поворота», который объявил источником всякого заблуждения неправильное использование слов и переориентировал современную мысль на исследование вербального измерения.

Хотя личность и оригинальные идеи Витгенштейна нередко будили творческое воображение (подтверждением чему может служить целая вереница образов, созданных разными поэтами и писателями²), в художественном мире Томаса Бернхарда он занимает особое место. Иногда знаменитый философ выводится под собственным именем, как, например, в повести «Племянник Витгенштейна» (1982), посвященной Паулю Витгенштейну, известному венскому безумцу, с которым Бернхарда связывали дружеские отношения [Бернхард 2003]. Или в рассказе «Гёте умирает» (1982), где светоч немецкой поэзии, подчиняясь своевольной фантазии автора, требует, чтобы к его смертному одру, преодолев пространство и время, привели Витгенштейна — единственную родственную ему душу [Bernhard 2003]. Иногда в героях Бернхарда прототип легко узнаваем — таков Людвиг из пьесы «Риттер, Дене, Фосс» (1984), талантливый, но незадачливый, в отличие от своего тезки, логик, которого угнетает атмосфера фамильного дома [Bernhard 2011]. Или Ройтхамер из романа «Корректур» (1975), который стремится достичь точности выражения своих мыслей столь же неистово, как некогда Витгенштейн [Bernhard 2005]. Но еще чаще к наследию философа отсылают не судьбы отдельных персонажей, а их необычная речевая практика — монологичность и заикленность на одном предмете, дотошность в разворачивании обиходных языковых конструкций, радикальный скепсис в возможностях высказывания. Литературовед Кристоф Бартман даже полагает, что все без исключения тексты Бернхарда отмечены печатью витгенштейновского гения [Bartmann 1991: 26–27].

Незримое присутствие Витгенштейна в сочинениях Бернхарда свидетельствует о постоянном внутреннем споре с философом: некоторые его соображения, будучи помещенными в поле вымысла, обретают новое подтверждение, а некоторые — виртуозно доведенные до абсурда — обнаруживают свою иллюзорность. Ярким образчиком такой художественной апробации витгенштейновских теорий может служить повесть Бернхарда «Хождение» (1971). По сути, это нейтральное название выступает исчерпывающим описанием всей сюжетной линии. На протяжении почти сотни страниц двое приятелей — анонимный рассказчик и некто Элер — прогуливаются по одной-единственной венской улице, обсуждая недавнее событие — помрачение рассудка их общего знакомого Каррера. По мнению собеседников, причиной тому могло послужить самоубийство друга его юности, талантливого химика Холленштайнера, а кульминацией стал инцидент в лавке торговца брюками, где претензия Каррера к качеству матери-

² См. об этом: [Коваль, Крюкова 2021; 2022].

ала мало-помалу переросла в полную потерю контроля над собой. Трагическая ситуация Каррера подталкивает к продумыванию типичных витгенштейновских вопросов о границах человеческого мышления, о проблематичном соответствии между миром и языком, о лингвистических топосах истины и лжи, о невыразимом, о взаимозависимости слов, мыслей и поступков.

Эпистемологическая модель «Логико-философского трактата» (1918), призванная наглядно продемонстрировать полную отображаемость фактов мира в зеркале языка, начинает давать о себе знать уже с первых страниц книги Бернхарда. Ставшая крылатой сентенция Витгенштейна («...то, что вообще может быть сказано, может быть сказано ясно, о том же, что сказать невозможно, следует молчать» [Витгенштейн 1994: 3]), хотя и приобретает в повести несколько иной вид, прочитывается без особого труда: «Что может быть понято в том или из того, что я говорю, говорит Элер, может быть из этого понято; что не может быть из этого понято, понято из этого быть не может» [Bernhard 1971: 15]³. Словно подчиняясь витгенштейновской максиме, рассказчик у Бернхарда стремится запротоколировать все, что произошло в течение его последних прогулок с Элером. Этим намерением объясняется и то, как организуется пространство текста. Повествование ведется от первого лица, однако прямая речь нарратора, чье «я» всегда остается в тени, по большей части сводится к функции опосредования речи других — с одной стороны, идущего рядом с ним Элера, с другой стороны, отсутствующего Каррера, реплики которого рассказчик слышит не от него самого, а в передаче Элера. Потому произведение Бернхарда изобилует постоянными повторениями уточняющих формул: «говорит Каррер», «говорит Элер», «так по Карреру», «так по Элеру»⁴. Итальянская исследовательница Элизабетта Никколини изобретает для них специальный термин — «аккустическая пунктуация» [Niccolini 2000: 186]. И в самом деле, эти навязчивые вкрапления размечают у Бернхарда поле сказанного и, замещая собой графические элементы, выполняют роль своеобразных знаков препинания. Если Витгенштейн определял предложение как картину факта, выдвигая в качестве идеала иероглифическое письмо, где рисунки обозначают слова (4.016)⁵ [Витгенштейн 1994: 20], то Бернхард обратно переводит визуальные образы в их вербальные аналоги. За этой с виду безобидной инверсией кроется решительная атака на стройную вселенную «Логико-философского трактата»: вера Витгенштейна в то, что язык связан с действительностью, поскольку неким органичным способом соприкасается с ней (2.1515) [Там же: 8], рушится под натиском убежденности Бернхарда в том, что между миром и языком зияет непроходимая пропасть. Как бы ни был точен рассказчик в донесении чужих сообщений, как бы жестко ни размежевывал субъектов высказывания, эта пропасть только ширится.

³ Перевод здесь и далее наш.

⁴ Во всем тексте насчитывается 474 подобных вводных конструкций. Следует отметить, что тот же прием, нарочито акцентирующий косвенную речь, Бернхард использует и во многих других своих романах.

⁵ Здесь и далее при цитировании «Логико-философского трактата» цифры в скобках обозначают соответствующий афоризм, согласно сквозной нумерации, которая была введена самим Витгенштейном.

Фактический остов мира остается едва уловим за постоянно наславившимися друг на друга словами персонажей, и возникает соблазн списать эту неудачу на избранную Бернхардом форму изложения, выстраивающегося почти целиком из косвенных высказываний, пускай и полученных протагонистом из первых рук. Критерии истинности фраз, устроенных по типу «он сказал, что...» или «он верит, что...», и для логиков начала XX в. представляли собой проблему. В отличие от обычного сложноподчиненного предложения, истинность которого гарантируется истинностью входящих в него элементарных предложений, случай так называемых суждений верования (например, «Он говорит, что идет дождь» или «Он полагает, что Бог существует») не поддается столь четкой верификации, ибо то, что утверждается, может как соответствовать, так и не соответствовать действительности. Учитель Витгенштейна Бертран Рассел решает этот парадокс за счет того, что объявляет такого рода суждения элементарными, т. е. не разлагаемыми на части, и сводит их к констатации одного-единственного факта: «Он что-то говорит»⁶. Витгенштейна расселовский вариант не удовлетворяет, поскольку грешит психологизмом: акцент тут переносится со структуры фразы на личность произносящего ее, с логически необходимого на эмпирически случайное. Сам он считает, что подобные предложения отражают комплекс равноценных фактов (5.54–5.5423) [Витгенштейн 1994: 53–54], а стало быть, факт «Элер говорит» или факт «так по Карреру» не отдаляет сказанное от того, что оно было призвано зафиксировать (исходный факт). До тех пор, пока в речах героев просматривается смысл, подозревать язык в искажении действительности, с точки зрения Витгенштейна, нецелесообразно. Значит, разлом между словами и вещами, о который то и дело спотыкаются персонажи Бернхарда, не кроется в умышенном или бессознательном отступлении от истины, а сигнализирует о более серьезном нарушении — стирании связей между означающим и означаемым.

Недоверие к языку, который на глазах утрачивает свою адекватность миру, сквозит в лексиконе Каррера постоянными вкраплениями оборота «так называемый»: «так называемый человеческий рассудок», «так называемое современное государство», «так называемая человеческая трагедия», «так называемые новые брюки», «так называемая наука» и даже «так называемое так называемое». Частота его повторения свидетельствует о том, что это не просто маркер ироничного отношения к тем или иным феноменам. Подмена определенного положения вещей их знаковым аналогом, легитимированная «Логико-философским трактатом», приводит у Бернхарда к тому, что слова больше не корреспондируют с вещами, а отсылают лишь к таким же, как они сами, знакам. Символично, что подобным знаком в повести «Хождение» становится и имя Витгенштейна. Впервые оно упоминается в тексте, когда Элер рассказывает свою беседу с лечащим врачом Каррера — доктором Шеррером, освещая обстоятельства, предшествующие эксцессу в лавке:

... прежде чем войти в магазин Рустеншахера, мы прошли слишком много, и не только слишком много, но и со слишком большой скоростью, ведя в то же время слишком напряженный разговор о Витгенштейне, говорю я Шерреру, говорит Элер, я намеренно назвал это имя, потому что знал, что

⁶ См. об этом подробнее: [Апель 2001: 70–73].

Шеррер никогда этого имени не слышал, что тут же подтвердилось, едва я назвал имя Витгенштейна, говорит Элер [Bernhard 1971: 72].

Здесь вокабула *Витгенштейн* не указывает ни на личность философа, ни на его раннюю или позднюю теорию, а заведомо используется Элером как пустой знак. И хотя в диалогах Элера и Каррера она выглядит насыщенной смыслом, до конца повести этот смысл так и не раскрывается, и читатель, кому имя Витгенштейна мало о чем говорит, остается в положении доктора Шеррера.

Однако многословие бернхардовских героев знаменует собой отнюдь не обесценивание языка. Каррер, Элер и рассказчик, отдавая себе отчет в ненадежности всех имеющихся способов выражения, упорно держатся зыбкого поля речи как единственной доступной им реальности.

Только благодаря тому, что мы обозначаем действия и вещи в качестве действий и вещей, которыми эти действия и эти вещи в принципе не являются, потому что они не могут являться в принципе этими действиями и этими вещами, только благодаря этому мы продвигаемся дальше, только таким образом, говорит Элер, возможно нечто, а стало быть, возможно все [Bernhard 1971: 16].

Хотя язык не в состоянии отразить фактическое положение дел, он тем не менее способен «показать», сделать видимым этот свой провал. Бернхард, отклонив витгенштейновскую идею изоморфности мира и языка, задействует другую ключевую мысль Трактата, согласно которой то, что предложение не может выразить словами, оно показывает (4.1212) [Витгенштейн 1994: 25]. Для Витгенштейна этим невысказываемым была «логическая форма» — общая для предметов и имен, ситуаций и фраз матричная структура, исходное условие их свободного перетекания друг в друга. Для Бернхарда, напротив, таковым глубинным уровнем, не поддающимся артикуляции, выступает несхватываемость мира словом. В характерном для Бернхарда нагромождении речей, в их навязчивом кружении, повторении, варьировании проступает, по верному замечанию Никколини, «не голая манифестация маньеризма, а гораздо больше: выражение вербального отчаяния, результат беспощадного изучения доступных языку инструментов и проверка возможностей языка — вплоть до границы того, что может быть сказано и что может быть понято» [Niccolini 2000: 190].

Намерение Витгенштейна сделать язык познавательной оптикой мира не может быть реализовано у Бернхарда из-за неточности показаний избранной измерительной шкалы. Если австрийский философ прочерчивает границы мышления в языке, поскольку тот первым сообщает об их нарушении в виде бессмысленных предложений, то в лингвистически нестабильной вселенной Бернхарда таких стоп-сигналов нет, и герои повести выверяют пределы мыслимого и выражимого буквально по шагам. Мышление Бернхард напрямую связывает с хождением, перемещением из одного пункта в другой, где движение инициирует рефлексию, а мысль задает темп ходьбе.

Когда мы идем, говорит Элер, вместе с движением тела происходит и движение ума. Мы констатируем снова и снова, что когда мы идем

и когда наше тело приходит в движение, то и наше мышление приходит в движение, притом что ни одной мысли не было в голове. Мы ходим нашими ногами, говорим мы, и думаем нашей головой. Но точно так же мы могли бы сказать, что мы ходим нашей головой⁷ [Bernhard 1971: 88].

С точки зрения Витгенштейна, фраза «Мы ходим головой» не может не свидетельствовать о том, что граница мышления перейдена. Бернхард же формулирует ее как отражающую истинное положение дел. Подобное возведение хождения в модус мышления позволяет увидеть активность, процессуальность, динамичность интеллектуальной работы.

И правда, говоря о мышлении, трудно избежать метафор из арсенала слов со значением движения: «прийти в голову», «следить мыслью», «ход размышления», «озарение снизошло», «мысли блуждали» и т. д. Языковые игры, которые Бернхард затевает со словом «ходить» (*gehen*) и его производными, поражают своим многообразием. Он не только задействует всевозможные однокоренные глаголы (при этом обиходно нейтральные *weggehen* ‘уходить’, *hingehen* ‘направляться’, *abgehen* ‘отходить’, *zurückgehen* ‘возвращаться’, *umgehen* ‘бродить’ перемежаются символически нагруженными *zugrunde gehen* ‘гибнуть’ или *verlorengehen* ‘теряться’), но и акцентирует присутствие *gehen* в таких важных для сюжетного развития понятиях, как *Denkvorgang* ‘мыслительный процесс’, *Vergangenheit* ‘прошлое’ или *Selbstmord begehen* ‘совершить самоубийство’. Помимо оборотов с *gehen* в тексте используются и другие выражения, образованные от близких по смыслу слов: *Unbeweglichkeit* ‘неподвижность’, *Körperbewegung* ‘движение тела’, *Geistesbewegung* ‘движение духа’ (от *bewegen* ‘двигать’), *ausweglose Ausweglosigkeit* ‘безвыходная безвыходность’ (от *Ausweg* ‘выход’), *Verrücktheit eintritt* ‘безумие наступает’ (от *eintreten* ‘вступать’), *zum Unglück kommen* ‘потерпеть неудачу’, *in tödlichen Zweifel kommen* ‘попасть в смертельные сомнения’ (от *kommen* ‘приходить’) и т. д., и т. п.⁸

Хождение у Бернхарда проецируется на мышление в том числе и в его предельном состоянии, когда то вплотную приближается к своему краю — к безумию. Именно сбой привычного ритма в прогулке Элера с Каррером предвосхищает нервный срыв последнего: сперва он ускоряет движение, переходя на бег, а потом внезапно отклоняется от заданного маршрута и окончательно останавливается в лавке торговца брюками. Инициированное Каррером препирательство с продавцом вращается вокруг ключевого для Витгенштейна вопроса о соответствии имени обозначаемому им предмету. Указывая на новые брюки, один утверждает, что это «первоклассный английский материал», тогда как другой называет их «бракованным чехословацким товаром» [Bernhard 1971: 56]. В подтверждение своей правоты Каррер рассматривает их на свет и

⁷ Комментарий к двум последним предложениям из приведенной цитаты, вскрывающий деконструктивистскую стратегию Бернхарда, см. в [Gleber 1991: 94].

⁸ Наполненное словесными подобиями повествование Бернхарда наглядно воплощает идею «семейных сходств» позднего Витгенштейна, отказавшегося от целостной картины языка в пользу несметного числа индивидуальных речевых проявлений, за которыми стоят определенные «формы жизни».

демонстрирует истонченность ткани в некоторых местах. В какой-то момент речь ему отказывает, и Каррер способен лишь повторять одно и то же: «Эти прорехи, эти прорехи, эти прорехи...» [Ibid.: 73]. Согласно Витгенштейну, язык должен был бы предупредить Каррера о близящейся опасности, а собственно, о том, что он непосредственно подошел к черте, разделяющей мыслимое и немислимое. Однако заикленность на одной-единственной фразе оповещает, что переход свершился и повернуть вспять уже нельзя. Получается, что первым о наступлении безумия информирует отнюдь не язык: он продолжает работать в обычном своем режиме, требуя от говорящего завершить предложение, и только невозможность сделать это показывает — в качестве случившегося факта, — что сознание Каррера помутилось.

Страх сойти с ума преследовал Витгенштейна с ранних лет и вплоть до конца его жизни. В 1948 г. он пишет одному из ближайших учеников Г. Х. фон Вригту: «Я часто думаю, что я на прямом пути к безумию. Мне трудно представить, что мой мозг долго сможет выдерживать напряжение» (цит. по: [Монк 2018: 525]). Многие герои Бернхарда проходят этот путь до конца. Именно таков случай Каррера, который теряет рассудок не по причине ослабления работы мысли, а наоборот, в силу ее максимальной интенсивности.

Несомненно, говорит Элер, Каррер сошел с ума на пике своего мышления. На примере таких людей, как Каррер, наука могла бы снова и снова наблюдать, что они внезапно сходят с ума на пике своего мышления и, следовательно, на пике своих интеллектуальных способностей. Есть момент, говорит Элер, в который наступает безумие [Bernhard 1971: 23].

Правда, для Бернхарда перспектива лишиться здравого смысла не кажется пугающей: гораздо больше его страшат холодный разум и трезвый расчет, которыми руководствуется «нормальное» большинство. В повести оно представлено двумя второстепенными персонажами, которые так или иначе имеют отношение к болезни Каррера: врачом Шеррером и торговцем Рустеншахером. Шеррер, репрезентирующий медицинский метод, казалось бы, и должен подходить к делу с известной долей отстраненности и безучастности. Но эта безопасная дистанция не позволяет проникнуть в суть того явления, с которым ему предстоит работать, сколь бы подробны ни были отчеты Элера о поведении Каррера. Превращая живого человека в предмет исследования, «случай болезни», доктор заведомо обрекает себя на особое ученое незнание, поскольку даже не допускает, что безумие есть «привилегия незаурядных натур, которые продумывают экзистенциальные вопросы вплоть до их крайних границ» [Doll 2003]. И если врачи в лице Шеррера ставят Карреру однозначный диагноз — безумен, то Элер выносит им еще более суровый приговор — не способны на безумие:

...такие люди, как Шеррер, никогда не смогут сойти с ума. Как известно, врачи-психиатры со временем становятся нервнобольными, но не сумасшедшими. По причине своего неведения касательно главной темы жизни эти люди в конце концов всегда становятся нервнобольными, но сумасшедшими — никогда [Bernhard 1971: 51].

Рустеншахер, владелец брючного магазина, где у Каррера случился кризис, олицетворяет другую сторону социальной нормальности. На протяжении почти всего эпизода в лавке, пока его племянник обслуживает клиентов, он находится на заднем плане и методично прикрепляет этикетки к новой партии товара. В контексте расхожего понимания языка как упорядоченной системы знаков, где слова выступают ярлыками именуемых вещей, монотонная деятельность Рустеншахера выглядит механическим установлением соответствий между миром и логосом. Однако то обстоятельство, что операция маркировки происходит в тени, наводит на подозрение, что здесь имеет место некая манипуляция и подмена, нуждающаяся в утаивании. В отличие от хозяина лавки, Каррер норовит выставить сокрытое на всеобщее обозрение: просматривая брюки на свет, он не просто обнаруживает изъяны, но оспаривает правильность именованья, установленную торговцем. Его бунт направлен против конвенциональности речи в той же мере, в какой и против качества товара. Это метафизическое разоблачение может быть прочитано и на более глубоком уровне, затрагивающем неприглядные события недавней истории. Литературовед Юрген Долль предлагает интерпретировать кульминационный момент повести как обличение общественного консенсуса, который негласно заключили между собой австрийские граждане, предпочтя не афишировать своей причастности к национал-социалистическому режиму. Под прохудившейся тканью, которую Каррер столь экзальтированно демонстрирует присутствующим, подразумеваются преступления прошлого, которые он желает обнародовать вопреки всеобщему сопротивлению. По мнению Долля, «...от читателя требуется детективное чутье, если он хочет под нарастающей лавиной бернхардовских слов раскрыть этот повествовательный слой. В конце концов, можно установить прямую корреляцию между трудностью чтения “Хождения” и трудностью, с которой столкнулись австрийцы в начале 1970-х годов, — трудностью встать лицом к лицу перед своим прошлым, отягощенным чувством вины, вынести на свет “прорехи” собственной истории, признаться в них самим себе, вместо того чтобы просто “беспрерывно” приклеивать новые этикетки» [Doll 2003].

В логически регламентированном универсуме Витгенштейна критерием различения между высказываниями истинными и ложными выступает их совпадение или несовпадение с фактами в мире: «То, что картина изображает, — ее смысл. Ее истинность или ложность состоит в соответствии или несоответствии ее смысла действительности» (2.221–2.222) [Витгенштейн 1994: 25]. Держаться истины — значит совершать процедуру верификации, что не требует ни особых усилий ума, ни наличия нравственной позиции, ни тем более экзистенциального выбора. В свете толкования Юргена Долля вопрос об истине у Бернхарда перестает быть нейтральной познавательной операцией. Тот, кто им задается, ставит под угрозу, во-первых, самого себя, подвергая свое мышление опасности безумия; во-вторых, искомую истину, которая готова в любой момент обернуться иллюзией; в-третьих, необходимость продолжать поиск, зная, что он чреват потерей себя или истины (или того и другого вместе).

Отказавшись от строго дискурсивного понимания истины, Бернхард тем не менее не разделяет и тенденцию к мистическому откровению, которая намечается в Трактате в качестве альтернативы логике. Его герои словно бы

движутся в обратном направлении — по отношению как к идеалу научности, так и к измерению абсолютных ценностей: от дарящего уверенность знания к фиктивности всякого знания, от полноты бытия к его опустошенности и исчерпанности, от истины к ложности самой идеи истины⁹. И потому всякая верификация лишь ввергает в отчаяние:

Когда мы нечто *слышим* (здесь и далее курсив оригинала. — Е. К., О. К.), <...> мы проверяем то, что мы слышим, и проверяем до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что услышанное не истинно, услышанное — ложь. Когда мы нечто *видим*, мы проверяем то, что видим, до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что то, что мы видим, ужасно. И так в течение всей жизни нам не вырваться из ужаса, неистинного и лжи, говорит Элер. Когда мы нечто *делаем*, мы думаем о том, что мы делаем, до тех пор, пока не будем вынуждены сказать, что все это нечто подлое, нечто низкое и нечто бесстыдное, это нечто чудовищно безутешное, то, что мы делаем, и тот факт, что то, что мы делаем, по природе своей ложно, самоочевиден [Bernhard 1971: 10].

Бернхард отвергает противопоставление истинного и ложного как взаимоисключающих типов суждений. Истина для него — не одна из сторон оппозиции, заведомо выигрышная. Скорее, это горькое и ясное осознание обманчивой природы языка. Имитируя стиль «Логико-философского трактата», Элер выдвигает свой тезис:

Мы должны знать, что все предложения, которые проговариваются, которые продумываются и которые вообще существуют, являются одновременно истинными и ложными, в том случае если речь идет об истинных предложениях [Bernhard 1971: 16–17].

Метафизическую подоплеку высказывания Элера выдает его намеренная парадоксальность. По Витгенштейну, философские проблемы как раз и отмечены подобным нарушением логики языка: «Большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, — пишет он, — а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь устанавливать их бессмысленность» (4.003) [Витгенштейн 1994: 25]. Атрибут бессмысленности, закрепленный за спекулятивным знанием, который многие комментаторы сочли осуждающей характеристикой, на самом деле не имеет у Витгенштейна негативных коннотаций. Мыслитель убежден, что иного способа говорить о наиболее важном не существует. Он даже чеканные формулировки своего Трактата объявляет лишены смысла: «Мои предложения служат прояснению: тот, кто поймет меня, поднявшись с их помощью — по ним — над ними, в конечном счете признает, что они бес-

⁹ Такой «путь вычитания», характерный для многих персонажей Бернхарда, Ян Кноблах называет «гиперболической негативностью». Способ существования через отрицание, непосредственно выраженный в словах протагониста романа «Изничтожение»: «Мало-помалу мы должны отвергнуть все», — включает в себя в качестве неизбежного момента и саморазрушение героя [Knobloch 2021].

смысленны» (6.54) [Витгенштейн 1994: 72–73]. Для Бернхарда выведенный Витгенштейном «закон бессмысленности» оказывается еще более необходимым, чем логический порядок мира и языка. Его персонажи, принесшие клятву верности этому закону, остаются философами до конца. Свидетельством тому выступают заключительные строки повести, передающие слова главного героя накануне помешательства: «Состояние полного безразличия, в котором я, стало быть, нахожусь, так по Карреру, является совершенно философским состоянием» [Bernhard 1971: 101]. Но не менее красноречиво говорит об этом и сопротивление, которое объединяет рассказчика, Элера и Каррера, — сопротивление фальши обыденности, конформизму окружающих, ходу истории, здравому смыслу, тактике выживания. Вслед за Витгенштейном они делают ставку на мышление, отдавая себе полный отчет, что их ставка не сыграет.

И пока государство, и пока общество, и пока массы делают все возможное, чтобы упразднить мышление, мы защищаем себя от этой тенденции всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, хотя мы сами большую часть времени думаем о бессмысленности мышления, потому что мы знаем, что мышление есть полная бессмысленность, с другой стороны, потому что точно знаем, что *мы* без этой бессмысленности мышления ничто или нас нет [Bernhard 1971: 46].

Источники

- Бернхард 2003 — *Бернхард Т.* Племянник Витгенштейна. История одной дружбы / Пер. с нем. Т. Баскаковой // Иностранная литература. 2003. № 2. С. 144–201.
- Бернхард 2020 — *Бернхард Т.* Из книги «Мои премии» / Пер. с нем. С. Новиковой // Звезда. 2020. № 11. С. 251–259.
- Bernhard 1971 — *Bernhard Th.* Gehen. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1971.
- Bernhard 2003 — *Bernhard Th.* Goethe schtirbt // Bernhard Th. Werke: In 22 Bd. Bd. 14: Erzählungen. Kurzprosa / Hrsg. von H. Höller, M. Huber, M. Mittermayer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. S. 398–413.
- Bernhard 2005 — *Bernhard Th.* Werke: In 22 Bd. Bd. 4: Korrektur / Hrsg. von M. Huber, W. Schmidt-Dengler. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2005.
- Bernhard 2011 — *Bernhard Th.* Ritter, Dene, Voss // Bernhard Th. Werke: In 22 Bd. Bd. 19: Dramen V / Hrsg. von M. Huber, B. Judex, M. Mittermayer. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2011. S. 223–347.

Литература

- Апель 2001 — *Апель К.-О.* Витгенштейн и проблема герменевтического понимания / Пер. с нем. Б. Скуратова // Апель К.-О. Трансформации философии. М: Логос, 2001. С. 61–102.
- Витгенштейн 1994 — *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат / Пер. с нем. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–73.
- Коваль, Крюкова 2021 — *Коваль О. А., Крюкова Е. Б.* Витгенштейн как литературный персонаж. Часть I // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 196–207.

- Коваль, Крюкова 2022 — *Коваль О. А., Крюкова Е. Б.* Витгенштейн как литературный персонаж. Часть II // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 169–179.
- Монк 2018 — *Монк Р.* Людвиг Витгенштейн. Долг гения / Пер. с англ. А. Васильевой. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- Bartmann 1991 — *Bartmann Ch.* Vom Scheitern der Studien. Das Schriftmotiv in Bernhards Romanen // Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur. Heft 43. 3 Aufl. 1991. S. 22–29.
- Doll 2003 — *Doll J.* “Die Grenzüberschreitung nach Steinhof”. Zu Thomas Bernhards Erzählung “Gehen” // Germanica. Vol. 32. 2003. P. 109–122. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://journals.openedition.org/germanica/1851>.
- Gleber 1991 — *Gleber A.* “Auslöschung, Gehen”. Thomas Bernhards Poetik der Destruktion und Reiteration // Modern Austrian Literature. Vol. 24. No. 3/4. 1991. P. 85–97.
- Knobloch 2021 — *Knobloch J.* “Nach und nach müssen wir alles ablehnen”: Hyperbolische Negativität bei Thomas Bernhard // German Life and Letters. Vol. 74. No. 1. 2021. S. 30–46.
- Niccolini 2000 — *Niccolini E.* Der Spaziergang des Schriftstellers: *Lenz* von Georg Büchner; *Der Spaziergang* von Robert Walser; *Gehen* von Thomas Bernhard. Stuttgart; Weimar: Metzler, 2000.

References

- Apel, K.-J. (1988). *Transformation der Philosophie*. Suhrkamp. (In German).
- Bartmann, Ch. (1991). Vom Scheitern der Studien. Das Schriftmotiv in Bernhards Romanen. *Text + Kritik. Zeitschrift für Literatur*, 43(3), 22–29. (In German).
- Doll, J. (2003). “Die Grenzüberschreitung nach Steinhof”. Zu Thomas Bernhards Erzählung “Gehen”. *Germanica*, 32, 109–122. <http://journals.openedition.org/germanica/1851>. (In German).
- Gleber, A. (1991). “Auslöschung, Gehen”. Thomas Bernhards Poetik der Destruktion und Reiteration. *Modern Austrian Literature*, 24(3/4), 85–97. (In German).
- Knobloch, J. (2021). “Nach und nach müssen wir alles ablehnen”: Hyperbolische Negativität bei Thomas Bernhard. *German Life and Letters*, 74(1), 30–46. (In German).
- Koval, O. A., & Kriukova, E. B. (2021). Vitgenshtein kak literaturnyi personazh. Chast' I [Ludwig Wittgenstein as a fictional character. Part 1]. *Voprosy filosofii*, 2021(3), 196–207. (In Russian).
- Koval, O. A., & Kriukova, E. B. (2022). Vitgenshtein kak literaturnyi personazh. Chast' II [Ludwig Wittgenstein as a fictional character. Part 2]. *Voprosy filosofii*, 2022(2), 169–179. (In Russian).
- Monk, R. (1991). *Ludwig Wittgenstein: The duty of genius*. Vintage.
- Niccolini, E. (2000). *Der Spaziergang des Schriftstellers: Lenz von Georg Büchner; Der Spaziergang von Robert Walser; Gehen von Thomas Bernhard*. Metzler. (In German).
- Wittgenstein, L. (1966). *Logisch-philosophische Abhandlung = Tractatus logico-philosophicus*. Routledge & Kegan Paul; The Humanities Press. (In German).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Екатерина Борисовна Крюкова

*кандидат философских наук
старший научный сотрудник,
Социологический институт РАН (филиал
Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН)
Россия, 190005, Санкт-Петербург,
7-я Красноармейская ул., д. 25
Тел.: +7 (812) 316-24-96
✉ kriukova.jr@yandex.ru*

Ekaterina B. Kriukova

*Cand. Sci. (Philosophy)
Senior Researcher, Sociological Institute
of the Russian Academy of Sciences (Branch
of the Federal Center of Theoretical and
Applied Sociology of the Russian Academy
of Sciences)
Russia, 190005, St. Petersburg,
7th Krasnoarmeyskaya Str., 25
Tel.: +7 (812) 316-24-96
✉ kriukova.jr@yandex.ru*

Оксана Анатольевна Коваль

*кандидат философских наук
доцент, кафедра философии,
религиоведения и педагогики, Русская
христианская гуманитарная академия
Россия, 191011, Санкт-Петербург,
Наб. р. Фонтанки, д. 15А
Тел.: +7 (812) 334-14-41
✉ ox.koval@gmail.com*

Oxana A. Koval

*Cand. Sci. (Philosophy)
Associate Professor, Russian Christian
Academy for the Humanities
Russia, 191011, St. Petersburg,
Fontanka River Emb., 15A
Tel.: +7 (812) 334-14-41
✉ ox.koval@gmail.com*

В. В. Кириченко

ORCID: 0000-0002-9209-0554

✉ kirlimfaul@gmail.com

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге
(Россия, Санкт-Петербург)*

КОНЦЕПЦИЯ «ИНФРАОРДИНАРНОСТИ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЖОРЖА ПЕРЕКА

Аннотация. Статья посвящена концепции «инфраординарности» в творчестве французского писателя Жоржа Перека. Цель работы заключается в определении понятия «инфраординарного» и установлении его форм в поэтике автора. Данная концепция часто проявляется в произведениях писателя, хотя об этом может быть не сказано прямо. Смысл «инфраординарности» до сих пор остается слабо проясненным, при этом она занимает одно из основных мест в поэтике писателя. Перек артикулирует термин «инфраординарность» в одном из своих малоизвестных эссе. «Инфраординарность» как подход к письму встречается как в его ранних, так и поздних произведениях. Неопределенность «инфраординарности» во многом связана с многозначным функционированием проблемы повседневности в текстах Перека. В статье рассматриваются возникновение данной концепции и особенности и формы реализации «инфраординарного» в разных текстах Перека. Делается вывод о серьезной значимости концепции в произведениях писателя, поскольку она фундирует отношение как к материалу письма, так и к самому письму, будучи осмысленно связанной с темами памяти, воспоминаний, истории, языка и реальности.

Ключевые слова: «инфраординарность», теория повседневности, стиль, пространство, места памяти, интимное письмо, автобиография, Жорж Перек

Для цитирования: Кириченко В. В. Концепция «инфраординарности» в произведениях Жоржа Перека // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 305–319. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-305-319>.

*Статья поступила в редакцию 1 июля 2022 г.
Принято к печати 8 сентября 2022 г.*

V. V. Kirichenko

ORCID: 0000-0002-9209-0554
✉ kirlimfaul@gmail.com

National Research University
Higher School of Economics in St. Petersburg
(Russia, St. Petersburg)

THE CONCEPT OF “THE INFRA-ORDINARY” IN GEORGES PEREC’S WORKS

Abstract. The article is devoted to the concept of “the infra-ordinary” in the work of the French writer Georges Perec. The purpose of the study is to define the notion of “the infra-ordinary” and establish its forms in the poetics of this author. This concept often appears in his works, although it may not be directly indicated. To this day, the meaning of “the infra-ordinary” remains poorly clarified, because it is difficult to find support for its understanding in the author’s texts, while it occupies one of the main places in his poetics. Perec articulates the term “the infra-ordinary” in one of his little-known essays, yet “the infra-ordinary” as an approach to writing is found in both his early and later texts. The indeterminacy of “the infra-ordinary” is largely connected with the multi-valued functioning of the concept of “everyday life” in Perec’s texts. This paper discusses the general problems of the concept of everyday life, the emergence of the concept of “the infra-ordinary”, the features and forms of implementation of “the infra-ordinary” in different texts by Perec. In the end, a conclusion is drawn about the serious significance of “the infra-ordinary” in his works, since it substantiates the author’s attitude both to the material of his writing and to writing itself, being meaningfully connected with the themes of memory, recollections, history, language and reality.

Keywords: “the infra-ordinary”, theory of everyday life, style, places of memory, intimate writing, autobiography, Georges Perec

To cite this article: Kirichenko, V. V. (2023). The concept of “the infra-ordinary” in Georges Perec’s works. *Shagi / Steps*, 9(1), 305–319. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-305-319>.

Received July 1, 2021

Accepted September 8, 2022

Введение

Французский писатель Жорж Перек (1936–1982) родился в Париже в семье еврейских иммигрантов из Польши Ицека-Юдки Переца (1909–1940) и Цирлы Шулевич (1913–1943). Его отец, призванный в армию, погиб от ранения в 1940 г. Многие близкие писателя погибли в фашистских лагерях (мать — в Освенциме) или во время депортации. Поиск их следов, усилие памяти, травма утраты стали движущей силой прозы Перека. Как верно отмечает В. В. Шервашидзе, «открытия Перека определили ключевые ориентиры французского романа рубежа веков, связавшего Большую историю с историей семьи и рассказом о себе — наиболее верный поиск собственной идентичности» [Шервашидзе 2015: 330].

Усилиями В. М. Кислова и других переводчиков нам доступны почти все основные тексты писателя, однако он все еще остается загадочным и слабо изученным автором-экспериментатором, чей стиль с трудом поддается определению (*inclassable*) [Schilling 2006]. Одной из причин такого положения дел является недвусмысленная проблема нехватки интерпретации и комментирования его текстов, а также того контекста, в котором они возникли. В настоящей статье мы решили обратиться к одному из наиболее непростых вопросов — о концепции «инфраординарности», определяющей художественный метод Перека [Zamorano 2015].

Проблематика «инфраординарности», реализуемая в творчестве Перека, восходит к более известному концепту повседневности, который получает развитие во французской гуманитарной мысли в середине XX в. В этом контексте важное место занимает трилогия Анри Лефевра «Критика повседневной жизни». В своих лекциях Лефевр определял повседневность как нечто вроде подземного хранилища, в котором оседают, словно пыль, условности и ложь власти [Lefebvre 1947]. Во французской историографии пионерами «истории повседневности» стали Марк Блок и Люсьен Февр. В отличие от Лефевра, предметом внимания этих историков стали эмоциональные и ментальные сферы общества. Представитель нового историзма Фернан Бродель определял повседневность как «мелкие факты, едва заметные во времени и пространстве. Чем более сужаете вы поле наблюдения, тем больше у вас шансов очутиться в окружении материальной жизни» [Бродель 1986: 39]. Феномен повседневности занимает многих представителей гуманитарной мысли с 1940-х годов, и вокруг него образовался сложный семантический ореол, который содержит референции к совершенно различным исследовательским оптикам и традициям (например, историческое событие и актер у Броделя, «частичные науки» у Лефевра, «пространство символического обмена» Бодрийера, «спектакль» у Бланшо и Дебора, «диспозитив» у де Серто и Фуко).

«Инфраординарное» в текстах Жоржа Перека

Как отмечает Мюрьель Лефевр, Перек был одним из первых, кто изучал повседневное с помощью понятия «инфраординарность» [Lefebvre 2013: 3].

Понятие «инфраординарное» (*infraordinaire*)¹ впервые появляется в февральском выпуске журнала «Cause Commune»² за 1973 г., в котором было опубликовано эссе Перека «Подходы к чему?» (*Approches de quoi?*)³. Центральной проблемой эссе стало изучение повседневности в широком культурно-антропологическом аспекте:

Изменение не принадлежит тем, кто останавливается на поверхности коллективной жизни, на простой театрализации видимых элементов реальности. Вероятно, нужно искать внизу, на уровне, спрятанном за привычкой, обычаем, стереотипами... [Peres 1989: 11].

Представители «Cause Commune» ощущали необходимость нового теоретического подхода к повседневности, они рассматривали «инфраординарность» не как способ считывания пространства предрассудков и стереотипов внутри общества, но как их подрыв, посредством которого можно увидеть скрытую суть вещей и представлений.

Подход Перека проще всего выявить в сравнении с несколькими важными исследователями, которые повлияли на теорию повседневности. Наиболее близкими Переку были Анри Лефевр и Ролан Барт. Расхождения Перека с Лефевром пролегают в области деполитизации. Если Лефевр размышляет о возможностях повседневности в контексте освобождения от отчуждения, то Перек говорит о трансформации самого отношения к повседневному (взгляду на него), в частности, в контексте описания того, что обычно проходит незамеченным [Ferrier 2010]. Поэтому он ставит одной из своих задач обнаружение языка повседневности, чтобы понять, что он способен рассказать о нашей действительности [Peres 1989: 13]. С Роланом Бартом у Перека было больше точек сохождения, писатель не единожды обращался к текстам философа, особенно к «Мифологиям» (1957), которые вдохновляли Перека во многом благодаря случайному характеру наблюдений и акценту на влияние публицистического языка⁴. «Инфраординарное» Перека существует неотрывно от линий размышлений разных теоретиков повседневности, при этом имеет свою специфику, выраженную в исследовании частной риторики, которая наличествует у разных социальных субъектов. Перек также обращает внимание на необходимость смотреть за границу кажущейся простоты повседневности и связывает эту границу с «низом» (бессознательным⁵), чем-то «подземным» или «подпольным», отсюда латинская приставка *infra-*. Оговоримся, что «инфраординарное» Перека в

¹ Иногда используется написание через дефис — *infra-ordinaire*.

² Журнал был организован Ж. Переком, П. Вирилью и Ж. Дювиньо (преподавателем Перека из коллежа Этамп), регулярно выходил с 1972 по 1974 г. и закончил свое существование в 1978 г. Издание имело своей целью общегуманитарную разработку проблематики повседневности в ее различных проявлениях. Журнал скорее представлял дискуссионную площадку, а не место публикации единомышленников; в нем печатались авторы, каждый из которых по-своему работал с темой повседневности (в том числе Фернан Бродель, Анри Лефевр, Мишель де Серто, Морис Бланшо, Поль Вирилью).

³ Здесь и далее мы цитируем данное эссе не по журнальной версии, а по изданию [Peres 1989], в котором оно было опубликовано без изменений.

⁴ Подробное сопоставление подходов Перека и Барта см. в [Ribière 2005].

⁵ В своих личных и художественных исканиях Перек часто прибегал к помощи психоаналитиков, в том числе несколько лет был клиентом Ж.-Б. Понталиса, ученика Ж. Лакана.

первую очередь формулируется как художественная, а не научная оптика, т. е. реализуется в терминах письма и самовыражения.

Творчество Перека выпадает на период, когда повседневность и письмо о себе становятся одними из главных интересов писателей. Н. Б. Маньковская отмечала: «Центр интересов смещается с вопросов лингвистики к проблемам философии и биологии. Бум биографического жанра, обращение к творческому опыту М. Юрсенар, М. Дюра (имеется в виду Дюрас. — В. К.), П. Морана, М. Турнье, Ж. Перека...» [Маньковская 2000: 84]. Особенность перековского подхода не только в оптике эстетизации повседневности, за «инфраординарным» у Перека скрывается вопрос письма о реальности, который понимается автором почти буквально — как конкретная работа с буквами и алфавитом: «...внимание к деталям переносится на литературу, которая могла бы стать цельной, образованной словами и буквами в их материальности, в их обыденности» [Zamorano 2015: 277]. Поэтому «инфраординарное» у Перека — не только внешний расплывчатый объект изучения, но и сам подход к письму, что ясно иллюстрируют такие его эссе, как «Просто пространства» (1974) и «Попытка исчерпания одного парижского места» (1975), в которых описательные способности письма проверяются на прочность, как и сами практики смотрения на окружающий мир. Целью этих осознанных экспериментов было желание научиться видеть скрытое, задаваясь вопросом о том, почему было увидено (и описано) то, что было увидено.

Теория «инфраординарности» как особый нарративный подход может считаться одним из незавершенных проектов Перека, который скончался слишком рано. Полноценного фундаментирования этой теории не произошло, хотя она была известна не только Переку, а «инфраординарность» так и не получила четкого определения. Более того, само это понятие не встречается в других работах Перека, кроме эссе «Подходы к чему?». Проблематика «инфраординарности» почти всегда передается косвенно с помощью обращения к слову «повседневность» либо к его синонимам. Несмотря на это, общая установка — дать людям увидеть иначе то, к чему они привыкли, — сохраняется и периодически возникает в разных художественных и эссеистических текстах Перека. «Инфраординарность» как особая поэтологическая установка может быть прослежена от самого первого опубликованного романа Перека «Вещи» (1965) до ряда изданных после его смерти текстов⁶, например, в сборнике автобиографических рассказов «*Infra-ordinaire*» (1989), посвященном памятным для автора местам. Однако мы рассмотрим данный феномен на примере лишь трех текстов («Вещи», «Человек, который спит» и «W, или Воспоминание детства»), поскольку именно в них, на наш взгляд, кристаллизуются фундаментальные формы концепции «инфраординарного» в творчестве Перека.

«Инфраординарное» в «Вещах»

В романе «Вещи» рассказывается история молодой семейной пары — социологов Сильвии и Жерома, мечтающих о лучшей жизни, но при этом вынужденных заниматься бесконечными социальными опросами, которые в итоге

⁶ Имеются в виду некогда считавшиеся утраченными романы «Кондотьер» (2012) и «Покушение в Сарасво» (2017).

обесмысливаются, как и мечты главных героев. Изначально персонажи представлены как единый субъект с общей волей: Перек использует в основном личное местоимение *Ils* ‘они’⁷. Однако важнее то, каким образом разворачивается для персонажей внешний мир — это целая галерея образов «прекрасной жизни», роскоши, к которой стоит стремиться. Они овеществляют всякое свое желание и в результате разочаровываются: «У них нет ничего своего — выношенного, выстраданного. От манеры одеваться до якобы левых взглядов, от быта до грез — все в них заемное, внушенное извне, подсказанное рекламой, кино, телевидением, передовицами “Экспресса”» [Зонина 1984: 154].

Перек назвал этот роман «историей 60-х годов», говоря о поколении, родившемся в 1930-е. Такой социокритический подход был легко подхвачен ангажированной аудиторией того времени, когда только начинала формироваться критика повседневности. Е. Е. Дмитриева отмечала: «Описанная Переком повседневность почти одновременно оказывается материалом произведений его современников — Маргерит Дюрас, Анни Эрно, Жака Реда. В это время взгляд многих писателей становится социологическим, журналистским, осознающим, что повседневность, из которой мы все произрастаем, есть наш общий удел. Впоследствии Перек назовет это свойство литературы — и прежде всего той, которую создавал он сам, — “инфраобыденностью” (*infraordinaire*)» [Дмитриева 2010]. Действительно, нельзя не согласиться, что та самая «инфраобыденность» интересовала не только Перека, однако необходимо отметить и те различия, которые присутствуют в поэтике упомянутых писателей и в их художественном познании: и Дюрас, и Эрно, и Реда далеки в своем творческом подходе к повседневности друг от друга и от Перека.

Другой важный аспект, способный приковать внимание исследователей, заключается в том, что Перек заранее считывает многие пункты социальной критики повседневности, которая возникнет, например, в хрестоматийной работе Жана Бодрийяра «Общество потребления» (1968)⁸. Его роман действительно можно рассматривать как пример критики общества потребления, которая является одной из оптик теории повседневности. В начале романа, где излагается общая мечта главных героев, читателю откроется обширное и подробное интерьерное полотно квартиры персонажей. Картины и предметы культа здесь лишены всякой символичности, при этом описание в оригинале дается в сослагательном наклонении (в единственном русском переводе используется будущее время):

Три гравюры: одна, изображающая Тандерберда, победителя на скачках в Эпсоме, другая — колесный пароход «Город Монтеро», третья — локомотив Стивенсона, — подведут к кожаной портъере на огромных черного дерева с прожилками кольцах, которые можно будет сдвинуть одним прикосновением [Перек 1984: 225].

⁷ Во второй части Сильвия и Жером оказываются противопоставленными субъектами в некоторых ситуациях. Их разобщенность становится следствием нереализованных амбиций и утраченных иллюзий, но в целом они все еще создают впечатление единого субъекта, который периодически сравнивается со всем поколением 1930-х.

⁸ Как уже давно было подмечено, Бодрийяр и сам ссылается на роман Перека [Маньковская 2000: 58].

Это будет гостиная: в длину семь метров, в ширину три. Налево, в нише, станет широкий потрепанный диван, обитый темной кожей, его зажмут с двух сторон книжные шкафы из светлой вишни, где книги напиханы как попало <...> По другую сторону низенького столика, над которым будет висеть, оттеняя кожаную портьеру, шелковый молитвенный коврик, прибитый к стене тремя гвоздями с широкими медными шляпками [Перек 1984: 226].

Это описание воображаемой героями комнаты со всеми ее декорациями вступает в концептуальную перекличку с потребительским отношением к вещам, когда всякий объект, часто навязываемый социальными институтами, воспринимается как норма позитивного обновления или соответствия общественному окружению. Перек показывает как раз негативную сторону этого процесса — сами языковые средства романа⁹ связаны со стремлением пере- дать дегуманизационные алгоритмы повседневности.

По мнению Бодрийера, желание обладать каким-либо предметом для замещения внутренней пустоты является типичным случаем символической подмены, которую можно осмыслять как проблему повседневного коллективного опыта [Бодрийер 2006]. Для своего поколения Перек рисует пугающую картину субъектов, неспособных к действию, разве что к обладанию. Сам мир вещей оказывается более живым и живописным, нежели те, кому он предложен. Даже предметы искусства или сакральных практик становятся для героев лишь декором, фоном для существования. В этом смысле Перек идет по пути более радикальной критики (ср. Бодрийер), не оставляя никакой возможности для «спасительной» функции искусства, способного подорвать наши повседневные представления о реальности (ср. Лефевр)¹⁰.

Роман Перека не только представляет собой репрезентацию проблемы безыдейного и безнадежного поколения, но и предлагает определенное решение:

Маркс сказал, что способ является частью истины в той же мере, что и результат. Нужно, чтобы поиски истины сами по себе были истинными¹¹ [Перек 1984: 308].

С помощью этого высказывания, подводящего итог всему роману, Перек обращает внимание именно на некое состояние осознанности в повседневной

⁹ Имеются в виду использование местоимений вместо имен, перечислительные ряды, почти полное отсутствие глаголов и множество описательных конструкций, при этом субъект желания никак не проявляет себя.

¹⁰ Каждый из этих философов делал близкие, но не идентичные выводы об обществе потребления, в том числе отводил определенное место искусству. Позиция Бодрийера заключается в том, что искусство лишь потворствует господствующим нормам сколь бы авангардно оно ни было, в то время как Лефевр считал, что искусство, особенно авангард, способны вскрыть стереотипы и показать подноготную повседневности. Выбор в пользу Бодрийера подтверждается в творчестве Перека буквально. Перек упоминает Бодрийера и цитирует некоторые его высказывания, например, в эссе «Просто пространства» (первая глава «Страница»).

¹¹ Здесь несколько вольный перевод Ивановой, искажающий стиль Перека. В оригинале просто приводится цитата из Маркса, подробнее обстоятельства возникновения этой цитаты у Перека см. в [Bellos 1999: 293–294].

жизни, которое дает представление о возможном выходе из сложившейся ситуации. Отсюда во многом берут исток дальнейшие рассуждения об «инфраординарном» подходе к действительности, когда Перек задается вопросами, как смотреть на повседневное, как его описывать. Текст Перека одновременно задает пути для критики повседневности и проблематизирует судьбу людей 1960-х годов, оставшихся без четкого смысла жизни. В романе чувства Жерома и Сильвии столь же экстериоризированны, сколь их желания. Перек признавался, что в основе «Вещей» лежал двойственный проект: с одной стороны, это было упражнение в стиле «Мифологий» Барта, показавшего влияния на нас языка прессы, а с другой — описание жилых пространств, которые едва ли походили на его собственное [Bertelli, Ribière 2003: 48]. В итоге задача, поставленная Переком, кажется ему не до конца решенной, и он прибегает к продолжению критики повседневности совсем с другой стороны в романе «Человек, который спит» (1967).

«Инфраординарное» в «Человеке, который спит»

В данном произведении, еще менее сюжетном, чем предыдущее, перед читателем возникает безымянный герой, о котором говорится во втором лице единственного числа. Главный и единственный персонаж целыми днями блуждает по городу, ходит на учебу и занимается малопримечательными повседневными занятиями. Эта практика «пустого гуляния», незамысловатой прогулки, которую можно понимать в рамках концепции дрейфа» Г. Дебора [2017], постепенно перерастает в безостановочное метание, болезнь от головокружения, за которой следует тошнота от города, от бесконечных потоков людей, утрачивающих индивидуальность. В определенный момент вымышленный субъект осознает бессмысленность собственного существования, никак не реагируя на других людей, закрывается в самом себе. Он придумывает сложные пасьянсы¹² [Перека 2006: 61], сидит сутками в комнате общежития, иногда выходя на улицу, чтобы гулять до изнеможения:

Ты бродишь по улицам, ты заходишь в кинотеатры; ты бродишь по улицам, ты заходишь в кафе; ты бродишь по улицам, ты смотришь на Сену, на мясные лавки, на поезда, на афиши, на людей [Перека 2006: 90].

Если Дебор осознает дрейф как экспериментальную модель поведения для современного большого города, состоящую в быстром и плавном передвижении через различные зоны для его изучения и выхода из пространства повседневности, то у Перека эта же практика становится проблемой повседневного существования субъекта — она не помогает спастись от засасывающего потока ординарного:

Ты — одинок, и тебя сносит по течению. <...> Как пленник, как безумец в камере. Как крыса, ищущая выход из лабиринта. Ты прохо-

¹² Герои «Вещей» ведут себя похожим образом: «Потом каждый забивался в свой угол дивана, стараясь повернуться спиной к другому. Оба могли бесконечно раскладывать пасьянс» [Перека 1984: 261].

дишь Париж вдоль и поперек. Как голодающий, как курьер, несущий письмо без адреса [Перек 2006: 92, 100].

Перек видит проблему в катастрофичности повседневности для субъекта — в перенасыщенности вещественностью мира и инструментализированности индивида в потоке города. Эта инструментализированность была скрыта от читательского внимания в «Вещах», как и ощущение тошноты, созвучной сартровскому отвращению: «Тлетворный город, скверный город, мерзкий город» [Перек 2006: 100]. В итоге эти два текста не просто дополняют друг друга через отношения динамики и статики пространства повседневности, но и задают две формы ее репрезентации: 1) текст-движение (динамическая репрезентация) — герой движется, наблюдает и испытывает интериоризованные чувства, направленные вовне; 2) текст-описание (статическая репрезентация) — герои являются элементами пространства, они не движутся, но «телепортируются» из одной ситуации в другую, их переживания овнешнены, но направлены только на самих себя. Обе формы связаны с объективирующей функцией «инфраординарного», семантика которого раскрывается как критика наружных параметров мира.

В следующем рассматриваемом нами тексте эта двуформность трансформируется в нечто третье. Перек, намекая на «инфраординарное» пространство в XIII главе романа «W, или Воспоминание детства» (1975), отсылает к своим первым текстам посредством прошлых образов повседневного:

Вещи и места не имели названий или имели несколько названий одновременно; у людей не было лиц. Один раз это была одна тетушка, другой раз — другая тетушка. Или бабушка. Однажды появлялась кухня, и с трудом вспоминалось, что какая-то кухня вообще есть [Перек, 2015: 103].

Стол был бы накрыт вошеной скатертью в голубую клетку; над столом висела бы лампа с абажуром в виде тарелки из белого фарфора или из эмалированной жести, и с противовесом в форме груши [Там же: 105].

В этих отрывках частично повторяются стиль и содержание предыдущих текстов либо содержатся намеки на них¹³. Таким образом нам открывается осознанное использование приема самоцитации при разговоре о повседневности.

«Инфраординарное» в романе «W, или Воспоминание детства»

В романе Перек предпринимает попытку литературного свидетельствования задним числом. Он обращается к особой форме интимного письма — авторскому вымыслу, при котором порой до неразличимости сочетаются вымышленное и фактуальное [Кириченко 2020]: в книге представлены автобиография автора и приключения вымышленного героя Гаспара Винклера, изложение

¹³ Первая цитата отсылает к «Человеку, который спит» (важная аллюзия заключается в том, что «у людей не было лиц»); вторая — к фурнитурной бутафории «Вещей».

которых чередуется по главам. Здесь размышления о повседневном приобретают особое значение, поскольку повседневностью становится отношение к травме, которая еще только формируется: писатель не столько указывает на следы личной трагедии, тяжелых переживаний из-за депортации матери или смерти отца, сколько стремится к обнаружению самих симптомов этой травмы. Дерек Шиллинг отмечает: «Во Франции некоторые свидетели и жертвы депортации смогли продемонстрировать свои раны вскоре после войны, когда шрамы только начинали формироваться. Перек, со своей стороны, проявил образцовую сдержанность перед лицом травмы, преодолевая возможные тупиковые моменты. Он сохраняет почтительное молчание или даже переживает ошеломленное непонимание, как если бы история, которую он не выбирал, оказалась не его собственной. Это молчание о событии и понесенных потерях превратилось в амнезию, которую Перек, пытаясь защитить себя от истории, охотно принял» [Schilling 2006: 11]. Шиллинг имеет в виду, что Перек постоянно останавливается на воспоминаниях, к которым относится не с точки зрения историка, но пытается воссоздать их усилием памяти и воображения. Перек никогда и не пытался установить историческую правду, не искал упорно документальные сведения о своей семье, многое узнавал из разговоров с родственниками [Bellos 1999].

«Инфраординарное» в «W» облачается в новые одежды: это первый художественный текст (автобиографический роман), в котором Перек пытается вспоминать и размышлять об истории своей семьи, своем детстве, а также говорить искренно, но уклончиво¹⁴, восстанавливая свои ощущения, знания и переживания через многочисленные обрывки воспоминаний. Перек писал, что когда он воссоздавал картины прошлого, прежде чем приступить к написанию романа, у него практически отсутствовала всякая опора на действительность, ведь с тех пор многое сильно изменилось:

В первую очередь ту эпоху характеризует отсутствие привязок: воспоминания о ней — это вырванные из пустоты куски жизни. Никаких швартовых. Ничто не закрепляет, ничто не фиксирует. Почти ничто не узаконивает. Никакой хронологии, не считая той, которую я произвольно сконструировал: время проходило [Перек 2015: 103].

Это «проходящее время» представляет собой особую форму повседневного — череду едва взаимосвязанных незначительных событий, которые организуют общий нарратив текста в цельное произведение. Изначально предзаданная идея разрозненности воспоминаний не столько нарушается авторскими регулированием и реконструкцией, сколько еще больше подчеркивается. Целью такого подхода, заключающегося в перечислении незначительного, в подчер-

¹⁴ «Уклонение» (obliquité) [Lejeune 1991: 44–45] в творчестве Перека состоит в том, что автор никогда напрямую не говорит о реальности или вымышленности той или иной ситуации, детали. В романе «W, или Воспоминание детства» вымышленная и автобиографическая истории переплетены. Однако это единственный из текстов Перека, где наиболее ясно связаны контекст жизни и текст произведения; в остальных же случаях «уклончивость» письма Перека о себе проявляется в автобиографических маркировках, не подробных аллюзиях на свой жизненный опыт. Например, в «Вещах» косвенно передается авторский опыт пребывания в Тунисе.

кнутой бессвязности воспоминания, является установление проблемных мест и восстановление памяти о забытом.

Легко заметить, что некоторые из воспоминаний оказываются весьма сильными по своей смысловой и эмоциональной нагрузке и могут пониматься не как «инфраординарные», но как экстраординарные. Своеобразие подхода Перека снова возвращает нас к тому, что на самом деле ищет автор, — не саму повседневность, данную в бытовой простоте, но то, что остается незамеченным. Перек пишет о своих детских воспоминаниях, которые уже определенным образом структурированы, но пытается изменить закрепленную трактовку событий прошлого с помощью дополнительной рефлексии и воображения, т. е. Перек не пишет свои воспоминания как данность, но выражает сомнение ко всему, что помнит из детства. В итоге размышление о правдивости воспоминаний и обращение к вымыслу позволяет возникать новым представлениям о старых событиях. Например, Перек вспоминает, как однажды во время катания на лыжах один мальчик ударил его лыжной палкой по лицу и распорол верхнюю губу [Перек 2015: 160–161]. Шрам от удара станет одним из самых значимых символов, связанных с авторской идентичностью¹⁵.

В данном случае исключительное вырастает не из повседневного, но из самой рефлексии о повседневном. Дело не в том, что у Перека появился шрам над губой (повседневное в прошлом), но в том, что он стал символом самоидентификации (экстраординарное настоящее) — обычная история о катании на лыжах приводит читателя к эпизоду с получением шрама, который на тот момент не был чем-то особенным, но со временем он пересобирается в подсознании Перека в телесный знак самости. Этот случай хорошо демонстрирует, что всякое исключительное или повседневное может реализовываться только в условиях определенной оптики, а на протяжении времени одно может заменять другое. Таким образом, в данном романе Перек понимает «инфраординарное» и экстраординарное как взаимопереходящие феномены подобно тому, как в тексте взаимопереплетаются автобиографическая и вымышленная истории.

Близкое проблематике «инфраординарности» понятие «места памяти» [Нора 1999] используется обычно в социально-мемориальном смысле¹⁶, который напрямую связан с коллективной памятью, но в творчестве Перека «местами памяти» становятся «интимные пространства», любимые или особенные. Место может становиться важным для человека и вне контекста коллективной памяти (ср. текст «Я помню», 1978). В романе Перек рассказывает, что тетя Фанни часто водила его гулять на бульвар Делессер; во время одной из прогулок родственница Эла попыталась посадить его на велосипед, но он упал, и все закончилось «пугающими воплями» [Перек 2015: 79–80]. Даже повседневное пространство может переживаться лично и становится важным

¹⁵ Этот символ встречается в разном виде в романах «Кондотьер» (картина Антонелло да Мессина с портретом человека со шрамом), «Исчезновение» (герой Ахав). Кроме того, для участия в экранизации романа «Человек, который спит» Перек выбрал актера Жака Списсера, у которого есть шрам над верхней губой. Шрамы у всех немного разные, но место примерно то же самое.

¹⁶ В некоторых текстах Перека реализуется и этот смысл, особенно в «Эллис Айленде» (1980), где идет речь об одном из памятных мест еврейской иммиграции в США. В настоящее время на Эллис-Айленде располагается Национальный музей иммиграции.

местом памяти через повторяемые действия (на бульвар регулярно ходили гулять) и внезапное происшествие (падение с велосипеда и слезные крики). Такие краткие события без значимых последствий преобладают в тексте Перека.

Отдельно стоит отметить стиливую особенность подхода Перека к «инфраординарному» на его переходе к экстраординарному. В конце романа «W», когда становится ясно, что вымышленная и фактуальная истории определенным образом взаимосвязаны, само письмо Перека в автобиографической части меняется с размеренно-отстраненного на ритмически ускоренное: в нем появляются короткие ряды перечислений¹⁷, усеченные предложения и повторы слов. В последней главе автобиографической истории приводятся воспоминания Перека о том, как его отправили в булочную и он заблудился; в определенной момент повествование выстраивается при помощи следующих одно за другим предложений, начинающихся со слова «потом». Последнее «потом» приводит читателя на выставку, посвященную концентрационным лагерям, где герой автобиографии впервые узнает об ужасах войны [Перек 2015: 235]. Так Перек передает переживание столкновения с реальностью, с осознанием травматического опыта, который не может быть сообщен или выявлен буквально. Таким образом, реконструируя собственное прошлое, он задает поле проблематики «инфраординарного», которая находится в зоне не социальной критики, но личного жизненного переживания. Эти переживания «инфраординарного» могут быть элементами, формирующими идентичность, т. е. самое важное в этой новой форме «инфраординарного» заключается именно в его субъективирующей функции. По мнению Перека, изучение способов воссоздания повседневного может помочь лучше понять механизмы самоидентификации.

Заключение

Проблематика «инфраординарного» в текстах Перека принимает разные формы. Писательская поэтика «инфраординарности» заключается в последовательном развитии нескольких форм отображения опыта повседневности с разным отношением к реальности, а также в особых стилистических подходах к репрезентации действительности. Начиная с социокритической позиции («Вещи»), Перек переходит к позиции фикционально-лирической («Человек, который спит»), а затем к познанию собственного прошлого через структуры «инфраординарного», используя воспоминания детства как дорогу для воображения и письма о собственной идентичности («W, или Воспоминание детства»). Проблематика повседневности проходит сквозь все главные тексты Перека. Он значительно повлиял на изучение этого феномена, интуитивно предугадав многие последующие гуманитарные концептуализации и предложив концепцию «инфраординарности». «Инфраординарный» подход, которым расширил и углубил свою поэтику французский писатель, разрабатывался им в контексте проблематики соотношения факта и вымысла, в том

¹⁷ Этот прием используется не только в конце рассматриваемого романа. Другой случай «ускоренного» письма возникает в момент размышления Перека о форме буквы W, которая в конце концов приобретает пугающую форму свастики. Наиболее ярко прием представлен в романе «Человек, который спит», в котором динамика всего текста проявляется через подобное «ускорение» синтаксиса.

числе для понимания возможностей литературы в отношении как описания самой повседневности, так и выявления тех незамеченных явлений, которые способны передать истину о нашей реальности.

Источники

- Перека 1984 — *Перека Ж.* Вещи / Пер. с фр. Т. Ивановой // Французские повести. М.: Правда, 1984. С. 225–308.
- Перека 2006 — *Перека Ж.* Человек, который спит / Пер. с фр. В. Кислова. М.: Флюид, 2006.
- Перека 2015 — *Перека Ж.* W, или Воспоминание детства: Роман; Эллис-Айленд: Эссе; Из книги «Я родился»: Автобиографическая проза / Пер. с фр., сост., послесл. и коммент. В. Кислова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015.
- Percec 1989 — *Percec G.* L'infra-ordinaire. Paris: Seuil, 1989.

Литература

- Бодрийяр 2006 — *Бодрийяр Ж.* Общество потребления: его мифы и структуры / Пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: Республика; Культурная революция, 2006.
- Бродель 1986 — *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное / Пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986.
- Дебор 2017 — *Дебор Г.* Психогеография / Пер. с фр. А. Соколинской. М.: Ad Marginem, 2017.
- Дмитриева 2010 — *Дмитриева Е. Е.* Удовольствие от ограничения: загадочный писатель Жорж Перека // Новое литературное обозрение. № 106. 2010. С. 219–231. [Цит. по электрон. версии]. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/106/dm25.html>.
- Зонина 1984 — *Зонина Л.* Тропы времени: Заметки об исканиях французских романистов (60–70 гг.). М.: Худ. лит., 1984.
- Кириченко 2020 — *Кириченко В. В.* Роман Ж. Перека «W, или Воспоминание детства» как автовымысел // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. Т. 24. № 2. 2020. С. 171–179.
- Нора 1999 — *Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция-память / Пер. с фр. Д. Хапаевой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17–50.
- Маньковская 2000 — *Маньковская Н. Б.* Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000.
- Шервашидзе 2015 — *Шервашидзе В. В.* Перека, или «Отпечаток отсутствующего» // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 330–353.
- Bellos 1999 — *Bellos D.* Georges Perec: A life in words. London: The Harvill Press, 1999.
- Bertelli, Ribière 2003 — Georges Perec. Entretiens et conférences. Т. 1: 1965–1978 / Ed. by D. Bertelli, M. Ribière. Nantes: Joseph K, 2003.
- Ferrier 2010 — *Ferrier M.* De l'infra-ordinaire au Super Normal: Poétique et politique de l'ordinaire chez Jasper Morrison, Naoto Fukasawa et Georges Perec // Cahiers Georges Perec. № 10: Perec et l'art contemporain / Ed. by J.-L. Joly. Bordeaux: Le Castor astral, 2010. P. 193–203.
- Lefebvre 1947 — *Lefebvre H.* Critique de la vie quotidienne. Т. 1: Introduction. Paris: Éditions Bernard Grasset, 1947.
- Lefebvre 2013 — *Lefebvre M.* L'infra-ordinaire de la recherche. Écritures scientifiques personnelles, archives et mémoire de la recherche // Science de la société. № 89. 2013. P. 3–17.
- Lejeune 1991 — *Lejeune P.* La Mémoire et l'Oblique: Georges Perec autobiographe. Paris: Éditions P. O. L., 1991.

- Rivière 2005 — *Rivière M. Georges Perec, Roland Barthes: l'élève et le maître // De Perec etc., d'erechef: textes, lettres, règles & sens: mélanges offerts à Bernard Magné / Sous la dir. de É. Beaumatin, M. Rivière. Nantes: Joseph K., 2005. P. 338–353.*
- Schilling 2006 — *Schilling D. Mémoires du quotidien: les lieux de Perec. Villeneuve: Septentrion, 2006.*
- Zamorano 2015 — *Zamorano J. L'infra-ordinaire: esquisse de la théorie de Georges Perec // Thélème. Revista Complutense de Estudios Franceses. Vol. 30. № 2. 2015. P. 269–282.*

References

- Baudrillard, J. (1970). *La société de consommation. Ses mythes, ses structures*. S. G. P. P. (In French).
- Bellos, D. (1999). *Georges Perec: A life in words*. The Harvill Press.
- Bertelli, D., & Rivière, M. (Eds.) (2003). *Georges Perec. Entretiens et conférences. Vol. 1: 1965–1978*. Joseph K. (In French).
- Braudel, F. (1979). *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XV–XVIII siècle, Vol. 1: Les structures du quotidien: le possible et l'impossible*. Librairie Armand Colin. (In French).
- Debord, G. (2006). *Oeuvres*. Gallimard. (In French).
- Dmitrieva, E. E. (2010). Udovol'stviye ot ogranicheniia: zagadochnyi pisatel' Zhorzh Perek [Pleasure from restriction: The mysterious writer Georges Perec]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 106, 219–231. (In Russian).
- Ferrier, M. (2010). De l'infra-ordinaire au Super Normal: Poétique et politique de l'ordinaire chez Jasper Morrison, Naoto Fukasawa et Georges Perec. In J.-L. Joly (Ed.). *Cahiers Georges Perec, 10. Perec et l'art contemporain* (pp. 193–203). Le Castor astral. (In French).
- Kirichenko, V. V. (2020). Roman Zh. Pereka “W, ili Vospominanie detstva” kak avtovymysel [Perec's novel *W, or the Recollection of Childhood* as an autofiction]. *Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*, 24(2), 171–179. (In Russian).
- Lefebvre, H. (1947). *Critique de la vie quotidienne. Vol. 1: Introduction*. Éditions Bernard Grasset. (In French).
- Lefebvre, M. (2013). L'infra-ordinaire de la recherche. Écritures scientifiques personnelles, archives et mémoire de la recherche. *Science de la société*, 89, 3–17. (In French).
- Lejeune, P. (1991). *La Mémoire et l'Oblique: Georges Perec autobiographe*. Éditions P. O. L. (In French).
- Man'kovskaia, N. B. (2000). *Estetika postmodernizma* [Aesthetics of Postmodernism]. Aleteiia. (In Russian).
- Nora, P. (1984). Entre mémoire et histoire, la problématique des lieux. In P. Nora. *Les Lieux de mémoire* (pp. xvi–xlii). Gallimard. (In French).
- Rivière, M., (2005). Georges Perec, Roland Barthes: l'élève et le maître. In É. Beaumatin, & M. Rivière (Eds.). *De Perec etc., d'erechef: textes, lettres, règles & sens: mélanges offerts à Bernard Magné* (pp. 338–353). Joseph K. (In French).
- Schilling, D. (2006). *Mémoires du quotidien: les lieux de Perec*. Septentrion. (In French).
- Shervashidze, V. V. (2015). Perec, ili “Otpechatok otsustvuiushchego” [Perec, or “The fingerprint of the absent”]. *Voprosy literatury*, 2015(1), 330–353. (In Russian).
- Zamorano, J. (2015). L'infra-ordinaire: esquisse de la théorie de Georges Perec. *Thélème. Revista Complutense de Estudios Franceses*, 30(2), 269–282. (In French).
- Zonina, L. (1984). *Tropy vremeni: Zametki ob iskaniiakh frantsuzskikh romanistov (60–70 gg.)* [Paths of time: Notes on the searches of French novelists (1960s–1970s)]. Khudozhestvennaia literatura. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Владислав Владимирович Кириченко

*преподаватель, департамент
иностранных языков, Санкт-
Петербургская школа гуманитарных
наук и искусств, Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики» в Санкт-
Петербурге
Россия, 190068, Санкт-Петербург, наб.
канала Грибоедова, д. 123А
Тел.: +7 (812) 644-59-11 *61526
✉ kirlimfaul@gmail.com*

Vladislav V. Kirichenko

*Lecturer, Department of Foreign Languages,
School of Arts and Humanities, National
Research University Higher School
of Economics in St. Petersburg
Russia, 190068, St. Petersburg, Griboedov
Emb., 123a
Tel.: +7 (812) 644-59-11 *61526
✉ kirlimfaul@gmail.com*

Д. И. Антонов^{ab}

ORCID: 0000-0002-8081-4420
✉ antonov-dmitriy@list.ru

Д. Ю. Доронин^{ab}

ORCID: 0000-0003-3002-8074
✉ demetra2@mail.ru

^a *Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)*

^b *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)*

СОВЕТСКИЕ ИКОНЫ И ДЕРЕВЕНСКИЕ СВЯТЫНИ

Рецензия на: Деревенские святыни: Сб. статей, интервью и документов / Публ. подгот. Е. В. Воронцова, А. Н. Алленов, В. С. Елагина, Е. А. Коршикова. — М.: Изд-во ПСТГУ, 2021. — 280 с. + [24] вкл.

Для цитирования: Антонов Д. И., Доронин Д. Ю. Советские иконы и деревенские святыни // Шаги/Steps. Т. 9. № 1. 2023. С. 320–333. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-320-333>.

Рецензия поступила в редакцию 29 августа 2022 г.

Принято к печати 20 сентября 2022 г.

D. I. Antonov^{ab}

ORCID: 0000-0002-8081-4420
✉ antonov-dmitriy@list.ru

D. Yu. Doronin^{ab}

ORCID: 0000-0003-3002-8074
✉ demetra2@mail.ru

^a *Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow)*

^b *The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow)*

SOVIET ICONS AND VILLAGE SHRINES

A review of: E. V. Vorontsova, A. N. Allenov, V. S. Elagina, & E. A. Korshikova (Eds.). (2021). *Derevenskie sviatyni: Sbornik statei, interv'iu i dokumentov* [Village shrines: A collection of articles, interviews and documents]. Izd-vo PSTGU. 280 p. (In Russian).

To cite this review: Antonov, D. I., & Doronin, D. Yu. (2022). Soviet icons and village shrines. *Shagi / Steps*, 9(1), 320–333. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2023-9-1-320-333>.

Received August 29, 2022

Accepted September 20, 2022

Сборник «Деревенские святыни», опубликованный в 2021 г. в издательстве Православного Свято-Тихоновского государственного университета, — интересный пример исследования локальных религиозных традиций постсоветской России. Его авторы несколько лет (с 2018 г.) изучали религиозные практики Тамбовской области и представили читателям девять статей и шесть публикаций полевых материалов в приложении. Не считая введения и приложения, книга состоит из двух частей. Первая включает две вводные статьи: «Методологические замечания» и «Описание поля» и четыре работы, посвященные непосредственно тамбовским кейсам. Пять статей, публикуемых во второй части, расширяют область исследования на локальные святыни других регионов и этноконфессиональных групп.

Наше внимание этот труд привлек прежде всего благодаря статье **Людмилы Горюшкиной** «Украшение икон: люди и традиции (по материалам Тамбовской экспедиции 2018–2020 гг.)», посвященной современным фолежным иконам-киоткам¹ и их создателям. Наша исследовательская группа (сотрудники Учебно-научного центра визуальных исследований Средневековья и Нового времени РГГУ, а также студенты факультета культурологии РГГУ) с 2020 г. проводит изучение религиозных практик в постсоветской России², а с 2021 г. занимается изучением советских икон-киоток [Антонов, Доронин 2022a; 2022b; 2023; Антонов, Тюнина 2022; Доронин 2022]. Наши регулярные экспедиции проходят в Московской, Владимирской, Ярославской, Нижегородской, Липецкой, Воронежской областях и в Республике Башкортостан. Работы коллег, посвященные религиозным практикам и современным фолежным иконам Тамбовской области, дали богатый материал для сопоставления и анализа. К рассмотрению статьи Л. П. Горюшкиной мы подойдем в конце рецензии, начав с обзора других работ.

Небезынтересными являются автоэтнографические статьи сборника, в которых авторы рефлексиируют над методологией своего исследования, дают скрупулезные описания поля и истории его изучения в советское и постсоветское время — от работ советских религиоведов А. И. Клибанова и А. И. Демьянова до исследовательских академических экспедиций 2010–2020-х годов. Заметим, что советские исследования народной религиозности, проводившиеся в рамках кампаний и программ государственной научно-атеистической пропаганды, вызывают сейчас все больший интерес у религиоведов

¹ *Киотки* — иконы, помещенные в деревянный киот, закрытый стеклом.

² См.: [Антонов 2020; 2021; Антонов, Доронин 2021]; см. также подборки статей в журналах «Живая старина» (2022, № 1) и «Вестник РГГУ» (Сер. Литературоведение. Языковедение. Культурология, 2022, № 4) и др.

и антропологов (см., например, цитируемые авторами работы С. С. Алымова, Е. И. Мироновой, А. А. Панченко, У. Хун). В этом аспекте рецензируемый сборник находится в тренде современных исследований истории советской этнографии.

Авторы сборника справедливо замечают, что «последние исследования в этой области, как правило, ориентированы на уход от бинарной модели “народное-церковное”, “христианство-язычество” и т. п.» (с. 21). При этом они спорят с «конструктивистами» (к которым относят Ж. В. Кормину и С. А. Штыркова): «В системе координат конструктивистов высказывания носителей традиции не могут претендовать на истинность. Такой взгляд на вещи сближает конструктивистов со сторонниками атеизма. <...> В референциальной рамке, навязываемой конструктивизмом, опыту не находится места. Однако именно опыт и практики интересуют нас в первую очередь» (с. 21). Собственные принципы анализа авторы видят в том, чтобы исследовать *lived religion*, *vernacular religion* — «повседневную», «народную» религиозность, обращаясь вслед за Л. Н. Примиано к вопросу о том, «как конкретные люди понимают, интерпретируют и практикуют религию». «Поворот к вернакулярному предполагает отказ от чрезмерного увлечения анализом текстов и источников в пользу переживаний, чувств и слов живых людей» (с. 24).

Авторы стремятся к «насыщенному описанию» локальной повседневности, при этом уподобляя коллективную память в локальных сообществах грибницам, в которых есть свои узелки, связи и «грибы» — святые (так, в Сосновском районе Тамбовской области авторы выделяют три «куста»/«грибницы» — локальных центра со своими почитаемыми объектами, вокруг которых сложилось сообщество верующих, с. 25, 34–40). Помимо ориентации на работы К. Гирца, авторы намеревались приложить к своему полемическому материалу подход П. Бурдьё «с поправками, предложенными Голофастом», используя понятие *габитуса* для изучения повседневных социальных практик, культурного обихода, анализа «локального контекста» (с. 25–26). В результате, как говорится во вступлении: «Наши описания кустов должны сложиться в общую картину местного христианского обихода, порождающего и поддерживающего практики почитания деревенских святынь» (с. 26).

Следует, однако, заметить, что и критикуемые здесь коллеги Ж. В. Кормина и С. А. Штырков едва ли возразят против подобных исследовательских принципов, являющихся скорее общим местом в современной антропологии религии. Отдельные же критические пассажи авторов рецензируемого сборника, не подкрепленные какими-то пояснениями и доводами, кажутся весьма странными. Так, они заявляют о неких «современных исследователях», приходящих «к еще более архаичным выводам в терминах популярной когнитивной теории, нередко сводящихся по сути к бихевиористскому поиску отношений “стимул-реакция” в разговоре о религиозной жизни» (с. 21). Упрекая «конструктивистов» в методологической предвзятости и фактически отказывая им в интересе к религиозному опыту и практикам (с. 22), авторы заявляют по поводу «перформативного подхода» в исследовании юродства (С. А. Иванов, А. М. Панченко), что «праведник не может участвовать в каком бы то ни было перформансе» (с. 22). Это весьма однобокий взгляд на юродство как сложное, многоаспектное религиозное и социальное явление (юродивые ориентирова-

ны только на Бога и не участвуют ни в каких социальных/публичных действиях), который вряд ли можно признать обоснованным и научным, — не говоря о том, что в представлениях авторов статус святого, видимо, автоматически расширяется на всех юродивых и юродствующих, о которых упоминают тексты Средневековья и Нового времени.

Проблемным выглядит и обращение авторов введения к концепции габитуса. Сперва они заявляют о своем несогласии с «популярной когнитивной теорией» (с. 21), с социальным конструктивизмом и «излишней социологизацией» (с. 25), а затем в поисках некоего «порождающего» принципа религиозных практик (с. 26) привлекают концепцию габитуса — близкий аналог объяснительных схем когнитивизма. При этом само понятие габитуса приравнивается к понятию *обиход* и, что характерно, больше не используется ни в одной из статей сборника.

Публикуемые работы посвящены довольно разным аспектам религиозной жизни. В статье **Е. В. Воронцовой** представлен «собирательный портрет» почитателей деревенских святынь. Было опрошено меньше 60 человек (точная цифра не приведена), «почти все» старше 60 лет, 70% женщин (среди мужчин большинство составляют клирики и «близкие к храмовой среде миряне»); 70% — коренные жители Тамбовской области (с. 45). На основе их рассказов автор делает вывод о том, что святые места (речь в статье идет о почитаемых источниках) респонденты посещали с детства, что в последние годы ходят на родники реже, в том числе из-за возраста, и что они с особым уважением/благоговением говорят о «старинных» предметах и временах в целом (при этом речь идет как о дореволюционных артефактах, так и о времени их детства и юности, т. е. середине — второй половине XX в.). «Портрет рядового почитателя деревенских святынь (...) это портрет человека, не утратившего связи с родными местами, воспитанного в духе православного обихода и считывавшего на протяжении всей жизни “символику” этого обихода, которой оказались размечены речь, жилище и окружающее наших респондентов пространство, своеобразными смысловыми центрами которого выступают деревенские святыни» (с. 51). Выводы, безусловно, логичны, но у читателя возникают предсказуемые вопросы о том, как встроены в эту картину более молодые местные жители; насколько реконструируемая картина мира определялась характером проводимых интервью и спецификой вопросов; наконец, насколько сами описанные установки универсальны для возрастной категории «людей за 60» (в сравнении с жителями других регионов, где в советские годы поддерживались традиции почитания святых мест).

Работа **И. А. Мельникова** посвящена роли священных книг и текстов в современных религиозных практиках как православных, признающих Русскую православную церковь жителей Тамбовской области, так и «истинно-православных христиан» (ИПХ). Автор отмечает особое уважение к старинным книгам в среде пожилых респондентов, представителей ИПХ — вполне предсказуемое и коррелирующее с аналогичным наблюдением Е. В. Воронцовой. Книги дореволюционной печати передаются в среде *читалок, монашек* (в определении автора — это «набожные женщины, выполняющие функцию духовного лица»), в том числе по наследству — ключевую роль здесь играет Псалтирь, задействованная в похоронно-поминальном цикле. Высоким авто-

ритетом обладают также рукописные сборники молитв. В них скрупулезно воспроизводятся элементы дореволюционных печатных зданий: указание типографии и формулы заздравного поминания «благоверного государя императора Николая Александровича» — эти элементы старой традиции воспринимаются как неотъемлемая часть авторитетного сакрального текста. Замечательно, что наблюдается и гиперсемиотизация дореволюционного шрифта: букву *ер* могут трактовать как «твердость к Богу» или «правосудие Божие», *i* десятиричное — как указание на богочеловеческую природу Христа, фиту — как символ Бога (с. 55–56). При этом в небогослужебных рукописных сборниках этот принцип не действует: при переписывании духовных стихов или поучений использование дореволюционной орфографии оказывается необязательным.

Статья **О. Ю. Лёвина** основана на анализе архивных материалов — речь идет о почитании святых источников в советские десятилетия и о борьбе власти с этими религиозными практиками. Картина, которую автор проследил на материалах Тамбовской области, характерна для многих регионов России. Архивные документы отмечают «необычайное религиозное оживление» после Гражданской войны, до начала 1930-х годов. Местные власти связывали это с двумя факторами: тяжелым положением крестьянства и активной деятельностью духовенства. Все больше людей стремились в паломничества к святым родникам — так, в 1924 г. к почитаемому с XVIII в. источнику в с. Дубовое «приходило более 1000 человек в день, а в праздничные дни до 10 000 человек» (в данном случае катализатором всплеска паломничеств стал рассказ пастуха, увидевшего над источником дым). Все это вызвало острую реакцию властей и волну борьбы с религиозными практиками (с. 68). Источники исследовали специальные комиссии, которые принимали решения об их «ликвидации», — срубы, часовни, кресты уничтожали, родники засыпали землей, рядом с бывшим источником выставляли милицейский пост; в газетах публиковали статьи, «разоблачающие» чудесные исцеления у святынь. Однако в это же время начали появляться новые почитаемые источники, в результате все принимаемые властями меры оказались не слишком эффективными. В 1930-е годы ситуация в стране радикально меняется: закрываются храмы и монастыри, проходят волны массовых репрессий. Несмотря на это паломничества продолжают, но уже, разумеется, не столь открыто и массово, как в 1920-е годы. Новый всплеск религиозных практик, связанных с родниками, приходится уже на послевоенное время, вторую половину 1940-х годов. Так, в 1948 г. «к источнику свт. Тихона у села Большой Ломовис Пичаевского района 29 июня собралось до 6000 человек» (с. 72). Коммунисты пытаются отстранить от этих практик Церковь — под давлением властей управляющему Тамбовской епархией епископу Иоасафу (Журманову) пришлось запретить духовенству проведение любых молебнов на источниках. Однако это совершенно не остановило паломников — собрания на святых источниках продолжались. Только к 1960-м годам, усиливая жесткое и адресное давление на верующих, местным властям удалось сократить паломничества и отчитаться перед вышестоящими органами о ликвидации многих родников.

Статьи второй части сборника выходят за географические (Тамбовская область) и предметные рамки (деревенские святыни), представленные как

основные в его вступительной части. Это позволило авторам глубже рассмотреть феномен деревенских святынь, исследуя их социальный контекст и обнаруживая параллели в других, нехристианских сообществах.

Две статьи — Ильи Мельникова и совместная статья Екатерины Мировой и Надежды Беляковой — посвящены фигурам религиозных лидеров в различных этноконфессиональных группах.

Илья Мельников на новгородских материалах исследует значение «старчиков», «блаженных» и «юродивых» в пространстве современного религиозного ландшафта, сельского и городского. Исследования проводились в Мошенском, Демянском, Поддорском, Новгородском, Шимском и Крестецком районах Новгородской области, а также в городах Великом Новгороде и Старой Руссе в 2017–2020 гг. Автор сосредотачивается на разных интерпретациях православного старчества представителями прихрамовой среды и «внешних» (в терминологии автора) людей. Почитание старцев, юродивых и пр. Мельников рассматривает как часть местного религиозного культа, основанного на «традиционной сельской культуре», «житийной традиции и современных паломнических практиках» (с. 85). В фокусе автора находятся и актуализировавшийся с 1990-х годов культ новгородских блаженных XIX в. (юродивой странницы Веры Молчальницы, прозорливой монашки Марии Михайловой, «мамочки» Марии Строгановой), и почитание старцев и юродивых XX в. (Мянюшки Старорусской, «старчика» Митеньки, блаженных Игнаши, Василия Барина и старицы Машеньки Хотольской). Число разбираемых примеров, как видим, достаточно велико, поэтому история и трансформация этих культов, в том числе в связи с местными сельскими святынями, описаны автором лишь в общих чертах — статья напоминает проект краткого справочного издания по биографиям новгородских старцев и юродивых. В последней части своей работы исследователь обращается к вопросу о взаимовлиянии житийного церковного канона и устных нарративов о блаженных в сельской традиции и приходит к выводу о том, что «в настоящее время культ старчиков и блаженных все более локализуется в прихрамовой среде» (с. 85), хотя почитание непризнанных святых может иметь место и среди «внешних людей» (паломников и других групп неместных жителей).

К недостаткам статьи можно отнести ее методологическую эклектичность и использование автором некоей популярной версии методологии М. Элиаде и Р. Отто, приводящее порой к сомнительным заключениям, к примеру: «Парадоксальное поведение блаженных иногда интерпретируется как нуминозное, не поддающееся рефлексии действие божества, вызывающее страх» (с. 78). Опаска, с которой местные жители относились к юродивому д. Калиты Демянского района, едва ли связана с нуминозным действием божества. Кроме того, в статье остается без пояснения применение ряда аналитических категорий, таких как «folk-группа» и «психологическое понятие экстернального». Именно через них дается описание прицерковного круга как некоего обособленного в «современном российском культурном пространстве» сообщества «со своим характерным языком и принципами коммуникации» (с. 77). Существование прицерковного круга как некоей единой в рамках страны социальной группы — необоснованная, на наш взгляд, генерализация.

Екатерина Миронова и **Надежда Белякова** реконструируют по полевым и архивным материалам феномен женского лидерства в тамбовской общине евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). Внимание исследовательниц сосредоточено на анализе женской религиозности в общине ЕХБ г. Рассказово, которой в два послевоенных десятилетия руководили женщины — Антонина Терехова и Анна Желтова. Характерные особенности женского пастырства описываются на фоне постоянного давления внешней среды, усилившегося в ходе разворачивания хрущевской антирелигиозной кампании. Источниками статьи стали собранные авторами материалы устной истории, данные архивного фонда уполномоченного Совета по делам религий по Тамбовской области, архивного фонда экспедиции А. И. Клибанова в Тамбовскую область и внутреннего архива Российского союза ЕХБ. Авторы дают общее емкое описание социального религиозного ландшафта на момент начала хрущевской антирелигиозной кампании в Тамбовской области, а затем переходят к описанию биографических портретов и судьбы руководительниц общины — как со слов их родственников и соратников по церкви, так и по документам советских антирелигиозных работников. Уже в 1950-е годы возможность участия женщин в высшем руководстве церковью признавалась на высшем уровне Союза ЕХБ. Эмная терминология в отношении к женщинам-диаконисам (*старицы*) складывается здесь, по мнению авторов, благодаря заимствованию из православной религиозной среды. Доминирование женщин оставалось характерной чертой сельских общин ЕХБ до 1970-х годов, потому женская религиозность особенно «тревожила чиновников, ответственных за введение религиозной жизни в рамки «законодательства о культах», и женский «фанатизм» был в фокусе внимания хрущевской антирелигиозной кампании» (с. 115–116). Однако ко второй половине 1970-х годов в евангельском сообществе СССР происходит «постепенная трансформация представлений о служениях и формировании нормативов о гендерно-детерминированных ролях и допустимых формах служения» (с. 117). В этом процессе трансформации лидерства находится место и драматическим эпизодам, например, доносу со стороны служителя-мужчины на женщину-старницу, уличенную в якобы антисоветской деятельности. В среде общин ЕХБ их же руководством запускается «репрессивный механизм государственной системы в отношении единоверцев» (с. 118). «Невидение» женского лидерства в первые послевоенные десятилетия в общинах ЕХБ, по мнению авторов, «не является случайным белым пятном, а представляет собой гораздо более глубокий и многомерный процесс, прошедший деформацию на протяжении нескольких десятилетий» (с. 117).

Эрик Сеитов в своей статье рассматривает вариативность почитаемых святых мест, а также паломнических практик на примере постсоветской Центральной Азии. Автор дает исторический обзор этнографических и религиоведческих исследований народных святынь региона, справедливо заявляя о сложности типологий «в таком обширном явлении, как святые места, как в рамках одного региона, так и в рамках ислама в целом» (с. 89). Местные мусульманские сообщества унаследовали многие религиозные практики зороастризма, манихейства, буддизма, христианства и шаманизма. Вместе с тем к паломническим практикам и почитанию святых «сложилось неоднозначное отношение со стороны верующих, что связано в первую очередь с неоднород-

ностью самого ислама» (с. 90). Богословы разных школ (*мазхабов*) могут очень по-разному относиться к святым местам и связанным с ними практикам. Интересно, что подозрительное или неоднозначное отношение к почитаемым местам со стороны религиозных и светских властей было характерно и для дореволюционного периода, и для советской эпохи. С паломническими локусами и практиками в разное время боролись как с «центрами антиправительственной и антирусской пропаганды», с «доисламскими пережитками» и с «неисламскими обычаями» (с. 91). В статье приводится широкий набор эмных наименований святых мест, святых, явлений, «сил» и связанных с ними свойств (*барака/баракат/берекет* 'благодать', *вилайа* 'святость'), способностей и действий (*мушахадат аль-хакк* 'лицезрение Бога', *карамат авлия* 'действие сверхъестественного характера' и др.). Автор предлагает следующую типологию мусульманских святых мест: 1) места, связанные с библейскими пророками, 2) места, связанные с деятелями раннего ислама, 3) места, связанные с известными как в регионе, так и за его пределами суфиями, 4) места, связанные с гендерной дифференциацией («мужские» или «женские» объекты), 5) места, связанные с алидской и шиитской агиографией, 6) места, связанные с правителями и выдающимися личностями, 8) популярные в прошлом святые места, 9) «локальные святые места» (т. е., насколько можно понять из контекста статьи, святыни не широкоизвестные, значимые для местных жителей или путников) (с. 96). Как и в христианстве, последний тип наиболее вариативен: это могут быть и места захоронения (первая могила на кладбище, могила выдающегося местного деятеля, представителя местного духовенства и пр.), и природные объекты (горы, деревья, камни, водные источники) и «безымянные» святые места (дорожные жертвенники из камней на горных перевалах и опасных участках пути). Наконец, автор коротко характеризует типы и функции «смотрителей» святых мест. Они могут быть связаны со святыми людьми (быть их родственниками и потомками), действовать по личному обету или назначаться официальным духовенством. В заключении дается перечень туристических, паломнических, магических и поминальных практик на святых местах.

Исследование **Марии Ерохиной** и **Аркадия Тарасова** посвящено легенде о возникновении почитаемой рукотворной меловой пещеры на Среднем Дону (урочище Большие Дивы, Лискинский район Воронежской области). Пещера стала известна в 1831 г. после обретения здесь чудотворной Сицилийской иконы, принесенной, согласно широко распространенному в разных версиях преданию, монахами Ксенофонтом и Иоасафом. Однако в 2019 г. авторами статьи было записано предание, согласно которому создателями пещеры являются двенадцать братьев. Других упоминаний или версий этого предания выявить не удалось, и исследователи сосредоточились на компаративном анализе единственного записанного текста. Они попытались интерпретировать некоторые мотивы этого предания, в первую очередь мотив о двенадцати братьях-создателях, привлекая для этого широкие аналогии из христианской традиции (богословия, литургики, агиографии), славянской мифологии и фольклора. По мнению авторов, мотивы, которые легли в основу предания, архетипичны, так как число 12 значимо и для христианской, и для народной славянской традиции. Наиболее убедительной кажется параллель со сказочным и заговорным мотивом, где двенадцать молодцев совершают общее дело. Легендарные нар-

ративы о погребении братьев в пещере рассматриваются на стыке фольклорной традиции и традиции Киево-Печерского монастыря, образ которого имел огромное значение для пещерокопателей Среднего Дона. При этом авторы отмечают, что влияние на бытование этого предания могла оказать и подлинная практика создания таких святынь в данной местности (с. 130).

В статье **Ксении Сергазиной** отражены история и современное состояние религиозных практик, связанных с источником в д. Костыши (бывшее с. Никольское-Желтухино) Щелковского района Московской области. Материалом статьи стали результаты включенного наблюдения практик, связанных с почитанием святого источника и Страстной иконы Божией Матери (в настоящее время хранится в церкви села Маврино того же района), а также интервью, проведенные в 2005–2020 гг. в Маврине, Костышах и в соседнем поселке Фряново. Практики почитания источника и явленной на нем Страстной иконы Божией Матери исторически были привязаны в Костышах к местному престольному празднику — Одиннадцатой пятнице по Пасхе. После революции село Костыши стало деревней, и икону перенесли в с. Маврино, однако связь иконы с источником на уровне меморатов и некоторых религиозных практик сохранялась. В статье подробно описаны исторический контекст миграции престольного праздника Костышей в с. Маврино, а также сохраняющееся в Костышах почитание источника. Затем автор обращается к нарративам об обретении Страстной иконы «в ветвях огромного дерева, стоявшего в лесу у источника, неподалеку от деревни Костыши» во время эпидемии холеры в начале XVIII в. (с. 136). Их важным элементом является мотив странствующей/возвращающейся иконы. Другие мемораты свидетельствуют о дореволюционной традиции крестных ходов со Страстной иконой из Маврина к «колодчику» в Костышах с заходом в близлежащие Головино и Фряново (практика была связана с почитанием иконы как чудотворной, исцелявшей людей во время эпидемии). Традиция приносить в Костыши иконы из мавринской церкви прервалась, по мнению исследовательницы, в 1927 г. в связи с запретом на вынос из церкви предметов культа (с. 138). В настоящее время паломники приезжают из с. Маврино к костышинскому источнику на автобусах два раза в год, в праздники Страстной иконы Божией Матери, а крестный ход с иконами проходит только вокруг церкви в Маврине и заканчивается обрядом пролезания под Страстной иконой, которую ставит при входе в храм (с. 138). Деревенский престольный праздник в Костышах уже не отмечается: почитание икон, водосвятие, традиционная трапеза, приуроченная к празднованию престола, перенесены теперь из деревни в ограду сельского храма (с. 139).

Наконец, отдельно хочется поговорить о статье **Л. П. Горюшкиной**, чьи работы тесно сближаются с нашим проектом исследования советских икон. В центре ее внимания оказались мастера-образовники Сосновского района Тамбовской области — их социальный портрет и отношение к промыслу мастеров и их заказчиков. Автор отмечает, что иконы-«фолежки» (украшенные фольгой, имитирующей драгоценные оклады храмовых икон) распространились в середине XIX в., а иконы-киотки появились в слободе Борисовска Курской губернии (сейчас пос. Борисовка Белгородской области) после 1861 г. (с. 60). Первоначально обряжением икон занимались монахини Тихвинского монастыря Курской губернии, однако постепенно в слободе развился и крестьянский иконный промысел.

Сразу нужно отметить, что изготовлением икон-киоток занимались не только в Борисовке, но и в Вязниковском уезде Владимирской губернии (с центрами в селах Холуй, Мстёра и Палех) — крупнейшем в Российской империи центре производства дешевых фолежных икон. Согласно данным мстёрского литографа-промышленника и этнографа И. А. Гольшера, иконный промысел распространился здесь с 1840-х годов [Гольшев 1871; Доронин 2022]. При этом киоты для икон изготавливали и севернее, например, по свидетельству И. А. Гольшера, в начале 1870-х их создавали в с. Пурех и в соседних с ним промысловых плотницких деревнях нижегородского северо-запада и Макарьевского уезда Костромской губернии [Гольшев 1871; Леонтьев 1903].

Известно, что борисовская фольга зачастую отличалась более высоким качеством, а иконы борисовских мастеров имели свои яркие стилистические особенности. Однако в Вязниковском районе во второй половине XIX в. производство киоток, украшенных фольгой, стало массовым доходным промыслом, а размах производства и география распространения были впечатляющими и превосходили борисовские. Первое капитализированное фольгопрокатное для икон заведение в Мстёре с паровой машиной, паровым котлом, керосинным освещением открылось в 1885 г., к 1911 г. здесь зарегистрировано 58 предприятий, занятых в производстве икон [Борисов 2003]. Вязниковские фолежные иконы распространялись офенями вплоть до отдаленных концов империи, включая Сибирь, Польшу и Кавказ, а также за ее пределы — в страны Восточной и Северной Европы, на Балканы [Баранов 2017; Гольшев 1865: 77–78; Дубровский, Дубровский 2008]. В 1870-е годы только мастера села Холуй выдвигали в год до 200 тыс. фолежных молельных образов [Пантюхов 2007] — в сравнении с 97,5 тыс. икон, обряжаемых крестьянами слободы Борисовки в 1885 г. (с. 60).

В советские десятилетия исчез массовый рынок сбыта икон. Создание икон продолжалось в 1920-е годы и прекратилось только в 1930-е, с волной сталинских репрессий, направленных против Церкви и людей, так или иначе связанных с церковной инфраструктурой [Баранов 2017; Захаров, Скипетров 1929]. Число мастеров резко сократилось. Оставшиеся начали работать на заказ, обслуживая зачастую круги ближайших родственников и односельчан. Новый расцвет иконного дела среди кустарей-образовников пришел уже на послевоенные годы [Антонов, Доронин 2022а; 2022b; Доронин 2022].

В статье Горюшкиной приводятся сведения о более чем 10 мастерах-образовниках, которые работали в советские годы в Сосновке, Новой Слободе, Подлесном, Атмановом Углу, Правых Ламках, Третьих Левых Ламках, Мамонтове и Лизуновке Тамбовской области. При этом украшением икон «чаще занимались женщины, в большинстве своем незамужние: монахини, отказавшиеся от замужества девицы, редко — вдовы; однако встречались и мастера-мужчины». Работа образовников советского времени стала штучной (с. 61). Многие мастера не признавали официальную Церковь, объясняя это тем, что «там коммунисты сидят» или «красные попы» (с. 64). Образовники зачастую не только изготавливали иконы и свечи, но и выполняли функции религиозных специалистов — крестили детей, освящали дома и т. п. Иконное ремесло, как и для мастеров дореволюционной эпохи, стало для них источником дохода. Автор сообщает, что этот промысел распространился и среди представителей ИПХ, в том числе в группах так называемых молчальников (с. 66).

Интервью с людьми, которые продолжили создание икон в постсоветский период, показало, что они, в отличие от образовников советской эпохи, не являются религиозными специалистами и не считают себя учениками старых мастеров, даже если знали их при жизни. Преемственности не возникло — современные мастера учились украшать иконы самостоятельно, начиная, как правило, с починки старых домашних фолежных икон. Они получают небольшие деньги от заказчиков, но для храмов могут работать бесплатно. В их труде сочетаются элементы промысла и «проявление личного благочестия» (с. 66). Таким образом, социальный портрет образовника в постсоветский период изменился, как это произошло и в первые десятилетия советской власти.

Картина, обрисованная в статье, перекликается с нашими экспедиционными материалами. И в центральных (Московской, Владимирской, Нижегородской и др.), и в южных (Воронежской, Липецкой и пр.) областях сегодня встречаются как единичные мастера, унаследовавшие традицию, так и те, кто осваивал ремесло самостоятельно, без малейшей школы. И хотя создание фолежных икон практически повсеместно стало неактуальным, редкие заказы случаются, и некоторые мастера еще до недавнего времени создавали единичные киотки, вспоминая прежние годы, когда эта практика была для них привычной.

Однако, несмотря на всю схожесть икон советской эпохи и тех, которые создают современные мастера, мы имеем дело с разными явлениями. Практически все религиозные артефакты, которые изготовлялись в дореволюционной России, в СССР и в постсоветской России, отличаются по множеству параметров — и социальных, и материальных. Фолежные иконы изготовляют сегодня уже в совершенно новых условиях. Специфические материалы, из которых они создавались в советские годы (фольга от чайных и папиросных пачек, фольга с молокозаводов, советские газеты, пионерские галстуки и т. п.), ушли в прошлое. Способы получения и распространения материалов стали простыми и легальными. Исчезли все советские теневые сети взаимодействия с участием многих акторов («несунов», которые снабжали мастеров фольгой с заводов, псевдоглухонемых распространителей печатных иконок, работников фотоателье, тиражировавших и раскрашивавших иконки и т. п.). Неудивительно, что мастера, которые начинали изготовлять киотки в 1970-е или 1980-е годы, если не закончили работать в 2000–2010-е годы, сильно изменили и материалы, и многие принципы своего ремесла.

Еще более далеки от советских икон современные киотки, которые создают в последние десятилетия не сельские кустари, а городские мастера на предприятиях или заключенные в колониях. И технология производства, и используемые материалы, и тип мастеров, и способы распространения артефактов весьма далеки от тех, что были характерны для советских сел. Отличить такие иконы от советских достаточно легко благодаря высокому качеству фольги, киота и стекла, новому типу моленного образа (печатная софринская иконка), отсутствию кустарных рукодельных элементов и орнаментов. Именно поэтому мы настаиваем на введенном нами термине *советская икона*. Речь идет о специфическом типе религиозных артефактов, создававшихся в эпоху гонений, тотального дефицита материалов, отсутствия официального рынка сбыта и легальных каналов распространения как моленных образов, так и готовых икон-киоток. Хотя многие советские иконы копировали дореволюцион-

ные фолежные киотки (как те, в свою очередь, копировали храмовые образы, украшенные металлическим окладом), и в материальном, и в социальном плане они стали уникальным и самобытным явлением.

Создание советских икон прекратилось не внезапно, с прекращением жесткого давления на Церковь в 1988 г. или с падением СССР в 1991 г. Однако оно безусловно исчезло как живое явление — постепенно, в конце 1980-х — начале 1990-х годов, с изменением социальных и материальных реалий на постсоветском пространстве. Все это актуализирует изучение советских икон как уникального феномена эпохи. Работы Л. П. Горюшкиной, безусловно, вносят свой важный вклад в это перспективное исследовательское направление.

Источники

- Гольшнев 1865 — Боговяленская слобода Мстера. История, древности, статистика и этнография / Сост. И. А. Гольшнев // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. 4. Владимир: Губерн. тип., 1865. С. 1–141. (В содерж.: Слобода Мстера, вязниковского уезда: история ея, древности, статистика и этнография).
- Гольшнев 1871 — *Гольшнев И. А.* Производство фольговых икон в сл. Мстере // Владимирские губернские ведомости. 1871. № 47. С. 1–4.
- Захаров, Скипетров 1929 — *Захаров М. А., Скипетров А. М.* Кустарные промыслы пос. Мстера в их прошлом и настоящем // Мстерский край: Сб. краевед. материалов / [Сост. И. Захаров и др.]. Владимир: Влад. губ. науч. о-во по изучению местного края, 1929. С. 61–64.
- Леонтьев 1903 — *Леонтьев П. Ф.* Иконопись // Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Т. 4: Вязниковский уезд. Вып. 3: Промыслы крестьянского населения. Владимир: Типо-лит. губ. зем. управы, 1903. С. 25–42.
- Пантюхов 2007 — *Пантюхов И.* Селение Холуй [сокращ. републ. изд. 1877 г.] // Пожарский юбилейный альманах. Вып. 3: К 460-летию первого письменного упоминания села Холуй / Ред.-сост. А. Е. Лихачёв. Иваново: Талка, 2007. С. 82–100.

Литература

- Антонов 2020 — *Антонов Д. И.* Иконы и мощевики: об актуальных тенденциях конструирования храмового пространства в современной России // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2020. № 3. С. 102–114.
- Антонов 2021 — *Антонов Д. И.* Апроприация силы: незримое «тело» святыни в христианских традициях // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3 (39). С. 7–25.
- Антонов, Доронин 2021 — *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Отпечаток на стекле: контактные реликвии на постсоветском пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. № 3 (39). С. 209–243.
- Антонов, Доронин 2022a — *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советская икона: от рождения до «похорон» // Живая старина. 2022. № 1. С. 29–33.
- Антонов, Доронин 2022b — *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Иконы советской эпохи: лики традиции. М.: Индрик, 2022.
- Антонов, Доронин 2023 — *Антонов Д. И., Доронин Д. Ю.* Советские иконы: история и этнография нижегородской традиции. М.: Индрик, 2023.
- Антонов, Тюнина 2022 — *Антонов Д. И., Тюнина С. М.* Постсоветская судьба «советских икон» // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. С. 94–109.

- Баранов 2017 — Баранов В. В. Мстёра. Развитие иконного дела в Мстёре // Православная энциклопедия. Т. 47 / [Под ред. Патриарха Моск. и всея Руси Кирилла]. М.: Церковно-науч. центр «Православная Энциклопедия», 2017. С. 540–549.
- Борисов 2003 — Борисов В. В. Промышленные и торговые заведения слободы Мстёры в 1911 году // История населенных мест Владимирской области: Материалы обл. краевед. конф., Владимир, 19 апреля 2002 г. / [Сост. В. Г. Толкунова]. Владимир: [б. и.], 2003. С. 540–549.
- Доронин 2022 — Доронин Д. Ю. Советская икона нижегородского юго-запада: генезис и локальные традиции // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 4. С. 70–93.
- Дубровский, Дубровский 2008 — Дубровский П. С., Дубровский С. П. Офени-иконщики во Владимирской губернии // Рождественский сборник. Вып. 15: Материалы конф. «Российская провинция: история, традиции, современность», 10–11 января 2008 г. / [Сост. И. Н. Зудина, О. А. Монахова]. Ковров: Маштекс, 2008. С. 104–109.

References

- Antonov, D. I. (2020). Ikony i moshcheviki: ob aktual'nykh tendentsiakh konstruirovaniia khramovogo prostranstva v sovremennoi Rossii [Icons and reliquaries: on current trends in the construction of church space in modern Russia]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2020(3), 102–114. (In Russian).
- Antonov, D. I. (2021). Apropritsiia sily: nezrimoe "telo" sviatyni v khristianskikh traditsiakh [Appropriation of virtue: The invisible 'body' of holy objects in Christian traditions]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2021(3), 7–25. (In Russian).
- Antonov, D. I., & Doronin, D. Yu. (2021). Otpechatok na stekle: kontaktnye relikvii na post-sovetskom prostranstve [Imprint on glass: Contact relics in post-Soviet countries]. *Gosudarstvo, religii, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2021(3), 209–243. (In Russian).
- Antonov, D. I., & Doronin, D. Yu. (2022a). Sovetskaia ikona: ot rozhdeniia do "pokhoron" [The Soviet icon: From birth to "funeral"]. *Zhivaia starina*, 2022(1), 29–33. (In Russian).
- Antonov, D. I., & Doronin, D. Yu. (2022b). *Ikony sovetskoi epokhi: liki traditsii* [Icons of the Soviet era: Faces of tradition]. Indrik. (In Russian).
- Antonov, D. I., & Doronin, D. Yu. (2023). *Sovetskie ikony: etnografiia nizhegorodskoi traditsii* [Soviet icons: History and ethnography of the Nizhny Novgorod region's tradition]. Indrik. (In Russian).
- Antonov, D. I., & Tyunina, S. M. (2022). Postsovetskaia sud'ba "sovetskikh ikon" [The post-Soviet fate of "Soviet icons"]. *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2022(4), 94–109. (In Russian).
- Baranov, V. V. (2017). Mstera. Razvitie ikonного дела в Мстере [Mstyora. The development of icon art in Mstyora]. In Cyril, Patriarch of Moscow and All Russia of (Ed.). *Pravoslavnaia Entsiklopediia* (Vol. 47, pp. 540–549). Tserkovno-nauchnyi tsentr "Pravoslavnaia Entsiklopediia". (In Russian).
- Borisov, V. V. (2003). Promyshlennye i torgovyie zavedeniia slobody Mstery v 1911 godu [Industrial and commercial establishments of the settlement of Mstyora in 1911]. In V. G. Tolkunova (Ed.). *Istoriia naseleennykh mest Vladimirskoi oblasti: Materialy oblastnoi kraevedcheskoi konferentsii. Vladimir, 19 apreliia 2002 g.* (pp. 540–549) (n. p.). (In Russian).
- Doronin, D. Yu. (2022). Sovetskaia ikona nizhegorodskogo iugo-zapada: genезis i lokal'nye traditsii [Soviet icons of the Nizhny Novgorod Southwest: Genesis and local traditions] *Vestnik RGGU, Ser. Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia*, 2022(4), 70–93. (In Russian).
- Dubrovskii, P. S., & Dubrovskii, S. P. (2008). Ofeni-ikonshchiki vo Vladimirskoi gubernii ["Ofeni-icon-makers in the Vladimir province"]. In O. A. Monyakova, & I. N. Zudina (Eds.). *Rozhdestvenskii sbornik, Vol. 15, Materialy konferentsii "Rossiiskaia provintsii: istoriia, traditsii, sovremennost' , 10–11 ianvaria 2008 g.* (pp. 104–109). Mashteks. (In Russian).

* * *

Информация об авторах

Information about the authors

Дмитрий Игоревич Антонов

*доктор исторических наук
профессор, кафедры истории и теории
культуры, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-27
директор, Центр визуальных
исследований Средневековья и Нового
времени, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-28
старший научный сотрудник,
Лаборатория теоретической
фольклористики, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ antonov-dmitriy@list.ru*

Дмитрий Юрьевич Доронин

*научный сотрудник, Центр визуальных
исследований Средневековья и Нового
времени, Российский государственный
гуманитарный университет
Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6
Тел.: +7 (495) 250-68-28
научный сотрудник, Лаборатория
теоретической фольклористики, Школа
актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ demetra2@mail.ru*

Dmitry I. Antonov

*Dr. Sci. (History)
Professor, Chair of History and Theory
of Culture, Russian State University
for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miuskaya Sq., 6
Tel.: +7 (459) 250-68-27
Director, Center for Visual Studies
of the Medieval and Early Modern Culture,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miuskaya Sq., 6
Tel.: +7 (459) 250-68-28
Senior Researcher, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ antonov-dmitriy@list.ru*

Dmitry Yu. Doronin

*Researcher, Center for Visual Studies
of the Medieval and Early Modern Culture,
Russian State University for the Humanities
Russia, 125993, Moscow, Miuskaya Sq., 6
Tel.: +7 (459) 250-68-28
Researcher, Center for Theoretical
Folklore Studies, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Verнадского, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ demetra2@mail.ru*

Научный журнал
Academic journal

Шаги / Steps
Shagi / Steps

Т. 9. № 1. 2023

Основан в мае 2015 г.

ISSN 2412-9410

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77–61736 от 07.05.2015,
выдано Роскомнадзором

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Подписано в печать 15.03.2023

Формат 70×100/16

Объем 23,5 а. л.

Тираж 500 экз. (1-й завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС